

ФІЛОЛОГІЯ

УДК 82.09

ІМЯ КАК МИР: ПОВЕСТЬ Н.В.ГОГОЛЯ «ВІЙ»

O.A.Kравченко

В «миргородському» циклі «Вій» привлекає увагу не стільки змістом повести, скільки її назвою. Якщо в інших трьох повестях назва «представляє» головних героїв, то тут ми знаходимся перед проблемою, о якій в своє время писав А. Терц: «Почему – «Вій»? ... То єсть – почему довольно объемистое и совсем не ему, не Вию, посвященное сочинение, повествующее о живом мертвце, о превращениях панночки и об убившем ее Хоме Бруте, названо по имени какого-то отдаленного, малопонятного гнома, мелькнувшего эпизодически лишь в самом конце, под занавес, и не связанного текстуально с главным содержанием вещи [1, с.300]. Ми попробуємо дати свою аргументацію названня повести.

І. В імені задано композиційне кільце проізведення, настраююче на адекватне естетичне розкриття смысла. Сноска, не розясняюча з точки зору А. Терца названня, несе, на нашу думку, функцію більше важливу, ніж розяснення. «Вій є колосальне створення простонародного воображення... Вся ця повесть є народне предання» [2, с. 153]*. Тут не просто вказано походження образа, але його поетичний генезис, т.е. задан масштаб, в якому Вій конгениален «простонародному воображенню». Другими словами, Вій вбирає в себе творческу логіку воображення малоросіян. «Колосальне створення» предопределяє і колосальну творческу моць, яка осознається розповідачем, передаючим подію без змін, підкреслюючи таким чином авторитет «предання».

В заданій перспективі Вій перестає бути образом серед образів, «начальніком гномів», «третєступенним епізодичним іменем», але являється воплощенням поетических закономірностей. Вій-«створення» – не образ, а мироустроюча сила, некий поетичний шифр художнього світу повести. І тоді все проісходяче – не стільки пред-чувство і пред-ожидання Вія, скільки ізначальна явленість його, незриме присутство, предопределяюче ход подій і їх розвиток. При цьому, як ни парадоксально, зриме оформлення в фіналі дає лише неадекватне представлення Абсолюта народної фантазії. Це – редуктування до зовнішнього обличка того, що невыразимо, непредставимо і непредставляемо. Тут нам відкривається та проблематика, яка, в частності, Гегелем осмыслилася як підвищено: «Возвищеннє предполагає таку самостоятельність смысла, по сравнению с которой внешнее должно представляться лишь чем-то подчиненным, поскольку внутреннее не существует в нем, а далеко выходит за его пределы, так что выхождение и существование внутреннего за пределами внешнего и ничто другое, становится предметом изображения» [3, с.83]. Вій в повести – це, скоріше, інтуїтивне схватування мистических пульсаций, а не чувственное представление. Його зовнішнє явлення – лише намек на «далеко виходящі» внутренні смыслы.

* Гоголь Н.В. Собр. соч. в 6т., М., 1952. – Т. 2. В дальнейшем цитаты из повестей «Миргорода» приводятся по этому изданию с указанием страницы скобках.

Итак, названием задано имя, собирающее в себе смысловые узлы повести. Имя – «это уже не просто объектное существование, но смысловое существование». Именем утверждена онтология как «первоцелостная картина и в этом уже качестве концепция мира» [4, с.122-123]. Таким образом, все совершающееся – реализация присутствия Вия, и более того – все мирообразующие характеристики – это тоже Вий, заданная им закономерность существования. Название – свернутый в ядро протофеномен, разворачивающийся в finale призывом «Приведите Вия!». Оно не просто презентирует образ, а несет в себе энергию перформативного высказывания. Самим актом прочтения названия читатель подпадает под действие поэтической логики малороссийского предания, под указующий железный перст. Отметим, что подобное «железное» воздействие на душу ощущал Гоголь и в малороссийских песнях: «... каждое слово этой яркой речи проходит душу. Взвизги ее иногда так похожи на крик сердца, что оно вдруг и внезапно вздрагивает, как будто бы коснулось к нему острое железо» [5, с.272].

Важно подчеркнуть, что помимо генерируемых этим именем коннотаций: Вий – вия – видеть – виться – безусловно важных для текстологического «прорастания» смысла, принципиальное значение имеет глубинный внутренний конфликт, внутреннее напряжения не столько сюжета (в смысле нагнетания страха и гибели из-за страха), сколько потребности мира в утверждении себя через испытание, «оборение» равнодостойной силы. В тотальности мира Вия (или мира как Вия) есть нечто принципиально чуждое, способное противостоять страху и онемению. Эта сила – слово. Конфликт разворачивается не между Хомою Брутом и панночкой-ведьмой, но – посредством них – между хтоническими силами зла и словом. Именно оно испытывается в Хоме и через Хому. Предсмертная просьба панночки: «...привези бурсака Хому Брута» («просвещивающая» приказом привести Вия) выражает равную потребность в воскрешающем слове и в мщении. Молитва и крестящий воздух гроб под куполом почерневшей церкви – одна из сильнейших антиномий «Вия» – художественное воссоздание единства добра и зла, предшествующее последующему их разделению. Исток этого единства – в Гоголе как субъекте поэтического бытия*. Это его поэтическим усилием возрождается предание и утверждается слово в его подлинности, не-«гнилости».

Нам представляется, что транспаративная антиномичность повести (выступающая наиболее наглядно и в образе ведьмы-красавицы-мертвеца, и в Хоме, носящем простонародное имя, оттененное историей цезаря и апостола) предстает как фундаментальная поэтическая закономерность оборотничества и обрачивания. При этом центральную антиномию образуют автор и герой, Гоголь и Вий, «природа творящая» и «природа сотворенная». Описанная Бахтиным ситуация, когда «герой завладевает автором» дана в «Вие» во всей своей онтологической напряженности. «Герой» самим своим неощутимым присутствием наделен колоссальной мощью, идущей из недр национального сознания, из хтонических глубин бытия. «Одоление» его означало бы переход к новому состоянию мира. Возможно, здесь прав А.Терц, говоря, что «если бы Гоголь мог, он вместо многословного, растянутого повествования произнес бы только одно миризидительное имя, с тем, чтобы в мановение ока восстановить истину в жизни» [1, с.291]. При этом, в «миргородском» цикле повестей «Вий» открывает истину не столько «в жизни», сколько в самой той земле, на которой стоит и Миргород, и Киев, и хутор сотника вместе с другими «весями и городами». Фрагмент повести «Пленник», вошедший в «Арабески» и во многом «прорисовывающей» контуры «Вия», проясняет видение Гоголем тех сил, для заклятия которых он и искал «миризидительное имя»: «Есть что-то могильно-страшное во внутренности земли. Там царствует в оцепенелом величии смерть, распустившая свои когтистые члены под всеми цветущими весями и

* В данной статье мы опираемся на концепцию автора как субъекта поэтического бытия, развитую в работах профессора В.В.Федорова.

городами, под всем веселящимся, живущим миром. Но если эта дышущая смертью внутренность земли населена еще живущими, теми адскими гномами, которых один уже вид наводит содрогание, тогда она еще ужаснее» [5, с.305]. Эта темная адская сила земли, которая – не рождающая и кормящая «матушка», но – когтистая смерть, эта страшная двойственность цветущих городов и ужасных гномов, никем не замеченная природа «племени пляшущегося и веселящегося» – и была той силой, которую Гоголь актуализировал в «Вие», и которой не смог противостоять*.

Потребность «восстановления истины» как внутренняя необходимость Гоголя-автора становится более четко проявленной при сопоставлении «могильно-страшных» «внутренностей земли» с образом торжественно-одухотворенного величия подземных глубин в «Мыслях о географии» (1831г.): «Не мешало бы коснуться слегка подземной географии. Мне кажется, нет предмета более поэтического, как она... Тут все явления и факты дышат исполинскою колоссальностью. Здесь встречаются целые массы. Тут на всем отпечаток величественных потрясений земли; душа сильнее чувствует великие дела творца... Тут лежит в глубоком уединении раковина и уже превращается в мрамор» [5, с.281]. Гоголь с равной убедительностью развертывает ситуацию и в сакральную, и в инфернальную стихии подземных глубин. На наш взгляд, равнодостойность точек зрения на один и тот же предмет формирует аналогию конфликту повести: воссторг перед величием Творца оборачивается содроганием от картины прорастающего смертью цветущего мира. Важно видеть здесь единый образ, каждый атом которого равно принадлежит и жизни и смерти. У Гоголя – не жесткое противостояние сплошных сфер, а ощущение внутренней границы в любом элементе. Смысл противопоставления – не в отрицании одного и утверждении таким образом другого, но в напряженном сосуществовании полюсов, в антиномичности как проявлении единства и борьбы мировых сил. «Восстановление истины» в этом случае не должно пониматься как утверждение добра путем победы над злом, но, в последнем пределе – путем преодоления самого противостояния, как поиск ситуации вне антиномии.

В свете антиномичности как поэтической архитектоники «Вия» выстраиваются своеобразные полюса, существование которых важно учитывать в анализе. Это – с одной стороны – Гоголь как субъект словесного существования и противостоящий ему мир предания как мир Вия. Другая оппозиция: «образы слова» и «образы Вия», при том, что в данном случае под «образами» мы понимаем не столько конкретную предметность, сколько сферу и логику проявления. Такая установка позволит преодолеть традиционное прочтение повести в ключе пространственных противопоставлений сакрального и профанного миров. Важно понять, что здесь не два пограничных мира, но единый мир, движимый к разрешению собственного конфликта.

Закономерности этого мира мы проанализируем в ряде его аспектов.

II. Традиционные описания пространственных особенностей повести упускают главную, на наш взгляд, предпосылку – это закономерности поэтического мира, которые, будучи таковыми, не могут восприниматься как странные, фантастические на фоне привычных пространственных представлений, но – как единственно возможные. И потому полеты в «Вие» не только, как пишет Ю.М.Лотман, «концентрируют все представления Гоголя о космическом, всесторонне разомкнутом пространстве, которое развернуто вширь и ввысь» [7, с.280], но также дают представление о полете как о «норме» движения, делая

* Текстологически родственной параллелью оказывается отмеченный Ю.В.Манном фрагмент из «Дон Жуана» Гофмана: «...я увидел как из непроглядной тьмы огненные демоны протягивают раскаленные когти, чтобы схватить беспечных людей, которые весело отплясывают на тонкой оболочке, прикрывающей бездонную пропасть. Моему духовному взору представилось столкновение человека с неведомыми, злокозненными силами, которые его окружают, готовя ему погибель». [Цит. по: 6, с. 374]

закономерным и полет ведьмы в гробу (хотя и совершается он не в «разомкнутом», а в замкнутом пространстве), и такую несуразность хуторского художника, как «лошадь, стоявшую вверх ногами». Попытаемся, исходя из данной нормы, объяснить поэтическую же «нормальность» лошади и проявленные в ней бытийные закономерности.

Когда философ измерил страшную крутизну горы «и вспомнил вчерашнее путешествие, то решил, что или у пана были слишком умные лошади, или у козаков крепкие головы, когда и в хмельном чаду умели не полететь вверх ногами вместе с неизмеримой брикой и багажом» (170). Вариант «крепких казацких голов» здесь мало вероятен. Вспомним «манипулирование» ими во время предшествовавшей пирушки, когда «утешитель» то спускал «свою голову на стол, потому что совершенно был не в силах держать ее более на плечах», то поднимал «свою голову». Создается впечатление, что голова была каким-то отдельным тяжелым предметом, который то поднимали, то опускали. Это впечатление усиливается фразой: «Философ Хома, увидя такое расположение голов, решился воспользоваться и улизнуть». Здесь – не устойчивое выражение «расположение умов», – но «нормальное» для мира «Вия» «расположение голов», как будто бы это были арбузы и дыни на опустошаемых бурой огородах. Подобное квазиметонимическое соотнесение наблюдаем в «Тарасе Бульбе»: «...и тут понеслись вопросы: «А что Касьян? Что Бородавка? Что Колопер? Что Пидсышок?» И слышал только в ответ Тарас Бульба,что Пидсышкова голова посолена в бочке и отправлена в самый Царьград» (52). Т.е. если возможность существования и собственной истории головы вне тела в «Тарасе Бульбе» дана как следствие жестокой воинской изощренности, то в «Вие» это такая иноформа телесности, которая обладает признаком нормы*.

Итак, в «хмельном чаду» головы обретают свойства предметности, и никак не гарантируют контроль над действиями козаков во время опасного спуска, равно как и возможность «не полететь вверх ногами». Если таким образом подтверждается императивность надписи «Вино – козацкая потеха», то одновременно утверждается характеристика «слишком умных лошадей», а «лошадь, стоящая вверх ногами» и полет «вверх ногами» с кручи дают представление об имевшем место способе передвижения «неизмеримой брики». Более того, этот способ предзывается самим пространством хутора, в котором, как говорит один из козаков, «дороги для пешехода плохи» (171).

Изображение козака с кружкой и надписью «Все выпью» и лошади, «стоявшей вверх ногами» – это контекстуальная эмблема, раскрывающая кентаврическую породненность козака с лошадью. «Умные лошади» не только останавливаются сами перед каждым шинком и слетают с горы, но и потенциально присутствуют в людях. Лошадиная природа проявляется в скачущих движениях героев: быстрее черкесского бегуна «производят скачки» ноги Хомы Брута, выигравший в кашу проезжается на побежденном верхом, псарь Микита несетя на коне во всю прыть, «и уже рассказать нельзя, кто кого скорее обгонит: он ли собаку или собака его» (соревнуются не конь и собака, а скачущий человек и собака). Все это «скреплено» печатью пословицы «Скачи, враже, як пан каже!». В свете этого качества мира вполне «удовлетворителен» ответ Дороша Хоме: «... сколько потребовалось бы тогда коней?» – «Да, ... достаточное бы число потребовалось коней» (166). «Достаточное число» подразумевает поштучную неисчисляемость коней как таковую. Число и кони для Дороша – идеи, и наличие у козака коня – это уже присутствие конности как таковой.

Эта «подразумеваемость» конского начала в человеческой природе напрямую связана с полетностью и оборотничеством как фундаментальными свойствами мира. Интересно отметить, что у Ю.М.Лотмана ночная скачка Хомы с ведьмой названа «сце-

* Причем, универсальность этой нормы проявлена в равной мере и в фантасмагоричности сонмища чудовищ – «обрубков», и в облике обитателей хутора (вспомним «свиного пастуха, тщедушного, низенького, всего состоявшего из морщин» (184)).

ной полета» [7, с.280]. Здесь, на наш взгляд, наблюдается гипнотическое подчинение исследователя той скрытой логике поэтического мира, которая в определенном смысле противоречит «букве» текста («...философ Хома Брут скакал с непонятным всадником на спине» (162), «старуха мелким, дробным шагом побежала так быстро, что всадник едва мог переводить дух свой» (163) – но «проживает» ситуацию изнутри самого мира. Причем, эта та «норма существования», которая не может «включаться» или «отключаться» по мере переходов от «мира хаоса» к «миру космоса» [7, с. 279], от «бытового» к «космическому» пространству, противопоставление которых усматривает Ю.М.Лотман в анализе пространственных особенностей «Вия». Универсальность «нормы существования» обеспечивается единством мира, тотальной родственностью в нем космического и хаотического начал, отсутствием «внутренней территории» и границ, изначальным взаимопроникновением одного в другое.

В конности и полетности еще раз дано представление о том, что антиномичность в «Вие» не предполагает жестких логических оппозиций, однотонность характеристик. Так, «естественная» тяга к оборотничеству проявлена в бережливых богословах, которые во время путешествия снимали сапоги и вешали их на палку, т.е., как подчеркивает М.Вайскопф, «подошвами вверх»*. Этот жест не только предуготовляет перевернутую лошадь и скачку с ведьмой («Тогда они, засучив шаровары по колени, бесстрашно разбрзгивали своими ногами лужи»), – но и сам по себе манифестирует нераздельность и неслиянность демонического и сакрального. Равно как и все коннотации конности и скачки несут в себе смысловую многогранность, проявляясь в аккуратности и шалости школьников, в трудах и потехах козаков, в факте соблазнения псаря Микиты на конюшне. В более широком контексте украинских повестей Гоголя наблюдаем превращение черта, доставившего в Петербург героя «Ночи перед Рождеством», – в коня, и новый виток оборотничества в приветствии козаков: «Здорово, земляк, зачем тебя Бог принес?».

А.Терц писал: «Гоголевские герои подпадают волнениям фантазии целыми косяками, городами, губерниями.... Все это в широком значении – фантазеры, то есть неудачные и неуемные кандидаты в чудотворцы, идущие развернутым фронтом – во главе с самим Гоголем» [1, с.327]. Нам же важно подчеркнуть, что мы имеем дело не с эпидемией фантализирования, а с существованием «городов и губерний» по поэтическим законам гоголевского бытия. И тогда речь не может идти о «неуемых кандидатах» в чудотворцы и тем более о «неудаче» Гоголя в «фантастическом» (Белинский). Здесь – не выдумка, не анекдот, не пересказанное предание – а законы, по которым следует судить поэта. Это именно те законы, в которые «вписаны», «врождены» и все герои повести, и ее читатель.

Ш. Тезис о единстве мира повести как реализации «логики» Вия может быть рассмотрен также на примере образного «стягивания» мира в некую смысловую точку. Так, знакомство Хомы с сотником предварено описанием хутора, в котором в каждую деталь «впечатан» образ хозяина. При этом, пейзажное описание, проходя через ряд превращений, дает портретную, эмоциональную и пластическую выразительность человеческого облика.

Живописная картина утонувших в садах хат («Позади дома шли сады; и сквозь верхушки деревьев видны были только темные шляпки труб скрывавшихся в зеленой гуще хат» (170), – представляет собой метаморфозу козацкой трубки. Сначала дано ее изображение рядом с лошадью и бубнами, затем в виде выглядывающих из слухового окна «барабана и медных труб», - знаков того, «что хозяин дома любил повеселиться и двор часто оглашали пиршественные клики» (170). На фоне этого описания, передаю-

* «Те же богословы (а значит, и Халява, спутник героя) бережливо «снимали в пути сапоги, вешали на палки и несли на плечах» – т.е. *подошвами вверх*. Так подготовлено последующее «переворачивание» путников, согласованное с боковым ходом и случайнойочной остановкой, мотивируемой поисками провианта; кроме того, релевантной окажется и аналогия с масонским ритуалом, в котором разувание означало «испытание сокровеннейшего земли» [8, с. 189].

щего традиционность жизненно-природного уклада, актуальное состояние отцовской горести предстает подчеркнуто неизбытво: «...душа его была убита и разрушена вдруг, в одну минуту, и вся прежняя веселость и шумная жизнь исчезли навеки» (171).

Следующий образ – «неправильные стебли тощего бурьяна», торчащего на высокой верхушке горы – перекликается с торчащими на крутом косогоре «двумя хатами». Общее настроение уныния и неприкаянности трансформируется в уникально-бурянный оттенок лица сотника: «глубокое уныние на лице и какой-то бледнотощий цвет» (171).

Пластика сотника также «вылеплена» пейзажем. Создается впечатление неустойчивости, неукорененности жизни на хуторе, неудержимого скатывания то ли в не бытие, то ли в новые формы: «яблоки, сбиваемые ветром, скатывались в самый панский двор», «селение вместе с отлогостью скатывалось в равнину» (170). При внутренней неустойчивости очевидна необходимость внешних опор: яблоня подпирается «у корня небольшими кольями с насыпною землей» – сотник с выражением мрачной грусти сидит «перед столом, подперши обеими руками голову» (171).

Весь образ героя «вырастает» из той земли, на которой он живет. Причем, это не просто «славное место», притягивающее и одновременно пугающее Хому, это – земля корней мироустройства, «насыпная земля», «черная земля» Вия.

В этом фрагменте повести ощутимо представлен механизм «кажимости». То, что кажется Хоме, несет в себе потенциал реальности: «но как он ни пялил свои глаза, ничто не могло означаться в ясном виде: вместо дома представлялся ему медведь; из трубы делался ректор» (169). В этой «кажимости» дана всеобщая связь мира: семинария и хутор породнены «ректором», панский дом «готовит» медвежью походку Вия. Всеобщность задана авторской интенцией – не только во взгляде Хомы одно обращается в другое, но само слово «мыслит» мир как развертывание первосмысла, сконцентрировавшего «внутреннее» (по Гегелю) содержание.

Следует отметить, что подобная стратегия реализована и в связи с образом паночки. Интересно проследить трансформацию «цветочных» мотивов повести. Умершая дочь в причтаниях отца – «полевая нагидочка», «перепеличка», «ясочка». Можно предположить, что желтая «нагидочка» еще до встречи с сотником была замечена Хомой во фронтоне панского дома, который был «измалеван голубыми и желтыми цветами и красными полумесяцами» (169). Впоследствии целая «гилянда из нагидок» обрамляла облик поседевшего Хомы в треугольнике зеркала «щеголеватой кокетки».

Что же касается полевых колокольчиков, также изображенных в виде голубых цветов на фронтоне, а затем синим бархатом расстелившихся на одеяле умершей сотниковской дочки, – то их присутствием отмечены как пространственные, так и звуковые доминанты гоголевского мира: «Он видел, как вместо месяца светило там какое-то солнце; он слышал как голубые колокольчики, наклоняя свои головки, звенели» (162). Звук колокольчиков отчетливо ассоциирован с пронзающим чувством «томительно-страшного наслаждения»: «Дикие вопли издала она; сначала были они сердиты и угрожающи, потом становились слабее, приятнее, чище, и потом уже тихо, едва звенели, как тонкие серебряные колокольчики, и заронялись ему в душу...» (163). «Серебристость» звука колокольчиков держит в ноющем напряжении душу Хомы,глядящегося в прекрасное лицо умершей: «Чело, прекрасное, нежное, как снег, как серебро,казалось, мыслило» (174). Мы наблюдаем расширение ореола значений колокольчиков, основанное не только на их цвете и звучании, но и таком образном нюансе, который вносит в понятие «полевые колокольчики» коннотации запустения и «дикости»: «Хмель покрывал, как будто сетью, вершину всего этого пестрого собрания деревьев и кустарников и составлял над ними крышу, напялившуюся на плетень и спадавшую с него выюющимися змеями вместе с дикими полевыми колокольчиками» (188). В ракурсе «дикости» серебристость нагнетается до блеска, до сверкающих глаз ведьмы, до взгляда и смеха русалки: «...и вот ее лицо, с глазами светлыми, сверкающими, острыми, с

пеньем вторгавшимися в душу, уже приближалось к нему, уже было на поверхности и, задрожав сверкающим смехом, удалялось» (162). Таким образом, «дикие вопли» старухи, переходящие в звон тонких серебряных колокольчиков голоса красавицы, воплощают нераздельные дикость и прелесть этого мира, удерживают его завороженность, и не отпускают от себя Хому. Его побег от панночки – это возвращение к ней, к ее русалочьей ипостаси. В источнике, к которому припадает Хома – все то же сверкание и серебро, сопровождаемое мотивом скачки и избиения: «– Нет, лучше побежим вперед: неравно будет погоня... Чортов Явтух! ... Я бы взял тебя да за ноги... И мерзкую рожу твою, и все, что ни есть на тебе, побил бы дубовым бревном» (189). В словах же Явтуха о прогулке ясно прочитывается судьба Хомы: «Однако ж погуляли довольно, пора и домой» – «...дочь одного из богатейших сотников... возвратилась в один день с прогулки вся избитая...находится при смерти».

Таким образом, сотник и панночка укоренены в мире, присутствуют в нем во множестве ипостасей, и сам мир сложно отражен в их облике. Но при всем этом разрастающемся присутствии, пропитывающем жизнь хутора, возникает вопрос о безымянности – почему сотник и его дочь не названы по имени?

Это обстоятельство тем более странно, что поименованы такие эпизодические персонажи, как Явтух, Дорош, Спирид, псарь Микита, Шептун и Шепчиха. Мы полагаем, что безымянность главных героев утверждает за ними некую функциональность – они не столько действуют по личному произволу, сколько персонализируют собою логику мира – т.е. бытие Вия. Эти герой отнюдь не «подготавливают» появление Вия, несущего в себе сходство с длинными ресницами (укр. «віями») панночки и осуществление угрозы осиротевшего отца – отомстить, лишив обидчика зрительной связи с предками и потомками («не увидел бы он больше своих детей... ни своего отца и матери»). Как считает Д.Ранкур-Лафферьер, «наилучшее решение состояло бы в том, чтобы рассматривать Вия как *составляющую* отца и дочери, поскольку он обладает чертами их обоих»* [9, с. 224] [перевод с английского наш – О.К.]. Мы же полагаем, что ситуация прямо противоположна. Речь идет не о подготовке к появлению Вия, но о проявлении его не только в панночке и сотнике, но и во всех их иноформах – в русалке, ректоре, обращенном месяце и ночном солнце, в бурьяне и колокольчиках. Имя Вия разворачивает свои смыслы, предполагая такой тип отношений целого и части, о котором писал П.Флоренский, утверждая возможность «о лепестке говорить как о розе» [Цит. по: 4, с.122-123]. Не лепестки «входят» в розу составными ее частями, а роза (целое) «входит» в каждый лепесток – «первоявление своей идеи». Сотник и панночка – «первоявления», несущие в себе целое Вия. Учитывая это, попытки толковать образ Вия, происхождение его имени вне художественного контекста повести означают игнорирование художественных закономерностей произведения, прочитывание в нем более или менее достоверной информации фольклористического или биографического характера.

Безымянность панночки и сотника – это не отсутствие имени, но сокрытие его. На этом фоне другие герои утрачивают бытийно-мистическую глубину имени. Дорош-Явтух-Спирид представляют собой подобие взаимозаменяемых кличек, и псаря Микиту можно спутать с псарем Миколой как Разбоя с Бровком. «Необидчивый» же народ – «богослов Халява, философ Брут и ритор Горобець» – носит имена-эмблемы, представляющие «чиликающую» риторику, «брутальную» философию и «халявное», ремесленно-сапожническое богословие.

Таким образом, собственно именем в «Вие» наделено то, что по сути своей не имеет наименования, поскольку превышает всякую индивидуализированную единичность. Вий – это не сказочный образ, а имя-мир. К нему апеллирует Гоголь-автор от-

* The best solution of this point would be to regard Vij as a *composite* of both the father and daughter, for ...Vij possesses characteristics of both these person.

ньюдь не из желания «мистифицировать» читателя, но из-за необходимости дать проявиться тому, что формировало конфликт его собственного поэтического воображения.

РЕЗЮМЕ

В статті розглядається проблема назви повісті М.В.Гоголя «Вій». Стверджується, що іменем героя сформовано поетичний світ і закони його буття. Вій – не другорядний персонаж і не містифікація, а втілення внутрішнього конфлікту Гоголя-автора.

SUMMARY

The article deals with the problem of the title of N.V.Gogol's story "Vij". It is claimed that the name of hero has formed poetical world and principles of its being. Vij is neither second-rate personage nor mystification, but embodiment of the inner conflict of Gogol'-author.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Терц А. В тени Гоголя // Терц А. Собр.соч в 2т. – М., 1992. – Т.2. – С. 5-336.
2. Гоголь Н.В. Собр. соч. в 6 т. – М., 1952.
3. Гегель Г. Эстетика. В 4 т. – М., 1969, -Т.2.
4. Гей Н.К. Метахудожественность литературы. // Теория литературы. Том I. Литература. – М., ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, 2005. – С. 96-141.
5. Гоголь Н.В. Арабески. – М., 1990.
6. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. – М., 1988.
7. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя – Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М., 1988.
8. Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. – М., 2002.
9. D.Rancour-Lafertiere. The identity of Gogol's Vij // Harvard Ukrainian Studies. V. II. №2. June 1978. – P. 211-234.

Надійшла до редакції 17.10.2007 р.

УДК 82(091)=161.1

ВЯЧ. ИВАНОВ И ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ XX ВЕКА

Э.М.Свенцицкая

На фоне других поэтов серебряного века и даже среди младших символистов Вяч.Иванов, пожалуй, наиболее сознательно, рефлексивно относится к проблемам литературной теории. Ведь его творчество отмечено постоянным диалогическим соотнесением поэзии и философии, когда мысли, высказанные в статье, объясняют поэтические произведения и, с другой стороны, стихи оказываются контекстом, в котором становятся понятными поэтические построения. Центральным моментом этого диалогического соотнесения является специфика поэтического слова, его символическая природа, и производные от них проблемы соотношения поэзии и языка, а также творческого субъекта.

Вяч. Иванов акцентирует прежде всего действенные, связующие аспекты поэтического слова – оно предстает как система разноприродных и разнонаправленных связей. Действенность слова осуществляется в его основных ипостасях: слово-имя, слово-плоть, слово-ознаменование.

Слово-имя, актуализирующее концепцию имеславия, наиболее интенсивно проявляет посредническую, динамическую сущность слова поэтического. Слово для сто-

ронников этой концепции – посредник между Богом и созданной им реальностью, причем не только материальной, но и духовной. При этом оно не орудие, не средство, а концентрированное выражение объединяемых категорий. Именно потому, по П.Флоренскому, слово – это «бытие, которое больше самого себя» [1, с.246].

Слово-имя в понимании Вяч. Иванова возникает в символизме на интенции движения «внутрь себя от всего внешнего, чтобы в глубинах внутреннего опыта творческая воля смогла сознать себя и определить как движущее начало жизни» [2, с.38]. Поэтому, отвлекаясь от реальности вещной, осязаемой, что называется, «уходит в себя» и там, внутри себя, обретает движение, направленное вовне, и волю, преобразующую эту реальность в реальность внутреннюю. Властную, волевую, заклинательную силу подчеркивает Вяч. Иванов в слове-имени.

Переживание отмеченного выше духовного движения и как внутреннего состояния лирического героя, и как основания для создания определенных принципов поэтики происходит в цикле «Поэту». В первом стихотворении этого цикла называются имена античных богов, и имя является основанием для отождествления этих богов с явлениями природы. «Авророю алеет / Поэзия – дитя»: Аврора – богиня, но алеет, конечно же, восходящее солнце; аналогичным образом устроено словосочетание «В лучах звеньящих Феба...». Феб, Аврора, Луна, Любовь, Смерть – такие имена, которые представляют собой слово в действии.

Очень характерно, что все три стихотворения цикла заканчиваются называнием имен. Последнее слово первого стихотворения – «Ахилл» - отсылает не только к его воспитателю – кентавру Хирону, научившему его играть на лире, – но и к Троянскому циклу мифов; «Пегас» (последнее слово второго стихотворения) – к источнику Иппокрены, а «Аполлон» – последнее слово третьего стихотворения – к солнцу, свету, художеству. Ясно видно, что от стихотворения к стихотворению возрастает и накапливается близость к поэзии; художественному началу. И, называя разные имена, с этим началом так или иначе связанные, поэт, возможно, хочет разбудить это начало, заставить его действовать, заклиная его. В этом, возможно, и смысл названия цикла – не поучение поэту, а дар поэту от поэта, который, находя в различных мифологических реалиях отражения себе и владеющей им силе, возводит их к некоему единому началу.

Свообразие трактовки данной категории позволяет уточнить тезис о Вяч. Иванове как адепте имеславия (об этом пишет, например, А.Е.Барзах [3, с.5-60]). Ведь имя есть нечто отдельное, и отсюда, в концепции ивановского слова у А.Е.Барзаха, следует его «отдельность, «монадность», непосредственно связанная с идеей микрокосмичности, зеркальности целого в части» (3, с.12). Как мы видели, имя у Вяч. Иванова – не монада, а медиатор, переход, сопряжение различных сущностей.

Обратим внимание, как данная концепция актуализировалась при изучении специфики художественного слова в современной литературоведческой науке. Во-первых, у А.Ф.Лосева («Живое слово таит в себе интимное отношение к предмету и существенное знание его сокровенных глубин»[4, с.38]), и параллельно у М.Хайдеггера слово не просто связано с вещью, но тождественно ей: «Где не хватает слова, там нет вещи. Лишь имеющееся в распоряжении слово наделяет вещь бытием» [5, с.303]. Сходные утверждения можно встретить, как это ни парадоксально, у Р.Барта в раннем, структуралистском периоде, когда он определяет слово как «знак и воплощение истины»: «В глубине души писатель всегда верит, что знаки не произвольны и что имя присуще каждой вещи от природы...» [6, с.371]. В другом, материально-лингвистическом ключе, о той же закономерности говорит Г.О.Винокур, у которого слово – имя, образ, особый мир, в котором реализуется художественный замысел. Отметим также, что лосевско-хайдеггеровская тенденция в осмыслении художественного слова проявляется далее в так называемой «религиозной филологии».

Слово-имя существует между бытием и языком, поворачивая их лицом друг к другу. В стихотворении «У лукоморья дуб зеленый...» (сборник «Римский дневник») язык поэзии оказывается равным языку в целом, она становится средством вхождения слова в язык, а реалий – в жизнь:

«Растет в молве укорененный,
Укорененный в языке»,
«И небылица былью станет,
Коли певец ее помянет,
Коль имя ей сумел наречь».

В поэзии слово становится именем, имя в данном случае – нечто связанное именно с данным предметом. Имя же – способ перехода потенциального в реальное, возможность осуществления предмета вне времени, так как существование предмета обусловлено уже не законами реальности, а законами языка:

«Дуб не вянет,
Пока жива родная речь».

«Родная речь певцу земля родная», – эта формулировка, по сути дела, амбивалентна. С одной стороны, она означает, что поэт живет не в реальности, не в жизни, а в языке. И родство тоже осуществляется по языковому принципу. Но с другой стороны, реалии мира воспринимаются поэтом как особого рода язык («И нашептом дубравным ворожит / Внушенных небом песен мать земная»).

Именно в этом смысле говорит Вяч. Иванов об особом языке поэзии, не тождественном языку литературы и вообще языку письменному: «...У поэзии свой язык и свой закон ... что многое, иррациональное с точки зрения литературной,rationально в поэзии как в специфическом искусстве слова, или специфическом слове» [2, с. 70]. Альтернативный союз здесь не случаен, ведь особое слово, слово, в котором проявлены «изначальные тайны» и придает поэзии статус искусства. Поэтому поэзия и есть язык, но в его творческом и преобразующем преломлении («Язык – земля, поэтическое произведение вырастает из земли. Оно не может поднять корни в воздух» [2, с. 105].

Вяч. Иванов здесь, как и другие младшие символисты, развивает мысли А.А.Потебни о поэзии как высшем проявлении образной природы языка. Однако он не третирует, как А.Белый, слово прозаическое, слово-понятие, но подчеркивает, что поэтическое слово есть качественное преобразование слова языкового. Ивановские высказывания содержат в себе возможность осмыслить эстетическое как сверхъязыковое, то, что потом М.М.Бахтин назовет имманентным преодолением слова. Это не подчинение поэзии языку и не полное их разъединение (формалисты), а глубинная взаимообращенность, как, например, у Г.О.Винокура: «язык с своими прямыми значениями в поэтическом употреблении как бы весь опрокинут в тему и идею художественного замысла» [7, с.53], но при этом «нет такого факта поэтического языка, каковой факт не был бы известен вне поэтического контекста, как явление языка вообще» [7, с.29].

Слово-плоть – это личностный аспект слова. Слово в определении Вяч. Иванова приравнивается к личности, а личность – к слову, плоть слова включает в себя не только его материальную данность, но и личностную воплощенность, ту «внутреннюю форму слова», которая есть «его истолкование и преобразование в нас действенным составом наших душевных сил» [2, с.102].

Эта внешняя проявленность личности через слово, вместе с его творческой и преобразующей сущностью, определяет связь личности и истории, точнее, придает истории личностной характер, а личности историческую воплощенность. Не случайно А.Ф.Лосев пишет: «Слово – синтез личности как идеального принципа и ее погруженности в недра исторического становления. Слово есть исторически ставшая личность, достигшая степени отличия себя как самосознющей от всякого инобытия личность» [8, с.192-193].

Понимание феномена слова-плоти дает возможность скорректировать определение поэтики Вяч. Иванова как «распределения, развеществления, подмены предмета, эмоции – идеей, смыслом» [3, с.21], при этом «новый, неожиданный смысл продуцируется здесь не звуком, не ритмом, не синтаксисом, но структурой самого смысла» [3, с.27]. Между тем сам Вяч. Иванов в работе «Спорады» много говорит о значимости ритма и звука: «Лирика, прежде всего – овладение ритмом и числом как движущими и зиждущими началами внутренней жизни человека, – и, через овладение ими в духе, приобщение к их всемирной тайне» [2, с.78]; «В ритме поэт находит не только музыку, но и колорит, и стиль. Музыку и колорит обещают ему и гласные языка» [2, с.79].

Звук и ритм – тоже плоть слова, и эта закономерность проявилась в поэзии. Например, в стихотворении «Когда б лучами, не речами...» дополнительные смысловые обертоны создает прежде всего фонетика: зозвучие «лучами – речами», несмотря на смысловое противопоставление, маркирует глубинное единство данных понятий с самого начала, проясняя, что лучи – это тоже своего рода речи. Четкая инструментовка каждого четверостишия на сonorный и на гласный (первой четверостишие – на «м», «а», второе – на «л» и «е», третьего на «н» и «о» – в каждом четверостишии можно проследить гласный и согласный, которые явно доминируют над другими звуками) создают не просто заклинательный эффект. На фоне синтаксической слитности (все стихотворение представляет собой одно сложное предложение) создается ощущение внутренней самодостаточности каждого четверостишия. И если, с одной стороны, на уровне синтаксиса, перед нами нераздельное, почти экстатическое восклицание, – то с другой стороны, на уровне фонетики, достаточно сложная и взвешенная структура. Это тоже создает добавочный смысл, относящийся к языку, которым говорит «мира пленная душа», – говорит и через этого поэта, и через данное произведение, в котором не просто сочетается эмоциональное и разумное, но экстатическое напряжение душевных сил рождает некое цельное прозрение.

В принципе, такая ситуация возникает практически в каждом стихотворении Вяч. Иванова, и ощущение «тяжести», «перегруженности» его произведений объясняется тем, что значимыми являются все аспекты поэтического слова: и фонетика, и синтаксис четко структурированы. Возможно, такого рода поэтическая практика и дала толчок соответствующему типу анализа литературного произведения – русские формалисты, по словам В.Б.Шкловского, «брали слово как звук», они же говорили о специфической «темноте», затрудненности стихотворного языка (Ю.Н.Тынянов, Б.А.Ларин).

Символическая природа слова связывается Вяч. Ивановым со словом-ознаменованием. Символическое слово есть вектор поиска соответствий, которые находятся в реальности, внеположенной символу, и прежде всего в мифе: «В каждой точке пересечения символа, как луча нисходящего, со сферою сознания он является знанием, смысл которого раскрывается в соответствующем мифе» [2, с.143]. Направлен он, этот вектор, не к определенной мифологической реалии, а к принципиальной множественности.

Собственно, символ – способ выстраивания соответствий между миром сакральным, миром личностным и миром творческим. Эти соответствия принципиально многозначны и основаны одновременно на отождествлении и различии, на ряде метафор, связанных друг с другом в своеобразную цепь, по которой и происходит циркуляция смыслов.

Метафора, в этой логике, является способом познания сущностей, причем познания синтезирующего, направленного на единую сущность во множестве явлений. Мысление Вяч. Иванова лично и ипостасно, во всем множестве явлений бытия он видит ипостаси единой личности.

Именно поэтому в основе ряда стихотворений Вяч. Иванова лежит множественная метафора, своего рода решетка означиваний, напоминающая кристаллическую решетку драгоценных камней, строением которых Вяч. Иванов, как говорят мемуаристы, живо интересовался. Стихотворение «Улов» (сборник «Cor ardens») представляет собой

именно такую сложную метафорическую конструкцию: роща уподобляется храму, занавеса храма – апостольскому неводу, невод – песне «у преддверья белого храма». Этот ряд соответствий выстраивается на основе общего признака: нищета, ветхость, разрушение. Но признак, проходя через этот ряд метафор, постепенно видоизменяется, сохранив глубинную неизменность: то, что в отношении к листьям выглядит нищетой, в приложении к храму обворачивается особым узором, красотой, именно благодаря ей и оказывается возможным увидеть, что роща – это храм. Собственно, Вяч. Иванов тоже создает «мерцание символа» (А.Белый), конструкцию, осуществляющую это мерцание.

Конструкция множественной метафоры организует у Вяч. Иванова и отношения с чужим словом и с символами, почерпнутыми из мирового культурного контекста.

Яркий пример – стихотворение «Дельфины» (сборник «Свет вечерний»). Оно прямо соотнесено с чужим текстом в эпиграфе. С точки зрения описываемой действительности эти два текста очень близки, в них совпадают опорные реалии.

При этом первое предложение прозаического эпиграфа и первая строфа текста совпадают практически дословно, а далее нарастает расподобление. В прозаическом тексте реалии природы даны в последовательности, в развертывании (ветер в первом предложении описан подробно, дельфины столь же подробно описаны во втором). В тексте Вяч. Иванова они даны центрированно, центром выбран ветер, и, собственно, он организует циклическую композицию стихотворения (первая и последняя строчки совпадают). Кроме того, если в прозе ветер – просто одна из реалий природы, то в стихотворении он одухотворен (вначале опосредованно, через сравнение – «Как Тритон, протрубил он клич веселья...», а затем непосредственно: «На гостины скликал вас, на веснины...»).

Но самое главное отличие – именно в стихотворном тексте появляются античные демоны и божества (Тритон, Нерей, Борей), в результате чего действие переносится в другое время. Во второй строфе реалии современности еще сохраняются (кавказский Борей), в третьей строфе перенос уже полностью состоялся:

«На гостины скликал вас, на веснины,
Стеклоокого табуны Нерея...».

Закономерность перехода здесь та же, что и в ряде других стихотворений – прошлое вначале появляется как возможность, данная в сравнении («Как Тритон, протрубил он клич веселья...»), а затем сравнение оказывается реальностью. Таким образом, в поэтическом тексте реализуются возможности, заложенные в тексте прозаическом: прошлое, живущее в пространстве, через сравнение переходит в настоящее, возможное и невозможное уравнены в правах. Именно пространство оказывается опорой для временного перехода. Функция данного текста – отталкиваясь от современности и от прозы, быть мостом для перехода к изначальной мифологической цельности. Ведь за всей ситуацией ивановского текста безусловно просматриваются события мифа о Дионисе: именно в дельфинов превратил Дионис тирренских разбойников, и эта сцена изображена на бронзовых дверях собора св. Петра в Риме, где жил Вяч. Иванов, когда писал сборник «Свет вечерний». То есть, Вяч. Иванов, говоря о дельфинах, видит в них тирренских разбойников, их превращение, стоящего за этим превращением Диониса, изображенного на дверях католического собора, то есть явно в уже отстоявшейся культурной реальности ассоциирующегося с Христом (а не только в личных умозрениях поэта).

Так определяет Вяч. Иванов назначение поэта: «Учит он – воспоминать» (стихотворение «И поэт чему-то учит» в сборнике «Римский дневник»). Он не просто возвращается к некоей общей основе, к первоначалу. Ряд исследователей символики Вяч. Иванов, как правило, пытаются установить источники, откуда символы возникают, и этих источников оказывается множество, к которому всегда можно еще что-нибудь добавить. Символическое слово тем и характерно, что проецируется в бесконечности, представляя собой не просто ряд источников, чужих контекстов, но некую

перспективу, связь. В слове-символе чужие слова поэт «вспоминает». Но одновременно и они «вспоминают» через поэта свое глубинное родство.

В этой множественности отсылок к чужим контекстам можно увидеть, с одной стороны, нечто родственное постмодернистской концепции интертекстуальности (Ю.Кристева, Р.Барт), где реалии прошлого становятся кодом, способом установления связи с другими текстами. Но одновременно здесь удерживается и субъектность, свойственная бахтинской концепции диалога, где в реалиях прошлого выражается живой человеческий голос, открытая точка зрения.

За всеми данными феноменами стоит «особая интуиция и энергия слова, каковое непосредственно ощущается поэтом как тайнопись неизреченного, вбирает в свой звук многие, неведомо откуда отзовавшиеся эхо и как бы отзвуки родных подземных ключей – и служит, таким образом, вместе пределом и выходом в запредельное» [2, с.186].

Так Вяч. Иванов определяет вершинное проявление художественного слова, но отсюда же следует его глубинная трагедия. Это слово действительно подходит к пределам художественности и даже выходит за ее пределы, к тому слову, которое творит миры уже не фигурально, а буквально. Теургическая действенность слова – тот невоплотимый предел, к которому оно стремится, однако не может перейти, не перестав быть самим собой. И Вяч. Иванов прекрасно это осознает: «Музы не пророчат, как пророчит устами Пифии или кумейской Сивиллы Аполлон» [2, с.181] «Символ – слово, становящееся плотью, но не могущее ею стать, если же бы стало, то было бы уже не символом, а самою теургическою действительностью» [2, с.197-198]. И еще более жестко: «Все поиски магизма в искусстве извращают в корне заложенную в нем святыню теургического томления» [2, с.215]. Но поэт остается поэтом, и как бы он ни называл себя жрецом и пророком, он все-таки не может не понимать, что это лишь еще одна риторическая фигура. Может быть, этим объясняется, что «иератическая речь» Вяч. Иванова сменяется «гутторком», может быть, этим объясняется и его многолетнее молчание.

«Поэзия – религиозное действие и тайнодейственный подвиг» [2, с. 79] именно потому, что это действие заранее обреченное, результат его недостижим. И с этого момента поэтического слова становится постоянным биением о границы – этические и эстетические, эстетические и религиозные, между жизнью и бытием, между «я» и «другими». И только в этом биении поэтическое слово живет, а отдельные поэты – или разбиваются, или оказываются в пустоте (как А.Белый, до бесконечности переделывавший и ухудшавший свои ранние стихи), или проваливаются в молчание (многолетнее молчание Вяч. Иванова, предсмертное молчание А.Блока).

РЕЗЮМЕ

У статті висвітлюється своєрідність рефлексії художнього слова в філософських і поетичних творах Вяч. Іванова як виток сучасних трактувань художнього слова і його символічної природи.

SUMMARY

In the article the nature of reflection of the artistic word in philosophic and poetical works of Vach. Ivanov is being analysed as a fragment of modern interpretations of artistic word and it's symbolic nature.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Флоренский П.А. Имевшие как философская предпосылка // Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – М., 1990. – Т. 2. – С.281-338.
2. Иванов Вяч. Родное и вселенское. – М., 1994. – 428 с.

3. Барзах А.Е. Материя смысла // Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. Книга I. – СПб., 1995. – С.7-21.
4. Лосев А.Ф. Проблема символа в реалистическом искусстве. – М., 1976. – 367 с.
5. Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1993. – 447с.
6. Барт Р. Критика истина // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX веков. – М., 1987. – С.349-386.
7. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М., 1991. – 448 с.
8. Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. – М., 1990. – С.11-192.

Надійшла до редакції 30.10.2007 р.

ББК Ш43(43РОС)6-8Ахматова 4

РАБОЧИЕ, УДВОЕННЫЕ, «АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ» ЗАГЛАВИЯ В ПОЭТИКЕ АННЫ АХМАТОВОЙ

Т.А.Пахарева

Перечисленные в названии статьи категории заглавий, при всей, на первый взгляд, разности их художественного статуса и функциональной значимости¹, имеют и общее проблемное поле – все они так или иначе актуализируют проблему релятивизации определенных компонентов поэтической системы. Заглавие, не закрепленное за текстом жестко, либо функционирующее на равных правах с альтернативными вариантами, ярко воплощает процесс релятивизации поэтики заглавий. Заглавий, выполняющих подобную роль, у Ахматовой немало: «Встреча»/ «Призрак»; «Согражданам»/ «Петроград, 1919»; «Путем всея земли»/ «Китежанка»; «Пролог, или Сон во сне»; «Сонет-эпилог»/ «Дидона» и т.д.

При этом среди перечисленных выше категорий в ахматовском случае следует выделить еще и вариативные заглавия, с которыми мы часто встречаемся в ее поэзии и которые играют в ней особую роль, связанную прежде всего, с трудной судьбой ахматовских книг, с бесчисленными и часто непреодолимыми препятствиями на их пути к печати. По этой причине окончательный статус тех заглавий, под которыми публиковались некоторые ее тексты, проблематизируется наличием иных вариантов в планах книг, которым не суждено было выйти к читателю, но которые продумывались и были подготовлены к публикации автором, так что статус рабочего и статус вариативного названия не всегда можно четко разграничить. Например, стихотворение «Как будто страшной песенки...», фигурирующее в планах «Нечета» под названием «Гибель», в «Беге времени» озаглавлено «Встреча»; стихотворение, которое автором первоначально было озаглавлено «Современница» («Всегда нарядней всех, всех розовей и выше...»), в печати получает название «Тень». Историю озаглавливания последнего приводит в своих записках Л.К.Чуковская: «...печатая эти стихи впервые в «Литературной газете» в октябре 1960 года, А.А. по требованию редакции вынуждена была изменить заглавие (ей объяснили, что «современница» – это не ее, а *наша* современница). Тогда она назвала стихотворение «Тень», и новое заглавие укоренилось...» [1, с.177]). Эта ис-

¹ Так, если удвоенные заглавия выполняют важную синтезирующую роль по отношению к общему содержанию текста (об этом, в частности, см. у С.Кржижановского: [2, с.13-15]) и тем самым являются показателем его завершенности, «готовости», максимальной направленности на выход к читателю, то рабочие и домашние заглавия, по определению, апеллируют к периферийным сферам функционирования текста вне собственно читательской аудитории – или в «творческой лаборатории» автора, или/и в интимно-дружеском кругу.

тория интересна тем, что в ней выявляется возможность концептуализации самого процесса переименования текста. Это пример не только и не столько замены заглавия в связи с цензурными рогатками, сколько превращения процесса переименования в разговор «о времени и о себе»: обнаружившаяся относительность «современничества» – одного в случае автора, и иного в случае «советских читателей», обозначенных выразительным «мы», неизбежно выводит на одну из самых болезненных и постоянных тем в ахматовских размышлениях о своих отношениях с читателями. В автобиографических записях Ахматовой (в частности, в ее записных книжках 50-х-60-х годов) часто звучит мысль о «замуроанности» ее поэзии в 1910-х годах, об ее отлучении от читателей, о том, что молодые люди, узнав о ее новых стихах, искренне удивляются, что она еще жива. Превращение «современницы» в «тень» – это символический жест, резюмирующий ахматовские размышления подобного рода. Следовательно, внешне, казалось бы, почти «технический» процесс переименования стихотворения превращается в завершенное и полноценное художественное высказывание. Подобные примеры свидетельствуют о сохранении «жизнетворческого» начала в ахматовском творческом поведении, так же как и о разнообразии ее приемов смещения границ между текстом и «внекомпозиционным бытием» [3, с.287], вовлечения в текст внеtekстовых элементов [4, с.188], как то было констатировано еще первыми исследователями семантической поэтики.

В иных случаях вариативность заглавий, намеренная размытость границ между рабочим и окончательным заглавиями у Ахматовой акцентирует внимание на творческом процессе как таковом, превращаясь в один из приемов филологической, автометаописательной поэтики. В качестве примеров приведем варианты заглавий «Эпические мотивы», «Эпические наброски», «Эпические отрывки» (в разделе «Белая стая» в кн. «Стихотворения» 1946 г. и в «Стихотворениях» 1961 г.). Среди заглавий, подчеркивающих автометаописательность ахматовской поэтики, следует выделить и заглавия, образующие своеобразные семантические «гнезда», что провоцирует при восприятии текстов с близкими, синонимичными или однокоренными названиями объединять их в своеобразные «несобранные» циклы. Таков, например, цикл о музыке, в который невольно читательским восприятием объединяются стихотворения с близкими заглавиями: два одноименных стихотворения «Музыка» («В ней что-то чудотворное горит...» и «Сама себя чудовищно рождая...»), «Музыке», «При музыке» и «К музыке». Не менее выразительную, чем музыкальная, парадигму образуют тексты, в заглавиях которых содержится упоминание Царского села в сочетании с жанровым обозначением данного текста: «Царскосельская ода», цикл «Царскосельские строки», «Царскосельская поэма» («Русский Трианон»), «Царскосельская элегия» (под этим названием в автографе РГАЛИ фигурирует стихотворение «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...», опубликовавшееся без названия в составе цикла «Городу Пушкина»). Так выстраивается своеобразная ахматовская микромодель «царскосельской поэтики», с ее классической жанровой доминантой, а заглавия стихотворений выступают в циклообразующей функции, не просто объединяя тексты в некое внутренне единое целое, но и образуя платформу для такого единства.

Вообще следует заметить, что повышенная филологическая функциональность заглавий у Ахматовой может быть отмечена в ряде стихотворений. Интересны те случаи, когда заглавие выступает в качестве проявителя контекста, в самом тексте улавливающегося с трудом либо и вовсе неуловимого. Особенно выразительна такая работа заглавий в военных стихах, в которых таким образом актуализируется и «работает» принцип взаимоотражения эпох, реализованный до конца в «Поэме без героя», с ее поворотами по оси времени.

Например, заглавие стихотворения 1942 г. «Наступление» («Славно начато славное дело...»), дублируя заглавие «Наступления» Н.Гумилева, актуализирует гумилев-

ский контекст ахматовских стихов о войне¹. Нужно отметить, что «Наступление» Гумилева несколько раз становилось источником аллюзий в ахматовских стихах. Нами уже ранее отмечалось, что генеалогия не совсем логически мотивированного эпитета «легкие» в словосочетании «легкие летят недели» в «Реквиеме» восходит к строкам из «Наступления»: «И залитые кровью недели // Ослепительны и легки»², что, естественно, существенно проясняет смысл этого эпитета. Аналогичным образом «Наступление» прочитывается в подтексте стихотворения «Навстречу знаменам, навстречу полкам...», официально-радостный тон которого благодаря лексике, окрашенной индивидуальными трагическими коннотациями и благодаря аллюзии на Гумилева, оказывается обманчивым. Так, читая у Ахматовой: «Пусть чаша встречается с чашей», – нельзя не вспомнить о «его миновавшей чаше» в «Поэме без героя», а также о «чаше» из посвященного Мандельштаму стихотворения «Я над ним склонюсь, как над чашей...», тем более, что к этому побуждает и близость рифмующихся пар во всех трех текстах: «наша – чаша» в «Поэме» и «нашей – чашей» в «Я над ним склонюсь...» и в «Навстречу знаменам...» («Навстречу знаменам, навстречу полкам // Вернувшейся армии нашей // Пусть песня победы летит к облакам, // Пусть чаша встречается с чашей»). В finale же этого стихотворения в сильной позиции в конце строк употреблены слова «огнем» и «раем» – ключевые в первой строфе «Наступления» Гумилева. У него: «Та страна, что могла быть раем, // Стала логовищем огня»; у Ахматовой: «И грозную клятву мы ныне даем // И детям ее завещаем, // Чтоб мир благодатный, добытый огнем, // Стал нашим единственным раем» (А.Ахматова. Собр. соч.: В 6-ти т. – Т.2, кн.1. – М., 1999. – С.104). Связь образов огня и рая в их взаимной соотнесенности с творчеством не только всегда присутствовавшего в памяти акмеистов Данте, но и Гумилева, для Ахматовой закреплена еще и тем, что эти образы встречаются в посвященном ей стихотворении «Она»: «И четки сны ее, как тени // На райском огненном песке». Таким образом, стихотворение о радости победы содержит подтекст трагического напоминания о страшной цене этой победы, об испитой страной чаше горя и об «окровавленной юности» поколений и Первой, и Второй мировых войн.

Ахматовское «Наступление», напоминая о «Наступлении» гумилевском, актуализирует и одну из главных мыслей стихотворения Гумилева – мысль о «Господнем слове» как опоре в «страшный и светлый час». И здесь нашупывается связующая нить между этими стихами и «Мужеством» Ахматовой, в котором тема спасения слова как главной, сакральной ценности народа, выведена на первый план. «Мужество», при ближайшем рассмотрении, оказывается тесно связанным не только с гумилевским, но с общеакмеистическим контекстом, и актуализация этого контекста не в последнюю очередь осуществляется благодаря названию. «Мужество» – это не только одно из «"опорных" слов патриотической лирики тех лет» [6, с.339], но и ключевое понятие акмеистической эстетической доктрины. Комментируя «Мужество», Н.Королева обнаруживает в нем параллели с «К немецкой речи», «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» и «Стихами о неизвестном солдате» О.Мандельштама [7, с.299-302], но представляется, что мандельштамовский контекст этого стихотворения правомочно до-

¹ На соотнесенность первой и второй мировых войн в ахматовском художественном сознании и, соответственно, на скрытые упоминания Гумилева (поэта и воина) в ахматовских военных стихах указывает П. Побerezкина (в частности, сравниваются стихотворения «Памяти друга» и «Заплаканная осень, как вдова...») [5, с. 159-160]. О близости друг другу ахматовских стихов периода первой и второй мировых войн писал и Б. Пастернак, соответствующие отзывы которого о книге Ахматовой, выпущенной в Ташкенте в 1943 г., приводят составители ахматовского собрания сочинений (т.2, кн. 1, с. 335-336).

² См.: Пахарева Т.А. Храм (башня) в поэзии А.Ахматовой (К проблеме акмеистической концепции слова) // Самватас: Ежеквартальный литературно-культурологический и философский журнал. – Киев. – Вып. 10. – 1994. – С. 135-150.

полнить также его статьями начала 1920-х гг., в которых акмеистическое требование «мужественно-твердого» взгляда на жизнь обретает историософскую глубину и осмысливается в связи с философией Слова-плоти.

В 1921 г. в статье «Слово и культура» О.Мандельштам пишет: «В жизни слова наступила героическая эра. Слово – плоть и хлеб. Оно разделяет участь хлеба и плоти: страдание» [7, с.170]. Мотив Слова-плоти, испытывающего телесную пытку, можно проследить и у Ахматовой. Так, в стихотворении «Выход книги» возникает образ стихов, источником появления которых служит дыба: «поэт – приветливый хозяин» ведет здесь своего читателя в пространство своего слова («в хоромы», «под своды шалаша», «в ночь истомы»), а Ахматова своим «благосклонным гостям» предъявляет дыбу в качестве единственного актуального для своих стихов «источника вдохновения». В стихотворении «Все ушли, и никто не вернулся...» мотив терзаемого слова-плоти обретает монументально-трагедийное звучание, объединяя в нерасторжимое целое исторический контекст (1937-й) с евангельским:

Осквернили пречистое слово,
Растоптали священный глагол,
Чтоб с сиделками тридцать седьмого
Мыла я окровавленный пол.

В контексте этого четверостишия кровь на полу застенка 37-го года – это и кровь истязаемого перед распятием Христа, а «сиделки тридцать седьмого», ее смывающие, – бесчисленные новые воплощения Магдалины, омывшей Его раны. И, следовательно, спасаемое от плена слово в «Мужестве» также примыкает к этому ряду образов страдающего Слова-плоти.

«В отличие от старой гражданской поэзии, новая русская поэзия должна воспитывать не только граждан, но и «мужа», – размышляет Мандельштам в статье «О природе слова» [7, с.186]. Для поэта-«мужа», поэта-акмеиста главным долгом является «деятельная любовь к литературе», «мужественная воля к поэзии и поэтике» [9, с.186], которая сообщает эстетической деятельности характер гражданского поступка. Стихотворение Ахматовой буквально, дословно перекликается со статьей Мандельштама, органически составляя с ней единый контекст поэзии «совершенной мужественности», несмотря на двадцатилетнюю дистанцию. «Идеал совершенной мужественности подготовлен стилем и практическими требованиями нашей эпохи», – пишет Мандельштам в начале 1920-х гг. «Час мужества пробил на наших часах», – почти теми же словами говорит Ахматова о новых исторических испытаниях. Мандельштам противопоставляет катастрофическому натиску истории «мужественную волю к поэзии и поэтике» – и Ахматова в «час мужества» залог сохранения самой жизни тоже видит в спасении «великого русского слова».

Таким образом, заглавие «Мужество», указывая на акмеистический контекст ахматовского стихотворения, сообщает ему временную многоплановость, многослойность, свойственную «Поэме без героя» и всем поздним ахматовским текстам, в которых слышен «второй шаг».

Наконец, возвращаясь к функциональной специфике вариативных, рабочих и домашних заглавий у Ахматовой, следует отметить ее связь с акмеистической стратегией формирования «домашнего» контекста поэзии, выявления ее укорененности в бытовых «речениях вроде «Не хотите ли чаю?» (Ахматова). К проявлениям этой стратегии относится не только хрестоматийное ахматовское «Когда б вы знали, из какого сора // Растут стихи, не ведая стыда», но и мандельштамовские рассуждения о филологии как семье, которая «держится на интонации», на «бесконечной, своеобразной, чисто филологической словесной нюансировке» [7, с.178]. Представляется, что с этим акмеистическим пафосом «домашности» связана и ахматовская номинативная стратегия в целом. Ахматову отличала тяга к узуальным, домашним именованиям определенных вещей и

ситуаций: «креденца» назывался ее сундук с рукописями и прочими бумагами; «плакстинка» – именование жанра устного рассказа в собственном ахматовском исполнении; «Ахматовка» – обозначение ситуации выходящего из-под контроля наплыва гостей и т.д. Представляется, что желанием сформировать домашний вариант профессионального языка, точнее, желанием подчеркнуть не официальный и не сакральный, а домашний аспект творчества, отмечена и ахматовская практика активного употребления рабочих, вариативных, альтернативных и т.п. заглавий. Такая манера номинации представляется «бытовым» коррелятом «адамизму» как миссии наречения имен. Тем самым достигается эффект стирания границ между домашним и литературным контекстами, между «прозой жизни» и поэзией, бытом и бытием. Снятие этих оппозиций не означает смешения противопоставленных друг другу начал, но демонстрирует стремление выявить их взаимообращенность, характерное для идеологии акмеизма.

РЕЗЮМЕ

У статті розглянуто подвійні, робочі та «альтернативні» назви у поетиці А.Ахматової. Зокрема, проаналізовано художні функції таких назв у контексті проблематики релятивізації засобів поетики в художній системі Ахматової, а також з оглядом на індивідуальну номінативну стратегію Ахматової в її співвіднесенні з акмеїстичними принципами номінації.

SUMMARY

In this article the double, working and alternative types of titles are analyzed. In particular their functions are examined in the context of the poetical relativity problem, and also in correspondence with Akhmatova's individual and acmeistic nominating strategy.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: В 3-х т. – Т.1. – М., 1997.
2. Кржижановский С.Д. Собр. соч.: В 5-ти т. – Т.4. – СПб., 2006.
3. Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Цит. по изд.: Смерть и бессмертие поэта. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама (Москва, 28029 декабря 1998 г.) – М., 2001. – С. 282 - 316.
4. Цивьян Т.В. Об одном ахматовском способе введения чужого слова: эпиграф // Цивьян Т.В. Семиотические путешествия. – СПб., 2001. – С.184-195.
5. Побerezкина П.Е. Цикл «Победа» Анны Ахматовой // «Свет мой канет в бездну. Я вам оставил луч...»: Сб. публикаций, статей и материалов, посвященных памяти Владимира Васильевича Мусатова / Сост. О.С.Бердяева, Т.В.Игошева; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Вел. Новгород, 2005. – С.155-161.
6. Королева Н. Анна Ахматова. Жизнь поэта // А.Ахматова. Собр. соч.: В 6-ти т. – Т.2, кн. 1. – М., 1999. – С.255-392.
7. Мандельштам О. Соч.: В 2-х т. – Т. 2. – М., 1990.

Надійшла до редакції 29.10.2007 р.

УДК 82-1/-9 = 811.161.1 «17»

ДВУХЧАСТНОСТЬ «ГИСТОРИИ О ВАСИЛИИ КОРИОТСКОМ»: БОРЬБА РОМАННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ С РИТОРИЧЕСКОЙ УСТАНОВКОЙ

P.B.Карпенко

«Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли» – хронологически первая из ряда повестей начала XVIII в., традиционно называемых повестями Петровского времени. Рассмотрение данного произведения в историко-литературном ракурсе имело место еще в конце XIX в., и уже в то время идеально-художественная и стилистическая эклектичность повести побудила таких исследователей, как Л.Н.Майков, А.Н.Пыпин, В.В.Сиповский, Е.В.Петухов, усомниться в ее оригинальности и, таким образом, поставить под вопрос ее роль в эволюции жанровой системы русской прозы XVIII столетия. Прослеживая историю формирования русского романа XVIII в., В.В.Сиповский анализирует большой пласт русской прозы XVII-XVIII вв., оставляя при этом в стороне повести Петровского времени и, в том числе, «Гисторию о Василии Кориотском», так как, по его мнению, это «чужие» явления «в ряду произведений <...> которые явились результатом органического развития русской повести» [1, с. L]. Е.В.Петухов, анализируя повести Петровского времени, также характеризует их как «условно русские произведения», в которых русскими являются «только имена главных героев», сюжет же всех повестей «полностью иноземный» [2, с.597-599].

Г.Н.Моисеева произвела идеально-художественный и текстологический анализ комплекса петровских повестей, акцентируя свое внимание на тех моментах, которые могут быть рассмотрены как проявления «неоригинальности» данных произведений [3]. Результатом скрупулезного сопоставления текстов данных повестей и предполагаемых первоисточников стал вывод о том, что тотальный характер такого заимствования – явление мнимое. В сюжетостроении используются лишь незначительные элементы переводных западноевропейских текстов, «заимствование» же сюжетных элементов из русской народной сказки гораздо значительнее. А с учетом идеальной направленности, которую можно считать несомненно новым явлением для русской прозаической традиции, Петровские повести предстают достаточно оригинальными произведениями, достойными признания их роли в эволюции русской эпической жанровой системы.

Задачей нашего исследования было рассмотрение новаторских тенденций, представленных в «Гистории о Василии Кориотском», в перспективе формирования жанра романа в системе русской прозы.

Исследуя «Гисторию о Василии Кориотском», Г.Н.Моисеева справедливо отмечает ее внутреннюю двухчастность. Стоит заметить, что некоторая неограниченность соединения этих частей и послужила причиной признания повести «неоригинальной». Действительно, первая часть (до кораблекрушения) разительно отличается от второй и стилистически, и идеальными принципами, и даже в значительной степени обрисовкой образа героя. Кроме того, что особенно важно в контексте нашей проблемы, противопоставление этих двух частей можно, на наш взгляд, представить также в плоскости масштабного историко-литературного процесса противоборства риторической и романной культур, которое на рубеже XVII-XVIII вв. уже имело место в русской литературе.

Первая часть является собой «зеркало» Петровской эпохи. Анонимный автор «Гистории...» стремится к достоверности в описании исторической действительности. Герой повести авторскими усилиями предстает на данном этапе повествования идеаль-

ным воплощением реформ Петра I. Его характер не самоценен, представляя собой риторический «каркас», собранный из идеальных для Петровского времени черт. А авторский голос оценивает эти черты, расставляя нужные акценты. Герой добровольно поступает служить во флот, т.е. выбирает профессию, самую поощряемую в Петровское время (при этом не всегда охотно выбираемую молодыми дворянами), тем самым характеризуя себя как передового человека своего времени. Он умен и прилежен («И слава об нем велика прошла за ево науку и услугу, понеже он знал в науках мотросских велми остро <...> И за ту науку на кораблях старшим пребывал и от всех старших матрозов в великой славе прославлялся» [3, с. 191]). Кроме того, Василий нежно любит отца и предан своей Родине: «А Василия Кориотского оной гость нача просити, чтоб в Рассию не ездил, понеже он, гость, ево, Василия, возлюбил, яко сына роднаго <...> Но токмо он, Василей, нача еже с прилежанием в Рассию ко отцу своему проситса» [3, с.193]. При этом в повествовании с документальной точностью фиксируются все финансовые шаги героя, что, видимо, призвано доказать его состоятельность в экономических вопросах. Вымысленным в полной мере предстает в данной части повести лишь имя героя, декорация же настолько узнаваема и подчеркнуто документально описана, что, исходя лишь из этого отрезка повествования, трудно говорить о каком-либо влиянии на последующий процесс развития русской прозы в романном отношении. Романский вымысел в данном случае находится в полном подчинении у риторического принципа полезности, и в этом отношении «Гистория о Василии Кориотском» мало чем отличается от повестей предшествующего, древнерусского периода.

Романский конфликт строится на взаимодействии и противостоянии героя с окружающей действительностью. Риторическое произведение такого конфликта не может иметь по определению. В риторически организованном тексте окружающая действительность выполняет декоративную роль, герой же не имеет самоценного характера, нуждающегося в многогранном и диалектичном освещении, его образ линеен, т. е. все его характеристики установлены изначально и выстроены логически в одну силлогистическую линию, исходя из единой авторской задачи. Именно таким образом организованы картина мира и образ героя в первой части «Гистории о Василии Кориотском».

Вторая часть в этом отношении имеет принципиальные отличия. События, следующие за кораблекрушением и попаданием Василия на разбойничий остров, существенно расширяют сферу действия романного вымысла. Причины, побудившие автора украсить повествование об «идеальном» человеке своего времени, вполне объяснимы, их «следует искать во вкусах читателей того времени» [3, с.44]. Герой, представленный в первой части как передовой человек своего времени, во второй характеризуется в свете своих «вечных», моральных качеств. Если первая часть представляла жизнь героя лишь в плоскости карьерного роста, то во второй части находится место любовной интриге и опасностям, которые призваны раскрыть образ героя в новом ракурсе и (что особенно важно) с разных сторон.

Риторическая установка, заданная в повести изначально, в некоторой степени сохраняется и во второй части. Однако в развитии образа героя с момента его попадания на разбойничий остров начинают действовать также иные художественные силы. Среди таковых можно выделить приемы формирования образа, характерные для русской народной сказки. Авантюрный сюжет требовал соответствующего освещения образа героя и соответствующих приемов для реализации такого освещения. Такие приемы в то время автору повести могла дать только народная сказка. Утверждение исследователей (Л.Н.Майкова, А.Н.Пыпина и др.) о заимствованности образа героя из переводных западноевропейских источников (например, из «Гистории о знатного роду гишпанском шляхтиче Долторне») развенчана Г.Н.Моисеевой путем сопоставления этих двух повестей в геройном отношении. «Автор «Гистории» о российском матросе, – утверждает Г.Н.Моисеева, – несомненно знал рассказ о приключениях знатного «гышпанского шляхтича Долторна». его знакомство с этим

произведением сказалось на некоторых подробностях повести, например на описании бегства героев с разбойниччьего острова в Цесарнию, на изображении узнавания героя посредством музыки. Но «Гистория» о «гишпанском шляхтиче Долторне» не оказала никакого влияния на создание образа главного героя повести – носителя авторских идеалов – храброго российского матроса Василия» [3, с.50].

Таким образом, характер героя «Гистории о Василии Кориотском» подвергся влиянию русского фольклора. Об этом свидетельствует и своеобразная стилистика соответствующего отрезка повести, насыщенного фольклорными формулами («...атаман им отвещал: «Братцы-молотцы, буди по воле вашей» [3, с.195]; «Василей крикнул великим гласом: «Молотцы удалие!» [3, с. 196] и др.).

Василий образца второй части вообще представляет собой довольно любопытный характер. В нем причудливо сочетаются элементы различных культурных слоев. Он, «превратившись» в героя сказки, становится немного плутом и «удальным молодцем»; встретившись с красавицей Ираклией, становится галантным кавалером (со всеми формирующими этот образ компонентами, в том числе и стилистическими формулами).

Однако, несмотря на разнообразные культурные составляющие, в целом образ главного героя риторичен. На протяжении всего повествования мы можем наблюдать в его характере авторскую установку на демонстрацию идеальных для Петровского времени качеств. Несомненно, что в первой части повести данная черта предстает как доминантная, являясь отражением единой авторской воли, в то время как вторая часть дает нам ее в несколько латентном виде, что является следствием расширения образа героя под воздействием дополнительных идеально-художественных пластов. Однако нельзя не отметить, что, помимо любви к отцу, которой мы не находим во второй части, все остальные качества матроса Василия, заданные ему автором в начале повествования, сохраняются на протяжении всего текста. Во второй части они подаются наряду с новыми качествами, открывшимися в результате расширения сферы деятельности героя, а потому не так ощущимы и несколько нивелируются. Однако внутренняя логика произведения, заданная риторической целью представить идеальную карьеру идеального человека Петровской эпохи, выдерживается до конца. Василий Кориотский, сын оскудевшего дворянина, добивается признания, богатства и счастья в любви всецело благодаря своему уму, прилежанию, честности и всевозможным талантам, в то время как герой западноевропейской переводной повести зачастую лишен всех этих качеств и достигает успеха благодаря случайному стечению обстоятельств, а сказочному герою помогают чудесные силы.

Таким образом, очевидно, что «Гистория о Василии Кориотском» не является эклектичным соединением всевозможных культурных и стилистических пластов. Ее внешняя разнородность внутренне организована риторической установкой Петровского времени. В этом отношении структурная двухчастность повести не представляется перспективной, так как характеристика героя, заданная в первой части, увенчивается риторически ожидаемым результатом во второй.

Однако несомненно также, что при всей его риторичности, выдержанной до конца, образ героя значительно расширяется в ходе повествования. Составляющие его характера становятся настолько разнородными, что в их многообразии уже нелегко проследить развитие изначальной авторской установки. Именно эта особенность «Гистории о Василии Кориотском» представляет для нас наибольший интерес в историко-литературном контексте формирования русского романа. И в этом отношении опять становится важной внутренняя двухчастность повести, так как именно вторая часть отражает существенное расширение образа героя, в первой части представленного риторически однопланово.

Как уже было отмечено, картина мира в первой части имела несамостоятельный, декоративный характер, и соприкосновение с ней не могло отклонить образ героя от заранее намеченной авторской линии. Но герой повести о Василии Кориотском во вто-

рой ее части несомненно перерастает себя изначально сформированного, выходит из-под риторического авторского контроля. Первоначальная сюжетная линия, повествующая о карьере русского дворянина, осложняется во второй части двумя мотивами: фольклорным мотивом пребывания героя в среде разбойников, а также любовным, влекущим за собой все дальнейшее повествование. Фольклорные элементы сюжета, на наш взгляд, в данном случае не несут в себе потенции расширения образа героя, поскольку здесь сказочная ситуация представляет собой переходную декорацию между двумя сюжетными частями. Силой, нарушающей риторическую однозначность образа героя, дающей ему дополнительное пространство для развития, является, на наш взгляд, любовная коллизия, органично исходящая из основного повествования, однако постепенно уводящая его в сторону и расширяющая художественную действительность за счет новых персонажей и декораций. Вся вторая часть повести организуется любовными приключениями героя, осложняя его риторическую фигуру новыми ракурсами и возможностями для новых проявлений своего образа. Подобное нарушение однофокусности риторической повести имеет, на наш взгляд, огромное историко-литературное значение, открывая новые возможности для формирующегося изнутри риторической культуры романного жанра.

Роман как некий художественный разряд был известен и русской литературно-теоретической мысли начала XVIII в. И одной из основных черт, формирующих такого рода произведения, уже тогда справедливо считалась любовная интрига. О ее романообразующей потенции говорит, в частности, А.Д.Кантемир, давая в 1730 г. рабочее определение «романца»: «Есть же романц баснь, в которой описывается острыми выдумками какое любовное дело по правилам эпического стихотворения, для забавы и наставления читателей» [4, с.395]. Древнерусская повесть, к которой генетически восходит и «Гистория о Василии Кориотском», в силу ряда причин не имела любовной интриги в своем художественном арсенале. Освоение же этого нового материала для сюжетостроения, несомненно, ускорило процесс формирования романного жанра в русле русской эпической системы.

Следует отметить, что мотив спасения плененной девицы героям характерен и для русской сказки, а потому само наличие любовного компонента еще не свидетельствует о романной природе. Однако если в сказочной действительности этот элемент никак не отражался на статичном образе героя и даже был изначально запланирован, то в повести о Василии Кориотском эта коллизия нарушила изначальную стройность образа героя, осложнив его статус передового человека Петровской эпохи новыми чертами.

Риторически однозначный взгляд на героя характерен для обеих частей повести, однако если в первой части положительные черты Василия подчеркивались исключительно автором, то во второй части те же и некоторые другие черты его характера открываются в нем второстепенными персонажами, с которыми герой сталкивается по ходу действия. Любовная коллизия, расширив поле деятельности героя, осложнив его историю новыми приключениями, тем самым расширила и круг персонажей, каждый из которых, столкнувшись с героем, открывает читательскому взору какую-нибудь новую черту его характера или же подтверждает прежнюю, усиливая авторскую оценку оценкой со стороны.

Таким образом, очевидно, что «Гистория о Василии Кориотском», хронологически первая в ряду повестей Петровского времени, генетически продолжая традицию русской повести, риторической по существу, в силу исторического развития вносит в эту традицию ряд качественных изменений. Осложненная любовной коллизией, не характерной для предшествующей русской повествовательной традиции, повесть испытывает трансформации в способах обрисовки образа героя и в характере вымысла. Подобные новаторские тенденции позволяют утверждать, что данное произведение представляет собой важное звено не только в процессе развития русской повести XVIII в., но и в эволюции всей русской эпической системы на пути формирования жанра романа.

РЕЗЮМЕ

Робота присвячена проблемі становлення та формування жанру роману в російській літературі XVIII століття. Аналіз структурних та ідейно-тематичних особливостей однієї з анонімних повістей Петровського часу дозволяє автору відзначити якісні зміни, що відбуваються у риторично організованому тексті та свідчать про еволюцію жанрової системи російської прози в романному напрямку.

SUMMARY

The work is devoted to the problem of becoming and formation of the novelistic genre in the Russian literature of XVIII century. The analysis of structural and ideologically-thematic features of one Peter time's anonymous story allows the author to note some qualitative changes occurring in rhetorically organized text and testifying to evolution of genres' system of Russian prose in the novelistic direction.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Сиповский В.В. Русские повести XVII-XVIII вв. – СПб., 1905.
2. Петухов Е.В. Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. – Юрьев, 1911.
3. Русские повести первой трети XVIII века (Исследование и подготовка текстов Г.Н.Моисеевой). – М.-Л., 1965.
4. Разговоры о множестве миров господина Фонтенелла, парижской академии секретаря, с французского перевод и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве в 1730 году //Сочинения, письма и избранные переводы Антиоха Дмитриевича Кантемира: В 2-х тт. – СПб., 1868. – Т.2.

Надійшла до редакції 12.11.2007 р.

УДК 82-3.09-311.7

СОЦРЕАЛІСТИЧНИЙ ТЕКСТОВИЙ МАСИВ: РОЗГОРТАННЯ СЕГМЕНТА «ЗМАГАННЯ» У ПОВІСТІ ВАС. ГАЙВОРОНСЬКОГО «РОЗМИНОВКА»

O.B.Пуніна

До сьогодні авторська постать Вас. Гайворонського лишається об'єктом поза межами літературознавчого вжитку, заявляючи про себе лише незначними ерзацами у гідних діаспорних виданнях [16] (чи то будучи подібно виданим [12; 13]), розвідках біографічно-оглядового плану та [6; 19] моментом зацікавлень периферійних (місцевих, маргінальних) газетярських сторінок [3; 4; 9; 16]. Зрештою, ситуація, що наразі є беззаперечним фактом ілюстрації наслідків порпання радянського уряду в організмі україномовної культури, анітрохи не епатує. Та все ж: доцільність руйнування випрацюваної не одним поколінням завіси на представників творчих сил 20-30-х рр. ХХ ст. зумовлена розширенням дослідницьких горизонтів у літературознавчій площині за рахунок повернення / відновлення / оживлення навмисне забутих імен.

Регіональний набуток у зв'язку із цим становить неоціненну вартість, відтак зосереджуємося на досить вагомій у текстовому багажі «донбасівського» періоду (до 1933 року, часу змушеної дислокації) Вас. Гайворонського (і тільки – Гайворонського, себто наголошуємо на значних змінах у підході до стилевого оформлення творів, написаних

у 50-60-х рр. уже В.Гайдарівським) повісті «Розміновка», який передував ряд оповідань російською мовою [10]. Кatalізатором до вписування у дослідницьке коло ранніх творів, зокрема «Розміновки», може слугувати зізнання (вже) В. Гайдарівського (місце перебування – США) у листі до видавця Юліана Середяка: «Але жодного оповідання, що писав їх ще юнаком, і з тих, що писав під час війни, у мене не залишилось. І дуже шкоду. Вони ж бо свідки і наслідки пережитого, вони ж моя біографія» [13, с. V].

Передовсім із частин, надрукованих в ілюстрованому баумутському журналі «Забой» (протягом 1931-32 рр.), харківському «Гарті» та місячнику «Літературний Донбас», що становили повноцінний текст для Державного видавництва України у 1933 р. під заголовком «Пугачівська рудня» [13, с. IV], зупиняємося на останній [10], яку досить легко укомпактувати в модель соцреалістичного текстового масиву, зокрема приписуючи жанровий ярлик на кшталт «виробничого» роману (уточнімо, незважаючи на жанрове визначення автором «Розміновки» як «повісти», цілком слушно говорити про романне оформлення цієї прозової одиниці, ідучи за ознаками академічного літературознавства, зокрема в межах тематико-проблемного та образного рівнів) значно розкрученого на початок 30-х рр. в літературному осередку [див. 5, с. 17], «збігаючись у часі з розвитком індустріалізації в нашій країні» [15, с. 95], приміром, романі П. Відгоровича «Сталеве серце» (1929), Ю. Зорі «Депо» (1930), Дм. Гордієнка «Тинда» (1930), І. Сенченка «Металісти» (1932), І. Кириленка «Перешихтовка» (1932) [15, с. 95-96] тощо з властивим перебільшеним інтересом до сухо виробничих процесів, тенденційностю, сталою схемою подання «соціалістичної усвідомленості концепції світу й людини, обумовленої епохою боротьби за встановлення соціалістичного суспільства» [8]. У цьому ракурсі «Розміновка» виключенням не є, про що свідчить сюжетний скелет повісті: пролог – завдання – випробування – кульмінація – об’єднання – фінал (за Т. Гундоровою) [17] (Деркачевий виступ – виклик на змагання – змагання з черкашинцями та зозулинцями – перемога, арешт зрадника (Жоржик) – мир між учасниками змагання – госпрозрахунок) та його образні нарости (приміром, опозиція Макар Семенович Деркач – бригадир Мазурки-схід, передовик, «творець виробничих чудес», представник загальних інтересів та Пилип Єфремович Карпов, інтереси якого «не виходили за межі парканчика довкола хати» [11, с. 68], десятник Сорока – шахтар Завірюха та ін.). Тож, маємо доброботного (відповідного) репрезентатора умовно «соцреалістичного текстового масива».

Звідси безпосередньо переїдемо до однієї зі зв’язок структур сюжетного скелету – між завданням і випробуванням (у нашему випадку беремо сегмент змагання), з метою прослідкувати векторний рух в асоціативному полі (коді) від вихідної точки, у нас – переходної, від попередньої структури завдання до наступної – випробування. Ширший контекст для обраної текстової молекули визначаємо за рахунок реалістичної рамки, що виступає керівним принципом для побудови соцреалістичного твору, в нашему випадку пов’язуючи з виокремленим сегментом (зв’язкою) змагання – своєрідною формою стимулювання трудової активності робітників в умовах командної економіки кінця 30-х рр., найпоширенішим видом якого є збільшення норм вироблення. Використовуючи прийом пастішування [1] дійсності, твір не обходиться без застосування сухо соцреалістичного «утопічного» показника, що і вимальовується з обраного нами сегмента.

Бачимо за доцільне розподілити сегмент змагання на менші одиниці-текстуальні означники (усього нами виділено 62) [11, с. 61-65]. Акцентуватимемо на центральних. Вихідним пунктом асоціативного векторного руху стає **комунікаційний** код (власне повідомлення, що стає зв’язною ланкою між сюжетними структурами завдання і випробування, себто момент переходу від одного до іншого фіксує саме він), на основі якого розростається ряд **волонтативних** (реакція співбесідника) кодів: «На другий день після Деркачевого виступу на зльоті, де від імені своєї бригади викликав на змагання черкашеннів та зозулинців на Мазурці-схід із цього приводу спричинилося багато розмов» [11, с. 61].

Реакційний код насамперед визриває на матеріалі колишнього бригадира, проф-організатора дільниці Власова, яким фокусуються текстуальні означники 2-7 (відтінки коду, де ключовими виступають поняття «помилка», «не припускати можливості», «знеславити», «неспокій», «соромити», «врятувати») і формують **психологічний** код.

Інший напрям **волонтативного** коду проявляє суть, функціонуючи одночасно з **комунікаційним** кодом (новим, що є ланцюгом уже частини випробування), де система значень підкоряється агітаційному принципу – заклик, переконання: (від 8 і далі) асоціації визривають на діалогічній схемі (Деркач – шахтарі або Власов, бригадир – підлеглі (шахтарі + Власов), в основі міркувань, процес показу реакції співбесідників, – сумнів «-Коли б не засипатись нам...», у дію вступають відтінки **психологічного** коду Власова «- Треба викликати гірших, а не кращих... Засипемось, і сміятимутися...» [11, с.61], перекликаючись із подачею **реакційного** коду на його ж основі.

На комунікативній опозиції Деркача і Власова намацуємо зародки підкоду **протистояння** («- Розуміємо, як уміємо, – з серцем вигукнув Власов. // - A треба розуміти як слід» [11, с. 61]), що не матиме продовження через окупацію в подальшому розгортанні **комунікаційного** коду ідеологічною сіткою значень чи радше – ідеологічно-насадженою: «...У нас дехто з товарищів невірно розуміє соціалістичне змагання. I як це не сумно, а вони ще з'являються нашими представниками (посередня роль **оцінного** коду) ...Змагання для нас товариши не новина» [11, с.61].

Поява **реторичного** коду (нагадування, резюмування) «Змагалися ми ото колись із «камінчанами»... Змагаються у нас забійники один із одним... Одним словом про змагання ми багато говорили та мало вживали» [11, с.61] зумовлена тим, щоби зняти напругу підкоду **протистояння**. Подаючи в такий спосіб значну кількість переконливих аргументів на свою користь, Деркач бачить результативність протистояння у переході до **виховного** (а в нашому випадку власне він і є) моменту (підкод **соціального** коду).

Функціонування **побутового** «Народ тільки-но закінчив рубати вугілля, стомлений, голодний...» [11, с.62] в мінімальному обсязі дає максимальний ефект – народ стомлений голодний (!!), але не розходитьсь – сигнал для продовження акту спілкування. Спостерігаємо тривале розгортання в часі **комунікаційного** коду і його відтінків: поява і обговорення конкретних пропозицій змагання, підсумованих у понятті «загальної справи», в який втручається **психологічний** код з домінуючим підкодом **протистояння** в особистісних стосунках (Деркач і Карпов), де фігурують елементи «розгубився», «розмірковував», «складна історія», «тримався погордо», «сердиться чи жартує», «душевний злам». Такий відхід від **комунікаційного** коду слід пояснити зародженням у його основі на виокремленому відтинку змагання наступної значеннєвої одиниці, яка отримає своє розгортання у подальших сюжетних структурах (зокрема, в структурі об'єднання). Зародження підкоду **особистісного протистояння** фіксуємо лише у зв'язку з рішучим обриванням дії цього підкоду, який частково пов'язаний із розгортанням сегмента змагання (колишнє змагання між друзями Деркачем і Карповим).

Черговим збуджуючим загальний стан майбутньої діяльності виступає підкод **соціального** коду, який можна означити поняттям **колективності**, з таким причиново-наслідковим смисловим навантаженням: партія вимагає – ми повинні, рівнятись на кращих – аби не соромно, боротися – щоби першість: «Hi, товариши, давайте плюнемо на вигдане Власовим самолюбство і твердо скажемо: виклик на змагання з черкашинцями та зозулинцями приймаємо, будемо боротися з молотком у руках за першість і справжня боротьба за вугілля тільки розпочинається» [11, с.63].

Зародки підкоду протистояння в опозиції Деркач – Власов переростають у відтінок **присоромлення (моральний код)**, що зрештою передбачалось від початку його становлення, переростають, аби зупинити ріст: «Усе ясно й так. Власова як слід висміяли, присоромили, й він не зізнав, куди себе діти» [11, с.63], отже і результат першого з напрямків **волонтативного** коду (з боку Власова) нульовий. Подібний етап проходить

і десятник Сорока, утім, не вступаючи в жодне з протиріч, бездіяльний опозиціонер: «Дісталося як слід і десятникові Сороці. Дорікали йому за ті випадки, коли не вистачало лісу чи залишалось у завалі вугілля...» [11, с.63].

Вирішальним у подальшому розгортанні **комунікаційного** коду стає підтримуючий фабульний каркас твору **акціональний** код, уможливлений позитивним завершенням одного з етапів коду **комунікаційного** – погоджена справа: «*Таке загальне піднесення в прийнятті умови змагання надавало бадьорости й самим робітникам і їхньому бригадирові.* // - Так, значить починаймо? – закінчив збори міцним вигуком Деркач. // – Почкинаймо! – пролунало йому у відповідь одразу кілька голосів» [11, с.63]. **Акціональний** код розгортається через усвідомлення робочої схеми Деркач (**двигун**) → **потрібна кількість добичі**: «...Я добре знаю своїх людей, тому мені видніше, кого куди й коли поставити й що від кого вимагати» [11, с. 63] і усунення непередбачуваних (**біологічний код**) подій (приміром, хворий шахтар), активного включення у розгортання сегмента змагання перевиховного моменту, про який ішлося і вище: «...поновлення свого авторитету [про Власова]. А це нелегка справа. Звичайно, в першу чергу треба працювати й працювати, щоб свою завзятою роботою привернути до себе увагу, а після й повагу» [11, с.64] та – залучення власних сил для допомоги табору, з яким зобов’язався змагатись: «*Тоді зібралися три бригади в кімнаті партосередку, просиділи там до пізньої ночі, аж поки від бажання спати почало дубіти тіло, й намітили цілий ряд заходів, які почали запроваджувати другого ж дня*» [11, с.65]. З цієї точки – пряме розгортання сюжетної структури випробування, відтак зв’язка-сегмент змагання добігає логічного кінця, будучи рельєфним лише на момент дії двох визначальних кодів – **комунікаційного** (*агітаційного*) та **акціонального** (*ударного*).

Підсумовуючи, маркуємо обраним для розгляду сегментом змагання у повісті Вас. Гайворонського «Розминовка» наявну комунікаційно-акціональну понадтекстову організацію агітаційно-ударного спрямування, розгортання якої дає змогу бачити й інші смислові аспекти (реакційний, психологічний, оцінний, реторичний, біологічний, соціальний, моральний), і вбачаємо в цьому одну з провідних ознак соцреалістичного текстового масиву.

РЕЗЮМЕ

В статье расстановка акцентов делается на одном из основных признаков соцреалистического текстового массива – сегменте *состязания* в повести Вас. Гайворонского «Розминовка».

SUMMARY

In the article are highlighted key points on one of the basic features of socialistic realism textual body – segment of competition in story «Rozminovka» written by Vasily Gayvonsky.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Барт Р. S/Z. / Пер. с фр. 2-е изд., испр. Под ред. Г. К. Косикова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
2. Барт Р. Текстуальний аналіз «Вальдемара» Е. По // Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. / За ред. Марії Зубрицької. – Львів: Літопис, 2001. – С. 497-524.
3. Березин В. Жизнь и судьба Василия Гайворонского // Провинция. – 2007. – №3. – С.12.
4. Березін В. Так хто він такий – Василь Гайворонський? // Провинция. – 2006. – №21. – С.3.
5. Бернадська Н. І. Теорія роману як жанру в українському літературознавстві: Автограф. ... д. ф. н. – К, 2005. – 36 с.

6. Біляїв В. Шукач гарного світу (Василь Гайдарівський) // Біляїв В. На неокрайнім крилі... Штрихи до літературних портретів західної діаспори. – Донецьк: Східний видавничий дім, 2003. – С.58-78.
7. Борев Ю. Б. Художественные направления в искусстве XX века. – К.: Мистецтво, 1986. – 134 с.
8. Бучкина Е. К вопросу о соцреализме // <http://gllagoll.by.ru/stati/buch2.html>
9. Вынудили бежать в Америку // Донбass. – 2007. – 20 янв. – С.15.
10. Гайворонський В. Мечтатель // Провинция. – 2006. – №41. – С.13; №42. – С.13.
11. Гайворонський В. Розминовка (восьмий і останній розділ ПОВІСТИ) // Літературний Донбас. – 1932. – №3 (груд.). – С.61-92.
12. Гайдарівський В. А світ такий гарний... Оповідання. – Буенос-Айрес: Вид-во Юліана Середяка, 1962. – 239 с.
13. Гайдарівський В. Дещо про себе і свою творчість (лист до видавця) // Гайдарівський В. А світ такий гарний... Оповідання. – Буенос-Айрес: Вид-во Юліана Середяка, 1962. – С.I-VI.
14. Гайдарівський В. Циркачка. Оповідання. – Колорадо: UKRaPRESS. – 1986. – 287 с.
15. Голубєва З.С. Український радянський роман. – Харків: Вид-во Харківського ун-ту, 1967. – 216 с.
16. Гречишкіна Т. Повернення із забуття // Енакієвский рабочий. – 1994. – №53. – С.3.
17. Гундорова Т. Соцреалізм як масова культура // Сучасність. – 2004. – №6. – С.52-66.
18. Костюк Г. З літопису літературного життя в діаспорі до 15-річчя діяльності об'єднання українських письменників «СЛОВО» 1954-69 // У світі ідей і образів. Виране. Критичні та історико-літературні роздуми 1930 – 1980. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С.440-490.
19. Оліфіренко В.В. В.Гайворонський // Донбас. – 1995. – Спецвипуск. – С.85-89.
20. Романько В. Повернення на батьківщину Василя Гайворонського // Донеччина. – 2007. – 5 черв. – С.4.
21. Социалистический реализм // Расширенный терминологический словарь к курсу «История зарубежной литературы: XX век»: /Сост. И.А.Попова-Бондаренко и др. – Донецк: ДонНУ, 2005. – С.87-89.

Надійшла до редакції 05.11.2007 р.

УДК 801.311

НОВЫЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ

Н.А. Луценко

Этимология принадлежит к числу самых ёмких (и в смысле теории, и в смысле материала) лингвистических дисциплин. Удачная «расшифровка» какого-либо слова может быть связана со значительными исследовательскими перспективами – в фонологии, морфологии, семантике и т.п. В большинстве этимологических работ такого рода перспективы остаются нереализованными – ср. замечания о недостаточности современных приёмов этимологирования в [1, с. 127]. В наших этимологических исследованиях мы исходим: а) из внутренней предикативной сущности слова; б) из наличия семантических парадигм и типов переходов значений; в) из особой значимости стыка согласных как начального звена многих фонетических преобразований; г) из тенденции развития в направлении от губной субстанции; д) из существенности фонологической структуры речи для изменений фонетического плана и т.д. Использование указанных и

других принципов позволяет нам критически отнестись к некоторым существующим этимологическим решениям и предложить собственные версии, касающиеся происхождения тех или иных слов.

БРЕЗЖИТЬ. Вопреки словарям, глагол *брэзжитъ* не может быть общеславянским, ибо произведен от основы, возникшей посредством экстенсивного фонетического расширения (только русского) слова *зга*. Соотнесение *брэзжитъ* с *брэзг* ‘ранний утренний свет’, ‘рассвет’ [2, с. 193], думается, тоже неточно: *брэзг* как имя мужского рода пережило лексикализацию, стало быть, представляет вторичное («закреплённое») значение. *Брэзжитъ* необходимо сопоставлять с *брэзга* (= *зга*) *‘тьма’, *‘звезда’, соотв., содержательно толковать его как суммарное (двухслойное) выражение значений ‘тьма’ (~ ‘зад’ || > ‘утрат’ ~ ‘возврат’), ‘звезда’ (~ ‘блеск, свет’), т.е. *брэзжитъ* = а) ‘звезды утрачивают блеск, «темнеют», исчезают’; б) ‘день (свет) возвращается’. Диал. *брэзга* ‘ка-призный ребёнок (человек)’, т.е. ‘ребёнок (человек), который всё отвергает’ (< ‘зад’ || ~ ‘тьма’) показывает, что акцент в *брэзжитъ* лежит на смысле ‘тьма’ (~ ‘возврат’). Более конкретно истолковать происхождение нашего глагола можно, указав в первую очередь на два процесса: 1) появление приставного *и(i)-* перед стыком согласных – с дальнейшим видоизменением его конфигурации (*i* > *je*, *h'e* [~ *v'e*] и пр.); 2) усиление *j* (*h'*) в *br*, где *b* – технический взрывной согласный, обеспечивший необходимый уровень артикуляционной энергии (ср., например, *ясный* > *красный*; см. этюды о словах *труп*, *тереть* и др.). Итак: *зга* > *изга* > *езга* > *брэзга* || > *забрэзжить* > *брэзжить*. Глаголы со значением ‘пренебрегать чем-либо’, ‘быть брезгливым, привередливым’ (*брэзговать*, диал. *брэзгаться*, *брэзговаться* и т.п.) тоже возникли на основе имени *брэзга*, ещё со значением ‘зад’ ~ ‘возврат’ (< ‘тьма’). Как и *зга*, по потенциальному фонетическому развитию *брэзга* = звезда (ср. этюд о слове *зга* [3, с. 65]). Подчернём ещё раз: *брэзжить* возникло там, где есть слово *зга*, т.е. в русском языке.

ВАРИТЬ. Лингвистами это слово морфологически и семантически связывается с др.-русск. и ст.-сл. *в(ъ)рѣти* ‘кипеть’ [4, с. 137 и др.]. И вообще все лексические сближения глагола *варить* «вертятся» исключительно вокруг смыслов ‘жечь’, ‘гореть’, ‘кипятить’, ‘жара’ и т.д. Однако, как показывает старое название Днепра, *Vap* (*Var*), и многочисленные, уже неоднократно упоминавшиеся нами в других этюдах гидронимные соответствия к нему (*Vag*, *Vaga*, *Vora*, *Vожа* и др.), и не только они (ср. тох. *A war* ‘вода’, ‘жидкость’, скр. *vari* ‘вода’, болг. *вар-ка* ‘лодка’ [по ‘воде’] и под.), в основе глагола *варить* заключена идея ‘воды’ или, говоря несколько иначе, идея ‘доведения до состояния воды, жидкости’. Глаголы на *-ить* отыменные [5, с. 643], т.е. семантически ориентированы на имя-дериватор. В данном случае это слово *var* ‘вода’ (вторично – ‘кипяток’; см. ниже). Очевидно, изначально наш глагол обозначал просто осуществляемое путём подогревания превращение («плавление») льда в воду, которую при этом использовали и в тёплом, и – чаще – в горячем виде. Поскольку за ‘льдом’ и ‘водой’ как таковыми были закреплены отдельные слова (*лёд*, *вода*), их фонетический содериват, субстантив *var*, обозначил ‘воду-кипяток’. Тикологически ср. укр. *кріп*, *окріп* ‘кипяток’, *вар*', русск. *укроп* ‘то же’ и укр. *крапля*, *крапка* ‘капля’, русск. *кропить*, *окропить*, а также *растопить* ‘развести огонь’, *растопить* ‘нагревая, превратить из твёрдого состояния в жидкое’ и *утопить* и пр. Позднее существительное *var* стали использовать и как именование других продуктов подогрева (смолы, отваров), а также ‘зноя’. Глагол *варить*, соответственно, стал обозначать действия, связанные не только с кипячением (*варить їци* и т.д.), но и с нагреванием, плавлением (*варить металл, смолу* и пр.). Что касается конкретных фонетических взаимоотношений между *var*, *вода* и *лёд*, то, говоря о них как о содериватах, мы имеем в виду их параллельное фонетическое производство от примитива *ву* ‘вода’: 1) *ву* > *вг[h]a* > *вра* > *вар*; 2) ...*вг[h]a* > *вда* > *вод* > *вода*; 3) ...*вда* > *льда* > *лёд*. Будучи каузативом, глагол *варить* был получен путём отбрасы-

вания префикса от одного из префиксальных глаголов совершенного вида, образованных непосредственно от *вар*: *вар* > *сварить* > *варить* и т.п. Морфема *-вар*, участвующая в образовании сложных существительных (*пивовар*, *солевар*, *стекловар*), своим субъектным значением обязана мужскому роду, а также тому, что предшествующие *-вар* части сложных слов сигнализируют о конкретном объекте.

ВАЯТЬ. Приписывание глаголу *ваять* статуса каузатива относительно *вить* [6, с. 34] не согласуется с семантикой *ваять* – ‘создавать скульптурные изображения из камня’ (БАС). Очевидно, что здесь отражено не каузативное значение, а значение ‘делать’. Ср. <др.-русск.> Свѣтило ^ злата чиста ва"но. Исх. XXV. 31. (Срезн. I, 232). Это значит, что глагол *ваять* находится в содержательной корреляции со смыслом ‘рука’ и его лексический контекст образуют репрезентанты составляющих пучка ‘вода’ ~ ‘река’ – ‘берег’ – ‘рука’. При этом в семантике нашего глагола, вероятно, сказалось то, что мир воды ~ реки – это и камни, грязь, глина и т.п. Фонетически *ваять* легко сопоставляется с известным нам примитивом *ву* ‘вода’ (~ ‘река’): *ву* > *вва* (> лат. *vivo* ‘оживляю’ || < ‘вода’) > *вja* > *вај* > *изваять* > *ваять*. Корень *вай* в его водном значении представляет гидроним *Иловай* (река в Тамбовской области). Значению ‘берег’ была «отдана» фонетическая параллель к *вай* – слово *вал* (*ву* > *вва* > *вла* > *вал* || > англ. *wall* ‘стена’; конкретное значение – знак заимствования). Кстати, содержательную и фонетическую параллель к *ваять* составляет в одном из значений глагол *валять* (ср. *валять валенки* || = ‘изготавливать’ < ‘рука’). Значение ‘рука’, как можно думать, представляет и др.-русск. *вои* ‘воин’ (...*вja* > *воj*; > лексикализация значения мужского рода). Хотя глаголы *вить*, *свивать* и под. диахронически тоже связаны с примитивом *ву* (см. публикуемый отдельно этюд о слове *лить*), они имеют особое существование и происхождение, существенно дистанцирующее их от *ваять*. Возникнув на северо-востоке, в русском языке, глагол *ваять* попал только в области бытования южных славян. Постулирование этого слова как «общеславянского» является искажением действительности.

ВИХЛЯТЬ – ВИЛЯТЬ. Глагол *вихлять* рассматривается этимологами отдельно от *вилять*, хотя оба эти глагола, как мы покажем, возникли примерно одинаково. Образ вихляния/виляния наши предки извлекли из наблюдений над «поведением» водных потоков (рек, ручьёв). В случае с *вихлять*, ввиду очевидного родства этого глагола с существительным <укр.> *віхола* ‘метелица, выюга’, в формировании указанного образа могло принять участие также представление о «вихлянии» ветра. Однако в принципе это мало что меняет, так как некогда названия воздушных потоков «омонимически» совпадали с названиями потоков водных (ср. родственные с *вихлять* и *вилять* глаголы <укр.> *віяти*, <русск.> *веять* и под.). Сказанное означает, что *вихлять* и *вилять* можно ставить в связь с примитивом *ву*, известным нам в качестве носителя смысла ‘вода’ ~ ‘река’. Образование *вихлять* от происхождения глагола *вилять* отличается тем, что в этом случае, как бы до и вместо вокализации стыка согласных, возникшего после перехода *у* > *ва* (*ву* > *вва* > *вла* ~ *вля*), 1) согласные оттянулись друг от друга и щель заполнилась приыханием (*вва* > *в-ва* > *в-h-ва* > *в-h-ла* ~ *в-h-ля*); 2) *г(h)* видоизменился в *х* (*в-h-ла* ~ *в-h-ля* > *в-x-ла* ~ *в-x-ля* ~ *в'-x-ля*). Только после этого появился гласный, сформировавший окончательно двусложное строение основы (*в-x-ля* > *въхля* > *вихлять*). Возникновение глагола *вилять* из той же формы примитива (*вла* ~ *вля*) было обусловлено только вокализацией стыковой мягкости (*вля* > *въля* > *вилять*). Вопреки бытующей точке зрения, ни *вилять*, ни *вихлять* с *вить* непосредственно не связаны.

ВОЙ. В угоду пражзыковой концепции слово *вой* объявлено общеславянским [7, с. 88], хотя его нет в большинстве славянских языков (старославянском, белорусском, украинском, чешском и др.). Образование *вой* от *выть* тоже не разъяснено, а постулировано – без рассмотрения альтернатив. Между тем, если между *вой* и *выть* имеет место парадигматическая связь, то её отсутствие в языках может означать только то, что

глагол со значением ‘выть’ в них является заимствованным. Кроме того, не учитывается, что значение продукта, свойственное слову *вой*, в плане номинации отсылает к источнику этого продукта, точно так же, как содержит отсылку к предметному понятию и инфинитив *выть*. Следовательно, для *вой* и *выть* необходимо найти общее изначальное звено фонетической и семантической деривации. Таковым оказывается известный нам примитив *ву* ‘вода’ (~ ‘река’ || *ву* > *вы-ть* [= делабиализация]; о *вой* см. ниже). Дело в том, что именование ‘воды’ ~ ‘реки’ как исходного транспортного средства (ср. этюд о слове *лёткий*) обусловлено было перенесено на изофункциональные предметы. Среди первых средств передвижения в соответствующей литературе упоминается прежде всего собака, чьё обозначение повсеместно пересекается с ‘волком’, ‘оленем’, ‘конём’ и реками; ср. др.-греч. Λύκος (река в Малой Азии) – λύκος ‘волк’ и т.п. [8, с. 47, 59]. См. интересные наблюдения, касающиеся соотносительной связи «волчьего» и «конского» гидронимических циклов, в [9, с. 58]. С нашей точки зрения, существительное *вой* – первоначально тоже название ‘волка’, аналог первой части с.-хорв. *ву-к*, укр. *во-к*, русск. *вол-к*, *пол-кан*, фамилии *Вол-конский* и т.д. (*ву* > *вва* [> *вов* ~ *вол*] > *вја* > *вой*). Ср. гидронимы *Волконь*, *Волкона*, *Волхона*, *Волхонка*, *Воймежное* (озеро), *Волчек* и др. (бассейн Оки). Выражение *вой волка* – пример проявления предикации через лексическую сочетаемость. Часть *-к* в *вовк*, *волк* и т.д., в силу произошедшего переосмысливания (‘волк’ > ‘вой’) ненужная в *вой*, соответствует лат. *canis* ‘собака’ и др. (см. уже напечатанный этюд о слове *звук*).

ВОЛЯ. Ср.: ...си являеть Богъ милосердіе свое, воля намъ вразумляти (Летоп. Авраамки, стлб. 205). С точки зрения происхождения слова *воля* важно иметь в виду, что в представлении русских проявление и отсутствие воли связывается с образом водного течения: 1) волевой человек, человек с волей, уподобляется реке, текущей куда ей надо, такой человек сам способен планировать и направлять свою деятельность и потому нередко *идёт против течения* – действует не так, как другие; 2) безвольный человек, тот, у кого воля отсутствует, пассивен, не умеет действовать самостоятельно, подчиняется чужой воле – *плывёт по течению*. Таким образом, воля = ‘течение’, ‘собственное направление’ и, разумеется, номинативно в целом ‘вода’ ~ ‘река’, поскольку деталь, особенность в назывательном отношении не отделяется от целого. Стало быть, как это ни странно, и слово *воля* мы вправе соотнести с примитивом *ву* ‘вода’. Так как этот примитив представляет собой своеобразную русско-удмуртско-коми-пермяцкую изоглоссу, кроме признания слова *воля* русским по происхождению, для его распространения следует принять направление с востока на запад. Иначе говоря, в постулировании посредничества праславянского в этом, как, кстати, и в других случаях, нет никакой необходимости. Преобразование *ву* в *воля* конкретно можно описать следующим образом: *ву* > *вва* > *вла* > *вля* (> *въля* > *веля* || > *велю*) > *воль* > *воля*. Чужая, но благая (божья) воля – *вера* (*ву* > *вг[h]а* > *вра* > *въра* > *вера*). Иначе говоря, можно плыть по течению, если это течение предопределено верой. Добавим, что писатели воды рек и морей далеко не случайно называют *вольными*: обладая абсолютным языковым чутьём, художники слова образуют именно те сочетания слов, которые отображают единство и требуется единством их происхождения.

Др.-русск. **ДЬНИЕ**. Лексикализованную форму *дьние* (*дьни~, дьнье*) ‘дни’, ‘попра’ приводит в своём словаре И.И.Срезневский: *Егда же испльнишася дьние родити...* (Панд. Ант. XI в. – Срезн. I, 770). Она интересна тем, что иллюстрирует некоторые особенности действия ‘правила еров’ – абстрактных гласных (О, Е). Абстрактный гласный, скрыто участвуя в организации речи, поверхностно проявляется лишь тогда, когда за ним следует другой абстрактный гласный, в иных случаях он существует как невыявленная фонологическая абстракция: тур_Ок-у – тур_Ок-_О [10, с. 144]. Рассмотрев с этой точки зрения, например, форму *детей* (< *дети*), мы обнаружим, что так называемая мягкость фонологически равна *j* или *i* (~ *ji?*), соответственно, влияет на линейное

распределение еров в межконсонантных позициях: дет_{ЕЙЕ} < дет_{ЕЙИ} (= *дети*; как видим, фонологически *i* = *ji*). С другой стороны, как свидетельствуют реляции **домовь** – **домови**, **д'єть** – **д'єти**, *j/i* способен поверхностно проявляться как *i* (видимо, благодаря „ощущению” близлежащей позиции Е, *Ej* > *i*). При этом важно, собственно, не фонетическое, а фонологическое присутствие *j/i* в синтагматике речи –ср. **д'єти** (= **д'єт_{ЕИ}**) > **д'єтій** (Срезн. I, 799). По-видимому, такое же проявление *Ej/i* как *i* имело место при возникновении формы ***дни**, которую писец счёл нужным записать не с **-ии**, а с **-ие**: **дни** (**дн_{ЕИ}**) > **дни** > **дъние** (ъ в **дъние** из **дънь** = **д_{ЕИ}Е**). Аналогичное объяснение могли бы получить и другие слова и формы –ср. **более** (**боле**), **менее** (**мене**, диал. **мень** – см. ниже), **далее** (укр. **далі**), др.-русск. **три~** (**три**) и т.п. Др.-русск. **дновъ** (**дн_{Ов}О**), очевидно, из ***дны** (**дн_{Ов}ы** || ~ ***дъны**, ср. **дънь** = **д_{ЕИ}О**; см. укр. **ден-ний**), показывает, что фонологически *ы* = *вы*.

ЖЕРДЬ. Рассмотрение вопроса о происхождении слова *труп* (см.) показало, что примитив *гу*, от которого были «получены» слова *дерево* и *дуб*, возможно, прежде имел форму *г[h]у*. От этого *гу*, стало быть, неся в себе значение ‘дерево’ (< ‘тъма’; см. уже опубликованный этюд о слове *дерево*) или ‘дерево-«труп»’ (~ ‘сухое дерево’), происходит слово *жердь*. Конкретно экстенсивное преобразование *гу* в имя *жердь* можно представить следующим образом: *г[h]у* > *гва* > *ж'ва* ~ *жва* > *ж'-ва* > *ж'-h-ва* (разделение консонантного стыка и заполнение щели приыханием) > *ж'rва* (*h* > *r*) > *ж'rдва* (эпентеза *d*) > *жердва* (вокализация мягкости стыка) > *жердја* (*w* > *j*) > *жердя* (поглощение йота) > *жердь*. Не входя в разбор семантических деталей, отметим, что с фонетической стороны предложенную реконструкцию наилучшим образом подтверждают диал. *жердёла*, *жердела* ‘дерево дикий абрикос’ (...*жердва* > *жерд'ла* > *жердела* ~ *жердёл* > *жердёла*). Ни слово *город*, ни слово *ограда*, как следует из сказанного здесь и выше, вопреки существующему мнению [11, с. 286], в непосредственном родстве с существительным *жердь* не находятся. В словарях при этом не отмечено действительное родство имени *жердь* со словами *древо*, *жертва* (< ‘рот’ ~ ‘тъма’ ~ ‘смерть’ || > ‘труп’), *жерло* (< ‘рот’ ~ ‘тъма’; см. ниже), *ширять* (см.), ст.-сл. *тр'ба* ‘жертва’, укр. *терпнути* ‘терпнуть, неметь’ (< ‘деревенеть’), *стерво* ‘падаль’, вероятно, *терпеть* и др.

ЖЕРЛО. По исходной номинации *жерло*, безусловно, – ‘рот’ (ср. [12, с. 239]). Значение ‘рот’ в связи с примитивом *г[h]у* проявляет фразеологизм *ни гугу* (см. публикуемые отдельно этюды о словах *хула*, *зиять*). К этому *гу* и необходимо возводить слово *жерло*, отметив в качестве главного преобразования между *гу* и *жерло* разделение консонантного стыка (после переходов *г[h]у* > *гва* > *гла* > *ж'ла*) и заполнение щели приыханием. Как и в других случаях, приыхание было усилено в *r*, стыковая мягкость вокализована (*ж'ла* > *ж'-ла* > *ж'-h-ла* > *ж'rла* > *жерла*), а лексическое значение имени согласовано с его grammатическим значением рода (*жерла* > *жерло*). Отмеченный порядок преобразований, разумеется, условен – судя по словам *гирло*, *жертва* и под., изменения *г* > *ж*, *в* > *л* могли составить и конечную стадию формирования нашей лексемы. Хотя глагол *жратъ* тоже восходит к *гу* ‘рот’ (*г[h]у* > *гга* > *ж'га* > *ж'rа* > *жра-ть*), говорить о словообразовательном производстве *жерло* от *жратъ* [13, с. 71] не приходится. И ещё об одном. Данные здесь и в других местах пояснения показывают: постулирование в таких случаях, как *жерло*, *горло*, *сало* и т.д., в качестве исходной формы с *d* неверно.

Укр. **КОЙТИ**. С учётом диалектных данных, для укр. *койти* условно могут быть отмечены два значения: 1) ‘делать, творить (преимущественно дурное)’ или, проще, ‘делать дурное’ = *койти*₁; 2) ‘успокаивать’ = *койти*₂ [14, с. 501-502]. В [15, с. 113] подчёркнуто, что эти значения нет надобности считать значениями омонимов, ввиду наличия с.-хорв. диал. *kojiti* ‘свертывать (укладывать кругами) канат’. Ниже дается следующее пояснение: «Метафору ‘укладывать’ → ‘умышлять’ можно считать элементарной, а в укр. слове реализовано как раз значение ‘умышлять дурное’». Подобную, романтически-филологическую этимологию, на наш взгляд, трудно признать даже минимально

удовлетворительной. Дело не в указанной, придуманной *ad hoc*, метафоре, а в том, что оба глагола, хотя и имеют примерно одинаковое происхождение (оба восходят к примитиву *ку* – см. ниже), соотносятся с разными составляющими семантического ряда ‘вода’ ~ ‘река’ – ‘берег’ – ‘рука’ и потому вполне могут считаться омонимами. Первичную форму примитива, от которого происходят названные глаголы, сохранил староукраинский предлог *ку* ‘к’ (< ‘рядом’ < ‘рука’), что вполне соответствует формуле $\Phi_1 + Z_2$ (ср. этюд о слове *скала*). Негативный оттенок, отечаемый для *коїти₁* ‘делать дурное’, обусловлен тем, что *ку* чаще всего представляет в семантическом пучке не просто ‘воду’, а ‘воду’ ~ ‘грязь’ и даже просто ‘грязь’ (ср. семантику тоже производного от *ку* слова *кал*). Таким образом, при возникновении *коїти₁* имело место, вероятно, сложение значений: ‘рука’ + ‘грязь’ > ‘делать дурное’. С другой стороны, смысл ‘вода’ в качестве пучкового соответствия имеет также значение ‘тишина, покой’ [16, с. 25], которое и отложилось как раз в *коїти₂* ‘ успокаивать’ (ср. *покой*, *покоить* и др.). С формально-фонетической точки зрения образование *коїти₁* и *коїти₂* можно представить следующим образом: 1) *ку* > *ква* > *кја* > *кој* > *скоїти* > *коїти₁*; 2) *ку* > *ква* > *кја* > *кој* > *закоїти* > *коїти₂*. Автору соответствующей статьи в [15, с. 113] непонятно, что глаголы типа чешск. *kojiti* ‘вскармливать (молоком матери)’ – это уже, условно говоря, нечто вроде *коїти₃*, ибо корень в них отсылает не к ‘руке’ или ‘тишине’, а к ‘воде’ ~ ‘поению’.

ЛЁГКИЙ. Наши предки в качестве первого, удобного и, по сути, бесхлопотного транспортного средства использовали течения рек. Соответственно, с ‘водой’ ~ ‘рекой’ номинативно и была соотнесена идея лёгкости. Понятийно лёгкий = ‘не требующий усилий’, ‘функционально равный воде’, которая как средство передвижения не предполагает затрат энергии (лодки и плоты по течению плывут сами; соответствующие слова не случайно являются модифицированными обозначениями воды [см. 3, с. 68-69]; ср. здесь и реляцию *лодка* – *лодырь*). Многие содержательные оттенки, отмечаемые в словарях у прилагательного лёгкий, так или иначе указывают на связанность ситуации, эксплицируемой этим адъективом, с ‘водой’ ~ ‘рекой’: ‘гладкий, плавный, как бы скользящий’ (*лёгкая походка*); ‘спокойный’ (с *лёгким сердцем*); ‘поверхностный, неглубокий’ (*лёгкое светское воспитание*); ‘не очень заметный’ (*лёгкая простуда*); ‘нетрудный’ (*лёгкая задача*) и др. В свете синонимии слов лёгкий – весёлый (ср. *лёгкое настроение* = ‘весёлое настроение’) дополнительно обращает на себя внимание соотношение лексем *весло* – *весело*. Из сказанного следует, что корень *лёт-*, как, например, и корень *вог-* прилагательного <укр.> *вогкий* ‘влажный’, надлежит связывать с известным нам примитивом *ву* ‘вода’ (*ву* > *вг[h]а* [> *вог-*] ~ *лга* > *въга* ~ *льга* [~ *лега*] > *лёт-*). Ср. ст.-сл. ёўїї́ніè ‘лёгкость’, ‘облегчение’, др.-русск. *льга* (не *льга* = ‘не следует’), *лгота*, *льгота*, *легота* ‘облегчение’, ‘вольность, свобода’, ‘льгота’, ‘спокойствие’, польск. *ulgа* ‘облегчение’, ‘льгота’ (*u-lga*; ср. русск. *у* ‘рядом’ || < ‘рука’ ~ ‘берег’ ~ ‘река’), *lgnąć* ‘взять’, ‘льнуть’, диал. *lza* ‘лёгкость’, *łza* ‘слеза’, русск. *лоза*, *слеза*, *прилегать*, диал. *льга* ‘лёгкость’ и др. В пределах адъектива лёгкий формант *-кий* обозначает, как обычно, высокую степень проявления признаковых свойств предмета, названного корнем. Параллелизмы слов и форм типа *облегать* – *облекать* (у обоих парных глаголов совершенного вида *облечь*), *облегла* – *облекла*, равно как наличие *к* в корне прилагательного со значением ‘лёгкий’ у других славян (ср. болг. *лек*, с.-хорв. *лак*) и даже в русском просторечии (*лекше*, *лёжишь*), наводят на мысль, что сюда, возможно, и *лекарь* (‘ тот, кто облегчает положение’), *лечить* (‘облегчать положение больного’) и др. Кроме того, имея в виду пересекающиеся смысловые ряды ‘вода’ ~ ‘река’ – ‘берег’ – ‘рука’, ‘рука’ – ‘рот’, ‘рот’ – ‘тьма’, к этим словам добавим также укр. *лікоть*, русск. *локоть*, болг. *лакат*, *лакът* ‘то же’ (< ‘рука’), русск. *алкать*, *алчный*, *лакать* (< ‘рот’), укр. *лічити* ‘считать’, *лік* ‘счёт’ (< ‘тьма’ || > ‘много’ ~ ‘количество’) и др.

ЛИСА. Лиса, вероятно, была названа по хвосту, скорее всего, как ‘хвостатая’ или ‘длиннохвостая’. Хвост, как, впрочем и всё тело лисы, вместе с хвостом, – протяжённый предмет, протяжённые же объекты, как свидетельствуют наблюдения, получали свои названия по ‘воде’ ~ ‘реке’. Этим объясняются, кстати, не привлёкшие внимания этимологов пересечения именований лисы и гусеницы –ср. русск. *лиса* и польск. *lisa* ‘гусеница’ (по [17, с. 420]); чешск. *liška* ‘лиса’, в.-луж. и н.-луж. *liška* ‘то же’, польск. *liszka* ‘то же’ и др. и польск. *liszka* ‘гусеница’ и под. В силу сказанного слово *лиса* можно также возвращать к примитиву *ву* ‘вода’ (~ ‘река’), отметив при этом прежде всего следующие фонетические процессы: а) переход *y* > *g[h]a* (ср. русск. диал. *урлán* ‘крикун, горлан’ – *го[а]рлán*); б) преобразования типа *g[h]* > *x*, *x* > *c/c'* (на стыке согласных; на *x* указывает ڙ в *liška*); в) вокализацию стыковой мягкости. Итак: *ву* > *вг[h]a* > *вха* > *в'с'a* ~ *в'са* ~ *вса* > *льса* ~ *лса* (> *ляс-* ~ *лёс-* ~ *лос-*) > *лиса*. Предложенная здесь «водная» этимология слова *лиса* подтверждается: 1) так называемым переносным употреблением существительного *лиса* (> ‘хитрый человек’): тот, кто хитрит, непостоянен в своих взглядах, извивается подобно бегущей воде (ср. русск. диал. *лисить* ‘лукавить, обманывать, хитрить’, *лисовый* ‘хитрый’, *лесливый* ‘хитрый, лукавый’; польск. *lisieć* ‘хитрить’; с.-хорв. *лисичити* ‘хитрить, лицемерить, лукавить’ и др.); 2) тем, что в некоторых славянских языках (лужицких) название лисы (*lišak*) является одновременно названием (рыжего) коня; истинной причиной этого является не совпадение цвета животных, а то, что конь как средство передвижения тоже был назван по ‘воде’ ~ ‘реке’; 3) использованием слов, обозначающих лису, в качестве гидронимов (ср., напр., реки *Лиса*, *Лиска*, *Лисица* в бассейне Оки); этот факт обращал на себя внимание и раньше [18, с. 100; 19, с. 434; 20, с. 99], однако при этимологизировании слова *лиса* использован не был¹; 4) возможностью привести родственные слова, так или иначе отсылающие к ‘воде’ или к ‘берегу’ ~ ‘руке’, а также обозначающие протяжённые объекты: русск. *плёс*, *плёсо*, укр. *плесо* (здесь и далее *n* – протеза), русск. *плескаться*, *плеснуть*, *плесень*; укр. *ляскати* ‘хлопать, бить’, *ляскотіти* ‘то же’, *лясь* ‘хлоп, бац’ (ср. русск. *пляс*, *плясать*), диал. *лискати* ‘хлопать, бить’, *лиснути* ‘ударить’, русск. диал. *лещ* ‘оплеуха, удар’ (< ‘рука’), *лецак* ‘лещ’ (< ‘вода’), *лиска* ‘плетень’ (= ‘преграда’ || < ‘река’; см. публикуемый в другом месте этюд о слове *град*), *леска* ‘забор из прутьев’, *лиса* ‘изгородь из прутьев’, ‘жердь, соединяющая в телеге переднюю и заднюю оси’, *леска* ‘леска’; *плоский* (< ‘вода’ ~ ‘лёд’), *леска*, *леса* и др. Семантические транспозиции другого рода, обусловившие водное обозначение лисы, разумеется, тоже исключать не следует. Так, на лису могло быть перенесено название собаки, собака же как «транспортное» животное (по Н.Я.Марру) своё имя могла получить по ‘воде’ ~ ‘реке’ (ср. соотношение *nëc* – *Псёл* и др.).

ЛЬНУТЬ. По данным словарей, в старославянском языке было минимум четыре глагола со значением ‘прилипнуть, прильнуть’: *прильпati*, *прильп'ëti*, *прильпnoутi* и *прильнjти*. Интересный факт: в словаре (ещё) Чехословацкой Академии Наук последние два глагола приведены в одной статье, что, конечно, обусловлено уверенностью составителей данного словаря старославянского языка в едином их происхождении (III, 286). При этом бесприставочный глагол *льнjти* указанным словарём не зафиксирован. Так как для заголовка названной статьи взят глагол *прильнjти*, получается, что именно в его парадигме представлены приводимые здесь формы *прильп'ышi*, *прильпë*, *прильпоша*, *прильпnemъ* и др., хотя, разумеется, это вовсе не обязательно. Аналогичная точка зрения отражена в этимологических словарях, где *льнуть* выводится из **lъrpq̥s* (**lъp-* > **lъ-*) [4, с. 497]. Изложенная традиционная этимология кажется весьма правдоподобной, однако всё же некоторые факты с ней не согласуются. Во-первых, глаголы *прилипнуть* и *прильнуть*, *липнуть* и *льнуть* не соответствуют друг другу по

¹ В.И.Абаев прошёл мимо сопоставления осет. *рувас*, *робас* ‘лиса’ с лат. *rivus* ‘ручей’, ‘поток’, *robus* ‘рыжий’, *rubeus* ‘красный’ и др.

семантико-стилистической окраске: применительно к поведению человека *прилипнуть* и *липнуть* обозначают нечто отрицательное, *прильнуть* и *льнуть*, напротив, эксплицируют действия, отмеченные определённым чувством (любви, нежности) – знаком близких отношений. Во-вторых, по-польски *льнуть* – *lgnać*, – неясно, почему сначала был устраний один согласный, затем вставлен другой. СубSTITУЦІЯ же *r* – *g* в этом случае маловероятна. В-третьих, в славянских языках перед суффиксом *-ну-* опускаются не только губные согласные, а и, например, тот же *g* (ср. н.-луж. *lagnuš* > *lanuš* ‘лечь’), т.е. отнюдь не исключено, что прототипом *льнуть* мог быть глагол, похожий на *lgnać*. Нам кажется, что подобная этимологическая версия достойна не меньшего внимания, чем принятая. Иначе говоря, в качестве скрытого имперфективного приставочного соответствия к *прильнуть* можно рассматривать слово *прилегать* (структурно отношение между искомым прототипом *прильнуть* и *прилегать*, такое же, как между *примкнуть* и *примыкать*, укр. *приткнути* и *притикати*). Основа *лега-* по происхождению связана с примитивом *ву* ‘вода’ (*ву* > *вг[h]а* > *въга* > *льга* > *лега*), следовательно, соотносится со значениями и оттенками движения, нахождения рядом (‘вода’ > ‘берег’), покоя, плавности, лёгкости, свободы и т.д. (ср. этюд о слове *лёгкий* и др.). С этой точки зрения *льнуть*, безусловно, ближе к *прилегать*, чем к *прилипать*. В числе прочего, это даёт основания полагать: *льнуть* – из **льг[h]нуть*, а не из **льпнуть*. Как показывают русско-украинские сопоставления, слабый *h* перед *н* в русских глагольных соответствиях обычно не сохраняется (ср. *тягнути* – *тянуть*, *стигнути* – *стынуть*, *стогнати* – *стонать*). Отсюда ясно, что для сохранения *h* в **льг[h]нуть* его надо было, как в польском, усилить в *g*. Ввиду отсутствия потребности в русском языке этого не произошло.

МЕНЕЕ. Как можно предполагать, компаративы типа *менее* образовывались на основе форм множественного числа (собирательности) имён существительных, предметно представлявших понятия малости, великолести и т.п. В рамках компаративной структуры множественность/собирательность трансформировалась в сравнительно изменяющееся качество. Сопоставление форм в таких конструкциях, как *выйти в люди* – *верить в людей* (*люди* = *людей*; ср. польск. *mni* = *mniej* ‘меньше’), показывает, что фонетико-фонологическая модификация форм (**mni* > *менее*) была перестройкой в рамках единого семантико-смыслового тождества. Очевидно, что предложенная выше форма множественного числа **mni* (~ *мне*; ср. ст.-сл. *ìüí~* ‘меньше’, ст.-укр. *мні* ‘то же’, русск. диал. *мень* ‘то же’ || <*мне*>) восходит к *мня* (откуда *ман*- – ср. *маненько* и т.д.). В свою очередь *мня* – из *му* ‘тьма’, от которого укр. *мла* ‘тьма’, русск. *мга* ‘то же’, диал. *ман* ‘призрак’ (<*тьма*>) и др. Собственно, русск. *менее* правильнее производить от *меня* (*мня* > *мъня* > *меня* || > *меня-ть?*) с тем же значением (мн. число – *мени*, *мене*). Это значит, что смысл ‘меньше’ в языке содержательно соотнесён с предметной малостью ‘звезды’, названной по своему целому, ‘тьме’. При объяснении сдвига от *мени* (~ *мене*) к *менее* можно воспользоваться уже опробованным при рассмотрении слова *дъние* правилом еров. Последовательное применение этого правила выше показало, что, например, *и* <русс. *Ej* фonoлогически = *ji* или даже *Eji* (Е – непроявленный абстрактный гласный), что мягкость = *j*, что скрытые фонологические составляющие слова чаще всего получают поверхностную реализацию и т.д. Как следует из сказанного, фонологически *мени* = *менEji*. Проявление *Ej* как *i*, очевидно, сначала дало «форму» *мении* (как *дътii* – ср. ст.-сл. *мънии*), а затем конфигурация гласных была изменена в направлении облегчающей произношение эксплозивности (*менее*). Синтагматическое межзвуковое взаимодействие осуществляется не столько на уровне реальной звуковой материи, сколько на уровне фонологических представлений. Поэтому указанное русск. диал. *мень* (скрытая форма множественного числа), фонологически равное *менj*, очевидно, благодаря акустическому, соотв., фонологическому смешению йота, *г[h]* и *х i*, далее, чередованию на стыке согласных *x – ii'* (> *ii'*), превратилось сначала в *меньш'* (ср. укр. *мени*), а затем и в *меньше*.

Укр. ПАНЯТИ. Для отличающегося звучностью, соотв., слабой редукцией украинского языка превращение (стяжение) *поганай* в *паняй* как причина появления глагола *паняти* [21, с. 281] маловероятно. Этот глагол действительно известен только благодаря форме императива, однако и по сути своей, и по происхождению императив – прежде всего имя, а не глагол. Так как посредством *паняти* описывается начало пути, движения (*паняй* = ‘трогай’, ‘поезжай’, ‘едем!’), а ‘путь’ и ‘движение’ номинативно связанны с ‘водой’ ~ ‘рекой’, основу *паня-* допустимо соотносить с примитивом *ну*, фонетической разновидностью протолексемы *ву* ‘вода’ (~ ‘река’ [3, с. 72]). Говоря более конкретно, преобразование *ну* в *паня-* можно описать так: *ну* > *нна* [> *пъна* > *пена* ~ укр. *піна* || = ‘вода’] > *пань* > *паня-ти*. От *ну* же – на основе семантического ряда «‘вода’ ~ ‘река’ – ‘берег’ – ‘рука’» – происходят и другие глаголы (укр. *пукати*, др.-русск. *пъхати*, *пихати*, укр. *пхати*, *пхатися*, русск. *пихать*, *пинать*, *писать* [см.], др.-русск. *пъсати* и т.д.). Особенно важно, что сюда же следует отнести и слово *путь*, эксплицирующее содержательную основу указанного императива *паняй*.

ПИСАТЬ. Некоторых моментов, касающихся происхождения глагола *писать* (равно как и лат. *scribere*), мы вынуждены были коснуться в статье, посвящённой этимологии фразеологизма *вилами по (на) воде писано* [22]. В ней, в частности, было отмечено: «...появление определителя *на (по) воде* при *писано* обусловлено внутрилингвистически: смыслы ‘писать’ (письмо, книга) и ‘вода’ заключены в основе *писа-*, они и согласуются поверхностно, в (сложном) образе» [22, с. 94]. Необходимо отметить: смысл ‘вода’ ~ ‘река’ важен не только с точки зрения понимания образной системы названного фразеологизма. Указанный смысл сформировал также основные аспекты содержания глагола *писать*: 1) *писать* – ‘действовать рукой (применяя какой-либо подручный, примитивный инструмент)’; данный аспект обусловлен семантическим рядом ‘вода’ ~ ‘река’ – ‘берег’ – ‘рука’; 2) *писать* – ‘использовать цветную жидкость или её аналог’ (т.е. *писа́ть* = *пýсать* [22, с. 93] и затем уже ‘рисовать’ и т.п.). Хотя, видимо, это отнюдь не обязательно, аспект (1) исследователями всё же обычно ставится впереди аспекта (2): так, у В.И.Абаева значение ‘делать надрезы’ как историческая смысловая характеристика обсуждаемого глагола указано прежде значения ‘наносить знаки’ [23, с. 501]. Стоит отметить, однако, полемическое мнение О.Н.Трубачёва: в отличие от лат. *scribere*, слово *писать* «всегда значило ‘писать’, то есть не только ‘рисовать, писать красками’» [24, с. 33-34]. Русск. *писать* фонетически допустимо возводить к примитиву *ну*, усиленному варианту протолексемы *ву* ‘вода’ (~ ‘река’; см. выше). Со значением ‘рука’ это *ну* представлено, например, в украинском глаголе *пукати* ‘стучать’. Очевидно, что по тому, какие значения имеют возникшие из *ну*, стало быть, родственные с *писать* глагольные основы, можно судить и о прежних значениях глагола *писать*. Так как, кроме *пукати* и т.п., это прежде всего глаголы <др.-русск.> *пъхати* ‘толкать, пихать’, ‘лягать’, ‘тереть’, <укр.> *пхати* ‘толкать, пихать’, <русск.> *пихать* (*ну* > *nг[h]a* > *nxa* [> *пхати*] > *пъха* [> *пхати*] > *pixa-ть*) и *пинать* (*ну* > *нна* > *пъна* > *пина-ть*), получается, что некогда глагол *писать* значил ‘выдавливать’, ‘выбивать, выдалбливать’, ‘намазывать’. Возникновение же слова *писать* (ср. др.-русск. *псати*, *пъсати*) как такового конкретно можно представить следующим образом: *ну* > *nг[h]a* > *nxa* > *пъха* > *пъса* [~ *nса*; ср. кабард. *псы* ‘вода’, ‘река’] > *писа-ть*. Поскольку функционально смысл ‘вода’ ~ ‘река’ пересекается и со смыслом ‘нога’, шутливое выражение *писать левой ногой* не случайно.

РЕДЬКА. В языковой жизни наших предков отложился период, когда вода рассматривалась как такое артефактное состояние вещества, которое получали путём нагревания. Отсюда – пересечение именований для просто воды и воды в горячем виде, жары, зноя: ср. *Vap* (= Днепр || < ‘вода’), скр. *vari* ‘вода’, тох. *A war* ‘то же’ и русск. *вар* ‘кипяток’, ст.-сл. âàðú ‘зной’; укр. *кріп* ‘кипяток’ и *кропля* ‘капля’, русск. *кропить* и т.д. (см. этюд о глаголе *варить*). В связи с обсуждением проблемы омонимов О.Н.Трубачёв не только отметил эти-

мологическое единство *топить* I ‘нагревать, превращать в жидкое’ и *топить* II ‘заставлять тонуть’, но и подчеркнул, что в этом случае необходимо говорить о сдвиге *топить* I > *топить* II [18, с. 86-87]. Изложенное наблюдение позволяет по-иному представить историю слова *редька*, которое, несмотря на обратные указания данных фонетики (ср. вскрывающие заимствованный статус германских слов признаки гиперхарактеризации в датск. *ræddike*, ср.-н.-нем. *redik* и др.), считается давним заимствованием из германских языков [25, с. 106]. На наш взгляд, *ред-* в др.-русск. *редковъ* и др., *ред-* - в укр. *редьков*, русск. *редька* и др. соответствуют *ред-* в *редкий* ‘водянистый, текучий’, *жид-* в *жидкий* ‘то же’, эксплицирующим в этих словах смысл ‘вода’. В слове *редька*, однако, как можно полагать, представлена отсылка к ‘воде-кипятку’, т.е. *редька* = «горячий» продукт’, ‘продукт, обжигающий ротовую полость подобно кипятку’. Др.-русск. *редковъ*, укр. *редьков* (ср. фамилию *Редька*), с.-хорв. *rø̄tka*, чешск. *ředkev* и пр. показывают, что *-ка* в *редька* не суффикс, а предфиксированный *редь-* примитив с тем же значением (ср. русск. *кал*, скр. *ka* ‘вода’ и под.). Очевидно, что из германских слов указанные эксплицитно-предикативные «формы» никак не могут быть выведены, тогда как, скажем, к русск. *редька* многие германские соответствия возводятся без труда. Существенно, что с содержательно-типологической стороны истории слова *редька* в русском языке параллельны истории слов *горчица* и *перец*.

СКАЛА. Это слово следует этимологизировать, опираясь на семантический ряд ‘вода’ ~ ‘река’ – ‘берег’ – ‘река’. Иначе говоря, предполагается, что название ‘воды’ ~ ‘реки’ некогда перешло на ‘берег’, с ‘берега’ на ‘скалу’ и оно же как-либо пересекается с обозначением ‘руки’. Имея в виду указанный семантический ряд и формулу $\Phi_1 + \Sigma_2$, одно из проявлений прототипа обозначенного пока что только обобщенно круга слов усматриваем в староукраинском предлоге *ку* ‘к’, который, хотя и не прямо, но весьма определенно отсылает к ‘руке’ (‘рука’ > ‘рядом’ > ‘к’). От *ку* – *кал*, слово, специализированное для обозначения грязи, однако исходно называющее ‘воду’ (ср. *Калка*; *ку* > *ква* > *кла* ~ *кля* > *кал* || > *каль* [ср. *Кальміус*, *Калитва*] > *калять* <диал.> ‘грязнить’, *каляный* ‘грязный’; показательно скр. *kalka* ‘грязь’ при *ka* ‘вода’). «Позицию» ‘берега’ среди родственных с *кал*, *калять* и т.д. слов представляют существительное *причал* и глаголы *причалить*, *отчалить* и др. (*ку* > *ква* > *кла* > *чал* || > *при-чал*, *при-чал-ить*, *от-чал-ить*). Сюда же относится и наше слово *скала* (*ку* > ... *кла* > *скла* [ср. *Ворскла*] > *скал* [ср. *Оскол*] > *скала*; с точки зрения предполагаемых настоящим изложением семантических преобразований ср. диал. *каляный* ‘упрямый’, *каляниться* ‘упрямиться’ и др.). По своей семантической истории, как показывают наблюдения, слово *скала* соотносится со словом *гора*. По ‘руке’ – укр. *скалка* ‘щепка’, ‘лучина’, ‘осколок’, русск. *скальвать*, *осколок* и др. Упомянем здесь и болг. *сколка*, скойка ‘речная мидия’ (< ‘вода’), др.-русск. *скалушъ* ‘навоз, нечистоты’ (< ‘грязь’), *скалька* ‘раковина’, укр. скойка ‘раковина, ракушка’, скойти ‘совершить что-либо плохое’ (< ‘рука’; см. выше – о *койти*), лат. *scalenus* ‘неравносторонний’ (< ‘река’), *cala* ‘палица’ (< ‘рука’) и *calvus* ‘лысый’. Выводить значение ‘скала’ из значений ‘щель’ [26, с. 379], ‘скол, срез’ [27, с. 53] и под. некорректно.

СЛЮНА. Наличие двух фонетических вариантов у слова, обозначающего ‘слину’ в русском языке, – *слюна* и *слина* (диал., др.-русск.), – указывает на него вообще как на место появления лексемы названной семантики. Это тем более вероятно, что линия развития обоих вариантов в очередной раз может быть прочерчена в направлении от примитива *ву* ‘вода’, только русский язык связывающего с соответственными финно-угорскими фактами. Различие упомянутых вариантов обусловлено тем, что в одном случае произошла вокализация стыковой мягкости, в другом случае между согласными был вставлен *у*: 1) *ву* > *вна* > *льна* (~ *льня*) > *лýна* (~ *лена*; ср. гидроним *Лена* || = ‘вода’) > *слина* || > диал. *слиня*, *слинь*, *слин*, *слинка* ‘слина’, ‘плёнка’ и др.; болг. *слина*, укр. *слина*, чешск. *slina*, н.-луж. *slina* и др. [28, с. 880]; 2) *ву* > *вна* > *льна* > *люна* > *слина* || > болг. *слинка*. Другой протетический согласный (не *s-mobile*) имеем в русск. *плена*, *плёнка*, *плонуть*, болг. *плюнка* ‘сли-

на', 'плевок', *плюна* 'плюнуть', укр. *плинути* 'плыть', 'течь', 'плавно двигаться', *плинний* 'текучий' и др. При образовании слов типа *плева*, *плевать* был использован такой рефлекс *у*, как *ва* (*ву* > *вва* > *льва* > *лева* > *плева* и т.д.).

ТЕРЕТЬ(СЯ). В прямом употреблении, 'задевать другой предмет, двигаясь взад и вперёд', глагол *тереться* фонетически и семантически восходит к слову *и* (теперь известно как союз), которое скрыто представляет смысл 'рука' (см. уже опубликованный этюд об этом слове). В рамках глагола конфигурация этого *и* видоизменилась в сторону эксплозивности (*и* > *e*), что соответствует общей тенденции развития речевой артикуляции. В дальнейшем начальный йот как соответствие к *г* (*h*) был усилен в *p* – при помощи технического взрывного согласного, обеспечившего необходимый уровень артикуляционной энергии (ср. *ясный* > *красный*; *идёт* > *грядёт* и др.; см. о слове *труп* и пр.). Представление о действии 'тереть(ся)' было соотнесено с ситуацией совершения полового акта – ср. в современном жаргонном языке *тереться* 'совершать половой акт, совокупляться с кем-либо', *тереть* 'совершать половой акт (о мужчине)'. В русском языке, однако, у этих глаголов есть содержательные соответствия, благодаря переносу – согласно формуле $\Phi_1 + Z_2$ – сохранившие старую фонетическую форму, – *еть(ся)*, *ети(сь)*. Ср.: *Иметь надлежит мыло, Етись чтоб слабже было* (И.Барков); *И етися едут все на бал* (Пародия на «Горе от ума», 40-е гг. XIX в.); *И без экстракту еть его он захотел...* (И.Барков); *Ети их мать* (разг.). Существование этих глаголов, думается, как нельзя лучше подтверждает предложенную реконструкцию (*и* > *e-ты/ся* > *треты/ся* > *m'реты/ся* > *тереты/ся*). Как известно, вследствие трения предметы нагреваются, т.е. трение даёт тепло. В плане номинации это порождает сдвиг 'тереть(ся)' > 'греть(ся)'. Можно полагать поэтому, что совершенно подобным образом (но без вокализации мягкости стыка) возникли глаголы *греть* и *греться* (*и* > *e-ты/ся* > *греты/ся*). Лексическое перфективное соответствие к ним, глагол *огреть*, подтверждает, что в основе соответствующих глагольных содержаний лежит смысл 'рука'. То, что о *тереться* и *тереть*, *греться* и *греть* сказано в этимологических словарях, на наш взгляд, никакой языковой реальности не соответствует.

ТЕТИВА. Тетива – протяжённый предмет (даже если под этим словом понимать просто 'верёвку' – ср. соответствующий обзор значений в [25, с. 241-242]). Следовательно, родственные слова к имени *тетива* необходимо искать среди «поверхностных» представителей пучка 'вода' ~ 'река' (> 'протяжённый объект') – 'берег' – 'рука'. Посредством снятия фонетических наращений или, так сказать, путём раздевания слова *тетива* приходим к прототипу *тва* (< *ту*; *тетивá* < *титьвá* < *итьвá* < *тьва* < *тва* или *тва* > *тьва* > *итьвá* > *титьвá* > *тетивá*). Значение 'вода' ~ 'река' это *тва*, как можно думать, имеет в составе гидронима *Калитва* (*Кали-тва*; бассейн Дона). То же значение и одновременно названный прототип в модифицированном виде представляют, например, гидронимы *Итья* и *Титель* (реки в бассейне Оки; *тва* > *m'ja* > *Итья*; *тва* > *тла* > *тля* > *итля* > *итель* > *Титель*). Перенос 'вода' ~ 'река' > 'протяжённый объект' отражает *-тва* из *дратва* 'просмоленная нить'. Значение 'берег' для *тва*, вероятно, имеем в названии горы *Калитва*, что на левом берегу Днепра [24, с. 144]. Значение 'рука' (> 'инструмент') для *тва* представляет субстантив *бритва*. Многие имена с формантом *-тва* обозначают, как известно, не значение 'инструмент', а значение 'деятельность' (битва и др.), которое тоже является производным от смысла 'рука'.

Укр. **ТНА.** В повести Л.Мартовича «Суеверие» слово *тна* употреблено трижды – только в составе фразеологизма *ані тни*. Переводчик повести на русский язык Г.Шипов выражение *ані тни* в двух случаях из трёх передал наречием *никак* (ср. *Ані тни не може порозуміти...* – *Никак не может понять...*), в третьем – опустил совсем (*Старі люди ані тни не могли собі нагадати...* – *Старики, и те не могли припомнить...*). Ни слово *тна*, ни фразеологизм *ані тни* словарями не фиксируется. Учитывая наличие таких лексем, как *тень*, *тина*, *втуне* и др., установление лексической семантики имени *тна* не представляется сложным: *ані тни* = *ни зги*, при *зга* 'звезда' или 'капля' (> 'мел-

кий предмет') и по своему целому – 'тьма' (~ 'небо' ~ 'верх'; см. этюд о слове *зга* [3, с. 65-66]). Разбираемое слово представляет интерес прежде всего в связи с вопросом о причинах фонетического видоизменения *ту* в *тна*, равно как и множества подобных преобразований. Дело в том, что ещё в статусе имени примитив *ту* (ср. др.-русск. *ту* 'там', 'здесь') пережил сдвиг от субъектного к объектному значению (см. относящееся сюда же местоименное объектное *ту*). В соответствии с формулой $Z_1 + \Phi_2$, для экспликации грамматической субъектности исходное *ту* видоизменили в *тна* (*ту* > *тна*). От *тна*, далее, образовали слова *тина*, *тень*, *тонь* 'туча', *тоня* 'место, где ловят рыбу', *тонька* 'тина', *туна* и др. Сдвиг 'субъект' > 'объект' во многих случаях, кроме того, каузировал изменение женского рода в мужской, ибо мужской род изначально допускал как раз сосуществование значений субъекта и объекта. Поэтому сюда и *тон* 'цвет, окраска' (< 'тьма'; *тна* > *тон*; ср. *диал. тон = тоня*). Значение 'звезда' (> 'мелкий предмет'), восстанавливаемое для *тна*, является производным от значения семантического ряда 'небо' ~ 'верх' ~ 'тьма'. Со своей стороны, значения 'он', ' тот' и под. – результат лексикализации грамматического значения рода, взятого в комплексе с лексическим смыслом 'тьма'. Для нас это важно в том отношении, что от *ту* были образованы также формы местоимений: русск. *та* (*ту* > *тва* > *та*), укр. *той* 'тот' (*ту* > *тва* > *тja* > *той*), болг. *тя* 'она' (...*tja* > *тя*) и др.

ТРУП. Лингвисты затрудняются приводить к существительному *труп* родственные слова – ни *тереть* [25, с. 266], ни *терпеть* (А.К.Шапошников – [29, с. 151]) к таким безусловно отнесены быть не могут. Между тем разгадать слово *труп* будет не сложно, если принять во внимание: 1) представление о трупе как об одеревеневшем теле и обычай сжигать трупы, тоже предполагающий понятийное тождество трупа с деревом; 2) фонетическую субSTITУцию *г* [h; < h] – *д* [3, с. 70]; 3) усиление *г* [h] в *p*, с использованием технического взрывного согласного, обеспечившего необходимый уровень артикуляционной энергии (ср. укр. *гидкий* > *бридкий*, укр. *ганити* > русск. *бранить*; см. уже опубликованную заметку о слове *труд* и др.). В итоге получаем реляцию *труп* = *дуб*. Ср. макед. *труп* 'глупец' (одно из значений) – русск. *дуб* 'то же' и др. Совпадение названия дуба по языкам с названием дерева подсказывает, что за словом *труп* не обязательно скрывается название дуба как такового. Примеры лексической сочетаемости (ср. макед. *труп од дрво*) со своей стороны это подтверждают.

УЛИЦА. Ср.: *И по малъ времени, того же мѣсяца, погорѣ Заполье Микытынѣ улицы...* (Летоп. Авраамки, стлб. 184). Улица как протяжённое пространство между двумя рядами домов, безусловно, была названа по 'воде' ~ 'реке'. Прототип **ula*, от которого производят разбираемое имя [30, с. 439], без каких-либо трудностей может быть соотнесён с примитивом *ву* 'вода' (~ 'река'). От него, как показано здесь и в других публикациях, происходят многие слова-апеллятивы (*вода*, *гора*, *лѣд*, *лоза*, *влага*, укр. *вогкий*, лат. *uidus* 'мокрый' и т.п.), а также гидронимные названия (*Овла*, *Вожа* [3, с. 71], *Ваг*, *Вага*, *Уза*, *Уж* и пр.). Говоря более конкретно, **ула* из *ву* могло быть получено следующим образом: *ву* > *вва* > *вла* > *ула*. Однако достаточно вероятно, что собственно *улица* не деминутивный дериват от **ула*, как считается, а результат предикативного соединения двух примитивов со значением 'вода': *ул-* + *ка* (ср. скр. *ka* 'вода', русск. *кал* и др. || < *ку*) > *ул'ка* > *ульца*. В пользу этого предположения свидетельствует отсутствие оттенка деминутивности в слове *улица*, являющемся, как можно предполагать, скрытым смысловым соответствием и фонетической параллелью к субстантиву *улица* (*ул'ка* > *улица* || = 'дорога', 'след', 'то, что ведёт к разгадке' || < 'вода' ~ 'река'). Следует отметить, что предложенная, «водная», этимология имени *улица* находит подтверждение в существовании слова *уличи*. Упоминание об уличах в летописях непременно связывается с реками (Днестром и Дунаем; Бугом и Днепром [31, XLIV]). Это значит, что использование нарицательного названия реки для их (уличей) обозначения было обусловлено характеристической реальностью: уличи – рус-

ские племена, чьей исторической отличительной особенностью являлось постоянное проживание в приречных зонах. Интересно, что имя улич при этом не обязательно производить от *ула (*ула > улич, уличи). Оно могло быть образовано дезаффиксным способом непосредственно из улича (улича > улич; ср. выше) – с одновременной лексикализацией формы мужского рода.

ШИРЯТЬ. Наличие у глагола *ширять* устаревшего значения ‘летать, широко взмахивая распостертыми крыльями’ (МАС) отсылает нас к ‘верху’ ~ ‘небу’ ~ ‘тьме’, соответственно, даёт основания предполагать, что *ширять* ‘тыкать’ следует соотносить с ‘молнией’. Транспозитивно-семантически ‘молния’ = ‘звезда’, ‘звезда’ = ‘дыра’, ‘дыра’ = ‘рот’. ‘Рот’ же номинативно пересекается с ‘рукой’, ‘рука’ – с тем, что её продолжает и чем можно ширять, тыкать (палкой, жердью и т.д.). Как было показано, слово *жердь* восходит к примитиву *г[h]y*. Одновременно значение ‘рот’ в этом *гу* проявляет фразеологизм *ни гугу*, а значение ‘звезда’ – слово *зга* (*г[h]y* > *гга* > *зга*). Др.-русск. *зегзица* (< *зигза* < *изза* < *зза* < *гу*) как название птицы в свою очередь соотносит *гу* с ‘небом’ ~ ‘верхом’ ~ ‘тьмой’. Всё сказанное означает, что глагол *ширять* можно попытаться сопоставить с *гу* – независимо от того, значение субъекта/орудия (‘молния’, ‘рука’, ‘жердь’ и т.д.) или объекта/продукта (‘дыра’) зашифровано в его основе¹. Это вполне удается: *г[h]y* > *гва* > *хва* > *ш'ва* > *ш'-ва* > *ш'-h-ва* (разделение консонантного стыка и заполнение щели придыханием) > *ш'рва* (*h* > *r*) > *ширва* (вокализация стыковой мягкости) > *ширја* (*w* > *j*) > *ширя-ть* (поглощение йота). Реконструкцию подтверждают: 1) слово *ширь* (< ‘небо’; *ширя* > *ширь*), выражение *ширь неба* является примером лексической сочетаемости, т.е. не случайно; 2) форма императива *ширий* (*ширја* > *шир'ја* > *ширий*); 3) диал. *шира* ‘мышь’ (< ‘дыра’ [часть по целому]; *ширва* > *шира*); 4) прилагательное <диал.> *ширий* ‘чистый, открытый’ (*ширја* > *ширий*); 5) возможно, прилагательное <диал.> *щирый* ‘искренний’ (< ‘открытый [как небо]’; *ширја* > *с-ширий* > *щирый*) и др. Вероятно, предложенная этимология не является единственно возможной. Но сравнивать её не с чем – глагол *ширять* этимологами не разработан.

ЯЗЬ. Попытки славистов разъяснить происхождение слова *язь* считаются безуспешными [32, с. 99]. В этом обстоятельстве отражены недостатки метода, опирающегося на сопоставление готовых слов, соотносительных прежде всего по фонетической форме. Отсюда – смысловые натяжки-объяснения (‘язь’ ← ‘коза’, ‘язь’ ← ‘ясный’ и др.), поддержать которые не представляется возможным. Достаточно оснований считать, что *язь* был назван как часть целого по ‘воде’. Подтверждением этого является употребление слова *язь* и его соответствий для обозначения различных видов рыб – язей, бычков, голавлей и др. Весьма симптоматичен мужской род имени *язь* – один из показателей семантических и фонетических преобразований слова в прошлом. Кроме того, и односложность слова *язь* подсказывает: истолковывая историю этого субстантива, мы, как и в других случаях, можем главный упор сделать на фонетику, собственно, в очередной раз попробовать «провести линию» от примитива *ву* ‘вода’ (~ ‘река’). Это вполне удается: *ву* > *вг[h]а* > *вза* > *јза* (> *яз*, см. далее) > *јз'a* > *язь* (> укр. диал. *язя* ‘язь’, ж. р. – с -а аналогическим; ср. и укр. *їз*, *яз* ‘запруды речки для ловли рыбы’ || < ‘вода’ ~ ‘река’). Возможен и другой вариант: развитие *ј* (*јза*) через *ji*, *je* в *ja* – с лексико-морфологической утратой конечного гласного (*язя* > *язь*). Следует отметить, что диахроническая связь существительного *язь* с удмурт., коми *ву* ‘вода’ позволяет локализовать его возникновение на европейском северо-востоке, соотв., именно оттуда предполагать его продвижение в другие регионы Славии. Что касается реляции *язь* – др.-русск. *язьно* ‘кожа’, то она может быть объяснена метафорическим отождествлением названий ‘воды’ ~ ‘покрова’ и ‘кожи’ ~ ‘покрова’ (ср. русск. *волна* [< ‘вода’ || ~ ‘покров’] и укр. *вовна*

¹ Более вероятно то, что глаголы семантически дифференцировались по объекту.

‘шерсть’ [~ ‘покров’]). Иначе говоря, названная реляция номинативный перенос ‘коза (ко-зёл)’ > ‘язь’ [33, с. 103] однозначным образом отнюдь не подтверждает.

ЯЙЦО. При рассмотрении слов со значением ‘яйцо’ никакой семантической реконструкции не предлагается, замечания о фонетическом облике соответствующих слов тоже минимальны [23, с. 41; 33, с. 61-63]. Между тем в этом случае имеется достаточно сравнильных данных и для «семантических», и для «фонетических» рассуждений. В частности, начальное *ja-* в *яй-цо*, укр. *яй-це* и др. может быть сведено к *i* или *jɪ* (ср. *искра* – укр. *яскравий*), -*й-* же допустимо связывать или с *ɛ[h]* (ср. диал. *иде* ‘где’ || *h* > *j* > *i*; укр. диал. *батій* < *батіг* и т.п.), или с *v*, на стыке согласных переходившим в *j*. Имея в виду первое соответствие, отложившиеся, например, в верхнелужицком и польском *jejo*, *jajo* ‘яйцо’ можно сопоставлять со словом *igo*, которое семантически этимологизируется как ‘камень’ и, далее, ‘берег’ ~ ‘вода’/‘река’, а фонетически сводится к известному нам примитиву *vu* ‘вода’ (*vu* > *vɛ[h]a* > *īga* > *iga* ~ *igo*). Стало быть, по исходному смыслу ‘яйцо’ = или ‘«круглый» камень’, или ‘вода’ (~ ‘жидкость’). Имея в виду второе соответствие, с учётом слвц. *vajse*, диал. *vajco* фонетически также придётся исходить из *vu* (*vu* > *vva* > *vja* > *vai* || > *ai*; ср. нем. *Ei* || > *aja* ~ *aje*, ср. др.-русск. *а* ~ – Срезн. I, 12, в скобках), семантически же на первый план придётся выдвинуть идею воды/жидкости и в подтекст передвинуть идею (круглого) камня. Только в подтекст, ибо «неподалёку» нужное нам слово для камня находится (*vu* > *vva* > *vla* > *val-un*). Таким образом, *яй-* в *яйцо* – или из *jaɛ[h]-* (<*jaɛ[h]o* ~ *jaɪo* ~ *jae* || > *jaɛ[h]-ço* > *яй-цо*), или из *av-* (*vu* > *vva* [> *va* > *av*] > *vav* > *av* > *av-ço* > *ай-цо* > *яй-цо*). В условиях многообразных смысловых пересечений для поверхностной лексемной специализации значения ‘яйцо’ воспользовались таким средством лексикализации, как род, к *яй-* присоединили суффикс среднего рода. Не столько отсутствие суффикса, сколько использование эволютивно промежуточной чистой основы в нем. *Ei* ‘яйцо’ (вместо *aja* или *aje*) характеризует его как славянское заимствование. Перевёрнутое семантическое отношение (‘яйцо’ > ‘птица’, а не ‘птица’ > ‘яйцо’), демонстрируемое лат. *avis* (*av-is*), скр. *váyas* (*váy-as*) ‘птица’, думается, свидетельствует о том же.

РЕЗЮМЕ

У доробку автор продовжує знайомити читача зі своїми етимологічними спостереженнями. Виклад базується на подоланні консерватизму традиційної етимології. Використовуються нові ідеї, що стосуються семантичної сторони мови, а також тенденцій розвитку голосних і приголосних звуків. Слово як таке тлумачиться як результат предикативного акту, носій прихованої предикативності.

SUMMARY

The article provides the reader with the author’s etymological observations. The story is based on overcoming the conservatism of traditional etymology. The author makes use of new ideas relating to the organization of the semantic structure of the language as well as tendencies of the development of vowel and consonant sounds. The word as such, is understood as the result of a predicative act, as a bearer of implicit predication.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попов А.И. О возможностях совершенствования приемов этимологического исследования // Этимология 1967. Материалы Международного симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии». – М., 1969. – С. 119-128.
2. Этимологический словарь русского языка. Том I. Вып. 2. Автор-составитель Н.М.Шанский. – Изд-во Московского ун-та, 1965. – 271 с.

3. Луценко Н.А. Из новых этимологических наблюдений // Вісник Донецького університету. Серія Б. Гуманітарні науки. – 2006. – № 1-2. – С. 63-76.
4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х тт. – М., 1994. – Т. I. – 623 с.
5. Абаев В.И. Избранные труды. Т. II. Общее и сравнительное языкознание. – Владикавказ, 1995. – 724 с.
6. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М., 1994. – 400 с.
7. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М., 1971. – 542 с.
8. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 3-й. – М.; Л., 1934. – 423 с.
9. Стрижак О.С. Назви річок Запоріжжя і Херсонщини. – Київ, 1967. – 128 с.
10. Халле М. Ударение и акцент в индоевропейском // Проблемы фонетики. II. – М., 1995. – С. 135-156.
11. Этимологический словарь русского языка. Том I. Вып. 5. Под ред. Н.М.Шанского. – М., 1973. – 304 с.
12. Луценко Н.А. Этимологическая смесь // Филологические исследования. Вып. VII. – Донецк: Юго-Восток, 2004. – С. 235-248.
13. Варбот Ж.Ж. О словообразовательной структуре этимологических гнёзд // Вопросы языкознания. – 1967. – № 4. – С. 67-74.
14. Етимологічний словник української мови. – Т. 2-й. – Київ, 1985. – 571 с.
15. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 10. – М., 1983. – 200 с.
16. Луценко Н.А. Из записок по диахронической семантике: „тишина” // Теоретическая и прикладная семантика. Парадигматика и синтагматика языковых единиц. – Краснодар, 1997. – С. 17-26.
17. Български етимологичен речник. Том III. – София, 1986. – 800 с.
18. Трубачёв О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. В 2-х тт. – М., 2004. – Т. 1. – 800 с.
19. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка.– Т.II. – Л., 1973. – 448 с.
20. Коваль А.П. Знайомі незнайомці. Походження назв поселень України. – Київ, 2001. – 304 с.
21. Етимологічний словник української мови. – Т. 4-й. – Київ, 2004. – 655 с.
22. Луценко Н.А. Писали ли вилами по воде? (К вопросу об этимологии образа) // Вісник Луганського державного педагогічного ін-ту ім. Т.Шевченка. – 2001б. – №10. – С.91-96.
23. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка.– Т.І. – Л., 1958. – 656 с.
24. Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси / 3-е изд., доп. – М., 2005. – 286 с.
25. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х тт. – М., 1994. – Т. II. – 560 с.
26. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – Киев, 1989. – 511 с.
27. Откупщиков Ю.В. Очерки по этимологии. – СПб., 2001. – 480 с.
28. Български етимологичен речник. Том VI. – София, 2002. – 887 с.
29. Куркина Л.В., Варбот Ж.Ж. Международный научный симпозиум „Славянская этимология сегодня” // Вопросы языкознания. – 2007. – № 3. – С. 149-153.
30. Етимологічний словник української мови. – Т. 1-й. – Київ, 1982. – 632 с.
31. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Репринтное издание. – М., 2002. – 424 с.

32. Коломиец В.Т. Происхождение общеславянских названий рыб. К IX Международному съезду славистов.– Киев, 1983. – 160 с.
33. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1. – М., 1974. – 214 с.

Надійшла до редакції 18.10.2007 р.

УДК 811.161.1 373.611

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОДОБИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

A.B.Петров

Семантика подобия может быть выражена в русском языке при помощи различных частей речи. Так, в именах прилагательных подобие опирается на формальные средства – суффиксоиды *-видный*, *-образный* и *-подобный*, поэтому группу адъективов с опорными компонентами *-видный*, *-образный*, *-подобный* лингвисты относят к «прилагательным подобия» [1].

И.А. Устименко выделила в самостоятельный ономасиологический класс класс сходства и подобия, который характеризуется значением «похожий на то, что названо мотивирующим словом» [2]. Исследователи предлагают рассматривать слова с постпозитивными основами *-видн(ый)*, *-образн(ый)*, *-подобн(ый)* одновременно, так как вторые части слов выражают одно и то же значение [1; 3].

«Прилагательные подобия» структурно и семантически соотносятся со словосочетаниями, выражающими акт сравнения; ср. *студневидная жидкость* и *жидкость, напоминающая студень*, *сводообразный купол* и *купол, напоминающий свод (в виде свода)*. Некоторые лингвисты рассматривают «конструкции со сложными прилагательными, включающими в себя элементы *-подобный* и *-образный* (громоподобный голос, дугообразные брови)» [4, с. 3] в качестве одной из моделей проявления в языке сравнения. Так, Е.Т. Черкасова допускает два типа сравнительных конструкций: синтаксические и морфологические, например: *богоподобная (царевна)*, *медведеобразный (X)* и т.п. [5]. Морфологические конструкции типа «*N-подобный*», «*N-образный*», отмечает М.И. Черемисина, включают в себя на правах морфемы компонент *-подобный*, *-образный*, который в составе синтаксических построений занимает самостоятельную позицию [6].

В дериватологии существует точка зрения, согласно которой выделяются сложные имена прилагательные, «соотносительные в мотивационном плане с „правильными“ словосочетаниями и не соотносительные с таковыми (в последнем случае они „собираются“ из различных синтаксически не контактирующих слов)» [7, с. 175]. И далее: «Конечная часть слов на **-ОБРАЗНЫЙ** содержит морфему, которая по отношению к лексе **ОБРАЗ** не является семантически идентичной (это вытекает уже из того, что словосочетания, наподобие „образа иглы“, „образа яйца“ и т.п., являются в достаточной степени искусственными). Семантически в большей степени идентичны морфема **-ВИД-Н-ЫЙ** и лекса **ВИД**, входящая в словосочетания „вида иглы“, „вида яйца“ и т.п.» [7, с. 175].

Словосочетания, выражающие акт сравнения, имеют эквивалентные им по семантике сложные адъективы различной структуры:

а) прилагательные с суффиксоидами *-видный*, *-образный*, *-подобный*. Ср.: «*Похожий на праздничный стол*, золотом сверкал остров Скотт-Кельти» (Соколов-Микитов, Белые берега: Полярная весна); «*Уже по первому взгляду гористые берега Сvalбарга от куполообразных, сливающихся с небом очертаний Земли Франца-Иосифа, от столо-*

образных, как бы крапленных серебром берегов Новой Земли» (Соколов-Микитов, Спасение корабля: «Георгий Седов» идет в море); «Есть в Крыму еще один гриб из семейства ежовиковых – *ежсовик коралловидный*. Само название говорит за себя – этот гриб похож на коралл» (Семенов, О грибах и грибниках);

б) композиты, образованные соединением основ с суффиксацией: *хвост, как щетка – щеткохвостый* «Один из самых маленьких австралийских кенгуру – щеткохвостая кенгуровая крыса» (Сергеев, Жизнь лесных дебрей); *ноги, как весла – веслоногий* «Среди тропических амфибий летнюю профессию освоили веслоногие лягушки» (Сергеев, Жизнь лесных дебрей); *человек, похожий на кота – котообразный* «Очень похожий на кота хозяин бара с засученными по локоть рукавами приветливо здоровается с гостем» (Соколов-Микитов, Морские рассказы: Туманный берег); «– Очень, очень приятно, – пискливым голосом отозвался котообразный толстяк и вдруг, развернувшись, ударил Варенуху по уху так, что кепка слетела с головы администратора...» (Булгаков, Мастер и Маргарита).

Цель статьи – исследовать парадигматические и синтагматические связи имен прилагательных со значением подобия в русском языке.

Картотека была составлена на основе художественных и научно-популярных текстов, а также на базе Интернет-источников.

При толковании производные со значением подобия разворачиваются в мотивирующую синтагму, включающую сравнительный оборот. Ср.: *куполообразный* «напоминающий купол», *столообразный* «по форме напоминающий стол», *змеевидный* «похожий на змею», *лучеобразный* «имеющий вид лучей», *трубковидный* «напоминающий трубку, в виде трубки», *дугообразный* «имеющий вид, форму дуги», *слоноподобный* «подобный слону, напоминающий слона».

Для упрощения процедуры анализа регулярных типов словарной экспликации сравнительного значения в лингвистике было предложено «понятие компаративной формулы, компонентами которой являются: способ языкового выражения отношений образного сравнения; форма воплощения элемента *B* – центрального компонента компаративной структуры; регулярно повторяющиеся семантические наращения, осложняющие образно-компаративную семантику» [8, с. 238].

В русском языке не все конструкции словосочетаний со значением «похожий на кого-что-л., подобный, напоминающий», т.е. выражающие акт сравнения, имеют в виде коррелятов единицы с формантами *-образный, -подобный, -видный*, также выражающие акт сравнения. Наблюдаемая асимметрия «обусловлена несовпадением лексического наполнения конструкций, которое объясняется естественной сочетаемостью лексических единиц» [9, с. 178]. В отличие от синтаксической модели словосочетания словообразовательная модель характеризуется меньшим диапазоном лексической наполняемости. Лексическая наполняемость опорного компонента также имеет ограничения; ср. *скотоподобный*, но не зафиксировано **скотовидный; птицеподобный*, но нет **птицевидный*.

При использовании продуктивных моделей словообразования для образования новых слов, как и при построении сравнительных конструкций, действие системы регулируется существующими лексическими нормами. Ср.: *глаза, похожие на чернослив* (не голова, не волосы) – *черносливообразные глаза*: «Тогда же черный веселый лодочник, с глазами, похожими на чернослив, перевез матросов через залив к берегу» (Соколов-Микитов, Морские рассказы: Любовь Соколова); «Известие о несуществовании более на сем свете матушкина „жиденка“ с черносливообразными глазами нисколько, признаюсь, меня не опечалило...» (Т., Степной король Лир).

Определенные закономерности между сравнительной конструкцией и сложным словом наблюдаются среди колоративных адъективов: сравнения, относящиеся к цветовым прилагательным, имеют параллельные интерпретации в виде сложных слов: *красный, как вишня – вишнево-красный; зеленый, как изумруд – изумрудно-зеленый; белый, как молоко –*

молочно-белый; черный, как уголь – угольно-черный: «Высокие, узкие клочья тумана, густые и белые, как молоко, бродили над рекой, заслоняя отражение звезд и цепляясь за ивы» (Ч., Страх); «На обратном пути нас накрыл туман. Мы плыли в сплошной молочно-белой пелене, закрывшей берег и море» (Соколов-Микитов, Белые берега: К Земле Северной); «Выставилась из дерева и висит над водой старая, черная, как уголь, коряга» (Солоухин); «Иногда медведица останавливалась и, покачивая головой на длинной шее, нюхала воздух. Тогда на общей сверкающей белизне угольно-черной точкой отчетливо выделялся ее нос» (Соколов-Микитов, Белые берега: У Новой Земли).

Из ряда аффиксоидов выделяется элемент *подобный*, так как он встречается в языке в свободном состоянии и имеет при этом то же значение, что и сложное прилагательное, образованное с его помощью. Единица *подобный* (кому-, чему-л.) является лексическим компонентом в составе сравнительных конструкций: «Мне чудятся другие звуки, длинные, томные, *подобные звукам эоловой арфы...*» (Т., Призраки).

Эта особенность элемента *подобный* приводит к тому, что сложные прилагательные со вторым компонентом *-подобный* имеют в первой части только основы имен существительных [3, с. 50]: *клювоподобный, кожеподобный, конусоподобный, лироподобный, жалоподобный, змееподобный, слоноподобный; ср. старообразный, многообразный*.

И.А. Устименко отмечала, что «образование с *-подобный* возникает в том случае, если на ступени синтаксической объективации слово *подобный* будет входить в слово-сочетание, т.е. при мотивировке всем содержанием» [2, с. 125].

«Образования с *-видный* и *-образный* передают чаще всего сходство по внешним признакам, и мотивирующими являются названия предметов с хорошо выраженнымми внешними признаками, причем с помощью суффикса *-видный* образуются имена прилагательные от конкретных существительных, обозначающих предметы с хорошо выраженной формой...» [2, с. 125].

«Суффикс *-образный* захватывает более широкий круг существительных, например, существительные, называющие вещества, имеющие определенную консистенцию (желе, кисель, каша, паста, воздух, пар, снег, газ, мазь и под.)» [2, с. 125]. Однако с основами вещественных существительных сочетается и суффикс *-видный*, о чем свидетельствует лексикографическая практика [10]: *жировидный, kleevividnyi, kiselyevividnyi, pепelovidnyi, порошковидный, пылевидный, снеговидный, студневидный, тестовидный* и др. Не характерны первые основы со значением вещества для адъективов с суффиксом *-подобный* (исключения единичны: *жироподобный, снегоподобный*). В то же время специфичными для имен прилагательных являются препозитивные основы, передающие названия болезней: *гриппоподобный, неврозоподобный, холероподобный* и др.

Сложения со вторым компонентом *-видный* имеют в качестве первых компонентов основы с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *волосковидный, сосочковидный, пальчиковидный, пузырьковидный, рожковидный, щетинковидный, язычковидный* и др.

В естественнонаучной терминологии зафиксированы сложные наименования, в состав которых входят суффиксальное имя прилагательное с семой подобие и образование на *-видный*. Порядок следования адъективов не закреплен: *кувшинчато-шаровидный, крыловидно-решетчатый, метельчато-колосовидный, метельчато-щитовидный* и *линзовидно-жилковатый, мешковидно-пластинчатый, колосовидно-метельчатый, перстневидно-клеточный, щитковидно-метельчатое соцветие, яйцевидно-ромбические листья*.

«С克莱ивание» основ наблюдается именно у рассматриваемой разновидности сложений: *сплюснутошаровидные орешки, почковидно-сердцевидная форма, глубокосердцевидное основание листьев, продолговато-яйцевидные листья, треугольно-яйцевидные листья, широкояйцевидный плод, яйцевидно-овальные листья, треугольно-стреловидные листья гречихи, ланцетовидно-изогнутые листья*. Ср.: «В мякоти гриба помещаются сумки со спорами. Сумки продолговато-яйцевидные» (Семенов, О грибах и грибниках); «Символом России

давно считается береза. Это белоствольное высокое дерево с характерно повисающими ветвями с яйцевидно-ромбическими листьями» (Орлов, Зеленая аптека).

Суффиксоид *-образный* сочетается с различными символами, которые используются в качестве компонентов сложных специальных наименований, составляя комбинированные символо-слова (см. [11]) типа *C-образный* «С-образная профильная шина»: [//http://www.cettx.ru=Nigma](http://www.cettx.ru) 10.10.07; *Г-образный* «Г-образный коннектор»: [//http://www.nix.ru=Nigma](http://www.nix.ru) 10.10.07; *Д-образный* «Д-образный брус»: [//http://rosless.ru=Nigma](http://rosless.ru) 10.10.07; *Т-образный* «Т-образные гвозди»: [//http://www.interna.biz=Nigma](http://www.interna.biz) 10.10.07; *У-образный* «тройник У-образный»: [//http://www.rosmed.ru=Nigma](http://www.rosmed.ru) 10.10.07; *V-образный* «V-образная схема двигателя – схема расположения цилиндров двигателя внутреннего сгорания, при которой цилиндры размещаются друг напротив друга под углом (как правило, 90) в форме латинской буквы «V»: [//http://www.bursa.is.com.ua=Nigma](http://www.bursa.is.com.ua) 10.10.07.

В качестве компонентов символо-слов в меньшей степени используется суффиксоид *-подобный*, не зафиксированы образования с опорным компонентом *-видный*: *V-подобный* «V-подобный кабель» [//http://www.card.cardprom.ru=Nigma](http://www.card.cardprom.ru) 10.10.07; *Q-подобный* «Q-подобная форма молекулы»: [//http://www.scientific.ru=Nigma](http://www.scientific.ru) 10.10.07; *C-подобный* «C-подобный код»: [//http://www.aigroup.narod.ru=Nigma](http://www.aigroup.narod.ru) 10.10.07.

К деривационным особенностям адъективов со вторым компонентом *-подобный* относится способность некоторых из них мотивировать имена с абстрактным значением. В качестве форманта используется суффикс *-ij-*: *вероподобный* – *вероподобие*, *звероподобный* – *звероподобие*, *обезьяноподобный* – *обезьяноподобие*, *правдоподобный* – *правдоподобие*, *скотоподобный* – *скотоподобие* и др. Имена прилагательные с суффиксоидами *-видный* и *-образный* образуют абстрактные существительные с суффиксом *-ость*: *зигзагообразность* *формы*, *стекловидность* *зерна*, *наукообразность* *построений* и др.

В лингвистике не исследованы сочетаемостные особенности сложных адъективов со значением подобия. Например, в области ботаники сочетания типа *крапивоподобный лист* не частотны, поскольку для выражения подобия одного растения другому по характерным особенностям листьев выработана модель с опорным компонентом *-листный*; композиты на *-листный* входят в составные наименования типа *ломонос виноградолистный*, *гортензия дуболистная*, *калина лавролистная*, *бубенчик лилиелистный*, *эвкалипт миндалелистный*, *горец щавелелистный*, *клен ясенелистный* и др. Ср.: «В Крыму встречаются восемь видов ив: белая, козья, пурпурная, трехтычинковая, пепельная, вавилонская и *розмаринолистная*» (Орлов, Зеленая аптека); «*Колокольчик персиколистный*, *ковыль*, *олосатик* – растения восточно-европейских разнотравных и злаковых степей» (Орлов, Зеленая аптека).

К деривационным особенностям адъективов на *-видный* относится способность их выступать в качестве мотивирующих для имен существительных с формантами *-k(a)* типа *мышевидки*, *слизневидки*, *муха-пчеловидка*, *рисовидка*, *листовидка*, *плетевидка*, *сердцевидка*: «Назви *челновидка* (*Scaphidium*), *шаровидка* (*Sphaeridium*), співвідносні із складними прикметниками *челновидний*, *шаровидний*, становлять СТ „основа прикметника + суфікс *-k(a)*“ і мають значення „комаха, подібна до того предмета, що названий у складній основі“ [12, с. 33]. Ср.: «Отдельные виды мух-журчалок как две капли воды похожи на ос, пчел, шмелей. Их так и называют: *пчеловидками*, *шмелевидками*, *осовидными журчалками*» (Сергеев, Жизнь лесных дебрей).

Производное *щитовидка* образовано на базе словосочетания *щитовидная* *железа* и не входит в рассматриваемый словообразовательный тип.

По мнению Н.Ф. Клименко, усиливает терминологическое значение композитов со значением подобия типа *голубоподібний*, *горобцеподібний* процесс их субстантивации, поскольку субстантивированные образования обозначают целые классы объектов [13]. Терминологизация композитов с семантикой подобия сопровождается образованием субстантиваторов со значением *pluralia tantum*; этот процесс характерен прежде все-

го для адъективов с компонентом *-образный*: *аистообразные, воробьинообразные, дятлообразные, моховообразные, осетрообразные, папоротникообразные, попугаеобразные, ракообразные, паукообразные, трилобитообразные*. Среди образований на *-видный* зафиксированы единицы *папоротниковидные, плауновидные, хвощевидные*.

В именах прилагательных русского и украинского языков значение подобия может быть передано также при помощи различных суффиксов [14; 13; 8; 2].

Прилагательные с суффиксами *-видный, -образный, -подобный* пересекаются с производными на *-еватый/оватый, -чатый, -истый* и др. Ср.: *прост. лопатистый «похожий на лопату» (лопатистая борода) – лопатовидный, лопатообразный «имеющий вид, форму лопаты, похожий на лопату» (лопатовидный лист клёна), бочковатый «имеющий, подобно бочке, выпуклые, выдающиеся бока» – бочковидный «имеющий вид бочки, напоминающий по виду бочку» – бочкообразный «имеющий форму бочки»: «Один за другим наполнены водою и затоплены бочкообразные понтоны, продержнуты в тоннелях стальные плоские „полотенца”» (Соколов-Микитов, Водолазы: Победа); «Мышцы ног, рук и плеч были так полны и бочковаты, как бывают только у молодого человека» (Л.Т.); *волнистый* «напоминающий по виду волны» – *волнообразный* «напоминающий по форме, виду волну, волны»: «*Волнистые облака наплывали на месяц*» (Паустовский); «Мы ехали по широкой распаханной равнине; чрезвычайно пологими, *волнообразными* раскатами сбегали в нее невысокие, тоже распаханные холмы...» (Т., Касьян с Красивой Мечи); *винтовой* «имеющий форму винта» (*винтовая лестница*) – *винтообразный* «имеющий вид, форму винтовой нарезки; спиральный»: «Мы поспешно взобрались по двум лестницам в другой коридор, прошли и тот, спустились по узкой, *винтообразной лестнице*» (Т., Казнь Тропмана).*

С.Ю. Адливанкин отмечал, что «словопроизводственная синонимичность названных моделей прилагательных особенно наглядно выявляется в цепочках слов, имеющих одну и ту же первую основу» [1, с. 91]: *клиновидный – клинообразный – клиноподобный*. Интерес представляет исследование корреляции между простыми суффиксальными производными со значением подобия и композитами с суффиксами *-видный, -образный, -подобный*. Простые и сложные по структуре производные с общей препозитивной корневой частью мы объединяем в одну цепочку: *клинистый – клинчатый – клиноватый – клиновидный – клиноподобный – клинообразный*.

Отношения разноструктурных производных со значением подобия на материале украинского языка исследовала Е.А. Карпиловская, которая предложила «школу вразливості»: «Найбільш вразливи (1 ступінь) ті композити, що становлять абсолютні синоніми до своїх конкурентів – простих афіксальних прикметників (тип дзвоникоподібний – дзвоникуватий)... На наступному, II-ому ступені вразливості, перебувають ті складні прикметники, конкуренти яких мають ширшу семантичну парадигму... (тип голкоподібний – голчастий). Найменш вразливи (III-ій ступінь) ті композити, конкуренти яких або не збігаються з ними за своюю семантикою, або виражают відношення до об'єкта, позначеного твірною основою, у найзагальнішому вигляді (тип мигдалеподібний – мигдальний чи вітаміноподібний – вітамінний, вітаміновий, але вітамінозний... » [14, с. 130].

Е.А. Карпиловская построила школу на основе парадигматических отношений дериватов. Градация может строиться также и с учетом синтагматического аспекта.

Как синсемантичный класс слов, имена прилагательные определяются существительными, с которыми они сочетаются. Учет валентностных характеристик композитов может выявить определенные нюансы в передаче того или иного признака, что может быть отражено на шкале: совпадение актанта(ов) у всех членов парадигматического ряда производных, совпадение актанта(ов) у некоторых производных с комбинацией тех или иных структур: *копьеподобный* (сосульки, лезвие, взгляд) – *копьеобразный* (наконечник, тростник, листья) – *копьевидный* (листья). Совпадение приадъективных актантов свидетельствует о дублетности словосочетаний *копьеобразные листья* и *копьевид-*

ные листья, в остальных случаях словосочетания передают различные нюансы призыва. Наблюдения свидетельствуют о том, что общим у производных является, как правило, один приадъективный актант, реже, два.

Была проанализирована корреляция простых имен прилагательных с суффиксом -чат- и композитов с суффиксоидами подобия в 26 словообразовательных гнездах. Адъективы, объединенные общностью препозитивного корня, исследовались под углом зрения лексической сочетаемости.

Как правило, суффикс -чат- употребляется в сочетании с неодушевленными существительными, обозначающими названия конкретных предметов, растений и т.п. [15, с. 88].

Значительная часть имен прилагательных рассматриваемой словообразовательной модели является составной частью терминологических наименований и занимает постпозицию по отношению к определяемому имени: *вильчатый* (калина вильчатая, ирис вильчатый, зуб вильчатый и др.), *копытчатый* (ревень копытчатый, рябок копытчатый), *пальчатый* (фиалка пальчатая, свинорой пальчатый), *пильчатый* (первоцвет пильчатый, дуб пильчатый) и др.

В результате проведенного исследования было установлено, что в именах прилагательных, входящих в гнезда с вершинами *булавка, вилы, голова, звезда, гребень, клетка, кольцо, метла, сеть и плита*, не наблюдается совпадение приадъективных актантов.

Совпадение приадъективных актантов выявлено

1) в четырехзвеневых цепочках (их 2) гнезд с базовыми словами *игла* и *клин*; производные сочетаются соответственно с именами существительными *кристалл* и *борода*: *игольчатый – игловидный – иглообразный – иглоподобный (кристалл)*, *клиничатый – клиновидный – клинообразный – клиноподобный (борода)*;

2) в трехзвеневых цепочках гнезд с вершинами *глаз, игла, лапа* модели:

а) ...чать – ...видный – ... подобный (2): *глазчатый – глазовидный – глазоподобный (рисунок на крыльях птиц)*, *игольчатый – игловидный – иглоподобный (лист, кристалл)*;

б) ...чать – ...видный – ... образный (1): *латчать – лаповидный – лапообразный (лист)*;

3) в двухзвеневых цепочках гнезд с вершинами *бокал, игла, дуда, жёлоб, клин, колокол, корона, крупка, лопата, палец, пила, труба*:

а) ...чать – ...видный (2): *пильчатый – пиловидный (лист), трубчатый – трубковидный (сверло)*;

б) ...чать – ... образный (3): *желобчатый – желобообразный (лист), крупнотчатый – крупообразный (снег), пальчатый – пальцеобразный (лист)*;

в) ...чать – ... подобный (2): *колокольчатый – колоколоподобный (цветок), корончатый – короноподобный (гребень)*;

г) ...видный – ... образный (6): *бокаловидный – бокалообразный (тюльпан), желобовидный – желобообразный (хирургический зонд), колоколовидный – колоколоподобный (шлем), лопатовидный – лопатообразный (палец, рыло осетровых), нитевидный – нитеобразный (водоросли, кристалл), трубковидный – трубкообразный (ключ)*;

д) ...видный – ... подобный (2): *лопатовидный – лопатоподобный (лист), пальцевидный – пальцеподобный (отросток)*;

е) ...образный – ... подобный (4): *дудкообразный – дудкоподобный (музыкальные инструменты), иглообразный – иглоподобный (наконечник стрелы), клинообразный – клиноподобный (участок земли), колоколообразный – колоколоподобный (звук)*.

Таким образом, дублетные образования в проанализированном парадигматическом ряду преобладают в двухзвеневых лексических цепочках. Комбинаторные возможности моделей равняются шести вариантам. Частотными являются лексические цепочки, в состав которых входят производные модели ...видный – ...образный (6) и ...образный – ...подобный (4). Количество совпадающих приадъективных актантов сводится максимум к двум единицам. Этот факт свидетельствует о том, что адъектив-

ные производные различных словообразовательных моделей имеют свой спектр актантов, способны передавать различные семантические нюансы.

РЕЗЮМЕ

У статті досліджуються прикметники зі значенням подібності в російській мові; з'ясовується, що значення подібності у композитах може передаватися за допомогою різноманітних афіксoidів. Показано, що похідні слова розгортаються у мотивуючу синтагму, до складу якої належить порівняння.

SUMMARY

The lexical units with the meaning of similarity in Russian language are analyzed in the article. It is discovered that the meaning of similarity in the composites can be transmitted with the help of formal means – affixoids of certain type. The derivatives become transformed in the motivating syntagma, which include comparative structure.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адливанкин С.Ю. Из истории прилагательных подобия в русском языке // Проблемы структуры слова и предложения. – Пермь, 1974. – С. 88-93.
2. Устименко И.А. Ономасиологический класс сходства и подобия и его роль в ходе словообразовательного процесса имен прилагательных // Научные труды Курского госпединститута. – Т. 62 (155). Проблемы ономасиологии. Ш. – Курск, 1976. – С. 119-126.
3. Кайдалова А.И. К вопросу о грамматических особенностях сложных прилагательных // Вестник МГУ. – 1963. – № 5. – С. 48-58.
4. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь. – Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2003. – 300 с.
5. Черкасова Е.Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов // Вопросы языкоznания. – 1968. – № 2. – С. 28-38.
6. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1976. – 270 с.
7. Соколов О.М. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1972. – 218 с.
8. Огольцева Е.В. Образный потенциал русского отсубстантивного словообразования функционально-прагматический аспект). – М., 2007. – 326 с.
9. Рябова Н.Ю. Об особенностях соотношения производного и коррелятивного ему словосочетания // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. – Гродно, 1989. – Ч. 1. – С. 177-179.
10. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. – М.: Рус. яз., 1985.
11. Даниленко В.П. О терминологическом словообразовании // Вопросы языкоznания. – 1973. – № 4. – С. 76-85.
12. Лубашева Л.А. Російські ентомологічні найменування-кальки // Мовознавство. – 1992. – № 5. – С. 29-35.
13. Клименко Н.Ф. Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові. – К.: Наукова думка, 1984. – 252 с.
14. Карпіловська Є.А. Конкурування варіантних номінацій як вияв тенденцій розвитку лексикону: регулятори рівноваги // Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту. Зб. наук. пр., прсвяч. ювілею Загнітка А.П. – Донецьк: ДонГУ, 2004. – С. 122-132.
15. Немченко В.Н. Словообразовательная структура имен прилагательных в современном русском языке. – Горький, 1973. – 139 с.

16. Денисенко О. Словообразовательная структура сложных имен прилагательных русской анатомической терминологии // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975. – С. 272-276.
17. Петров О. Складні слова зі значенням подібності у російській мові // Вісник Прикарпатського національного університету ім. В.Степаніка. Філологія. – Випуск XV-XVIII. – Івано-Франківськ: Видавничо-дизайнерський відділ ЦГТ, 2007. – С. 242-244.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Орехов В. Зеленая аптека. – Симферополь, 1998. – 432 с.
2. Семенов А.И. О грибах и грибниках: Справочник по сбору грибов в Крыму. – Симферополь, 1990. – 192 с.
3. Сергеев Б.Ф. Жизнь лесных дебрей. – М., 1988. – 255 с.
4. Соколов-Микитов И. Собрание сочинений: В 4-х т. – Л., 1985–1987.
5. Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. – М., 1968.

Надійшла до редакції 30.11.2007 р.

УДК 81'44=161.1=161.2=162.1=111

ЗІСТАВНИЙ АНАЛІЗ ПОХІДНИХ ДІЄСЛІВ У СКЛАДІ СЛОВОТВІРНИХ ГНІЗД (на матеріалі російської, української, польської та англійської мов)

Н.О. Ярошенко

Основоцентричний характер сучасного словотвору загалом і зіставної дериватології зокрема (див. [1-19]) зумовлює пожвавлення різноспектрних досліджень комплексних одиниць системи словотвору. Словотвірне гніздо (далі – СГ) як найскладніша одиниця словотвору може бути презентоване як сукупність словотвірних пар, словотвірних парадигм, словотвірних ланцюжків і словотвірних типів. В аспекті основоцентричного характеру сучасної дериватології певною мірою переосмислюється традиційний підхід до розгляду словотвірного типу, який, як відомо, тривалий час визнавався єдиною комплексною одиницею словотвірної системи. Словотвірні типи похідних певної частини мови (найчастіше – кількох різних частин мови), розглянуті як складові певного словотвірного гнізда, разом з іншими аспектами аналізу дають змогу змоделювати й описати процес словотворення в перспективному плані: у напрямку від твірного слова до похідного (пор. [19, с. 16; 20, с. 14; 1, с. 5; 8, с. 108-109]).

Мета пропонованої статті полягає в комплексному зіставному аналізі похідних дієслів у складі сучасних СГ з вершинами *сажать* (*садить*), *садити* (*саджати*, *садовити*, *сажати*) і *sadzić* (*sadzać*, *sadowić*) та у складі їхніх англійських словотвірних еквівалентів (передусім у складі СГ дієслів *to set* і *to plant*). На досягнення поставленої мети спрямоване насамперед розв’язання таких завдань: 1) зіставити словотвірні значення дієслів у складі зазначених СГ; 2) порівняти способи і засоби вираження цих значень у межах досліджуваних СГ.

Зазначимо, що зіставлювані СГ містять у своєму складі 1611 похідних лексем (сума показників потужності СГ аналізованих слов’янських мов – 1381 дериват, а СГ англійської мови – 230 похідних). Аналізовані гнізда укладалися з урахуванням як літературних, так і територіально- соціально-діалектних похідних (так звані макрогнізда, за термінологією Л.П. Борисової) [21, с. 5].

Оскільки в дериватології наявні різні підходи до визначення словотвірного значення (далі – СЗ), варто з’ясувати, що будемо розуміти під терміном *словотвірне значення*. У роботі поділяємо позицію тих дериватологів (роботи О.А. Земської, І.І. Ковалика, А.Д. Зверева,

В.В. Грещука, Г.П. Циганенко), які трактують СЗ як узагальнене категоріальне значення, що є спільним для певного типу слів, ґрунтуючись на семантичному співвідношенні твірних і похідних слів і виражається за допомогою відповідної словотвірної структури. При цьому в деяких роботах СЗ визначається як узагальнене “структурно-лексичне значення”, що має номінативний статус (див. [22, с. 34; 23, с. 35; 24, с. 41]).

Зіставляючи аналізовані СГ російської, української, польської та англійської мов щодо особливостей СЗ похідних (зокрема СЗ дієслів) у їхньому складі, по-перше, враховуємо дані академічних граматик, монографічних досліджень й окремих розвідок з проблем словотвору російської, української, польської та англійської мов, а по-друге, висновки і спостереження, які містяться в роботах зіставно-типологічного характеру¹.

Як свідчить аналіз фактичного матеріалу, у складі сучасних СГ дієслів *сажать*, *садити* і *sadzić* презентовано 352 похідні діеслова (170 – рос. СГ, 99 – укр. СГ і 83 – пол. СГ), переважна більшість з яких (97,4 %) є результатом внутрішньодієслівного словотвору. Крім девербативів, з-поміж похідних цієї частини мови в аналізованих СГ реалізовано також відіменникові діеслова (по три деривати в російському і польському СГ і два похідні в українському СГ), а також одне від'єктивне діеслово в польському СГ (*uzasadnić*).

У межах СГ з вершинами *to set* і *to plant* презентовано 56 дериватів-дієслів (49 – СГ *to set*, 7 – СГ *to plant*), серед яких, як і у СГ *сажать*, *садити* і *sadzić*, значно переважають девербативи (55, або 98,2 %). Тільки з-поміж похідних у складі СГ *to set* реалізоване одне відіменникове діеслово (*underset* Π_v).

Як видно з таблиці, у словотвірних структурах похідних дієслів СГ з вершинами *сажать*, *садити* і *sadzić* реалізовано 32 СЗ, серед яких 19 СЗ (або 59,4 %) є спільними для похідних дієслів трьох СГ, 5 СЗ (або 15,6 %) презентовано у складі російського й українського та російського і польського СГ відповідно, останні 7 СЗ (або 21,9 %) є специфічними для того чи іншого із зіставлюваних СГ. Так, тільки у межах російського СГ презентовано СЗД₁₄ (де СЗД – це словотвірне значення діеслова, а індекс відповідає порядковому номеру СЗ у таблиці) ‘почати дію, названу твірним діесловом’ (*засажать*, *засадить* IV із словотвірною структурою “за+ОД”) і СЗД₁₅ ‘виконувати дію, названу твірним діесловом, над об’єктом повторно’ (*пересаживать* – “пере+ОД”, *пересадить* – “пере+ОД+и(ть)”). Особливістю похідних дієслів українського СГ є реалізація СЗД₂₄ ‘за допомогою дії, названої твірним діесловом, ділити об’єкт на частини’ (*пересадити* – “пере+ОД”). Щодо польського СГ, то до СЗД, які реалізовані тільки у складі цього СГ, належать такі СЗ: а) СЗД₂ ‘спрямувати взаємно один на одного (про декількох суб’єктів) дію, названу твірним діесловом’ – взаємно-зворотне СЗ (*podsadzać się*, *przesadzić się* – “ОД+сиę”); б) СЗД₁₈ ‘спрямувати дію, названу твірним діесловом, під об’єктом’ (*podsadzić* – “под+ОД”); в) СЗД₂₅ ‘дію, названу твірним діесловом, зробити надміру’ (*przesadzić* – “през+ОД”); г) СЗД₃₂ ‘зробити таким, як визначено твірним прикметником’ (*uzasadnić* – “у+ОП+иć”).

Спільними для похідних дієслів російського й українського СГ є такі СЗ: а) СЗД₄ ‘багатократно, неодноразово здійснювати дію, назвну твірним діесловом’ (рос. *саживать*, *посаживать* – “ОД+ива₂(ть)”, укр. *садикати* – “ОД+ка(ти)”; б) СЗД₅ ‘однократно, одноразово, за один прийом, раптово та інтенсивно здійснити дію, названу твірним діесловом’ (рос. *сажануть*, *садануть* – “ОД+ану(ть)”, *садонуть* – “ОД+ону(ть)”, *садыкнуть* – “ОД+ыкну(ть)”; укр. *саднути* – “ОД+ну(ти)”; в) СЗД₆ ‘підсилити різкість, напруженість, несподіваність раптової інтенсивності дії, названої твірним діесловом’ (рос. *насадыкатъ* – “ОД+ыка(ть)”, *насадокать* – “ОД+ока(ть)”, *насадокнуть* – “ОД+ну(ть)”; укр. *садонути* – “ОД+ну(ти)”; г) СЗД₂₆ ‘дію, названу твірним діесловом, здійснювати якийсь час’ (рос. *просажать* – “прот+ОД”; укр. *просаджати* – “прот+ОД”); г) СЗД₂₉ ‘спрямувати дію, названу твірним діесловом, крізь що-небудь, пропустити один об’єкт крізь інший, проникнути в щось’ (рос. *просадить* I – “прот+ОД”; укр. *просадити* – “прот+ОД”).

¹ Обсяг статті не дає можливості подати перелік цих робіт.

У межах російського і польського СГ реалізовано СЗД₃₁ ‘здійснювати дію, результат або продукт якої названий твірним іменником’ (рос. *рассадничать* – ‘ОІ+ничать’; пол. *sadzonkować* – ‘ОІ+ować’).

Серед СЗД, що є спільними для похідних дієслів трьох зіставлюваних слов’янських СГ, найбільш частотними є такі СЗ (цифра в дужках після словотвірної структури вказує на кількість дериватів із цим СЗ): а) СЗД₁ ‘спрямувати на себе дію, названу твірним дієсловом’ (власне-зворотне СЗ) – рос. ‘ОД+ся’ (54), укр. ‘ОД+ся’ (29), пол. ‘ОД+się’ (28); б) СЗД₃ ‘значення недоконаного виду’ – рос. ‘ОД+ива₁(ть)’ (24), ‘ОД+а(ть)’ (8), ‘ОД+ива₁(ться)’ (4), укр. ‘ОД+ува(ти)’ (19), ‘ОД+а(ти)’ (1), пол. ‘ОД+а(ć)’ (17); в) СЗД₁₁ ‘охопити дією, названою твірним дієсловом, велику кількість об’єктів або суб’єктів, роз’єднаних у просторі, по черзі, один за одним’ (дистрибутивне СЗ) – рос. ‘по+ОД’ (17), ‘пере+ОД’ (3), ‘при+ОД’ (2), ‘рас+ОД+и(ть)’ (1), ‘рас+ОД’ (1), ‘с+ОД’ (1), укр. ‘по+ОД’ (14), ‘роз+ОД’ (2), ‘пере+ОД’ (1), пол. ‘ро+ОД’ (10), ‘roz+ОД’ (2); г) СЗД₁₀ ‘довести до певного результату дію, названу твірним дієсловом (загальнорезультивне СЗ) – рос. ‘на+ОД’ (2), ‘вост+ОД’ (2), ‘о+ОД+и(ть)’ (2), ‘по+ОД+и(ть)’ (1), ‘во+ОД’ (1), ‘у+ОД+и(ть)’ (1); укр. ‘по+ОД’ (3), ‘в+ОД’ (3), ‘у+ОД’ (3); пол. ‘ро+ОД’ (2), ‘о+ОД’ (2), ‘и+ОД’ (2); г) СЗД₈ ‘додатково провести дію, названу твірним дієсловом’ – рос. ‘до+ОД+и(ть)’ (1), ‘при+ОД+и(ть)’ (1), ‘при+ОД’ (1), ‘под+ОД+и(ть)’ (1), ‘под+ОД’ (1), укр. ‘до+ОД’ (1), ‘при+ОД’ (1), ‘під+ОД’ (1), пол. ‘do+ОД’ (1), ‘przy+ОД’ (1), ‘pod+ОД’ (1); д) СЗД₁₂ ‘зосередити в одному місці результати дії, названої твірним дієсловом’ (кумулятивне СЗ) – рос. ‘на+ОД+и(ть)’ (2), ‘на+ОД’ (1), ‘у+ОД’ (1), укр. ‘на+ОД’ (4), пол. ‘na+ОД’ (2).

Специфічною ознакою українського СГ є також особливість засобів вираження СЗД₁₇ ‘спрямувати дію, названу твірним дієсловом, знизу догори’, яке реалізується в діє słowах *підсадити*, *висадити* і *зсадити*. На особливу увагу заслуговують діє слова *висадити* і *зсадити*. В українській мові, на відміну від російської і польської, префікс *ви-*, крім значення ‘рух зсередини назовні’, здатний також передавати значення ‘рух знизу догори’ [25, с. 139]: *висадити* ‘піднімаючи, поміщати кого-, що-небудь десь, на чомусь’ [26 I, с. 479]. Щодо діє слова *зсадити*, то воно є прикладом енантіосемії, оскільки поєднує у своїй семантиці два протилежні просторові значення: ‘допомагати кому-небудь, хто сидить на чомусь, спуститися наниз; знімати’ і ‘піднімаючи, поміщати кого-небудь десь, на чомусь’ [26 III, с. 720] (пор. [27, с. 184; 25, с. 139-140; 263, с. 210]).

У словотвірних структурах похідних дієслів у складі СГ *to set i to plant* реалізовано 17 СЗ, серед яких 2 СЗ (11,8 %) є спільними для СГ *to set i to plant*, а 12 СЗ (70,6 %) і 3 СЗ (17,6 %) репрезентовані тільки у словотвірних структурах дериватів-дієслів у складі СГ *to set i to plant* відповідно. Так, в обох СГ реалізовані такі СЗД, як ‘поширити дію, названу твірним дієсловом, на якийсь площа’ (*set with, plant with*), ‘спрямувати якийсь об’єкт всередину іншого за допомогою дії, названої твірним дієсловом’ (*set among, set in I, set in II, plant in, plant into*). Тільки у межах СГ *to set* реалізовано, наприклад, такі СЗД, як ‘роздашувати на чомусь за допомогою дії, названої твірним дієсловом’ (*set on II, set over, set down I*), ‘віддалити на певну відстань, відокремити за допомогою дії, названої твірним дієсловом’ (*set apart, set by I, set aside I*) і т. ін., а специфічними для похідних дієслів у складі СГ *to plant* є такі СЗД, як ‘спрямувати дію, названу твірним дієсловом зсередини назовні’ (*plant out*), ‘спрямувати дію, названу твірним дієсловом навколо об’єкта’ (*plant round*), ‘спрямувати дію, названу твірним дієсловом, з одного місця в інше через певний простір’ (*transplant*).

У словотвірних структурах зіставлюваних слов’янських дієслів репрезентовано такі суфікси (у складі СГ *to set i to plant* немає суфіксальних дієслів): 1) рос. СГ: *-ива₁-*, *-ива₂-*, *-а-*, *-и-*, *-ну-* (-ану-, -ону-, -ыкну-), *-ока-* (-ыка-), *-ничать*; б) укр. СГ: *-ува-*, *-а-*, *-ка-*, *-ну-* (-ону-), *-увати*; в) пол. СГ: *-а-*, *-i-*, *-ować*. З-поміж 27 дієслівних префіксів російської мови, 23 префіксів української, 21 префікса польської і 23 префіксов англійської мови [25, с. 131-132; 22, с. 251; 28, с. 105; 29, с. 96-98] у словотвірних структурах

похідних дієслів російського, українського, польського й англійського СГ реалізовано 17, 14, 14 і 4 префікси відповідно: 1) рос. СГ: *в-* (*во-*), *воз-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *из-*, *на-*, *о-* (*об-*), *от-*, *пере-*, *по-*, *под-*, *при-*, *про-*, *раз-*, *с-*, *у-*; 2) укр. СГ: *в-* (*y-*), *ви-*, *до-*, *за-*, *з-*, *на-*, *о-* (*об-*), *пере-*, *під-*, *по-*, *при-*, *про-*, *роз-*; 3) пол. СГ: *do-*, *na-*, *o-* (*ob-*), *od-*, *po-*, *prze-*, *przy-*, *roz-*, *w-*, *wy-*, *z-*, *za-*; 4) англ. СГ: *im-*, *over-*, *self-*, *trans-*. Специфічною ознакою англійського СГ є наявність фразових дієслів (post-particle verbs, за Г. Марчандом [30, с. 131]), структура яких являє собою злиття діеслова з наступним прислівником і/або післяіменником. В аналізованих СГ реалізовані 37 постпозитивних елементів: *about*, *above*, *apart*, *aside*, *at*, *back*, *by*, *down*, *for*, *forward*, *in*, *off*, *on*, *out*, *over*, *upon*, *to*, *up*, *with* і т. ін.

Щодо СЗД, які репрезентовані у словотвірних структурах дериватів-дієслів СГ *сажать*, *садити* і *sadzić*, з одного боку, і СГ *to set* і *to plant*, з іншого, то 10 СЗД (25,6 %) є спільними для порівнюваних слов'янських та англійських СГ, а 22 СЗД (56,4 %) і 7 СЗД (17,9 %) реалізовані тільки у складі слов'янських та англійських СГ відповідно. Так, специфічними для СГ *сажать*, *садити* і *sadzić* є такі СЗД, як, наприклад, ‘значення недоконаного виду’, ‘багатократно, неодноразово здійснювати дію, названу твірним діесловом’, семельфактивне СЗ, сатуративне СЗ, дистрибутивне СЗ, кумулятивне СЗ і т. ін. Що ж до словотвірних структур похідних дієслів у складі СГ *to set* і *to plant*, то, порівняно з аналізованими слов'янськими СГ, у структурі СГ *to set* і *to plant* на рівні СЗД, по-перше, репрезентовані ідіоматичні СЗ (*set about* ‘поширювати новини, плітки’, *set ahead* ‘покращувати щось, викликати зростання чогось’, ‘пересувати подію на раніший термін’, ‘переводити годинник уперед’, *set straight* ‘прибирати приміщення’ та ін.), а по-друге, більш вагомими є просторові СЗД, серед яких деякі СЗД репрезентовані тільки у похідних дієслів англ. СГ: ‘спрямувати дію, названу твірним діесловом вперед’ (*set forward*, *set on* I), ‘спрямувати дію, названу твірним діесловом назад’ (*set back* I), ‘розташувати поруч із чим-, ким-небудь за допомогою дії, названої твірним діесловом’ (*set beside*, *set against*, *set before*) і т. ін.

Подальший зіставний аналіз похідних дієслів у складі досліджуваних СГ полягає у поєднанні словотвірного і семантичного аспектів, а також у з'ясуванні спільних і специфічних ознак зонної структури відповідних словотвірних парадигм.

Таблиця. Зіставний аналіз СЗ дієслів у складі сучасних СГ з вершинами *сажать*, *садити* і *sadzić*

Словотвірне значення і його символ	Словотвірна структура, к-ість похідних і %		
	Рос. СГ	Укр. СГ	Пол. СГ
Внутрішньодієслівний словотвір			
СЗД ₁ ‘спрямувати на себе дію, названу твірним діесловом’ (власне-зворотне СЗ)	ОД+ся (54) 54/30,5	ОД+ся (29) 29/26,4	ОД+się (28) 28/30,4
СЗД ₂ ‘спрямувати взаємно один на одного (про декількох суб'єктів) дію, названу твірним діесловом’ (взаємно-зворотне СЗ)	–	–	ОД+się (2) 2/2,2
СЗД ₃ ‘значення недоконаного виду’	ОД+ива(ть) (24) ОД+а(ть) (8) ОД+ива(ться) (4) 36/20,3	ОД+ува(ти) (19) ОД+а(ти) (1) 20/18,2	ОД+а(ć) (17) 17/18,5
СЗД ₄ ‘багатократно, неодноразово здійснювати дію, названу твірним діесловом’	ОД+ива(ть) (2) 2/1,1	ОД+ка(ти) (1) 1/0,9	–

C3Д ₅ 'однократно, одноразово, за один прийом, раптово та інтенсивно здійснювати дію, названу твірним дієсловом' (семельфактивне С3)	ОД+ану(ть) (2) ОД+ону(ть) (1) ОД+ыкну(ть) (1) 4/2,3	ОД+ну(ти) (1) 1/0,9	-
C3Д ₆ 'підсилити різкість, напруженість, несподіваність раптової інтенсивної дії, названої твірним дієсловом'	ОД+ыка(ть) (1) ОД+ока(ть) (1) ОД+ну(ть) (1) 3/1,7	ОД+ону(ти) (1) 1/0,9	-
C3Д ₇ 'довести до певної межі дію, названу твірним дієсловом' (досягальне (сатуративне) С3)	на+ОД+ся (2) до+ОД+и(ть) (1) до+ОД (1) 4/2,3	до+ОД (1) 1/0,9	do+ОД (1) 1/1,1
C3Д ₈ 'додатково провести дію, названу твірним дієсловом'	до+ОД+и(ть) (1) при+ОД+и(ть) (1) при+ОД (1) под+ОД+и(ть) (1) под+ОД (1) 5/2,8	до+ОД (1) при+ОД (1) під+ОД (1) 3/2,7	do+ОД (1) przy+ОД (1) pod+ОД (1) 3/3,3
C3Д ₉ 'спрямувати якийсь об'єкт всередину іншого за допомогою дії, названої твірним дієсловом'	в+ОД+и(ть) (1) за+ОД+и(ть) (1) 2/1,1	в+ОД (2) за+ОД (1) у+ОД (2) 5/4,5	w+ОД+и(́) (1) za+ОД (1) 2/2,2
C3Д ₁₀ 'довести до певного результату дію, названу твірним дієсловом' (загальнорезультативне С3)	по+ОД+и(ть) (1) на+ОД (2) во+ОД (1) вос+ОД (2) о+ОД+и(ть) (2) у+ОД+и(ть) (1) 9/5,1	по+ОД (3) о+ОД (1) в+ОД (3) у+ОД (3) 10/9,1	ро+ОД (2) о+ОД (2) и+ОД (2) 6/6,5
C3Д ₁₁ 'охопити дією, названою твірним дієсловом, велику кількість об'єктів або суб'єктів, роз'єднаних у просторі, по черзі, один за одним' (дистрибутивне С3)	по+ОД (17) при+ОД (2) пере+ОД (3) рас+ОД+и(ть) (1) рас+ОД (1) с+ОД (1) 25/14,1	по+ОД (14) пере+ОД (1) роз+ОД (2) 17/15,5	ро+ОД (10) roz+ОД (2) 12/13
C3Д ₁₂ 'зосередити в одному місці результати дій, названої твірним дієсловом' (кумулятивне С3)	на+ОД+и(ть) (2) на+ОД (1) у+ОД (1) 4/2,3	на+ОД (4) 4/3,6	на+ОД (2) 2/2,2
C3Д ₁₃ 'поширити дію, названу твірним дієсловом, на якийсь площа'	за+ОД+и(ть) (1) об+ОД+и(ть) (1) об+ОД (1) 3/1,7	за+ОД (1) об+ОД (1) 2/1,8	за+ОД (1) об+ОД (1) 2/2,2
C3Д ₁₄ 'почати дію, названу твірним дієсловом' (інгресивне С3)	за+ОД (2) 2/1,1	-	-

С3Д ₁₅ ‘виконувати дію, названу твірним дієсловом, над об’єктом повторно’	пере+ОД (1) об+ОД+и(ть) (1) 2/1,1	–	–
С3Д ₁₆ ‘спрямувати дію, названу твірним дієсловом, зсередини назовні’	ви+ОД+и(ть) (1) из+ОД (2) 3/1,7	ви+ОД (1) 1/0,9	wy+ОД (1) 1/1,1
С3Д ₁₇ ‘спрямувати дію, названу твірним дієсловом, знизу догори’	под+ОД+и(ть) (1) под+ОД (1) 2/1,1	ви+ОД (1) з+ОД (1) під+ОД (1) 3/2,7	pod+ОД (1) 1/1,1
С3Д ₁₈ ‘спрямувати дію, названу твірним дієсловом, під об’єкт’	–	–	pod+ОД (1) 1/1,1
С3Д ₁₉ ‘прикріпити до чогось, розташувати на чомусь за допомогою дії, названої твірним дієсловом’	на+ОД+и(ть) (1) 1/0,6	на+ОД (1) 1/0,9	na+ОД (1) 1/1,1
С3Д ₂₀ ‘перемістити вниз за допомогою дії, названої твірним дієсловом’	о+ОД+и(ть) (2) 2/1,1	о+ОД (1) 1/0,9	o+ОД (3) 3/3,3
С3Д ₂₁ ‘спрямувати дію, названу твірним дієсловом, навколо об’єкта з метою відокремлення від інших’	об+ОД+и(ть) (1) о+ОД (1) 2/1,1	о+ОД (1) 1/0,9	ob+ОД (1) 1/1,1
С3Д ₂₂ ‘віддалити на певну відстань, відокремити від чого-небудь за допомогою дії, названої твірним дієсловом’	от+ОД+и(ть) (1) от+ОД (1) 2/1,1	від+ОД (1) 1/0,9	od+ОД (1) 1/1,1
С3Д ₂₃ ‘спрямувати дію, названу твірним дієсловом, з одного місця в інше через якийсь предмет або певний простір’	пере+ОД+и(ть) (1) 1/0,6	пере+ОД (1) 1/0,9	prze+ОД (1) 1/1,1
С3Д ₂₄ ‘за допомогою дії, названої твірним дієсловом, ділити об’єкт на частини’	–	пере+ОД (1) 1/0,9	–
С3Д ₂₅ ‘дію, названу твірним дієсловом, зробити надміру’	–	–	prze+ОД (1) 1/1,1
С3Д ₂₆ ‘дію, названу твірним дієсловом, здійснювати якийсь час’	про+ОД (1) 1/0,6	про+ОД (1) 1/0,9	–
С3Д ₂₇ ‘спрямувати в різні боки, роз’єднати за допомогою дії, названої твірним дієсловом’	рас+ОД+и(ть) (1) рас+ОД (1) 2/1,1	роз+ОД (1) 1/0,9	roz+ОД (1) 1/1,1
С3Д ₂₈ ‘за допомогою дії, названої твірним дієсловом, усунути з поверхні, спрямувавши дію згори вниз’	с+ОД+и(ть) (1) с+ОД (1) 2/1,1	з+ОД (1) 1/0,9	z+ОД+и(с) (1) 1/1,1

С3Д ₂₉ 'спрямувати дію, названу твірним дієсловом, крізь що-небудь, пропустити один об'єкт крізь інший, проникнути в щось'	про+ОД (2) 1/0,6	про+ОД (1) 1/0,9	-
Дієслова відіменникового походження			
С3Д ₃₀ 'займатися тим або робити те, на що вказує особа, названа твірним іменником'	ОІ+ать (2) 2/1,1	ОІ+ити (1) ОІ+увати (1) 2/1,8	ОІ+ować (1) 1/1,1
С3Д ₃₁ 'здійснювати дію, результат або продукт якої названий твірним іменником'	ОІ+ничать (1) 1/0,6	-	ОІ+ować (2) 2/2,2
Дієслова-відад'єктиви			
С3Д ₃₂ 'зробити таким, як визначено твірним прикметником'	-	-	u+ОП+іć (1) 1/1,1
Разом слів:	177/100 %	110/100 %	92/100 %

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена сопоставительному анализу производных глаголов в составе современных словообразовательных гнезд *sажать*, *садить* и *sadzić* и в составе их английских словообразовательных эквивалентов. Установлены общие и специфические признаки словообразовательных структур дериватов названного типа. Предложена классификация словообразовательных значений глаголов в сопоставительном аспекте.

SUMMARY

The article focuses on the comparative analysis of derivational meanings of the verbs in the structure of present-day derivational families with base verbs *sazhat'*, *sadyti* and *sadzic* in the Russian, Ukrainian and Polish languages in comparison with their English derivational equivalents. Common and specific features of word-forming structures of the derivative verbs have been established. The classification of the verbs' derivational meanings in the comparative aspect has been put up.

УМОВНІ СКОРОЧЕННЯ

- англ. – англійський;
- Д – дієслово;
- І – іменник;
- ОД – основа дієслова;
- ОІ – основа іменника;
- ОП – основа прикметника;
- пол. – польський;
- рос. – російський;
- СГ – словотвірне гніздо;
- С3 – словотвірне значення;
- С3Д – словотвірне значення дієслова;
- укр. – український.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Грещук В.В. Український відприкметниковий словотвір. – Івано-Франківськ: Плай, 1995. – 206 с.
2. Burkacka I. Porównawcza analiza gniazdowa wybranych leksemów neutralnych i nacechowanych ekspresywnie. – Warszawa: Dom Wydawniczy Elipsa, 2001. – 251 s.
3. Земская Е.А. Словообразование как деятельность / РАН; Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
4. Плужникова Т.И. Типология комплексных единиц словообразования: прогнозирующая функция / НПУ им. М.П. Драгоманова. – К., 2002. – 256 с.
5. Stramlijč-Breznik I. Fundamental Premises For Work on the Word-Formation Dictionary of the Slovene Language // 12-th Biennial Conference on Balkan and Slavic Linguistics, Literature and Folklore (May 4-6, 2000. University of Kansas. USA) <<http://www.ku.edu/~slavic/bss99-stramljic-breznik.html.13.11.03.>>
6. Тихонов А.Н. Состояние научной разработки гнезда и перспективы его исследования // Актуальные проблемы русского словообразования: Материалы VII Международной научной конференции, посвященной 70-летию проф. А.Н. Тихонова / Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина. – Елец, 2001. – С. 10-21.
7. Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования // Принципы составления гнездового толково-словообразовательного словаря современного русского языка: Уч. пособие по спецкурсу / Чечено-Ингушский гос. ун-т им. Л.Н. Толстого. – Грозный, 1991. – С. 5-74.
8. Федурко М. Морфонологія відіменникового словотворення. – К. – Дрогобич: Вимір, 2003. – 271 с.
9. Jadacka H. Rzecznik polski jako baza derywacyjna: Opis gniazdowy. – Warszawa: Wyd-wo PWN, 1995. – 216 s.
10. Медникова Э.М., Кушхабиева М.З. Словообразовательное гнездо как объект сопоставительной типологии // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1982. – С. 426-430.
11. Нечаева В.Ф. Структура словообразовательных цепочек в сопоставительном аспекте // Вестник Ленинградского ун-та. История, язык, литература. – 1984. – № 14. – Вып. 3. – С. 109-111.
12. Czernecka J. Gniazda słowotwórcze czasowników oznaczających przemieszczenie w przestrzeni (“lecieć – лететь”, “lecieć – latać”) w języku rosyjskim i polskim // Prace Językoznawcze. – T. 11. – Problemy badań konfrontatywnych języka polskiego i rosyjskiego. – Katowice: Wyd-wo Un-tu Śląskiego, 1985. – S. 93-111.
13. Билоус М.П. Структура словообразовательного гнезда корня *гірк/ий* в восточнославянских языках // Вестник Львовского ун-та. Сер. филологическая. – Вып. 17. – Львов, 1986. – С. 40-43.
14. Альтман И.В., Шевчук В.Н. Некоторые результаты сопоставления словообразовательных гнезд с помощью искусственного языка-эталона // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 212-215.
15. Беляевская О.Н. Русские и белорусские словообразовательные гнезда с общими исходными глаголами (к методике сопоставительного исследования) // Русский язык. – Вып. 7. – Минск: Изд-во “Университетское”, 1987. – С. 48-57.
16. Борисова Л.П. Морфонологические и морфотактные особенности корневой морфемы в дериватах словообразовательных гнезд с вершинами *есть* // *їсти* в русском и украинском языках // Парадигматика і синтагматика граматичних структур. – К.: НМК ВО, 1992. – С. 51-57.
17. Аминова А.А. Словообразовательное гнездо в сопоставительном освещении // Словообразовательное гнездо и принципы его описания. – М., 1997. – С. 24.

18. Фатхутдинова В.Г. Лингвистические основы сопоставительного анализа отлагольных словообразовательных гнезд в русском и татарском языках // Сопоставительная филология и полилингвизм: Сб. науч. тр. – Казань, 2003. – С. 147-155. // http://www.kcn.ru/tat_ru/universitet/fil 18.02.03.
19. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. – М.: Наука, 1977. – 315 с.
20. Манучарян Р.С. Словообразовательная парадигма и сопоставительно-типологический аспект словообразования // Русский язык: Вопросы теории и методики. – Кн. 2. – Ереван, 1983. – С. 5-15.
21. Борисова Л.П. Развитие словообразовательных гнезд с синонимичными исходными словами (на материале гнезд с вершинами *питать* и *кормить*): Автoreферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Киевский гос. пед. ин-т им. А.М. Горького. – К., 1990. – 16 с.
22. Словотвір сучасної української літературної мови. – К.: Наук. думка, 1979. – 406 с.
23. Зверев А.Д. Словообразование в современных восточнославянских языках: Учеб. пособ. для вузов. – М.: Высш. школа, 1981. – 207 с.
24. Грещук В.В. Деякі теоретичні питання словотвірного значення // Мовознавство. – 1991. – № 3. – С. 34-41.
25. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков / Г.Д. Басова, А.В. Качура, А.В. Кихно и др. – К.: Наук. думка, 2003. – 534 с.
26. Словник української мови: В 11 т. / Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні. – К.: Наук. думка, 1971–1980.
27. Историческая типология славянских языков: Фонетика, словообразование, лексика и фразеология. – К.: Наук. думка, 1986. – 285 с.
28. Wróbel H. O zasadach opisu słowotwórczego polskich czasowników prefiksowych // Studia Gramatyczne II. – Warszawa: Wyd-wo PAN, 1978. – S. 105-119.
29. Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка. – М.: Наука, 1976. – 245 с.
30. Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation: A Synchronic-Diachronic Approach. – 2-nd, completely revised and enlarged edition. – München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1969. – 545 p.

Надійшла до редакції 21.11.2007 р.

УДК811.161.2'373.612.2

ЖІНКА В ДЗЕРКАЛІ МЕТАФОРИ

T.M.Сукаленко

З 70-х років ХХ ст. активізувалися лінгвогендерологічні дослідження в англійській, американській соціолігвістиці, з початку 90-х років ХХ ст. – у російському мовознавстві. На терені України лінгвогендерологічні студії здійснюються переважно в русистиці, германістиці; в україністиці різні аспекти проблеми «мова і стать» порушуються у працях Флорія Бацевича, Ярини Пузиренко, Лесі Ставицької, Олександра Тараненка та ін. Проте проблема української мови і відображення в ній статі залишається однією з найменш розроблених в українському мовознавстві. Українська мова та українська мовна особистість не вивчені в ракурсі статево-рольових характеристик.

Концепт «жінка» ще не став об'єктом спеціального дослідження в українській лінгвогендерології. Ми підійшли до вивчення цього концепту з позицій метафоричних номінацій на позначення жінки, які функціонують в українській мові.

Актуальність вивчення метафоричних номінацій осіб жіночої статі в лексико-фразеологічній системі української мови визначається тим, що гендерна проблематика глибоко вкорінена в кожну лінгвокультуру.

Вказана проблема постає складовою лінгвістичної гендерології, соціолінгвістичної дисципліни, ключовим об'єктом якої є мова і відображення в ній статі. Мета цього підходу – описати і пояснити те, як маніфестирується в мові наявність осіб різної статі, які якості та оцінки припісуються різногендерним суб'єктам, як функціонують гендерні стереотипи.

«Жінка», як і «чоловік», належать до базових концептів культури, які включають не тільки описово-кваліфікаційні, але й чуттєво-вольові та образно-емпіричні характеристики.

Концепт як лінгвокогнітивне явище – це одиниця ментальних або психічних ресурсів людської свідомості й тієї інформаційної структури, яка відображує знання або досвід людини.

Цінності, вищі орієнтири, які визначають поведінку людей складають найважливішу частину мовної картини світу. Лінгвістично вони можуть бути описані у вигляді культурних концептів. У них виділяється образ, поняття, цінність. Виділяються концепти, які об'єднують великі групи людей за віковими гендерними, освітніми і становими ознаками [4].

У контексті пріоритетності антропоцентричної парадигми мовознавства в останнє десятиліття ХХ ст. об'єктивно зростає значущість вивчення метафоричних номінацій осіб жіночої статі, в тому числі з позицій асиметрії щодо номінацій чоловічої статі. Проблема кількісних і якісних гендерних асиметрій існує в усіх мовах світу, адже вона нерозривно пов'язана зі становищем жінки в суспільстві.

Вивчення метафоричних номінацій жінок здійснюється в рамках когнітивного підходу: висвітлюються механізми творення метафоричного значення, змістове навантаження уподібнення та порівняння в цих процесах, семантичне співвідношення прямотного й переносного значень, джерела оцінного змісту в метафорі, роль образно-мотиваційних компонентів у метафоричному найменуванні осіб жіночої статі, архетипність, міфологічність метафоричних фемінативів.

Зрозуміти образ, в т.ч. метафоричний, – означає пізнати його парадигму. Чим більше образів – членів парадигми – буде знайдено, тим точніше можна з'ясувати їх інваріант. Як зазначає Наталя Павлович, парадигма образів може мати історичне тло і сягати корінням у фольклор та міфологію [7, с.12]. Ми приєднуємося до думки дослідниці та вважаємо, що мова образів має свою структуру, яка визначається взаємозв'язками парадигм.

Кожен образ має свою парадигму: одні – традиційні, широковживані, інші – однічні. Існують різні типи парадигм: імен, дій, ситуацій та змішані. Кожна парадигма образів володіє певним ступенем стійкості, яка залежить від трьох лінгвальних властивостей парадигми (продуктивності, зворотності, амбівалентності), від ступеня участі у зв'язках із іншими парадигмами, а також – від історичного фону – розповсюдженості у фольклорі та міфології [7, с.12].

Однак дослідження показують, якщо ми маємо справу з образом (є два поняття, їх протиріччя та ототожнення), то знаходяться образи, схожі з ним, а це означає, що може бути визначений їх інваріант – парадигма. Отже, чим більше членів парадигми нам відомо, тим глибше наше розуміння образу.

Структурувати систему парадигм на позначення жінки варто за принципом, запропонованим Наталією Павлович [6, с.64]. Об'єктом для аналізу послужили метафоричні номінації на позначення жінки у різnotипніх словниках української мови, фольклорних, художніх текстах, які вписуються в систему парадигм: **жінка-тварина** (*курка, телиця, сокотуха та ін.*); **жінка-божество чи міфічна істота** (*ангел, богиня*); **жінка-рослина** (*троянда, маківка*); **жінка-птах** (*голубка, зозуля, сорока*); **жінка-предмет** (*ни-*

санка, бунда, вириня); **жінка-борошняний виріб** (пампушечка, пасочка); **жінка-м`ясо** (свіжина); **жінка-коштовний камінь** (перлина) та інші.

Шляхом суцільної вибірки з тлумачних, діалектних, фразеологічних словників української мови, словників українського сленгу, етимологічного словника були вичленовані слова-метафори, які, власне, й передбачають здійснення когнітивно-ономасіологічного аналізу номінацій у структурі концепту «жінка».

У структурі типізованої парадигми «**жінка-тварина**» постають номінації свійських сільськогосподарських тварин:

коза – невелика рогата жуйна тварина родини порожнисторогих, що дає молоко, м`ясо, хутро тощо [2, с.551], а у переносному значенні **коза** – дівчина чи жінка, переважно вживається з відтінком іронії [12, с.35]:

«Претендентки терпляче перечікували його (Мирона) сказ, відгонили дружно Дзвінку від кіношного „табору”, як приблудну дику **козу**».

У фольклорній традиції **коза** асоціюється з жінкою – злою, нечистою, непорядною, тобто викликає негативні емоції [3, с.527].

(Г.Тарасюк «Між пеклом і раєм», с. 85). Далі так само.

Курка – 1.Свійська птиця, яку розводять на м`ясо і для одержання яєць; самка півня [2, с.598]. знизж. Дурна, легкодоступна жінка [9, с.175].

Телиця – молода корова, яка ще ні разу не телилася [2, с.1439];

телиця – зневажл. дівчина, молода жінка [10, с.319].

Гендерно маркованою є парадигма «**жінка-птах**»:

сокотуха – 1. Те, саме, що курка – свійська птиця, яку розводять на м`ясо і для одержання яєць; самка півня. 2. перен. Жінка, яка любить багато говорити; цокотуха (8, т. 9, с.441).

Сорока – 1. Лісовий птах родини воронових з довгим хвостом і чорно-білим пір`ям, що видає характерні звуки – скрекотіння. 2. перен. Про надмірно балакучу людину (переважно жінку) [8, т.9, с.463] . Усі знають, що **сорока** на своєму довгому хвості приносить новини, тому й з'явилася номінація **сорока**.

Зозуля – корисний перелітний птах-самка зі світло- чи бурувато-сірим оперенням; поширеній у Європі та Азії; кладе яйця в чужі гнізда; живиться комахами, зокрема волохатою гусінню [2, с.475];

зозуля - пестливе звертання до дівчини, жінки (8, т.3., 678).

«**Жінка-предмет**»: **пісанка** – розмальоване великомінє куряче або декоративне, звичайно дерев'яне, яйце. Звідси постає образна характеристика номінації **пісанка** – «фарбована, розмальована, занадто яскраво вбрана жінка, дівчина» [8, т. 6., с.359], у художніх дискурсах **пісанка** – метафора на означення гарної жінки:

«Вона стояла у високих порогах кафе «Довбушева Дзвінка» розціцькована, як велиcodня **пісанка** (Г. Тарасюк «Між пеклом і раєм», с. 86).

Помийниця – 1. Кругла чи довгаста посудина для зливання помійв.

2. перен., заст. Жінка, яка служить у кого-небудь дома; наймичка [2, с.1041].

Помийниця – вкрай негативна оцінка жінки, що втратила свою людську подобу, асоціюється з посудом, в якому щось миють або виливають брудну воду.

Привертає увагу парадигма «**жінка-міфологічна істота**», де виділимо номінацію **ангел** – 1. У релігійному культі – надприродна істота, посланець, вісник Бога; зображенується у вигляді юнака з крилами. 2. Заст. Захисник або заступник; охоронець. 3. Перен., заст. Про людину (переважно жінку), що відзначається красою чи добрістю, лагідністю або зробила чи робить для когось щось гарне, приємне [8, т.1, с.44].

А у художніх дискурсах метафора **ангел** трактує жінку, як берегиню:

– *Ви – добрий ангел, Полінко!* – вигукнув якось, милуючись, як вона вправно дас раду книжкам.

– Тільки ви здатні по-справжньому зрозуміти моє страждання та гідно берегти пам'ять про Ней! – промовив і соромливо поцілував чи то книжку, чи то руку служниці, яка поправляла в тій книжці сторінки (М.Павленко «Помста», 9).

Так називає Іван Пилипович свою служницю Поліну, яка намагається зберегти пам'ять про його померлу дружину.

Доказом того, що у метафорі жінка-ангел розвивається значення «оберіг, захист» слугує також такий приклад: «У мене немає ні геніальності, ні таланту, але надихає мене глибинне почуття істинності, в мене є бажання стати янголом світла і захищати Вас від кожної помилки; є в мене те, що пробуджено вогнем Вашого розуму, я не можу ні зобразити, описати це, як це яскраво робите Ви, але все мое ество вбирає все це, і я хотіла б бачити Вас на фініші Вашої кар'єри неушкодженим, близьчим тоді до Бога, ніж інші люди (Г.Шкляр «Північна Зоря Бальзака», с.16).

У своєму листі Евеліна пише, що хоче стати янголом для Бальзака, щоб захищати його від життєвих помилок і негараздів.

Королева – 1. Титул монарха, а також особи, що має цей титул. 2. перен., розм. Про жінку, що вирізняється з-поміж інших красою поставою, вмінням і т. ін. \ про жінку видатну в тому чи іншому аспекті, кращу в якому-небудь [2, с.576].

«Як би там не було, вона кохає його (Бальзака), кохає з усіма його вадами; в душі кожної жінки, а надто в душі романтичної Евеліни, завжди, бодай на денці, жевріє іскра доброти й жалості, яка врешті-реши розгоряється в багаття й перемагає сумніви, остраки, образи: Евеліна, як владна королева, що розм'якла, полагіднішала душою дозволяє своєму підданому з'явитися в її королівство, припасти на коліно біля її трону й притулитися спраглими вустами до краєчка її августішої мантії» (Г.Шкляр «Північна Зоря Бальзака», с.80).

Залучення різноманітних словників, матеріалів з художньої літератури дають змогу виявити не тільки семантичну глибину, а й соціостильовий потенціал певної метафоричної парадигми, наприклад: у діалектах – жінка-будівля – порохня [1, с.105] (ірон. Про хронічно хвору жінку). Ця метафора походить від «стара, перегнила хата, хлів», а українському молодіжному сленгу *рудера* – жінка похилого віку; від однозвучного польського слова у значенні «напівзруйнований будинок» [10, с.291]; або номінація *яцірка* – про надмірно худу, тонку жінку чи дівчину [13, с.261], а в сленгу – негарна жінка [10, с.86].

Наступний етап вивчення системи метафоричних номінацій на позначення жінки – це їх семасіологічний аналіз (інтерпретація метафоричної семантики у різноманітних текстах), дослідження емоційно-оцінних конотацій метафоричних номінацій як основи формування національного гендерного стереотипу за такими параметрами, як «зовнішність», «характер», «вдача».

Стосовно лінгвокультурного аналізу концепту «жінка» у фразеології Веронікою Телією була запропонована така процедура: «Однією з базових процедур лінгвокультурологічного аналізу є попередня ідеографічна параметризація самого концепту за його частинами, які віддзеркалюють всі іпостасі жінки: природно-фізичні, фізіологічні, психологічні та інтелектуальні (такі, наприклад, як вік, зовнішність, сексуальність, риси характеру, пов'язані з приналежністю саме до цього «роду людського», особливості розуму), соціально-статусні, рольові і т.ін. Для побудови на цій основі концептуального каркасу, на який і «накладаються» способи номінації тих чи інших властивостей жінки, важливо виділити і таксономічні сітки всередині кожного з параметрів. Мова йде, наприклад, про виділення таких «натуруальних» ознак, як вік, ріст, вага, колір обличчя і т.п. всередині параметру «зовнішність» або таких ознак (даються зазвичай в опозиції) працелюбність / лінощі всередині параметру «ствалення до праці», правдивість / брехливість, чесність / безчестя в рамках параметру «моральні властивості». Ця параметризація дозволяє створити своєрідну «концептуальну анкету», яка заповнюється для опису того, як відображається цей культурний концепт у дзеркалі фразеології» [11, с.261-262].

У межах виділених субконцептів «зовнішність», «морально-психологічні риси» та ін. представлені ті метафоричні номінації, які структурують той чи інший субконцепт.

Зовнішність:

• гарна / негарна:

перлина – дуже вродлива або кохана дівчина, жінка. Метафора походить від слова перли – перламутрові зерна кулястої або неправильної форми, що утворюються в черепашках деяких морських і прісноводних молюсків; використовуються як коштовна прикраса [2, с.938].

«*Була безпомічна, приречено-покинута, наче перлина, нанизана на нитку, але тепер уже знала, що, як перлина, зберігає в собі красу й привабу. Була певна своєї приваби й сили – і не для цих жінок, не для гарему, а для тої вершини, до якої усі тут рвуться, а досягнути не дано нікому, окрім неї* (П.Загребельний «Роксолана», с.131). Так про Хуррем говорить автор. Гарем не міг простити Роксолані вивищення над усіма.

У художніх дискурсах зустрічаємо й парадигму «жінка-квітка». Метафора *троянда* має таке первинне значення: «багаторічна кущова рослина родини розових з величими запашними квітками червоного, рожевого, білого або жовтого кольору й зі стеблами, вкритими колючками» [2, с.1480]. А в переносному значенні троянда асоціюється з радістю, приємністю, благополуччям, щастям, красою:

*Трояндо неба і землі,
В тобі всі їхні барви грають...
У мене слози розцвітають,
Цвітуть думками на чолі* (М. Вінграновський «Цю жінку я люблю», с.52).

Жінка для ліричного героя – любов, чистота, довірливість, її краса для нього свята, а любов священна.

«*Тільки червоне! І більше нічого, ні прикрас, ні золота, нічого, нічого! Червоний шовк, як кров, і я в ньому червона, мов ранкова троянда*» (П.Загребельний «Роксолана», с.291).

«*Ранковою трояндою*» себе називає Роксолана, яка після одужання зібралася йти в покої до Сулаймана.

За визначенням В.Войтовича «*троянда* – квітка, що нагадує собою сонце, квітка богині кохання Лади та її доньки – богині весни Лелі. Вона лідирує серед квітів і є символом доброзичливості, достатку. Червона рожа – дівоча краса, чистота. Троянда панує над усіма. Її зелень – це радість, колючки – печаль, квіти – слава» [3, с.442].

Венера – 1. У давньоримській міфології богиня кохання та жіночої вроди // перен. Про дуже вродливу жінку. 2. Друга за віддаленням від Сонця велика планета Сонячної системи [2, с.120].

Горгона – 1. У давньогрецькій міфології – страшна жіноча істота, від погляду якої кам’яніло все живе. 2. перен. Потворна жінка сварливої вдачі [2, с.254].

• товста / худа:

Для втілення цього субконцепту активно використовуються номінації парадигм **жінка-борошняний виріб: пампушечка** – перен. Товста, пухка дитина або жінка, від *пампушечка* – невелика кругла булочка з пшеничного, житнього або гречаного борошна [2, с.879].

Пасочки – пишнотіла жінка (з усного мовлення);

жінка-тварина: *корова* – 1. Велика парнокопитна свійська молочна тварина; самка бугая. 2. перен., зневажл. Про незgrabну, товсту або нерозумну жінку [2, с.576].

За даними української міфології, «*корова* – джерело добробыту та багатства; найбільш ушанована домашня тварина, яка потребує особливого захисту від нечистої сили, що намагається відібрати в неї молоко. У весільному обрядодійстві та у відповідному фольклорі корова асоціюється з жінкою, нареченою» [3, с.528].

Метафора *видра* – зневажл. Про надмірно худорляву жінку походить від *видра* – хижий ссавець із цінним хутром темно-бурого кольору [2, с.133]: «*Усе життя пробу-*

вав (Кучмінко) принаджувати жінок поважністю, але хто ж тепер клоне на поважність? Оця тонка *видра*?» (П.Загребельний «Розгін», с.281).

ріст: висока / низька:

шворка – перен. у діалектах – дуже худа і висока жінка (дівчина) [13, с.231] походить від слова *шворка*, що означає тонкий мотузок [2, с.1617].

• **охайна / неохайна:**

лутийка – в словнику «Український жаргон» Л.Ставицької несхвальн. Нечепурна, неохайна жінка [10, с.206] походить від «шкірка деяких овочів, фруктів і т. ін.» [2, с.629].

• **одяг:**

метафора *лялечка* – перен. Гарна жінка, схожа на іграшку вбранням і виглядом походить від дитячої іграшки у вигляді фігурки людини [2, с.633].

Морально-психологічні якості:

• **ставлення до праці:** працелюбність / лінощі :

номінація *бунда* – лінива жінка, первісно – «хутрова шуба; кожух» [1, с.38].

• **риси характеру :**

балакучість / схильність до пліткарства:

мийка – 1. Ганчірка для миття посуду. 2. перен. Пліткарка [5, с.74].

добра / зла: метафора *тигриця* – самиця тигра (тигр – великий хижий звір родини котячих жовтогарячого забарвлення з чорними смугами) // перен., розм. Про жінку, що своєю поведінкою, рисами характеру нагадує цього звіра [2, с.1449].

«Їду тролейбусом, як усі заклопотані громадяни, замовляю перепустку, добираюся до приймальні, секретарка, мов *тигриця*, – вам куди?»

(П.Загребельний Південний комфорт, с. 48). Так Твердохліб назвав секретарку, яка не пропускала його в кабінет директора.

«Асистентка пограла своїми трикутними очима, не віщуючи Твердохлібові нічого доброго. Вродливі жінки мали б бути добрими й лагідними, а вони злі, як *тигриці*. Їм не досить того, що вони задарма отримали від природи, – хочуть взяти ще якомога більше від життя й від людей» (П.Загребельний Південний комфорт, с.26). Прийшовши на прийом до професора, Твердохліб, побачивши аспірантку, зробив подумки висновок про вродливих жінок.

У романі «З погляду вічності» П.Загребельного ми зустрічаемо теж метафоричну номінацію на позначення жінки, яка своїм виглядом нагадує *тигрицю*. Йдеться про Зізі, яка зовні була вродлива, працювала в трубному інституті. Розповідь у романі йде від імені Дмитра, який обурюється з приводу її стосунків з молодим інженером Токовим:

– Подумай, що про нас теленьката мутуть. Не кажу вже про батька і його взаємини з Токовим, але його родина... Взагалі моральний бік справи...

– Моральний бік! – Зізі закрутилася навколо мене з виглядом *тигриці*, яка приміряється, звідки почати вас з'їдати. – Багато ти rozумієшся на моралі. А може, він нещасний?

– Токовий – нещасний!

– А може, в нього дружина – тиранічна особа?

– А може, а може! – перекривив я Зізі. – Яке мені діло до його нещастя..."

(П.Загребельний З погляду вічності, с.85).

Наведені приклади дають змогу уточнити вищенаведену семантичну інтерпретацію метафори *жінка-тигриця* у ракурсі таких характеристик, як «злість, агресія».

Біосоціальні характеристики:

• **легка поведінка.** Для втілення цього субконцепту слугують номінації ЛСП «предмети побуту», на семантичній основі яких відбулось семантичне перенесення:

подушка – зневажл. Жінка легкої поведінки, повія [10, с.264],

мітла – крим.; зневажл. Жінка легкої поведінки [10, с.219].

Психо-сексуальні характеристики:

Помічаємо, що для втілення цих характеристик сповна використовуються семантико-прагматичний потенціал парадигми **жінка-м`ясо**, що є своєрідною семантичною універсалією. – **М`ясо** – жінка як об`ект чоловічого сексуального інтересу:

«Всією тяжкістю перегодованого свого тіла вдарила Махіdevran знетяmlену Хуррем, увіп'яла свої гострі нігті їй в лиці, вчепилася у волосся.

*Зраднице! – вигукнула люто Machidevran. – **М`ясо**, продане на базарі! Ти зі мною посміла змагатися! (П.Загребельний «Роксолана», с.131).*

Свіжина – дівчина, жінка (як нова сексуальна партнерка) [10, с.295].

Дошка – мол. Фригідна жінка [10, с.126].

Висновки. Коротко підсумовуючи сказане, слід відзначити, що вивчення метафоричних номінацій проливає світло на специфіку образного бачення жінки українською мовою спільнотою, мотиваційну специфіку метафоричних номінацій та апелятивів, ролі етнокультурного компонента в структурі образного значення. На основі цього аналізу вибудовується асоціативний портрет жінки, ті риси оцінки або антиоцінки, дії, функції, які їй приписуються і, а також структурується гендерний стереотип «жінка» в українській національно-мовній свідомості.

РЕЗЮМЕ

В статье исследуется концепт «женщина» с позиций метафорических номинаций для обозначения женщины («лицо женского пола», «взрослое лицо женского пола»), которые функционируют в украинском языке. Путем выборки из толковых, фразеологических, диалектных и других словарей украинского языка выделены слова-метафоры, которые предусматривают осуществление когнитивно-ономасиологического анализа метафорических номинаций женщины в пределах парадигм: «женщина – животное», «женщина – птица», «женщина – предметный мир», «женщина – мифологическое существо», которые служат для концептуализации внешности, возраста, черт характера, биосоциальных характеристик.

SUMMARY

The article explores the concept «woman» in the aspect of metaphoric nominations of a woman («person of female sex», «adult person of female sex/gender») functioning in the Ukrainian language. Using the method of total (complete) sampling from the dictionaries of phraseology and dialectictology and other Ukrainian metaphors are selected. These metaphors are the object of a cognitive and onomasiological analysis of nominations of the woman within the paradigms «woman – animal», «woman – bird», «woman – material world», «woman – mythological creature» which serve for conceptualization of appearance, age, personality features and biosocial characteristics of a woman.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Бевка О. Словник-пам'ятник. – Ніредьгаза, 2004. – 178 с.
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В.Т.Бусел. – К.; Ірпінь: Перун, 2005. – 1728 с.
3. Войтович В.М. Українська міфологія. – К.: Либідь, 2002. – 664 с.
4. Карасик В.І. Мовне коло, особистість, концепти, дискурс. – М., 2004.
5. Матеріали до словника Буковинських говірок. – Чернівці, 1978. – Вип. 5. – 99 с.
6. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов. В 2-х т. Том 1. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С.64-87.

7. Павлович Н.В. Язык образов: Парадигмы образов в русском поэтическом языке / РАН, Институт русского языка. – М., 1995. – 491с.
8. Словник української мови: у 11 т. / АН УРСР. Інститут мовознавства ім. О.О.Потебні. – К.: Наукова думка, 1970-1980.
9. Словник сучасного українського сленгу / Упорядник Т.М.Кондратюк. – Харків: Фоліо, 2006. – 350 с.
10. Ставицька Л.О. Український жаргон. Словник. – К.: Критика, 2005. – 496 с.
11. Теляя В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 288 с.
12. Український молодіжний сленг сьогодні / Укладач С.Пиркало. – К., 1999. – 88 с.
13. Чабаненко В.А. Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини / Запорізький держ. університет. – Запоріжжя, 1992. – Т.4. – 261 с.

Художні тексти

14. Вінграновський М.С. Цю жінку я люблю: Лірика. – К.: Дніпро, 1990. – 205 с.
15. Загребельний П.А. З погляду вічності: Роман. – К.: Рад. письменник, 1970. – 248 с.
16. Загребельний П.А. Південний комфорт: Роман. – К.: Дніпро, 1988. – 290 с.
17. Загребельний П.А. Роксолана: Роман. – К.: Дніпро, 1988. – 603 с.
18. Загребельний П.А. Твори в шести томах. Том перший. Розгін. – К.: Дніпро, 1979. – 575 с.
19. Павленко М. Як дожити до ста: Оповідання / Передм. В.Медведя. – К.: Гопак, 2004. – 122 с.
20. Таракюк Г.Т. Між пеклом і раєм (Сни анахорета): Роман-гіпотеза. – Чернівці: Місто, 2005. – 188 с.
21. Шкляр Г. Північна Зоря Бальзака: Повість-есе. – Вінниця: Тірас, 2003. – 123 с.

Надійшла до редакції 15.11.2007 р.

УДК 8(81)

КАРТИНА МИРА. ПОЯВЛЕНИЕ НОВОГО КОНЦЕПТА «FLAPPER»

C.A. Любимова

За последние 20 лет на постсоветском пространстве появилось множество работ, освещающих различные фрагменты концептуальных картин мира. «Лингвистический переворот» привел не только к обогащению исследовательского инструментария гуманитарных наук, но и к смещению акцентов в лингвистических исследованиях с языка, как закрытой саморазвивающейся системы, на человека – носителя и творца изменений в языке. Ното Loquens – объект исследования многих наук. Его понятийный аппарат изучается в двух направлениях: фрагментарно (отдельные концепты, имеющие национальную языковую специфику) и комплексно (цельная языковая картина нации или определенного языкового коллектива). Концепт как фрагмент модели мира изучается с точки зрения когнитологии (Кубрякова, 1996; Попова, Стернин, 1999) и лингвокультурологии (Вежбицка, 1993; Степанов, 1997; Апресян, 1995; Слышикин, Карасик, 2001). Исследования в этих направлениях дополняют и обогащают представления о картине мира в целом.

Особый интерес представляет изучение концептов, отразившихся в истории, социальной жизни, языке, культуре нации, таких, как например, концепт «flapper» в американской культуре, в диахронии: с момента появления концепта в языке до преобразования его в момент истории.

В данной статье рассмотрены наиболее общие вопросы появления этого концепта в концептуальной картине нации.

Субъективный характер «портрета» окружающей действительности отражен в понятии «картина мира». Впервые этот термин использовал Витгенштейн в «Логико-философском трактате» (1958). Философ исходит из постулата, что «мир есть все, что происходит» (1), что «мир – это факты в логическом пространстве» (1,13), а картина мира – «модель действительности» (2.12) [1].

Картина мира есть «система интуитивных представлений о реальности» [2], это глобальный образ, лежащий в основе мировидения человека, осмысливающего сущностные свойства мира. Картина мира включает в себя также «представления членов общества о самих себе и о своих действиях, своей активности в мире»[3] Вся жизнедеятельность человека регулируется его миропониманием: от речевого и бытового поведения, до создания произведений искусства, «акт миропонимания зависит от призмы, через которую совершается мировидение» [4]. Любая наука коренится в наблюдении и осмыслении обыденной жизни, следовательно, зависит от миропонимания, направляющей деятельность человека.

Так как модель мира не есть непосредственно сам мир, а лишь его отражение в сознании человека, это отражение зависит от многих социально и исторически значимых факторов. «Каждая цивилизация, социальная система характеризуется своими особыми способами восприятия мира» [5]. Кроме того, границы познания реальности зависят от возраста, наличия жизненного опыта, уровня образования и других факторов, таких например, как пол человека. Каждый индивид оперирует своей неповторимой картиной мира, однако складывается эта картина под влиянием и на основании миропонимания данной исторической эпохи и определенной культуры.

Картина мира любого человека представляет собой совокупность инвариантной (исторически и социально обусловленной) и вариативной (личностной, индивидуальной) частей. Вариативная часть картины мира является «специфической для данной личности и неповторимой» [6], она складывается под воздействием национально-культурных традиций и ценностей, которые личность усваивает в процессе социализации.

Картину мира от нации и этноса до социальной и профессиональной группы и личности можно описать или реконструировать. Эта реконструкция включает когнитивный и прагматический уровни воздействия мировидения на жизнь человека. На когнитивном уровне картина мира представлена философскими и бытовыми понятиями, когнитивными установками, этическими и эстетическими представлениями и нормами. На прагматическом уровне мировидение проявляется в жизненных целях, желаниях, мотивах и побуждениях.

На когнитивном уровне отражение действительности происходит в сознании человека, определяемом как «способность отражать внешнее бытие в форме чувственных и умственных образов, сознание регулирует взаимоотношения личности с окружающей природной и социальной действительностью, дает возможность осмысливать собственное бытие и духовный мир» [7]. Мыслительные категории, такие как образы, концепты, стереотипы упорядочивают представления о многообразии проявлений окружающей действительности, упрощая нашу ориентацию в мире. «При мышлении у нас образ вещи может сворачиваться и разворачиваться... Мы мыслим свернутыми образами, когда мысль для нас привычна...» [8].

Системный характер «картины мира» проявляется в иерархическом устройстве смыслов и ценностей, отношений основных понятий, являясь своеобразной «сеткой координат», при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [9]. Иерархия строится на системе ценностей данной исторической эпохи, изменение которой ведет к пересмотру существующей модели мира. Система ценностей – это социально и культурно обусловленная градация значимых для индивида жизненных приоритетов. В сознании человека концентрируются ценностные уста-

новки и ориентации, проявляющиеся в выборочном отношении к материальным и духовным ценностям, определяющим мотивы деятельности, характер поведения, нравственные принципы и убеждения, как личности, так и социальной группы, класса, общества в целом [10]. Каждая личность строит свою иерархию ценностей, которая может меняться на протяжении жизни человека. Культура всех предыдущих поколений, как и современное нам общество, навязывают нам определенные понятия, мировоззрения, мотивировки и нормы поведения, имеющие национальные отличия. Основные категории, лежащие в основе иерархического устройства – универсальные категории пространства и времени [11], не зависят и не изменяются в определенных социально-исторических условиях.

Картина мира нации складывается из культурной, ценностной, языковой, концептуальной, научной картин мира, отражающих различные стороны бытия, зависящих от приоритетов приобретения знаний об окружающем мире

Систематизация знаний о мире осуществляется путем категоризации значимых элементов – образов. Образ как представление – это психическая сущность «ассоциативно соотносимая с некоторой конкретикой», средство «для возбуждения эмоционально-оценочного отношения» [12]. Чувственный образ – самая элементарная форма отражения действительности. Через оценку (рациональную и эмотивную) и осмысление, в процессе абстрагирования от незначимых качеств образа, осуществляется переход на следующий уровень – концептуальный. «Во всякое понятийное обобщение, как правило, включена чувственная генерализация. Чувственные элементы включены в отвлеченное мышление, то и дело выступают в виде чувств, схем и т.д. Чувственное и абстрактное взаимосвязаны...Никакое отвлеченное познание невозможно в отрыве от чувственного» [13].

Рисунок 1.

Обобщенный образ предмета передает концепт, при выделении определенной, ценной для данной среды, характерной черты. В мыслительной деятельности человека концепты – понятия играют роль критериев распознавания объектов в окружающем мире. Анализ концепта как единицы концептуальной картины мира дает возможность понять национальные и культурные особенности определенной исторической эпохи.

Концептуализация действительности происходит через призму национального языка его носителей. Язык придает основную форму тем свойствам, которые разум признает за вещами и определяет в концептах. «Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) действительности» [14]. «Язык служит средством выражения содержания, ... говорящий воплощает в языке свое восприятие явлений реального мира; оно включает также внутренний мир его собственного сознания, его реакции, познание и чувственное восприятие, а также лингвистические акты говорения и понимания» [15]. Язык – это средство хранения, передачи и систематизации накопленной информации о мире в определенном языковом коллективе.

Взаимосвязь языка и сознания

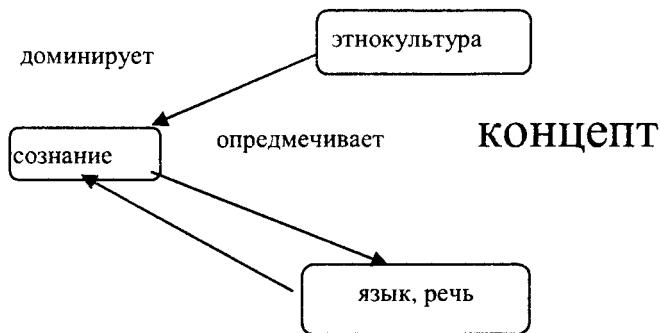

Рисунок 2.

Языковая («наивная») картина мира создается по антропоцентрическому канону – мерилом всех ценностей и явлений в мире является человек. «Язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета. Он придает ей и собственно человеческую – антропоцентрическую – интерпретацию, в которой существенную роль играет антропометричность, т.е. соизмеримость универсума с понятыми для человеческого восприятия образами и символами, в том числе и теми, которые получают статус ценностно определенных стереотипов».[16]

Язык является не только инструментом построения концептуальной картины мира, но и критерием понимания этой картины, «язык – это не только средство выражения мысли, но и форма ее становления» [17]. «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. ..мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит – в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [18]. О двухсторонней связи концептуальной и языковой картины мира писали многие известные исследователи (Э.Сепир, Б.Л.Уорф, Л.Вайсгербер, Д.Х.Хаймс, Виноградов В.В., Н.Д.Апресян и др.)

Именно посредством языка мысли и опыт, и эмоциональное состояние индивида становятся достоянием языкового коллектива. Язык является своеобразным «путеводителем по действительности [19], в котором знания о мире закрепляются в лексике, грамматике, синтаксических структурах и стереотипах верbalного поведения.

Также как и картина мира подвержена изменениям, так и «наивная картина» «реагирует на все изменения и нововведения, но реагирует слабо и медленно, тогда как в сознании производящих изменения это происходит моментально» [20].

Значимость языковой картины мира наблюдается во всех сферах отображения и воспроизведения действительности в мышлении: непредметные фрагменты модели мира, такие как «война», «покой», эмоциональные и оценочные понятия объективизируются в языке. Невидимая концептуальная картина мира становится наглядной языковой картиной мира «за счет вербально-образных ассоциаций составляющих ее слов и выражений» [21].

Концептуальная и языковая картина мира связаны друг с другом как часть и целое. Концептуальная картина мира, как и наше мышление, намного богаче и разнообразнее языковой картины, представляющей собой «результат семантического картирования» [22] действительности [23]. В современном мире создаются реалии, конструируемые мыслями человека и возникающие в силу операций с уже существующими понятиями. «Дробность, дискурсивность мышления, приписываемая языку, создала тот стройный мир, за пределы коего мы, раз вступивши в них, уже не выходим» [24].

Характерная для языка системная организация делает возможным не предавать уже готовую мысль, а создавать ее языковыми средствами. Передавая свои мысли, чувства и знания об окружающем мире, человек определяет их в словах. Для понимания своего и

внешнего мира не безразлично, в каких словах мы описываем этот мир. Слово как символ объекта окружающего мира передает не множество характеристик, а лишь наиболее значимый признак, смысл которого может быть утерян в ходе развития языка.

**АБСТРАГИРОВАНИЕ И СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ ХАРАКТЕРИСТИК
ОБЪЕКТА ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА**

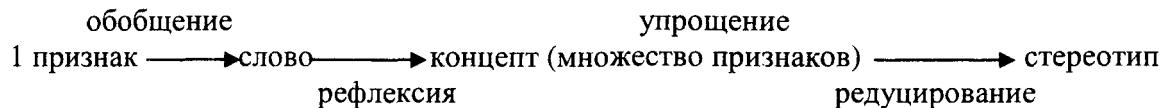

Рисунок 3.

Различие культур, как и различие языков, прослеживается в этимологии отдельных слов, как и в появлении определенных концептов. «Наличие слова несомненно доказывает присутствие в языке такого понятия и говорит о его значимости в данной культуре» [25].

Хотя существует универсальный набор простых понятий, которые можно найти во всех культурах, любое понятие имеет свои специфические национальные черты. Концепты, не принадлежащие этому набору, невозможно передать в ином языке, не утратив определенного содержания концепта.

Наверное, в каждой культуре существуют концепты, не имеющие аналога в других культурах, а значит, и слово, передающее этот концепт, невозможно перевести на другие языки, это – «национально-специфические элементы культуры, нашедшие соответствующее отражение в языке носителей этой культуры, либо полностью не понимаемые, либо недопонимаемые носителями другой культуры и языка в процессе коммуникации» [26]. Такие концепты называются лакунами. Примером такого концепта-лакуны может служить концепт «flapper», появившейся в американской культуре в 20-х годах XX века. Каждое общество имеет свой социально-культурный и языковой код, при помощи которого общество сохраняет и передает картину мира данной исторической эпохи. Новый концепт, встраиваясь в концептуальную систему, дополняет или изменяет мировидение нации, как в случае с концептом «flapper», который во многом изменил само понятие «женщина», а так же, отношение общества к нему.

Появление данного концепта в концептуальной картине нации было связано с экономическими и социальными изменениями: стабильный экономический рост, повышение благосостояния народа, а также значительное влияние феминизма на социальное сознание, в последствии имело свое отображение в культуре. Новый стиль социального и вербального поведения порождает новое понятие, которое со временем становится мерилом и регулятором поведения человека в обществе. Новый феномен социальной жизни характеризовался ценностным отношением со стороны общества, именно поэтому он сформировался в концепт. «Показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов. Если о каком либо феномене носители культуры могут сказать «это хорошо, плохо и т.д.», этот феномен формирует в данной культуре концепт» [27].

Таким образом, базовый концепт «женщина» в новых, измененных условиях, с приобретением новых качеств и под влиянием оценочных суждений, строящихся на системе запретов и разрешений, порождает новый концепт «flapper». Этот концепт одновременно принадлежит разным сферам: культуре, языковой картине, социальной сфере, в которых проявляет различные качества. Частотность появления этого концепта в художественной, публицистической литературе, кино и в сфере моды может служить свидетельством значимости этого концепта в культуре американского общества начала XX века.

Являясь единицей концептуальной модели мира, на когнитивном уровне концепт «flapper» проявляется в ценностном отношении к понятию с точки зрения социальных

норм; на прагматическом уровне – в побуждениях следовать примеру, либо прекратить существование подобного понятия.

Образ жизни, язык и стиль молодых американских женщин в 20-ые годы прошлого века часто обсуждался в повседневной жизни и на страницах газет и журналов [28]. Оценочное отношение к концепту «flapper» проявляется в противоположности мнений и представлений. Не только общество в разные исторические периоды может иметь свои критерии оценки, но и социальные группы и отдельные индивидуумы, поэтому и ценность и эмоциональная нагрузка концептов различна для разных людей.

Производимая с точки зрения норм и канонов прошлого, оценка понятия «flapper» имеет два противоположных полюса: вызывая осуждение со стороны старшего поколения и одобрение молодых людей, прежде всего, женщин. Концепт, который не обозначает определенных эмоций и переживаний, как концепт «flapper», все-таки может нести эмоциональную нагрузку, вызывая симпатии и антипатии носителей языка, следовательно, можно говорить об амбивалентности восприятия этого концепта.

Как и любой концепт, данный концепт является сочетанием рационального и эмоционального, конкретного и абстрактного. Рациональное этого концепта представлено определенным типом социального и вербального поведения молодых женщин, эмоциональное выражено в тех симпатиях и антипатиях, которые вызывало это поведение. Конкретная часть этого концепта представлена различными реальными людьми, представителями этого движения, а абстрактная – художественными образами литературы и кино. Все эти компоненты взаимосвязаны и взаимообусловлены.

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА «FLAPPER»

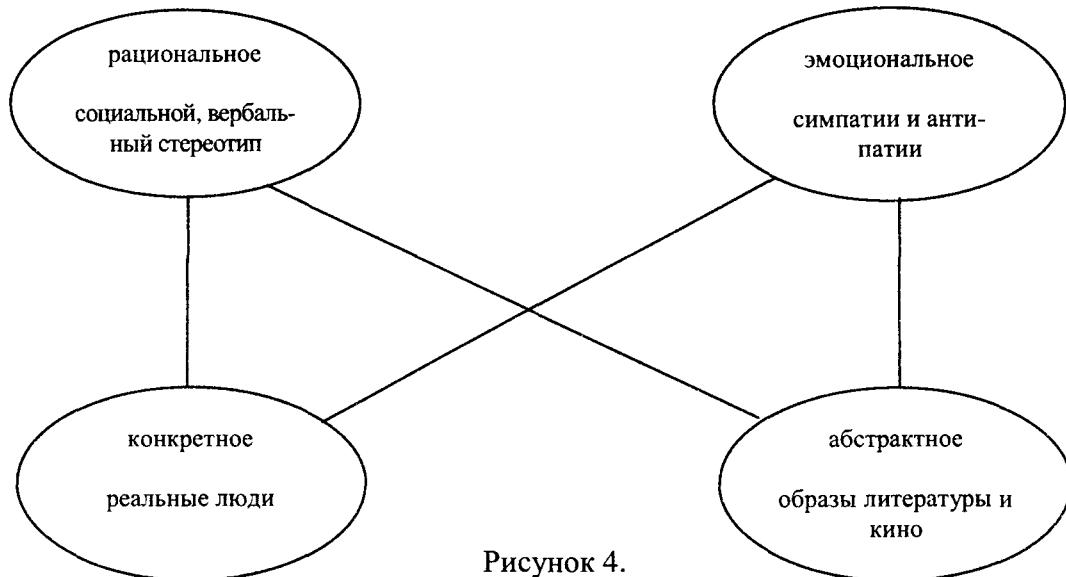

Рисунок 4.

Амбивалентный образ-концепт «flapper» является семиосимволом эпохи, проявляя свои архетипические свойства в произведениях литературы и кино.

Как и моделям мира, концептам свойственно изменяться: значимость концепта «flapper» в наше время не адекватна периоду 20-х годов прошлого столетия, с изменением экономического положения в стране, концепт «flapper» перестает существовать в обыденном сознании носителей языка. Однако сохранилась его культурная и историческая ценность, которая представляет интерес для различных областей науки, прежде всего лингвистики. Дальнейшему изучению подлежат не только языковые средства

создания этого концепта, но изучение имени концепта в идиоматических выражениях, сохранных в современном языке.

РЕЗЮМЕ

Стаття «Картина світу. Концепт «flapper» Любімової С.А. присвячена деяким питанням появі нового концепта «flapper» в картині світа нації. У статті дається стислий аналіз робот, в яких викладаються характерні риси світогляду. Підкреслюється суб'єктивний характер моделі світу, в який вибір осмисленних сутніх сторін життя у конструкованні моделі світу залежить від цінностних ставлень суспільства. Зміни в житті суспільства сприяють появлі нових концептів, які мають своє відображення в мовній картині світу. Новий концепт послідовно проходить ступені чуттєвого сприйняття, оцінювання судження та узагальнення, займаючи своє місце в концептуальній картині. Суспільно важливий концепт, такий як концепт «flapper», може стати семіосимволом доби, існування якого у поняттійному апараті носіїв мови може припинитися з закінченням доби. Дослідження цього концепта може викликати інтерес різних галузей мовознавства, а також, поперед усього лінгвокультурології.

SUMMARY

The article “Worldseeing. Concept “flapper” by Lyubimova S. is devoted to some questions of appearance of a new concept “flapper” in the national model of the world. The article gives a brief analysis of the works on characteristic aspects of worldseeing. Subjective perception of the world, based on the selection of essential values of the society, is emphasized in the article. Changes in the social sphere result in the appearance of new concepts reflected in the language. A new concept goes through the stages of perception, value judgment and generalization occupying its place in conceptual system. The socially important concept, such as “flapper”, can become semiotic symbol of the epoch ceasing its existence in conceptual system of the speakers with the ending of this epoch. This concept can be of study interest for different spheres of Linguistics as well as the Culture Study.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витгенштейн А. Логико-философский трактат// Философские работы, Ч.1. – М.: Гнозис, 1994.
2. Руднев В. Словарь культуры XX века. – Москва: Аграф, 1997. – С.127.
3. Лурье С.В. Историческая этнология. 4 глава. – Москва: Аспект пресс, 1988. – С.47.
4. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Картина мира в жизнедеятельности человека// Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – Москва, 1988. – С.47.
5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – Москва, 1972. – С.16.
6. Карапулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Москва: Наука, 1987. – С.37.
7. Стернин И.А. Коммуникационное и когнитивное сознание // С любовью к языку. – Москва-Воронеж, 2002. – С.44-45.
8. Сотникян П.А.Основные проблемы языка и мышления. – Ереван, 1968. – С.92.
9. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – Москва, 1972. – С.15-16.
10. Боринштейн Е.Р., А.А.Кавалеров. Личность: ее языковые и ценностные ориентации. – Одесса: Астропринт, 2001.
11. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека// Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – Москва: Наука, 1988. – С.61.
12. Телия В.Н./Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – Москва: Наука, 1991. – С.25.
13. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. – Москва, 1959. – С.70-71.

14. Апресян А.Д. Образ человека по данным языка // Вопросы языкознания. – №1. – 1995. – С.38-39.
15. Хэллидей М.К. Лингвистическая функция и литературный стиль// Новое в зарубежной лингвистике. Вып..Х Под ред. Н.Н.Попова. – Москва: Прогресс, 1980. – С.119.
16. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира//Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – Москва: Наука, 1988. – С.177.
17. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования// Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – Москва, 1963. – С.6.
18. Уорф Б.Л. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычай влияют на наше мышление// Наука и языкознание / Новое в зарубежной лингвистике.Вып.4. – Москва, 1960.
19. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание, общечеловеческие понятия в культурноспецифических контекстах // Thesis, 1993. – Вып.3. – С.200.
20. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку// Зарубежная лингвистика. – Т.1. – Москва, 1999. – С.92.
21. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира// Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Москва, Наука, 1988, с.180
22. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира// Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира Москва, Наука, 1988, с.134
23. Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семасиология и языковая номинация (общие вопросы). Москва, 1977, с.321
24. Потебня А.А. Мысль и язык// Звегинцев В.А. История языкознания XIX –XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1, Москва, 1960, с. 139
25. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание, общечеловеческие понятия в культурноспецифических контекстах // Thesis, 1993, вып. 3, с.205
26. Томашева И.В. Понятие «лакуна» в современной лингвистике. Эмотивные лакуны// Язык и эмоции. Волгоград, Перемена, 1995, с.58
27. Карасик В.И., Слыскин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования// Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Сб. науч. тр. под ред. Стернина И.А. Воронеж, ВГУ, 2001, с. 76
28. Zeitz Joshua. A madcap story of sex, style, celebrity, and the women who made America modern. New York, Crown Publishers, 2006

Надійшла до редакції 10.12.2007 р.

УДК 800.93

ЗВЕРТАННЯ-ВЛАСНІ НАЗВИ В ЕПІСТОЛЯРНІЙ СПАДЩИНІ УКРАЇНСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ XIX ст.

E.C. Ветрова

Невід'ємним компонентом комунікативного процесу є звернення до адресата, його ідентифікація. Звертання – категорія складна й неоднозначна, сповнена різних психологічних нюансів. У поглядах учених на цю мовну категорію існують суттєві розбіжності. Неоднозначність у кваліфікації звертання зумовлена в першу чергу його специфікою: складністю синтаксичної організації, синкретичним характером, поліфункціональністю, труднощами в диференціації первинної та вторинної функцій.

Щодо семантики і функціонального навантаження звертань, то в розв'язанні цієї проблеми вчені ще не дійшли спільної думки. Так, Н.Д.Арутюнова зауважує, що звер-

тання у функціональному відношенні виконує подвійну функцію. «Воно, з одного боку, дає змогу адресатові ідентифікувати себе як одержувача мовлення. З другого боку, в апелятиві часто виражається ставлення до адресата» [3, с.355-356].

А.Т.Абрамова стверджує, що крім основної функції називання особи, предмета чи явища, яким адресують мовлення, звертання мають три основні значення в реченні: «звертання – назви співрозмовника, позбавлені будь-яких емоційних та експресивних відтінків; звертання – назви особи, так чи інакше емоційно забарвлени, що виражают взаємини між мовцями; звертання – назви осіб, предметів, явищ, що не відповідають цілям безпосереднього спілкування, а використовуються для посилення експресії мовлення, вираження думок, почуттів...» [1, с.109-125].

На думку А.П.Леонтьєва, звертання виконує обов'язкові семантичні функції: називання адресата і його характеристика (причому поєднання цих функцій в одній лексемі дослідник вважає неможливим) і факультативні: супровідна характеристика, що її виражають поширювачі звертання; кваліфікація адресата, тобто вибір саме цього, а не іншого можливого найменування особи [6, с.81-94]. В.Є.Гольдін зазначає, що звертання виконують у мовленні щонайменше чотири функції: «виокремлення особи в предметній ситуації, вказівки на вже виокремлену тим або іншим способом особу, характеристики та соціального регулювання спілкування» [4, с.83]. М.С.Скаб стверджує, що звертання в структурі речення може: вказувати на адресата (проте не називати його); називати адресата з метою виокремити його з групи осіб, що можуть бути потенційно адресатами мовлення; називати адресата з метою позначити стосунки між ним та мовцем; називати адресата з метою дати йому певну характеристику, оцінку...; імітувати називання адресата [8, с.73]. З огляду на сказане, можемо стверджувати, що попри всі розбіжності у поглядах на семантику та функціональне навантаження звертань, усі дослідники сходяться в одному: звертання належить до поліфункціональних одиниць.

Мета запропонованої статті – дослідити семантику та функціональне навантаження звертань, виражених власними назвами, в епістолярній спадщині українських письменників XIX ст.

Українська мова упродовж століть виробила широку й розгалужену систему звертань, яка порівняно з іншими мовами має специфічні особливості. Як зазначає Н.Г.Озерова, «номінація адресата, являючи собою функціонально-семантичну універсалію, має яскраво виражену специфіку, пов'язану з неповторністю узуальної мовленневої поведінки представників конкретного регіону чи соціуму в тій чи іншій формі комунікації. Учасники мовленневого акту задають певний регистр акту комунікації, виходячи з естетичного компоненту національної культури, психології, філософії, менталітету» [7, с.34].

Справжньою скарбницею неповторних, національно специфічних звертань є епістолярна спадщина українських письменників- класиків. У листах видатних діячів української культури звертання виконують важливу роль. Вони виступають своєрідною зав'язкою подальшої розмови, визначають тональність, відповідний стиль усього послання. Вдало діbrane звертання сприяє успішному здійсненню комунікативного процесу, і, навпаки, недоречно вжитий етикетний вислів може образити співрозмовника, внести певний дисонанс у стосунки з автором послання. Саме тому, звертаючись до адресата, письменники віддавали перевагу таким етикетним формам, які б найбільше відповідали умовам ідентифікації одержувача відповіді.

Звертання, виражені власними назвами, у листах письменників, синкретичні з функціонального погляду й виконують такі функції: 1) номінативно-контактну функцію, властиву власним назвам, які називають адресата мовлення, але не містять при цьому додаткових сем оцінки чи характеристики: *Дорогий Михайлі!* (Л.Укр., т.12, с.319); *Вельмишановний Якове Васильовичу!* (Коцюб., т.5, с.223); 2) емоційно-оцінна функція, властива звертанням, які називають адресата для надання йому певної оцінки,

характеристики, вираження ставлення до нього з боку автора послання: *Люба Лілічко, дорога моя сестричко!* (Л.Укр., т.11, с.190).

Серед звертань, виражених власними назвами, найчастіше зустрічаються повні документальні імена, варіанти особових імен, імена по батькові адресатів, а також індивідуальні імена-новотвори, що виникли в колі тієї чи іншої родини або між близькими друзями.

Повні документальні імена найчастіше використовуються при зверненні до адресатів, з якими в письменників склалися дружні, але досить стримані стосунки: *Дорогий Михайлі!* Посилаю на Ваше імення великого листа Лілі (Л.Укр. до М.Кривинюка, т.12, с.301); *Дорога Ольго!* (Стеф. до О.Гаморак, т.3, с.244). У листах до близьких друзів форма повного імені, як правило, не зустрічається. Функціонування її в листах деяких письменників зумовлене певною стилістичною метою, зокрема необхідністю створення строгої, урочистої тональності спілкування, підкреслення серйозності майбутньої розмови з адресатом: *Дорогий Іване!* Твій лист привів мене в смятені (Фр. до І.Белая, т.48, с.493); *Благородніший ти із людей, брате-друже мій единий Семене!* (Шевч. до С.Гулака-Артемовського, т.5, с.312). В інтимно-дружньому та родинно-побутовому листуванні повне офіційне ім'я може виражати невдоволення адресанта, його незгоду з діями, вчинками одержувача відповіді, стурбованість з природу довгого мовчання: Я зовсім пропадаю, *Віро*, без твоїх листів (Коцюб. до дружини, т.5, с.215); *Дорогий Михайлі!* Що може значити, що з самого мого від'їзду з Кисва ні *Ви*, ні хто з родин не озивається до мене? (Л.Укр. до М.Кривинюка, т.12, с.313); *Брате Микито, треба б тебе полаять, та я не сердитий* (Шевч. до М.Шевченка, т.6, с.11). В інтимному листуванні І.Франка повне ім'я в поєднанні з шанобливо-ввічливим звертанням *пані (панно)* нерідко стає засобом створення невимушеної атмосфери спілкування, жартівливого, грайливого тону: *Що се Ви, панно Ольго, відколи навчилися говорити компліменти, та й то ще кому?* (до О.Рошкевич, т.48, с.98). В оточенні емоційно забарвлених лексем (здебільшого поширювачів атрибутивного характеру) строгий і дещо офіційний характер повного імені значно пом'якшується, створюючи атмосферу добрих і теплих стосунків комунікантів: *Дорога Юліо!* (Фр. до У.Кравченко, т.48, с.494); *Коханий Володимире!* (Фр. до В.Лукича, т.48, с.316); *Любий мій єдиний Михайлі!* (Шевч. до М.Лазаревського, т.6, с.144).

Поряд з офіційними повними документальними іменами в листах письменників широко функціонують розмовно-побутові їхні варіанти чи усічені, усічено-суфіксальні, суфіксальні. Великою фонетичною і словотвірною різноманітністю таких форм відзначаються листи М.Коцюбинського до дружини (*Віра — Вірунечко, Вірунько, Вірунчику, Вірусенько, Віруся, Віряточко*); І.Франка до О.Рошкевич (*Ольга — Ольго, Олю, Олічко, Олечко Оленько, Ольдзю, Ользю, Олькухо*); Лесі Українки до братів і сестер (*Микола — Миколо, Микосю, Миколичко, Микуля, Микулька, Микуня, Микунька; Михайло — Михайль, Михаль, Миша, Михайлику, Михась; Ісидора — Доро, Дорочко, Дориночко*). Варіанти імен у листах письменників утворені кількома способами. Найчастіше у творенні нових форм беруть участь демінутивні суфікси (-ечк-, -ічк-, -очк-, -уньк-, -ен'к-, -ін'к-, -ичк-, -ик-), які мають, як правило, позитивне емоційно-експресивне забарвлення. Зменшено-пестливі суфікси в листах письменників виражають значення малого, яке поєднується зі значенням ніжного, приємного, що вимагає опіки, покровительства: *Аriadна — Радо, Радочко; В'ячеслав — Славку; Ліда — Лідочко; Роман — Ромочко* та ін. Крім зменшено-пестливих форм, функціонують скорочені імена (*Олю, Миша, Ваню, Віталю, Грицу, Костю*). Вони є стилістично нейтральними й використовуються в повсякденному спілкуванні з друзями, родичами, молодшими за віком адресатами: *Грицу!* Як хочете побачити старого Щепкіна, то приходьте к Лазаревському (Шевч. до Г.Честахівського, т.5, с.388); *Дорога Олю!* (Фр. до О.Рошкевич, т.48, с.158). У листуванні письменників серед варіантів імен

зустрічаються і діалектні форми, в яких відображаються відповідні місцеві фонетичні та морфологічні риси. Значну кількість таких звертань зафіксовано в листуванні І.Франка: *Іван – Іва, Євгенія – Геню; Ольга – Ольдзю, Ользю; Хома – Хомця, Климентія – Климцю, Климентія – Клементія*. Багатство різноманітних звертань до одного адресата дає можливість письменнику акцентувати ту чи іншу тональність спілкування – шанобливо-приязну, інтимно-ласкаву, жартівливу, фамільярно-насмішкувату, як, наприклад, у посланнях І.Франка до О.Рошкевич: *Кохана, дорога Ольдзю!* (т.48, с.98); ...*цілу тебе, моя дорога Олькуха, з цілого серця* (т.50, с.81).

Особові імена та їхні варіанти в ролі звертань, як правило, супроводжуються ніжними епітетами, сповненими глибокої симпатії до їх носіїв. Атрибутивні поширювачі також підлягають варіаціям, утворюючи розлогі варіативні ряди. Так, у листах М.Коцюбинського до дружини вживається до 10 таких означень: *дорога, кохана, єдина, люба, добра, хороша, мила* та ін.: *Дорога моя Вірунечко! Дуже скучаю без тебе* (т.6, с.13); *Нині знов дістав од тебе листа, Вірунечко моя кохана* (т.5, с.117); *Вірунечко моя єдина!* (т.5, с.105); *Тоді вже досхочу націлуся тебе, моя ти Вірунечко люба!* (т.5, с.146); *Не гримай на мене, Вірунечко моя добра, за те, що мало про себе пишу* (т.5, с.201). Не менш розгалуженою виступає система атрибутивних поширювачів у листах І.Франка до О.Рошкевич: *дорога, кохана, солодка, люба, сердечна, миленька: I тобі, моя дорога Ольдзю, конечно подумати о якім-небудь занятті* (т.48, с.69); *Кохана Олю! Довго, дуже довго ждав я твого листа* (т.48, с.166); *Не гнівайся, солодка моя Олю, бо тою проклятою цитриною так гідко писати* (т.48, с.167). До складу одного звертання може входити одразу кілька означень-поширювачів, що посилює ступінь емоційності: *Люба моя, дорога Олю!* (т.48, с.171); *Кохана моя, дорога Олю!* (т.48, с.172); *Люба моя, сердечна Олю!* (т.48, с.153). Атрибутивні поширювачі, як і власні імена, часто мають суфікси суб'єктивної оцінки, які слугують додатковим засобом інтимізації, увиразнення звертання: *Дорогенька моя Олечко!* (Коб. до О.Гаморак-Левицької, т.5, с.634); *Моя миленька Олю!* (Фр. до О.Рошкевич, т.48, с.121).

Крім імен та їхніх варіантів, у ролі звертань часто використовуються родинні прізвиська, індивідуально-авторські імена-новотвори, які є специфічною ознакою родинно-побутових листів письменників. Справжньою скарбницею оригінальних, неповторно образних, ніжних та жартівливих найменувань-прізвиськ є листи Лесі Українки до сестри Ольги: *Лілія, Ліля, Лілея Лілієнъка(-о), Лілічко, Лільчику, Лілейне мое, Лілинятко, Джілія, Ліліточка, Лілеснько, Ліцику, Ліліцика, Ліцичку, Пуцик, Пуцию, Пуцию-ішаю, Олег, Олеся, Зірко* та ін. Емоційність та образність прізвиськ посилюється завдяки їхній сполучуваності (іноді досить несподіваній) з не менш оригінальними означеннями: *Любий Пуцию!* (т.10, с.79); *Дорога моя люба Олесю!* (т.10, с.246); *Дорогий мій Олег!* (т.10, с.299); *Люба моя Лілечко!* (т.10, с.347); *Милая моя Лілія* (т.10, с.378); *Лілея моя славная* (т.11, с.380); *Лілея моя лілейная* (т.11, с.11, 176, 225, 234, 278, 283); *Лільчику мій дорогий!* (т.11, с.373). Серед означень-поширювачів значне місце посідають кольористичні епітети, які не лише надають звертанням образності їх емоційності, а передають стан душі письменниці, відображають увесь складний світ її взаємин з адресатом: *Міцно цілу тебе, так міцно, як люблю тебе, моя найблііша Лілея* (т.11, с.237). Кольорова гама в листах Лесі Українки досить багата і презентована різними (в основному ніжними, теплими) кольорами: *біла (-ая), найблііша, рожева, золота (-ая), лілейно-рожева, рожево-золотая, іскристая*. Лексеми зі значенням кольору полісемантичні, вони передають найприкметніші ознаки адресата. Так, білий колір у Лесі Українки – це символ краси, цнотливості, чистоти, невинності, доброчесності. У листах письменниці до сестри Ольги він асоціюється з денним світлом, чарівною силою, ніжністю. Як символ сподівань і надії, віри в краще життя використовується епітет *рожевий*. Прикметник *золотий* вживається для підкреслення унікальності, неповторності адресата, *іскристий* – для акцентування його веселої, життерадісної вдачі. Особливою поетичністю відзначаються звертання, до

складу яких входить кілька лексем зі значенням кольору: *мій Лільчик золотий, і рожевий, і іскристий* (т.11, с.378). Через нагромадження епітетів вимальовується образ адресата, подається опис його зовнішньої і внутрішньої краси. Серед кольористичних назв Леся Українка найчастіше використовує епітети *білий, рожевий*, однак іноді в її листах функціонують й індивідуальні назви, утворені шляхом незвичного поєднання двох і більше прикметників зі значенням кольору: *моя злато-рожева* (т.12, с.99); *моя лілейно-рожева, моя золотая* (т.12, с.105).

Не менш оригінальні прізвиська функціонують у листах Лесі Українки до інших родичів. Для сестри Ісидори поетеса винайшла такі звертання: *Дроздик, Дроздишка, Гусь, Біла Гусь, Гусик, Гусінько, гусеняtko, гусю: Милая гусінько! Спасибі за листок, я дуже знього рада. А напротив чого срібна свинка – га? Ай, Гусю, Гусю!* (т.11, с.108). У листі до брата М.Косача письменниця використовує цікаве й незвичайне прізвисько *Кна-кна*. Творцем його був сам Михайло, який у дитинстві все довге і високе називав «*кна-кна*»: *Люба Кна-кна* (т.10, с.87); *Люба моя молоденька Кна-кна* (т.10, с.84). Надзвичайна оригінальність прізвиська зумовлена використанням форми жіночого роду звертання щодо адресата – представника чоловічої статі. Така взаємозаміна форми роду надає посланням інтимно-гумористичного забарвлення й передає гармонію сімейного спілкування.

Ніжними, поетичними у листах Лесі Українки до рідних є прізвиська, адресовані одразу кільком співрозмовникам. Так, молодших своїх братів і сестер письменниця називає: *негри (негрики, негринята), пуці (пуцики), гусі, тигри (тигрики), тигро-негри (тигри-негри), щучики, малюнки, хрущі, люде (людкове), людоночки наши, гетьманство, громадянство, тюсіні мої, мої меченца (ведмежата)* та ін.: *Негrikів ще раз цілую. Прощайте, негринята!* (т.10, с.54); *Будьте здорові, тюсіні мої* (т.12, с.317); *Любі мої людкове* (т.10, с.242); *Ну, будьте здорові, мої любі-дvi* (т.11, с.338); *Приїжджайте, мої меченца (ведмежата)* (т.12, с.23).

Жартівливий тон, теплота та образність деяких звертань досягається шляхом використання письменницею спеціальних стилістичних прийомів, наприклад, антитези: *Міцно тебе цілую, ти, мое мале-велике* (до сестри Ольги, т.11, с.147). Поєднання в одному вислові двох протилежних за значенням понять створює ефект контрасту, розрахованого на цілеспрямоване увиразнення якісно-оцінної характеристики адресата, на акцентування позитивного ставлення письменниці до одержувача відповіді. Незважаючи на те, що в об'єктивній дійсності адресат – людина доросла, для Лесі Українки вона залишається носієм характеристики «менший за віком», отже, «маленький, той, що потребує опіки, турботи». Ці жартівливі звертання відтворюють своєрідність мовленневого етикету сім'ї Косачів, родинний мікроклімат, невимушеність, теплоту взаємин між членами родини.

Функціонування жартівливих найменувань-неологізмів у ролі звертань зафіковано в листуванні Лесі Українки з О.Кобилянською, з якою письменницю єднала щира дружба і глибока симпатія. Одним із таких оригінальних; несподіваних є звертання *«хтось»* і похідне від нього *«хтосічок»*: *Дорогий хтосічку!* (Л.Укр. до О.Кобилянської, т.12, с.161); *Дорогий хтосічок!* (Коб. до Лесі Українки, т.12, с.110). Важливе значення в структурі звертань із займенником *хтось* мають прикметники-означення, які утворюють особливий емоційний ряд, створений із позитивно насычених барв: *любий, дорогий, дорогенький, добрий, добренький, живенький, чорненький* та ін. Такою формою ведення епістолярного діалогу послуговувались обидві письменниці. Так вони ніби шифрували свої послання, спілкуючись особливою, тільки їм зрозумілою мовою, яка повністю виключала будь-яке вторгнення ззовні. Прізвисько *“хтось”* одержали обидві комунікантки, для розрізнення ж користувалися означеннями *біленький* – до Лесі Українки, *чорненький* – до О.Кобилянської. Наявність прикметників-назв кольорів, що супроводжують звертання *«хтось»*, у листах письменниць має важливе емоційно-смислове навантаження. Вони вживаються не лише для виділення адресата за зовнішніми ознаками, у цьому випадку – коль-

ором волосся, а виступають засобом створення контрасту, інтимізують й увиразнюють зміст усього послання: *Мій любий чорненький хтось!* (Л.Укр. до О.Кобилянської, т.11, с.322); *Біленький мій хтось!* (Коб. до Лесі Українки, т.5, с.360).

Умінням творити оригінальні звертання-прізвиська відзначалась і О.Кобилянська. У листах письменниці до Х.Алчевської функціонує жартівливо-пестливе найменування *“мацьопочко”*. Таке називання адресата нагадує звернення матері до дитини і виступає синонімом до слів *маленька*, *малесенька*: *Дорога Мацьопочко!* (т.5, с.600); *Не знаєте, мацьопочко моя, як дуже врадувалась, прочитавши таку поважну працю від моого лицаря* (т.5, с.604). Тепле, ласкаве звертання *мацьопочко* в поєднанні з присвійним займенником *моя* та прикметниками *дорога*, *люба* виражає доброзичливе, прихильне ставлення автора послання до особи, молодшої за віком.

В основу багатьох звертань-прізвиськ в епістолярії письменників покладено різноманітні алгоритичні образи, створені на основі певних асоціативних зв'язків. Такі найменування адресатів мають важливе функціональне навантаження, оскільки розкривають найтиповіші риси характеру одержувача відповіді, особливості його поведінки, фізичного і психологічного стану. Звертання-образи *мево*, *мевочко* (тобто *чайка*, *чаечко*) надають особливого стилістичного забарвлення листуванню О.Кобилянської з Х.Алчевською: *Дорога моя Мевочко!* (т.5, с.580); *Якби я так могла Вас, дорога, «сріблисту мево» моя, забрати туди з собою...* (т.5, с.560); *Дорога моя біла, прекрасна Мевочко!* (т.5, с.559); *Дорога моя одинока Мевочко!* (т.5, с.622). Прикметники-означення *біла*, *сріблиста*, *одинока* посилюють емоційність звертань, доповнюють образну характеристику адресата. У листі І.Франка до К.Попович функціонує жартівливе звертання *Мухо*. Так у народі завжди називали маленьку, тендітну дитину: *Дорога Мухо! Не писав я до Вас нічого отсе вже довгий час* (т.48, с.461). Звертання-образи визначають специфіку листування того чи іншого письменника, характер його взаємин з адресатом.

Прекрасне знання іноземних мов розширювало творчі можливості письменників. Для творення нових найменувань автори послань використовували іншомовні слова, звороти. Так, у листах О.Кобилянської до С.Садовської знаходимо несподіване прізвисько *Pflegetoro*, що виникло внаслідок злиття двох слів нім. *Pleger* – «піклуватися» й польського «*córa*», «*córką*» – «дочка», тобто «дочка, якою хтось опіковується»: *Дорогенька моя Pflegetoro!* (т.5, с.626); *Дорога моя Pflegeцуро!* (т.5, с.616); *Коли приїжджаєш, кохана Pflegeцуро!* (т.5, с.617).

Не менш оригінальне звертання зафіксовано в одному з листів письменниці до Іванни Блажкевич *«Моя дорогенька Іванно D’arc!»* (т.5, с.647). Несподівано виступає друга частина звертання, що виникла на основі асоціацій з іменем Жанни Д’арк і складається з двох компонентів: перший називає ім’я адресата *Іванно*, другий виконує суто кваліфікативну функцію, тобто позначає співрозмовницю за рисами характеру, що були властиві видатній французькій героїні, — мужність, сміливість, відданість своїм ідеалам, здатність на самопожертву тощо.

Особові імена та їхні варіанти, а також індивідуальні імена-новотвори в листах письменників нерідко супроводжуються різноманітними стилістичними засобами, що сприяють посиленню емоційно-позитивногозвучання звертань. Одним із таких стилістичних прийомів є порядок слів, з яким “найгініше пов’язується змістова точність, виразність, ритмомелодійна гнучкість, тональність фрази” [5, с.29]. На вибір письменниками того чи іншого порядку слів впливають різноманітні фактори: умови спілкування, ставлення автора послання до адресата, мета і зміст повідомлення тощо. У структурі звертання порядок слів може бути стилістично нейтральний (прикметник-означення розташовується перед означуваним іменником) та інверсійний (прикметник-означення розташовується після означуваного іменника). Завдяки стилістично-нейтральному порядку слів висловлення звучить як спокійне повідомлення і набуває колориту описовості: *Пишу тобі, дорога Вірунечко*, з с.Голов, куди я

вчора приїхав верхи на коні (Коцюб., т.7, с.125); *Дорога Олю!* Словною свою обіцянку, котра, притім, не є для мене “гірким обов’язком”, а, противно, потребою (Фр., т.48, с.158). Інверсійний порядок слів надає звертанням експресивно-стилістичного забарвлення, створює специфічну тональність спілкування. Як зазначає С.Я.Єрмоленко, “постпозитивні інверсійні означення є невід’ємним атрибутом високого поетичного стилю” [5, с.30]. У листах письменників звертання з інверсійним порядком узгоджених означень відзначаються багатством стилістичних відтінків. Постпозитивні означення, виражені присвійними займенниками *мій, моя*, надають звертанням інтимного забарвлення, виражають схильованість, романтичний настрій авторів послань. У таких звертаннях відчувається ніжність, теплота, ширість почуттів письменників: *Лілеєнько моя!* Не хотілось би мені тебе клопотати, та муши (Л.Укр., т.12, с.40); *Aх, Олю моя, коли то щезне той простір, що тепер так незносно широко лежить межи нами* (Фр., т.48, с.147); *Вірунечко моя! От зараз так скотілось пригорнутися до тебе, взяти твою руку і вищілувати усі пальчики* (Коцюб., т.5, с.94).

Важливим стилістичним прийомом є повтор власних імен, а також їхніх поширювачів, що найчастіше зустрічається в посланнях І.Франка до О.Рошкевич: *Ольдзю-Ольдзю, люба моя, едина, бажай, щоб мені швидко зовсім помутилося в голові...* (т.48, с.96); *Aх, Олю, Олю, коли що, так той перстень навіяв на мене сумні думки* (т.48, с.140); *Прощаї, моє серце, моя люба-люба Олю!* (т.48, с.167). Повтор звертань найбільше характерний для листів-роздумів, навіяних сумом і туговою, в яких автор звіряє своєму адресатові найпотаємніші думки і мрії.

Досить виразним експресивним засобом є вживання при звертанні-особовому імені прикладок, у ролі яких виступають народнопоетичні лексеми в поєднанні з присвійним займенником *мій*, що виражають емоційно-оцінну характеристику адресата, ставлення до нього автора послання: *Люба моя, Олю-серденько!* (Фр. до О.Рошкевич, т.48, с.162); *Дуже добре, що ти дісталася всі мої листи, Вірусенько, серце* (Коцюб. до дружини, т.5, с.203).

Важливу роль при звертаннях, виражених особовими іменами, виконують елементи розмовності (вигуки, частки, питальні конструкції – питально-стверджувальні, питально-риторичні), що створюють враження безпосередньої бесіди з одержувачем відповіді, який стає свідком і співучасником роздумів і переживань автора послання, як, наприклад, у листах І.Франка до О.Рошкевич: *Ex, Олю, Олю! Життя моє зложене з паперу та всякої погані, а й любов, той єдиний цвіт – також переважно паперовий* (т.48, с.139); *Але ні, – правда, моя кохана Олю, ти так не думаєш?* (т.48, с.117); *Aх, люба Олю, чому тебе нема тутка, ти віджила би, набрала би більше енергії* (т.48, с.133); *Aх Олю моя, коли то щезне той простір, що тепер так незносно широко лежить межи нами?* (т.48, с.147). Поєднання у структурі звертання одразу кількох стилістичних прийомів (інверсій, повторів, вигуків, присвійного займенника *мій* тощо) значно увиразнює його зміст, підвищує ступінь емоційності.

Характерною особливістю імен у листах письменників є те, що вони виступають здебільшого у формі клічного відмінка: *Лільчику мій дорогий!* (Л.Укр. до сестри Ольги, т.11, с.373); *Брате Костю, а слухай* (Федък., т.2, с.403); *Кохана Ольдзю!* (Фр., т.48, с.142), рідше – у формі називного відмінка в значенні клічного, як, наприклад, у посланнях Лесі Українки: *Дорогі мої мечки Ліда і Ваня!* (т.10, с. 317); *Любі мої Микось і Дора!* (т.11, с.50). Іноді спостерігається паралельне функціонування називного і клічного відмінків, як, наприклад, у листах Лесі Українки до сестри Ольги: *Ну, Лільчику, буйай здоров* (т.12, с.90); *Тоді ми, Лільчик, з тобою разом будемо мокнути у Пслі* (т.12, с.100), І.Франка до О.Хоружинської: *Дорога Олечко!* (т.48, с.557); *Дорога Олечка!* (т.48, с.557). Таке варіювання форм, на наш погляд, пов’язане з неусталеністю деяких граматичних норм в українській мові того часу.

Дослідження мовних одиниць на позначення адресата в епістолярній спадщині українських письменників XIX ст. дає підстави стверджувати, що звертання є

специфічним етикетним знаком, використовуваним для реалізації специфічного різновиду комунікативної ситуації – ситуації звернення до одержувача відповіді.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена исследованию функционально-семантических и коммуникативных этикетных формул (обращений) в эпистолярном наследии украинских писателей XIX в. Главное внимание удалено изучению лексического состава, semantic структуры и функциональной нагрузки этикетных формул, а также факторов, обуславливших их выбор в конкретной коммуникативной ситуации и их роль в переписке того или иного писателя.

SUMMARY

The article is aimed at the investigation of the functional-semantic and communicative etiquette formulas of addressing somebody in the epistolary heritage of the Ukrainian writers of the nineteenth century. The main attention is paid to the learning of lexical content, semantic structure, functional loading of the etiquette units, the factors influencing their choice in every concrete communicative situation and determination of their role in the writer's correspondence.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Абрамова А.Т. К вопросу об обращении в современном русском языке// Славянский сборник 2: Вып. Филология. – Воронеж, 1958. – С.109-125.
2. Акишина А.А. К кому и как обращаться: О русском речевом этикете // Рус. яз. и лит. в средн. учебн. заведениях УССР. – 1991. – №10. – С.73-74.
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. –370 с.
4. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 130 с.
5. Єрмоленко С.Я. Стилістичне значення порядку слів // Укр. мова і літер. в шк. – 1972. – № 8. – С.29-38.
6. Леонтьев А.П. Обращение как компонент высказывания // Вопросы грамматики русского языка. Функциональный анализ единиц морфолого-синтаксического уровня: Сб. науч. трудов. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1981. – С.81-94.
7. Озерова Н.Г. Лексические средства номинации адресата речи в русском и украинском языках // Взаимодействие русского и украинского языков на территории Украины и актуальные проблемы их исследования и преподавания. – Полтава, 1993. – С.33-35.
8. Скаб М.С. Прагматичні функції номінацій адресата мовлення // Укр. мова. – 2003. – №2. – С.71-77.

СПИСОК ДЖЕРЕЛ

- Коб.- Кобилянська О.Ю. Листи // Зібр. творів: У 5-и т. – Т.5. – Статті та спогади. Автобіографії. Листи. – К.: Держ. вид-во худ. літ., 1963. – С.163-567.
- Коб.- Кобилянська О.Ю. Листи // Зібр. творів: У 5-и т. – Т.5. – Статті та спогади. Автобіографії. Листи. – К.: Держ. вид-во худ. літ., 1963. - С.163 – 567.
- Коцюб.- Коцюбинський М.М. // Зібр. творів: У 7-и т. – К.: Наук. думка, 1974. – Листи. – Т.5. – 431 с.; Т.6. – 311 с.; Т.7. – 415 с.
- Л.Укр.- Українка Леся // Повне зібр. творів у 12-и т. – К.: Наук. думка, 1978. – Листи. – Т.10. – 542 с.; Т.11. – 478 с.; Т.12. – 694 с.
- Мирн.- Мирний П.Я. Зібр. творів: У 7-и т. – Т.7. – Поезія. Публіцистика. Епістолярій. – К.: Наук. думка, 1971. – 663 с.

- Н.-Лев.- Нечуй-Левицький І.С. // Зібр. творів: У 10-и т. – Т.10. – Біографічні матеріали, статті та рецензії, фольклорні записи, листи. – К.: Наук. думка, 1968. – С.253-504.
- Стеф.- Стефанік В.С. Повне зібр. творів: У 3-х т. – Т.3. – Листи. – К.: Вид-во АН УРСР, 1949. – 324 с.

Надійшла до редакції 10.11.2007 р.

УДК 81'373.2(088.72)

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОВЕСНЫХ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

E.H. Сидоренко

С развитием экономики и увеличением количества новых товаров их называние требует появления большого количества новых слов, ранее не зарегистрированных как товарные знаки. Поскольку большая часть словарного запаса языка, пригодного для использования в качестве словесных товарных знаков, уже задействована, обращаются к профессиональному созданию слов. В этом ярко проявляется «беспрецедентная способность языка обозначать явления окружающего мира, сколь многочисленными они были бы» [1, с.251]. В 60-х годах прошлого века наблюдалась тенденция к синтезированию словесных товарных знаков (далее СТЗ) при помощи электронных машин. При таком создании учитывается благозвучность определенных буквосочетаний. Наиболее приемлемыми считаются знаки, состоящие из 3-4 слогов. Машинным подбором получаются «целые серии аналогичных товарных знаков, например Eatin, Eaton, Eatam...» [2, с.95]. Эти названия были «сконструированы» в немецкой фармацевтической фирме для будущих лекарственных средств. Часть полученных названий используется сразу, остальные идут «в запас», чтобы иметь резервные названия» [2, с.95]. У языков, пользующихся латинской графикой, наблюдается сходство искусственных товарных знаков. Морфемы, прижившиеся в языках, стали основами для создания многих новых слов. В настоящее время это слова, написанные латинской графикой или кириллицей. Так, наиболее распространенными являются СТЗ, содержащие элементы: *-лон, люкс, сервис, плюс, интер, супер, мега-, анти-, -lex, -ex, poly-, bio-, extra-, ultra-, maxi-, mini-, line, -nyl, rep-* и многие другие (печенье «Супер-Контикс», мороженое «Пломбир-супер», различные косметические товары «Интер косметика», майонез «Провансаль-люкс»). Они входят в состав многих сложных названий «для экономии языковых средств» [3, с.32]. Эти общие компоненты характерны для большинства европейских языков. Усеченная основа *био* от греческого *bios* – «жизнь» широко применяется не только в названиях медицинских препаратов, но и в наименованиях молочной продукции и косметики: «Био-йогурт», «Био-кефир», детский крем «Био-Тошка». Слово *йогурт* также используется в сочетании с различными морфемами: «Раннійогурт», «Йогуртер». Вероятно, такие комбинации со словом *йогурт* обусловлены законом, запрещающим использование «для одного и того же вида товаров товарных знаков, идентичных или схожих по форме или значению» [1, с. 252]. Морфема *baby* встречается в названиях детского питания, детской косметики и лекарств для детей: детский шампунь Baby Bad, детская пудра Baby Pader, детский чай Bebivita. Искусственный СТЗ *нейлон* не только вошел в язык, стал нарицательным, он так же дал морфему – *лон*, ставшую основой для многих новых названий (*беслон, мтилон, сilon, торэлон, кашмilon* и других) [1, с. 254]. Кроме названий синтетических материалов, морфема *lon* также применяется для обозначения других товаров: «Kanekalon (парик); Tabarlon (косметика); Caprylon (гигиенические товары); Nypralon, Kinulon (фармацевтические средства)» [2, с.99]. В названии *нейлон* (пу-

lon) кроме суффикса *-lon*, также является словообразовательным и элемент *nyl*, «который широко используется в названиях тканей: Losanyl, Lanyl, Nylsec, Nyltest, Nylux, Sofinyl, Surnyl» [2, с.99]. Большинство таких международных морфем как *lon*, *nyl*, *cryl*, *ter*, *gall* и других являются частью названий множества синтетических тканей и материалов. Морфема *ren* применяется в названиях различных медицинских препаратов: Penicilline, Bristopen, Cloxypen, Totapen, Suvipen. [2, с.101]. В фармацевтике также присутствует множество других словообразующих морфем или финалей: *-al* (Cefacidal, Actebral, Trivastal); *-ol* (Acnestrol, Aniodol, Carbagol); *-yl* (-il) (Compralgyl, Equanil, Nicocortyl); *-ex* (Litonex, Uteplex, Pyralex) [2, с.106-107].

К искусственным образованиям можно отнести и такие, как метафорические названия чаев «Ласковый чай», «Жемчужная роса», «Вкус жизни», «Нахальный фрукт», «Цветочный вальс», водки «Хлібна слъзма», фигурного мармелада «Корпорация монстров», конфет «Мелодика. Персиковая соната», «Мелодика. Яблочная нота», «Мелодика, Вишневая мелодия».

Используются в искусственных сложных названиях и так называемые «гибридные образования, состоящие из русской или украинской части и транслитерированной заимствованной» [3, с.32]. Причем эта заимствованная часть может, как транслитерироваться (конфеты «Жувиленд», напитки «Фрукт Тайм», «Виталити энергетический», «Релакс энергетический», «Ділайт груша»), так и передаваться прямым переносом (майонез «Calve легкий», конфеты «Шедевр-premio», «M&M's Веселая тусовка»). Используются в гибридных названиях и элементы других знаковых систем – мороженое «Старт+». Для таких СТЗ отбирают легкопроизносимые слова, что «делает естественную лексику в составе товарных знаков максимально международной» [2, с.84]. Гибридные СТЗ имеются в разных языках и содержат основы различных европейских языков. Имеются примеры сочетания английской и французской основ в одном товарном знаке – чистящее средство Fem-Kleen (сокращенное от французского *femme* – женщина и английское *clean* – чистая), стиральный порошок Blanc Nuclear (французское *blanc* – белый и английское *nuclear* – ядерный – «Ослепительно белый»). СТЗ мыла Dermasvelt также содержит сочетание слов из двух языков (греческое *derma* – кожа и английское *svelte* – стройный) [2, с.84].

Одним из искусственных образований в СТЗ является звукоподражание: конфеты «Му-му», шампунь «Кря-кря», вафли «Хрум», сухарики «Бим-бим». От подобных звукоподражаний происходят названия: вафли «Хрустик», печенье «Му-муша», конфеты «Бамбуши».

Для экономии языковых средств и речевых усилий служат аббревиатуры. Много лет существуют такие модели автомобилей, как ГАЗ, ЗИЛ, ВАЗ, ПАЗ, УАЗ, ИЖ, КАМАЗ, BMW. Позднее появилась торговая марка бытовой техники LG. Всемирно известна аббревиатура CD – Christian Dior, которая используется для обозначения косметических и парфюмерных товаров. Аббревиатурные СТЗ имеются во многих странах мира. Сжатые формы упрощают восприятие при больших объемах информации. Использование аббревиатуры в речи удобнее, чем употребление полного, громоздкого названия. Причем лексическое значение «сохраняется полностью, экономя время поступления информации адресату» [4, с. 36].

Близки к аббревиатурным буквенные и цифровые обозначения товаров технического направления (краска ПФ-115, ПФ-115Д, ПФ-266; лак ПФ-110; ручка-замок 891-03 Cr R). Такие СТЗ не рассчитаны на массового покупателя, и кодовое название упрощает процесс наименования и реализации.

Наряду с искусственными образованиями в последнее десятилетие в наш язык вошло огромное количество иностранных слов. Это явилось следствием различных политических, экономических, культурных изменений в жизни общества. Вошедшие слова «плотно осели» в языке, и часть из них – уже на пути к переходу в разряд общеупотребительных. Рекламы и

вывески, объявления и телепрограммы пестрят иноязычными словами. Приносят их с собой и иностранные инвесторы. Появляющиеся совместные предприятия имеют, как правило, необычные названия. Товары, выпускаемые этими предприятиями, а также товары, ввозимые из зарубежных стран, имеют иностранные названия. Часть отечественных товаров, следуя моде, именуется по-английски, как бы указывая таким названием на их европейское качество. Таким образом, также идет процесс «активизации употребления иноязычной лексики» [3, с.33]. Львиная доля таких иноязычных названий приходит к нам из английского языка. При изучении словесных товарных знаков английского происхождения необходимо учитывать правила и нормы английской орфографии, так как зачастую названия передаются не всегда грамматически и орфографически правильно. Проблема межъязыкового переноса осложняется еще и тем, что не все названия, переданные латинской графикой, являются англизмами. Поэтому необходимо учитывать этимологию слова, так как правила англо-русской транскрипции заметно отличаются от правил практической транскрипции с других европейских языков. Также имеются существенные различия и в правилах чтения английских и других иностранных слов, если слово передается прямым переносом.

Передача иноязычных слов осуществляется различными способами: прямым включением иностранного слова с полным сохранением его первоначального графического облика, а также методом транскрипции и транслитерации. За частую иноязычные названия переходят в нарицательные.

Большая часть названий передается латинской графикой. Это можно объяснить популярностью английского языка, распространностью навыков чтения и понимания среди широких кругов населения. При таком способе передачи сохраняется графический, но искажается звуковой облик слов. Без знания определенных правил чтения эти слова не всегда правильно произносятся, так как «сохранить точно произношение слова при его включении в контекст другого языка невозможно» [5, с.6]. Однако звуковая сторона СТЗ является главной в восприятии, тогда как «смысловая сторона понятна лишь тем, кто знает иностранный язык» [2, с. 82].

В английском языке названия товаров пишутся с прописной буквы или полностью – прописными. Такое иноязычное название может включаться в текст русскоязычного или украинскоязычного ценника или рекламы: «кофе Tchibo Exclusive», «чай Lipton», «Marlboro – сигареты № 1 в мире!», «Mazda. Исключительная надежность японской сборки» [6, с. 10]. Такой способ прямой передачи имеет свои положительные стороны. Название через некоторое время адаптируется в языке-реципиенте и как бы служит гарантом качества товара. На некоторых товарах их названия передаются параллельно – латинской графикой и кириллицей: чай Askold – Аскольд, вино Lidia – Лидия, спиртные напитки Gin – Джин, Amnesia – Амнезия, Absinth – Абсент.

В настоящее время к товарам, названия которых передаются латинской графикой, относятся: моющие средства для посуды, стиральные порошки, зубные пасты, мыла, шампуни, различные виды косметики, духи и одеколоны, названия бытовой техники, автомобилей. Товарный знак своим названием «информирует о возможных достоинствах и пытается внушить покупателю веру в исключительные качества предлагаемого товара» [7, с.102]. Следующие моющие средства своими названиями убеждают покупателей в их идеальных чистящих свойствах, при условии, что потребитель владеет английским языком и сможет правильно их перевести: Gala (‘праздество’) – указывает на идеальное качество очистки, все будет идеально чисто, как в праздник; Vanish (‘исчезать, пропадать’) – обещает, что вся грязь пропадет; Pronto (‘быстро, без промедления’) – обещает быстрое очищение от грязи; стиральный порошок Tide (‘поток, волна’) – уносит все загрязнения потоком; средство для мытья посуды Fairy (‘волшебница’) – намекает, что моет, как волшебница; Bingo (‘бах’) – выражает внезапность, моменталь-

ное очищение; Comet ('комета') – обещает скорое завершение работы; Ace ('туз') – первоклассное моющее средство лучшего качества.

Исторически сложилось, что имя солидного производителя является гарантом качества товаров. Это названия глобального масштаба, известные во всем мире доверием к производителю: самолеты, автомобили, сигареты, модельная одежда, декоративная и лечебная косметика и так далее. Как отмечает О.А Леонович, «почти 21% товарных знаков английских автомобилей содержит имя основателя фирмы» [7, с.107]. Существует эта традиция и у производителей других стран. Причем украинскому покупателю многие названия автомобилей (автонимы) хорошо известны, написанные как латинской графикой, так и кириллицей. В рекламных проспектах и на витринах магазинов встречаются имена собственные (далее ИС): Ford, Rolls Royce, Alfa-Romeo, Mercedes, Citroen и другие. Параллельно эти же названия передаются средствами русской графики: Альфа-Ромео, Роллс-Ройс, Мерседес, Ситроен и так далее. Высоко ценится доверие к производителю благодаря фамилиям основателей этих и других автомобильных компаний. Название автомобиля «Альфа-Ромео» произошло «от аббревиатуры «АЛФА» – названия кампании Anonima Lombardo Fabbrica Automobili и имени ее основателя Никола Ромео [8, с.318]. Автомобиль «Кадиллак» содержит в своем названии антропоним – имя французского исследователя Антуана де ла Мота Кадиллака, который основал город, ставший крупнейшим производителем автомобилей [8, с.320]. Андре Ситроен основал кампанию «Ситроен Геар Кампани», которая стала выпускать автомобиль, названный его именем – «Ситроен» [8, с.320]. Такая же история и у автомобиля «Феррари»: он носит имя основателя фирмы Энцо Феррари [8, с.321]. Итальянский автомобиль «Ланча» был назван по фамилии Винченцо Ланча, который вместе с Клаудио Фоголином основал фирму «ФИАТ» [8, с.323]. Автоним «Мерседес-Бенц» имеет интересную историю своего происхождения. В 1926 году произошло слияние двух компаний, пионеров автомобильной индустрии – Карла Бенца и Готлиба Даймлера. Эта компания стала называться «Даймлер-Бенц АГ». В 1899 году австрийский бизнесмен, дипломат и автогонщик-любитель Эмиль Джеллинек выиграл автогонки «Найс Спил Трейл» под псевдонимом «месье Мерседес», который взял в честь своей дочери Мерседес (само имя Мерседес происходит от испанского слова со значением «удача»). На следующий год Джеллинек оговорил право продавать в Австрии и Франции новую машину «Даймлера» «Симплекс» под тем же именем, которое скоро стало настолько популярным, что кампания стала присваивать его всем последующим моделям. Джеллинеку его псевдоним так понравился, что примерно в 1903 году он официально принял фамилию Джеллинек-Мерседес [8, с.323-324]. Автоним «Пежо» также восходит к ИС – фамилии династии основателей производства этих автомобилей во Франции [8, с. 326]. «Порше» назван так в честь немецкого дизайнера доктора Фердинанда Порше, который был автором изобретения автомобиля, использующего солнечную энергию [8, с. 327]. «Роллс-Ройс», «символ британизма», создан кампанией «Роллс-Ройс Лтд», которая получила название по фамилиям двух создателей, – Чарльза Росса и Генри Ройса [8, с.328]. «Шкода» была названа в честь Эмиля Риттера фон Шкода, основавшего собственную кампанию, выпускавшую автомобили [8, с.331].

Подобная история присвоения названий и у многих других СТЗ в автомобилестроении: «Студебекер», «Рено», «Панхард», «Купер», «Мазерати», «Опель», «Глас».

Преобладают в названиях товаров имена основателей фирм и в авиационной промышленности: «Боинг», «Дуглас», «Мессершмитт», «Туполев», «Остер» и другие. Использование ИС в СТЗ указывает на то, «что завод стал олицетворять собою продолжение самой личности основателя» [9, с. 52].

В русский и украинский языки эти названия чаще всего проникают из английского. Однако, изначально являясь не английскими словами, они претерпевают двойной

перенос. Так, в ряде названий, сложившихся на базе китайского, японского и корейского языков, при вхождении их в английский произошли существенные изменения, вызванные значительными различиями в звуковой и графической системах языка исходного и языка-реципиента. В русский язык эти ИС передаются по правилам транскрипции с английского языка, а не с оригинального – восточного. Toshiba – «Тошиба» (правильно «Тосиба»); Hitachi – «Хитачи» (правильно «Хитати»); Samsung – «Самсунг» (правильно «Самсон»); «Фуджи», название священной японской горы, более распространенное в русской графике (правильно «Фудзи») и его производное «Фуджиколор» (правильно «Фудзиколор») [10, с. 23].

Передача менее известных восточных ИС в товарных знаках происходит с еще большими погрешностями. Одно название используется в различных вариантах. В таких СТЗ чая: «Женьшень Оолонг», «Османтус Оолонг», «Формоза Оолонг» и «Олонг Ти Куа Инь Богиня Милосердия» – встречаются два варианта слова – *Оолонг* и *Олонг*. В названиях чая «Королевский Пу-ер» и «Пу-Эрх» также два варианта – *Пу-ер* и *Пу-Эрх*.

СТЗ сигарет, как и моющих средств, передаются в основном латинской графикой. Это и имя производителя – антропоним Rothmans, и урбаноним-годоним [11, с.154, 50-51], «название фешенебельного клуба в Лондоне на одноименной улице» [7, с.109] – Pall Mall, и характеристика социального статуса: Sovereign, President, Three Kings, и названия различных объединений и коллективов: Alliance, Sobranie, Parliament, Business Club.

Применяются антропонимы в СТЗ парфюмерии и косметики: Elizabeth Taylor, Britny Spears, Princesse Marina de Bourbon. Встречаются имена исторических личностей, звезд эстрады и кино, а также имена основателей и учредителей фирм-изготовителей: Max Factor, Calvin Klein, Certuti, Christiane Dior, Юдашкин, Зайцев. Причем знаменитая фирма «Кристиан Диор» (Christiane Dior) для многих «своих товаров в качестве основного компонента сохраняет фамилию: Miss Dior, Diorissimo, Diorella, Hydra Dior». [2, с.59]

Используются в названиях товаров и топонимы. Avon – косметическая компания и вся ее продукция, по названию реки в Великобритании. Этот гидроним имеет кельтские корни, для названия «используется существительное, связанное с понятием «вода», «река»» [7, с.67].

Английское слово *baby* «ребенок» широко встречается в названиях товаров для детей: детский шампунь Baby Bad, детская пудра Baby Puder. Измененные формы от исходного *baby* – в названии детского питания Bebi, детского чая Bebivita. Вероятно, эта традиция пришла к нам из англоязычных стран, где в середине прошлого века «товарные знаки детских лекарств часто включают морфему *baby*: babybio, babideal, babydent, babyderm, babol и т.п.» [1, с.254]. Такие названия используются как в англоговорящих странах – соски и пустышки «Бэби лайф» выпускаются фирмой «Макдоналд энд Тейлор лтд.», Эштон-андер-Лайн, графство Ланкашир (Англия), так и в странах, где английский язык является иностранным – детское питание «Бэбилэнд» производится фирмой «Глюкснее мильхгезельшафт мбХ», Гамбург (Германия) [9, с.145].

Названия переводятся дословно или используется литературный вариант перевода. Женская косметика имеет названия цветов и их оттенков, драгоценных металлов и камней. Причем, параллельный перевод в каталогах не всегда точно соответствует оригиналу, а является лишь его «художественным вариантом». Это вызывает значительные неудобства, если товар заказывается по каталогу и английский вариант названия не учитывается. Так, тени для век, имеющие название по тону, Deepest Rose (Темная Роза) в каталоге подаются как «Лісова пісня»; тональный крем Ivory (Слоновая Кость) – «Прозорий світливий»; тональний крем Almond (Миндальный) – «Темний-бежевий»; тени Heather (Вереск) – «Сиро-бузковий».

Такой способ передачи, как транслитерация из-за различий в графике употребляется в сочетании с практической транскрипцией. «Многие буквы латинского алфавита

либо изменили свое звуковое значение, либо читаются нестандартно в определенных буквосочетаниях и словах, ...транслитерация будет порождать варианты этих имен, мало похожие при чтении на оригиналы» [10, с.18]. Отмечено, что «сохраняются удвоенные согласные в составе английских ИС, заимствованных русским языком» [2, с.88]. Это подтверждают также работы А.В. Суперанской [12, с. 470], В.И.Кузнецовой [13, с.104]. Однако в СТЗ наблюдается отход от этого правила. Товарные знаки, являясь онимами, не всегда передаются в русской графике с соблюдением норм и правил, установленных для других имен собственных. В таких СТЗ, как корм для собак «Чаппи» – Chappi, жевательная резинка «Хуба Буба» – Hubba Bubba в сильной интервокальной позиции наблюдается употребление одной согласной. Хотя не исключается возможность реализации данного товара в других точках продажи с названиями в русском варианте «Чаппи» или «Хубба Бубба».

Такое же чередование согласных при передаче русской графикой наблюдается и на конце слов: водка «Смирноф»\ «Смирнофф» – Smirnoff, «Медофф»\ «Медофф» – Medoff, а СТЗ водки Blagoff передается согласным **v** вместо **ff**: «Благов». На передачу удвоенного согласного на конце слова одной буквой указывала и Л.В.Соснина [14, с.84].

Французское название ликера La Femme передается также с одним согласным: «Ля Фам». Однако в названиях конфет и мебели «Белиссимо» – Bellissimo, мебели «Риспетто» – Rispetto, вина «Изабелла» – Isabella, сока «Солетто» – Soletto удвоение сохраняется в сильной интервокальной позиции. В СТЗ конфет Bellissimo и Raffaello сохраняется лишь одно удвоение. Это давняя традиция переводчиков сохранять в заимствованном слове одно из двух удвоений [14, с.82]. «Белиссимо» – слово итальянского происхождения, а в итальянском языке «между гласными **s** передается через «**c**» в случае удвоения» [5, с.123], в названии «Рафаэлло» сохраняется только удвоенная согласная **l**.

В буквосочетании **wr** в начале слова первая буква не читается: «Рэнглер» – Wragler, джинсы и изделия из кожи. В безударном положении английское сочетание **er** передается транслитерационно через эр [5, с. 48].

Непроизносимой является английская буква **t** в сочетании **tch** [14, с.86]. Оставшееся буквосочетание **ch** традиционно передается в русском языке через **ч**, «хотя в английском **ch** [tʃ] несколько больше выделяется звук [t] [5, с. 42]: кофе «Чибо» – Tchibo, виски «Скоч Виски» – Scotch Whisky».

Следующие английские буквы и буквосочетания также имеют определенные правила передачи, что соответствует нормам английской практической транскрипции [5, с.36-67]. Английская буква **c** произносится перед **e**, **i**, **u** в основном как [s] и в русском варианте передается как **с**: моющее средство Cillit – «Силлит», сигареты City – «Сити»; перед остальными гласными и согласными как **k**: кофе Nescafe – «Нескафе», напиток Coca Cola – «Кока Кола», зубная паста Colgate – «Колгейт», сигареты Camel – «Кэмел» или «Камел». Передача буквы **c** в русском языке через **ч** указывает на то, что это слово не английское, а итальянское и произносится по правилам итальянской практической транскрипции: вино Cinzano – «Чинзано».

Аналогично читается и английская буква **g**: перед **e**, **i**, **u** произносится как **дж** – Gin – «Джин», водка Original – «Ориджинал»; перед остальными как **г** – краска для волос Galant – «Галант», моющее средство Gala – «Гала». Буквосочетание **sh** передается через **ш**: чай English Tea – «Инглиш ти» (или чаще дается в переводе «Английский чай»), моющее средство Vanish – «Ваниш», шампунь Wash and go – «Вош энд гоу». Буквосочетание **ph** в русском языке передается через **ф**: чай Elephant – «Элефант», кофе Triumph – «Триумф». Буква **x** передается сочетанием **кс**: стиральный порошок Rex – «Рекс», дезодорант Rexona – «Рексона», зубная паста Blendax – «Блендакс». Сочетание букв **wh** передается через **в**: корм для кошек Whiskas – «Вискас». Буквосочетание **ck** во всех случаях передается в русской транскрипции через **к** [5, с. 43]: соленый арахис

Snack Time – «Снэк тайм». Буквосочетание **th** обозначает отсутствующие в русском языке межзубные звуки и обычно передается через **т** [5, с.63]: спиртной напиток Absinth – «Абсент», телевизор Thomson – «Томсон».

Чтение английских гласных зависит от типа слога. Буква **а** в открытом слоге обозначает дифтонг [ei], приближающийся к русскому эй [5, с.36]: слабоалкогольный напиток Shake – «Шейк». В закрытом слоге **а** может передаваться через русские буквы **а**, **э** по нормам практической транскрипции, но в товарных знаках чаще передается через **а**: чай Batik – «Батик», чай Ahmad – «Ахмад», водка Absolut – «Абсолют». Гласная **е** в закрытом слоге транскрибуируется как **э** под ударением: чай Edwin – «Эдвин», чай Elephant – «Элефант» и как **е** после согласных: молочная продукция President – «Президент». Буквосочетания **ее**, **ea** передаются через **и**: чай Green Tea – «Грин Ти», чай Greenfield – «Гринфилд». Английская гласная **і** в открытом слоге соответствует русскому **ай**: напиток Sprite – «Спрайт», стиральный порошок Tide – «Тайд». В закрытом слоге **і** обычно передается через **и**: чай Lipton – «Липтон». Гласная **о** в закрытом слоге передается и в русском языке через **о**: сигареты Bond – «Бонд». Буквосочетание **oo** соответствует звуку, передаваемому посредством русской буквы **у**: чай Brooke Bond – «Брук Бонд». Английская буква **о** в сочетании с последующей согласной **r** передается на русский язык через **ор** [5, с.56]: кофе Elite Fort – «Элит форт», жевательная резинка Orbit – «Орбит». Буква **и** имеет несколько соответствий: **а**, **е**, **у**, **ю**. В открытом ударном слоге после **r**, **j**, **I** буква **и** транскрибуируется посредством русского **у** [5, с.63]: чай Top Bru – «Топ Бру». В закрытом слоге встречаются различные варианты передачи, которые закрепились как в языке передающем, так и в принимающем: водка Absolut – «Абсолют», порошок Bonux – «Бонукс», шампунь Sunsilk – «Сансилк». Английская гласная **у** в открытом слоге передается буквосочетанием **ай**: чай Bygon – «Байрон». В конце слова в неударном положении буква **у** транскрибуируется русской **и** [5, с.66]: бытовая техника Sony – «Сони», сигареты City – «Сити», шампунь Shandy – «Шанди».

Проведенные исследования позволяют отметить, что для правильного транскрибирования и транслитерирования иностранного слова необходимо определить его этимологию. Дальнейший перенос СТЗ в язык-реципиент осуществляется с учетом правил практической транскрипции.

РЕЗЮМЕ

У статті зроблена спроба показати потенційну можливість творення словесних товарних знаків. Поряд з штучними утвореннями розглядаються назви іноземного походження – слова-запозичення, які передаються різними засобами у мові-реципієнті – транскріпцією, транслітерацією та прямим перенесенням.

SUMMARY

The article is devoted to the ways of making of trade marks. Next to artificial formations, the names of foreign origin, borrowings are considered. They are passed with different ways in Russian language – transcription, transliteration and direct transference.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Москович В.А. Товарные знаки // Ономастика: [Сб. ст.] / Под ред. В.А.Никонова, А.В.Суперанской. – М.: Наука, 1969. – С. 251-259.
2. Соболева Т.А., Суперанская А.В. Товарные знаки. – М.: Наука, 1986. – 176 с.
3. Турута И.И. Вывески, которые нас окружают // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2005. – №3. – С.28-33.

4. Косарева О.Г. Аббревиатура как одно из средств экономии и экспрессии речи // Иностранные языки в школе. – 2005. – №5. – С.85-89.
5. Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте. – М.: Международные отношения, 1978. – 240 с.
6. Грушевська Ю.А. Власні назви в російському рекламному тексті: лінгвістичний і функціональний аспекти. – Автореф. дис. ... канд. фіол. н.: 10.02.02. – Дніпропетровськ, 2005. – 19 с.
7. Леонович О.А. В мире английских имен. – М.: Издательство Астрель, 2002. – 160 с.
8. Энциклопедия знаков и символов. – М.: Вече, 1998. – 510 с.
9. Веркман К. Дж. Товарные знаки. – М.: Прогресс, 1986. – 520 с.
10. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р.Валент, 2001. – 200 с.
11. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 170 с.
12. Суперанская А.В. Принципы передач безэквивалентной лексики // Великобритания. Лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1978. – С. 467-480.
13. Кузнецова В.И. Фонетические основы передачи английских имен собственных на русском языке. – Л.: Наука, 1960. – 120 с.
14. Соснина Л.В. Особенности передачи немых и удвоенных согласных в составе английских онимов // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск 9. – Донецк: Донеччина, 2004. – С. 82-90.

Надійшла до редакції 25.04.2007 р.

УДК 81'37=134.2=161.2

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА ПРИ НОМИНАЦИИ ЛИЦА В СОВРЕМЕННЫХ ИСПАНСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

И.Ю.Проценко

Одним из основных источников пополнения (обновления) лексического состава любого языка является метафора. «Она может быть применена в качестве орудия описания и объяснения в любой сфере: в психотерапевтических беседах и разговорах между пилотами авиалиний, в ритуальных танцах и в языке программирования, в художественном воспитании и квантовой механике» [1, с.6]. Такое «всеприсутствие», «вседозволенность» метафоры обусловили рост теоретического интереса к ней.

Н.Д.Арутюнова отмечает, что на предоставляемые метафорой утилитарные преимущества и ее эстетическую ценность обращал внимание Р.Хофман. О метафоре как модели смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочной функции писала В.Н.Телия; об уместности употребления метафоры в разных дискурсах говорили С.С.Гусев, В.В.Петров, Дж. Локк (эти авторы исходят из того, что метафора – один из способов выражения значения, существующий наряду с употреблением слов в их прямом значении, но гораздо менее удобный и эффективный). Ученые «романтического склада», такие как Ф.Ницше, Х.Ортега-и-Гассет, искавшие истоки языка в эмоциональных и поэтических импульсах человека, считали метафору «фатальной неизбежностью, единственным способом выражения не только мысли, но и самого мышления» (об этих авторах и их работах см. [1, с.11]).

Цель данной работы – проанализировать процесс появления, различия и сходства употребления метафоры в современных украинском и испанском языках для обозначения челове-

ка, а именно, для характеристики лица с точки зрения возраста и физических недостатков; показать на основе сделанных выводов разницу соответствующих языковых картин мира.

Интерес к данной категории лексики обусловлен тем, что метафора очень часто содержит точную, яркую характеристику лица (чаще всего негативную). Даже бранные слова, такие как «негодяй», «дурак», например, не пристают к человеку такочно, как метафорический образ [1, с. 8].

Материалом для анализа послужили 209 лексем испанского языка и 180 лексем украинского языка, выбранные из различных словарей и других источников (полный перечень которых приводится ниже, в списке литературы [4-15]).

Особенностью данного исследования является то, что соответствующая словарная лексика, в большинстве своем, не только стилистически окрашена, но и территориально дифференцирована в силу того, что испанский язык сам по себе неоднороден и может быть представлен в виде двадцати вариантов. Однако это не может препятствовать анализу, так как «лексический корпус каждого из вариантов испанского языка представляет собой совокупность общеиспанских слов и устойчивых оборотов (паниспанлизмов), составляющих подавляющее большинство словарного запаса любой испаноговорящей нации, и слов, и оборотов, характерных для той или иной национальной общности и определенного географического региона» [2, с.83].

Человека и окружающий его мир невозможно было бы постигнуть без метафоры, которая является, как правило, следствием необходимости для более точного определения понятия, соответствующего старому имени. В основе этого процесса лежит базисная метафора, формировавшаяся на ранних стадиях развития и становления общества, которую Э.Кассирер определяет как отголосок долгического мышления [3, с. 33], сохранившаяся в языке и сегодня и являющаяся фундаментом для формирования национальной языковой картины мира. К этой категории метафоры относятся такие модели транспозиций, при которых первичное значение слова обозначает предмет окружающей человека живой и неживой природы, а также предметы, которыми он ежедневно пользуется в быту. Дальнейшее обогащение языка происходит за счет современных, частично индивидуальных (поэтических, народных, научно-технических и т.д.) трансформаций значения.

В результате анализа слов, характеризующих человека с точки зрения возраста и физических недостатков, было установлено 44 модели метафорического переноса. Они показаны в приведенной ниже таблице, в которой первичное значение лексемы обозначено символом S1.

Таблица 1. Способы метафорического переноса при номинации человека с точки зрения возраста и физических недостатков.

№	S1 (первичное значение лексемы)	колич. лексем в исп. языке	колич. лексем в укр. языке
1	Дикое животное	13	8
2	Домашнее животное, птица	21	29
3	Птица	7	18
4	Пресмыкающееся	4	1
5	Насекомое	7	2
6	Грызун	1	1
7	Червяк	2	0
8	Рыба, обитатель любого водоема (океан, море, озеро, река...)	3	9

Продолжение табл. 1

9	Земноводное	1	1
10	Растение	9	7
11	Плод растения	13	3
12	Топонимические особенности местности	0	1
13	Предмет обихода, повседневной жизни, быта	30	11
14	Продукт питания	9	12
15	Старая, ненужная, развалившаяся вещь, предмет, тряпка, мусор	5	1
16	Остатки чего-либо	2	3
17	Мебель	2	0
18	Предмет одежды	9	0
19	Игрушка, кукла, статуэтка	3	1
20	Огородное пугало, скелет	2	1
21	Куча чего-либо	2	0
22	Выкидыш	2	0
23	Маска	4	1
24	Предмет, относящийся к корабельной тематике	4	0
25	Предмет, относящийся к военному делу	6	3
26	Персонаж литературы, истории, религии, мифологии	15	21
27	Что-то очень маленькое	2	0
28	Что-то очень большое	1	0
29	Лужа	1	0
30	Название части тела, органа тела человека, животного, птицы	9	5
31	Способ, манера поведения, передвижения	13	12
32	Ходуля	3	0
33	Национальность	1	0
34	Сухой, высохший предмет	0	9
35	Результат действия	0	2
36	Цвет	0	6
37	Ветряная мельница	0	1
38	Гитара	1	1
39	Профессия	0	2
40	Обозначение заболевания, недомогания, состояния в результате недомогания, физический недостаток (относящиеся к медицинской тематике)	1	4
41	Дырка	0	1
42	Спортивные принадлежности	0	2
43	Искра	1	0
44	Музикальный термин	0	1
	ВСЕГО	209	180

Из таблицы видно: в лексике, обозначающей человека определенного возраста или обладающего физическими недостатками, в исследуемых языках больше различий, чем сходств. Объясняется это следующими факторами.

1. Национальный историко-географический фактор. Он учитывает географические, исторические, культурологические особенности развития той или иной территории, нации, страны.

1.1. Для метафорического переноса используются наименования животных, растений, орудий труда и т.д., которые являются характерными для данного языкового региона.

Таблица 2. Некоторые модели национального историко-географического метафорического переноса.

S1	испанский язык (перевод)	украинский язык
Дикие животные	<i>babuino</i> ‘собакоголовая обезьяна’ – ‘урод, образина, карлик’; <i>mico</i> ‘обезьяна уинсти’ – ‘некрасивый человек’; <i>caguata</i> ‘черепаха’ – ‘толстуха, старуха’; и т.д.	вовчия – ‘женщина’; лось – ‘глупый, агрессивный молодой человек’; видра – ‘чрезмерно худая женщина’; лань – ‘стройная, изящная женщина’; и т.д.
Домашние животные	<i>vacaburra</i> – образовано от слов <i>vaca</i> ‘корова’, <i>burro</i> ‘осел’ – ‘очень толстый, грязный человек’.	кріль – ‘парень, юноша’.
Птицы	<i>cacatua</i> , <i>loro</i> ‘попугай’ – ‘очень некрасивая, уродливая женщина’.	зозулечка, ластівка – ‘девушка, женщина’.
Растение	<i>ciúito</i> ‘тростник’ – ‘очень высокий, худой’; <i>gíiin</i> ‘растение, похожее на тростник’ – ‘очень худой’.	береза – ‘молодой парень, девушка’.
Плод растения	<i>coco</i> ‘плод кокосового дерева’ – ‘очень страшный человек’.	калина – ‘молодая девушка’.

1.2. В связи с особенностями географического положения стран, их исторического развития, в каждом из языков существуют уникальные слова с точки зрения метафорического переноса. В эпоху великих географических открытий Испания была мощной морской державой, что обусловило активное использование маринизмов в речи. Следовательно, модель транспозиции первичного значения, где *S₁* – предмет корабельной тематики, является для испанского языка более популярной, чем для украинского. Например, *trinquete* ‘фок-мачта’, в американском варианте испанского языка – ‘верзила, дылда’; *garandumba* ‘грузовой баркас, баржа’ – ненормативное аргентинское слово, которое обозначает ‘толстую женщину’; *naonato* (от *nao* ‘корабль’, *nato* ‘рожденный’) – ‘рожденный на корабле’; *carracao* (от *carraca* ‘старое, разбитое судно’) – в разговорной речи называет ‘старого, недомогающего, болезненного человека’. В свою очередь, в испанском языке не отмечено слово *жовтяк*, первичное значение которого ‘переспелый огурец’, а вторичное – ‘худой, высохший, больной человек с желтым от болезни лицом’. Данный факт объясняется тем, что на Пиренейском полуострове и в странах Латинской Америки климатические условия не такие как на Украине.

1.3. В современном украинском и испанском языках активно используются лексемы, характерные для создания и характеристики фольклорных образов. Например, украинское слово *малина* в жаргоне обозначает ‘девушку, молодую женщину’. Но метафорический перенос связан не с растением, а с тем, что в старину на Черниговщине

на воротах свадебного двора вывешивали красный (малиновый) флаг, который означал, что невеста чиста и непорочна. Этот флаг, который символизировал добродетельную, целомудренную девушку, и назывался малина.

2. Национальные особенности восприятия окружающего мира.

На разных территориях одинаковые явления природы (живой и неживой) и окружающие предметы осмысливаются, воспринимаются по-разному. Лексемы, называющие эти явления, приобретают в результате метафорического переноса в каждом языке неодинаковые значения или оттенки значения. Примеры наблюдаются в следующих моделях.

2.1. Первичное значение лексемы (S1) – дикое животное.

В украинском языке лексема *мавпа* ‘обезьяна’ в молодежной жаргонной речи обозначает (неуважительно) девушку, молодую женщину. В паниспанском варианте испанского языка существительное *mono* ‘обезьяна’ обозначает очень некрасивого мужчину (или женщину). Но в Колумбии существительное женского рода *mona* обозначает девушку, молодую женщину, но обязательно светловолосую.

2.2. Первичное значение лексемы (S1) – домашнее животное, птица.

а) в украинской жаргонной лексике слово *курка* (*курочка*) с иронией и неуважительно употребляется по отношению к молодой девушке. Процесс появления вторичной номинации в данном случае осложняется тем, что переосмысление шло не прямолинейно, как в большинстве случаев, а опосредованно. Во-первых, принято считать, что девушки постоянно болтают, обсуждая все вокруг (как квохчут куры). Во-вторых, курица маленького роста, а значит, кажется всегда молодой. Кроме того, это очень распространенная домашняя птица, которую содержат, как правило, в селе. Поэтому, при номинации этой лексемой девушки проявляется ирония.

В испанском языке от лексемы *polla*, обозначающей ‘курица-молодка’, образовались слова *pollancón*, *pollancón* со значением ‘высокий, хорошо сложенный юноша’, ‘рослый подросток, акселерат’ (относящиеся к ненормативной лексике на Кубе). Однако данные лексемы не употребляются ни с иронией, ни пренебрежительно, как можно было бы предположить, хотя слова женского рода используются для названия мужчины. В данном случае процесс метафорического переноса оказался двойным. Вначале слово, обозначающее молодую курицу, стало употребляться в языке арго как ненормативное для обозначения мужского полового органа, и только потом физически здорового юношу. В Пуэрто-Рико от базового слова при помощи суффикса-аumentата *-on* образована лексема *pollona*, которая употребляется без всяких эмоционально-экспрессивных характеристик и обозначает ‘девушку-толстушку’. В этом случае механизм метафорического переноса прост и прозрачен.

б) существительное *коза* в украинском языке обозначает живую, подвижную девушку и очень часто может употребляться в уменьшительно-ласкательной форме *козочка*. Лексема испанского языка *chiva*, имеющая первичное значение ‘молодая козочка’, в паниспанском языке арго обозначает ‘женщина, баба’, в Эквадоре – ‘шалун, озорник’, в разговорном языке Колумбии – ‘подлец, ябедник’, а в Венесуэле – ‘способный человек’.

в) украинские лексемы *жеребець*, *жеребчик*, *кінь* в переносном значении называют человека, чаще мужчину. В испанском языке существительное *caballo* ‘коњ’ в языке арго обозначает ‘женщину большого роста’.

г) украинскому слову *кляча* ‘старая лошадь, лошаденка’ в испанском языке соответствует лексема *chuso*. Однако в современном украинском языке данное существительное является жаргонизмом и обозначает ‘старую женщину, старуху’ или ‘некрасивую девушку’, а в эквадорском варианте испанского языка – ‘младшего ребенка в семье’. Причина такого несовпадения в том, что в украинском языке процесс метафоризации шел по пути сравнения старой лошади (с ее физическими недостатками) и старого человека (женщины). В испанском языке основополагающим для сравнения стал небольшой рост лошадей, обитающих в Эквадоре, и ребенка.

2.3. Первичное значение лексемы (S1) – пресмыкающееся.

Для испанского языка характерно использование лексем, называющих различного вида ящериц, например, *cisia*, вторичное значение которой ‘маленькая и некрасивая женщина’. Другую разновидность ящериц называют *guaima*. От этого слова образованы и употребляются следующие существительные: в Боливии и Чили *guaina*, в Аргентине *guaiño*. Несмотря на небольшие фонетические различия, переносное значение этих слов ‘подросток, юноша’. А если данная лексема употреблена в увеличительной форме *guaimara*, то она обозначает мужеподобную женщину. В украинском языке есть только одна лексема *ящирка*. И только одно вторичное значение имеет это слово в языке ‘некрасивая девушка’ (жаргон).

2.4. Первичное значение лексемы (S1) – земноводное.

В украинском языке существительное *жаба* на молодежном жаргоне с оттенком неуважения обозначает ‘девушка’, а в испанской разговорной речи *escuerzo* ‘жаба’ в переносном значении – ‘очень худой человек’.

2.5. Первичное значение лексемы (S1) – остатки чего-либо.

Лексемы, у которых первичное значение – ‘остатки чего-либо’, в процессе метафорического переноса также по-разному переосмылаются в применении к номинации человека. В испанском языке существительное *zurrapa* ‘отстой, осадок, подонки’ обозначает также ‘некрасивого, неотесанного, тощего мальчика’. *Escamacho* ‘объедки, опивки’ в переносном значении – ‘худой, хилый человек’. Наблюдается определенная тенденция при транспозиции понятия для испанского языка: ‘остаток чего-либо’ → ‘хилый человек’. В украинском языке появление вторичной номинации происходит по другой схеме: ‘остаток чего-либо’ → ‘последний ребенок в семье’. Например: *випиребок* – 1) ‘остатки хлебной закваски в бочке’; 2) ‘последний ребенок в семье’ (иронично).

2.6. Первичное значение лексемы (S1) – маска.

В украинском языке лексема *машкара* ‘маска’ в разговорной речи обозначает страшного, некрасивого человека. Испанское существительное *chuchumeca* ‘карнавальная маска, изображающая уродливую старуху’ в разных странах испаноговорящего мира употребляется со следующими значениями:

– в Аргентине: (употребляется только в мужском роде *chuchumeco* и относится к ненормативной лексике) – ‘болезненный, хилый старик’. В данном случае наблюдается характерный для испанского языка прием использования слов в первичном своем значении женского рода (или обозначающих женщину) для номинации мужчин. При таком употреблении слова появляется оттенок пренебрежения, унижения, как, например, в лексеме *potrilla* (от *potro* – ‘жеребенок’) ‘молодящийся старик’.

– на Кубе, в Перу: (только в мужском роде *chuchumeco*) ‘франт, пижон’. Вторичная номинация появилась при помощи приема «от противного» (в данном случае некрасивый, страшный, отталкивающий изначально предмет переосмыщен как достойный внимания своей красотой, яркостью, привлекательностью, но и напыщенностью), который наблюдается во многих языках. Например, в украинском языке *баскетболіст* ‘юноша, мужчина очень маленького роста’ (молодежный жаргон, иронично). При таком переносе значения всегда присутствует элемент иронии.

– в Перу: (только в женском роде *chuchumeca*) ‘очаровательная девушка’. В данном случае использовался указанный выше метод «от противного», но, так как слово женского рода употребляется по отношению к девушке, все негативные оттенки значения со временем отпали сами собой.

– в Чили: (только в женском роде *chuchumeca*) ‘проститутка’. Таким образом, проявляется резко негативное отношение, заложенное диктаторским правительством этой страны, к языческим культурам (во время которых могла быть использована данная маска).

– в Эквадоре: (только в женском роде *chuchumeca*) ‘карнавальная маска старухи’.

2.7. Иногда существительные с одинаковым первичным значением только в одном из языков (украинском или испанском) в результате метафорического переноса получают вторичную номинацию со значением возраста или физических недостатков человека.

Например, у испанского существительного *escomendrijo* ‘мусор’, в отличие от украинского *сміття*, в процессе метафорического переноса появилось новое значение ‘тищедушный’.

3. Задмствование с одновременным метафорическим переосмыслением.

Испанский и украинский языки чаще всего используют для этого разные источники.

Таблица 3. Метафорически переосмыслиенные задмствования в украинском языке

из какого языка задмствование	лексема современ- ного украинского языка	значение данной лексемы в языке оригинала	значение данной лексемы в языке - реципиенте
русский язык	<i>кляча</i>	старая лошадь	старая женщина, старуха; некрасивая девушка (жаргон.)
	<i>калина</i>	растение, с белыми цветами, символизи- рующее в русском фольклоре молодую девушку, невесту	молодая девушка (жаргон.)
	<i>дубина</i>	большая палка	толстый человек (жаргон.)
польский язык	<i>рудера</i>	от <i>rudera</i> – полу- разрушенный дом	старая женщина (молодежный жар- гон)
немецкий язык	<i>шинобель(шинобак)</i>	от <i>schnobel</i> – клюв птицы	человек с большим носом (жаргон.)
новогреческий язык	<i>крисуха (криса)</i>	от <i>χρέας</i> – мясо	девушка, молодая- невеста (арго); жен- щина, хозяйка, ста- рая женщина (арго)

Таблица 4. Метафорически переосмыслиенные задмствования в испанском языке

из какого языка задмствование	лексема современ- ного испанского языка	значение данной лексемы в языке оригинала	значение данной лексемы в языке реципиенте
старофранцузский язык	<i>bisarma</i> <i>pendón</i>	от <i>guisarme</i> – але- барда (оружие, ко- торое представляет собой что-то вроде топора на длинной ручке); от <i>repot</i> – знамя, штандарт на очень высоком и узком древке	дылда, верзила (употребляется как областное); дылда, жердь (раз- говорное, чаще по отношению к жен- щине)

Продолжение табл.4

кечуа	<i>ruci</i>	от <i>ruco</i> – старая кляча	старик, чаще в качестве обращения (Эквадор)
	<i>guagua</i>	от <i>uáua</i> (<i>wawa, huahua</i>) звук, которым убаюкивают младенца;	грудной ребенок (американизм);
	<i>rorro</i>	от <i>ro, ro</i> – воркующий звук при помощи которого убаюкивают младенца	грудной ребенок (разговорное)
науатль	<i>chipi</i>	оторванный от матери и плачущий детеныш животного	плаксивый ребенок (американизм)
турецкий	<i>carraca</i>	старое, негодное судно	старый, постоянно болезненный человек (разговорное)

Таким образом, в результате метафорического мышления (специфического для каждого из народов) современный украинский и испанский языки получили и активно используют богатый эмоционально-экспрессивный лексический материал, который применяется для создания и характеристики образов людей как в обычной, повседневной жизни (на разговорном уровне), так и в художественной литературе. Весь этот огромный словарный запас представляет собой лексическую систему, характеризующую человека с точки зрения возраста и физических недостатков и состоящую из слов, выполняющих в речи различные коннотативные функции.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Активное использование каждым из языков метафорического переноса для номинации людей с точки зрения возраста и физических недостатков приводит к созданию многочисленных аффективных средств, которыми являются стилистически маркированные лексемы, составляющие потенциал экспрессивно-оценочных единиц каждого из языков и относящиеся в большинстве своем к разговорной речи, просторечию, жаргону, арго или ненормативной лексике. Значение, приобретенное в результате вторичной номинации, может быть понятно всем носителям и испанского, и украинского языков. Но чаще, в результате географических, исторических, культурологических факторов, результаты транспозиции оказываются разными. Для испанского языка важным также является фактор территориальности. Все это обуславливает формирование разных национальных языковых картин мира, что необходимо учитывать как в устной разговорной речи при общении с носителями украинского и испанского языков, так и при переводе художественной литературы для создания колорита среды повествования, точного изображения характеров героев.

РЕЗЮМЕ

У статті «Особливості метафоричного переносу при номінації людини в сучасній іспанській та українській мовах» розглядаються механізми метафоричного переносу на позначення віку та фізичних вад людини у сучасних українській та іспанській мовах. Основна увага зосереджена на аналізі національних особливостей трансформації зна-

чень, які зумовляються територіальними та соціальними факторами країн спілкування досліджуваними мовами.

Зроблені висновки дають можливість визначити диференційні особливості між аналізованими мовними картинами світу.

SUMMARY

In the given article mechanisms of the metaphorical carryings over for designation of a man's age and corporal defects in the modern Ukrainian and Spanish languages are examined.

The highest emphasis is placed on the analysis of the national peculiarities of the meaning transformations, which are determined by the territorial and social factors of the countries where the languages under analysis are spoken.

Conclusions made in the article give an opportunity to determine differentiation peculiarities between the analysed ways of lingual thinking.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – 521с.
2. Виноградов В.С. Лексикология испанского языка. – М.: Высшая школа, 2003. – 244с.
3. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – 521с.
4. Ставицька Л. Арго, жаргон, сленг. Соціальна диференціація української мови. – К.: Критика, 2005. – 464с.
5. Фирсова Н.М. Испанский язык в испаноязычных государствах Латинской Америки. – М.: Муравей, 2002. – 162с.
6. Великий тлумачний словник сучасної української мови/Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2004. – 1440с.
7. Короткий словник жаргонної лексики української мови/Під ред. Л. Ставицької. – К.: Критика, 2003. – 336с.
8. Словарь української мови в 4-х т.т./Упорядк. Борис Грінченко. – К.: Наукова думка, 1996. – Надруковано с видання 1907-1909 pp. фотоспособом.
9. Нарумов 1988: Испанско-русский словарь. Под ред. Нарумова Б.П. – М: Русский язык, 1988. – 829 с.
10. Фирсова 2004: Испанско-русский словарь. Латинская Америка. Под ред. Фирсовой Н.М. – М.: Русский язык медиа, 2004. – 610 с.
11. Americanismos 2002: Americanismos. Diccionario ilustrado. Barcelona. Editorial Ramón Sopena S.A., 2002. – 528 p.
12. Corominas 2003: Corominas Juan. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana.. Madrid. Gredos., 2003. – 627 p.
13. Diccionario español-ruso. Barcelona. Editorial Ramón Sopena, 1985. – 859 p.
14. Diccionario de uso del español de America y España. Barcelona. VOX, 2002. – 2022 p.
15. Diccionario de uso de español. María Moliner. Madrid. Gredos, 2003. – en CD-rom.

Надійшла до редакції 12.09.2007 р.

ЖУРНАЛІСТИКА

УДК 070.1: 321.02

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЖЕНЩИН-ПОЛИТИКОВ В УКРАИНСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: СТЕРЕОТИПНЫЕ ОБРАЗЫ ГЕНДЕРНОГО КОНТРАКТА

E.B. Тараненко

Гендерная стратегия современных масс-медиа все чаще сегодня описывается в пределах термина *гендерный контракт*, появившегося в середине 90-х годов в странах Скандинавии. Этот термин позволяет исследовать не только социальный статус мужчин и женщин в определенные национально-исторические эпохи, но и их сложные общественные взаимоотношения и взаимозависимости, «негласные нормы, взаимные права и обязательства» между полами [1, с.81].

Особенно интересны для исследования так называемые изменения в гендерном контракте, «такое дискурсивное изменение в общих суждениях, которое становится основой для новых практик». Фактически речь идет о размывании устаревающих стереотипов и создании новых, чем в XX-XXI веках наиболее активно заняты средства массовой коммуникации. Именно они создают «своего рода массовую иллюзию (или групповую фантазию)» приходящих на смену традиционным гендерным контрактам «женщина – хозяйка дома», «работающая мать» [1, с.81] и подобных им новых моделей – «деловая бизнес-леди», «неработающая жена успешного бизнесмена», «гламурная девушка» и т.п. К этим же новым гендерным контрактам относится чрезвычайно популярная и продуктивная масс-медийная модель «женщина-политик».

Гендерное равенство является нормой, зафиксированной в современном украинском законодательстве, в многочисленных европейских хартиях и согласительных документах, в этических кодексах, в том числе и в кодексах украинских журналистов. Все эти акты и документы содержат обязательные положения о невозможности дискриминации людей по половому признаку, о недопустимости гендерного насилия, о способах ликвидации гендерной сегрегации (и горизонтальной – неравномерности распределения мужчин и женщин по профессиям и отраслям экономики, и вертикальной – неравномерности распределения мужчин и женщин по позициям должностной иерархии), в том числе неравномерности представительства мужчин и женщин в сферах управления социумом.

Украина еще в 1979 году приняла на себя международные обязательства и ратифицировала «Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации по отношению к женщинам» ООН. С тех пор Украина каждые четыре года отчитывается перед Комиссией ООН о прогрессе в этой сфере, неизменно пока получая замечания именно в вопросе гендерной сегрегации – неравномерности представительства во всей системе управления государством.

Одной из существенных причин такого положения является очень слабая информированность общества в гендерных вопросах, в том числе и гендерные перекосы в формировании имиджа политиков-женщин и политиков-мужчин в средствах массовой коммуникации. Не случайно Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ), ЕС и другие организации активно разрабатывают рекомендации именно для средств массовой коммуникации – СМК (прессы, телевидения, рекламы) во избежание гендерной

стереотипизации. В пояснительной записке к Директиве ЕС о половом равенстве указывается: «Цель данной директивы – заставить СМИ избегать оскорбительных стереотипов в изображении полов, а также создания неприемлемых, унижающих человеческое достоинство образов мужчин и женщин в рекламе» [2, с.46]. Уже в 2007 году ПАСЕ в Страсбурге приняла резолюцию, призывающую СМК отказаться от дискриминационных стереотипов, эксплуатирующих женский образ.

По мнению многих лидеров женских общественных организаций, именно средства массовой коммуникации зачастую участвуют в процессе осуществления гендерной цензуры, которая даже более распространена, чем официально организованный контроль. Гендерная цензура, основанная на патриархальной социальной стратификации «встроена в целый ряд общественных механизмов, которые заглушают голоса женщин, отрицают ценность их опыта и исключают женщин из политического дискурса» [3, с.79].

Начало исследованию процесса искривления статуса украинской женщины–политика в обществе и масс-медиа положено в теоретических и публицистических работах Соломии Павлычко, Марты Богачевской-Хомяк, Веры Агеевой, Нильы Зборовской, Тамары Гундоровой, Надежды Шведовой, Юрия Андруховича, Оксаны Забужко и др. Однако необходимость такого исследования продолжает подтверждаться украинской медийной практикой изображения женщин-политиков, с одной стороны, и политической гендерной ситуацией в управлении Украиной, с другой.

Еще в 1995 году в своей знаменитой статье «Феминизм» Соломия Павлычко с печалью отмечала невозможность говорить о политическом статусе украинской женщины при общей доле присутствия женщин в Парламенте в 4%. Украинская политика, по словам С.Павлычко, это – мужской клуб, в котором нет ни одной яркой фигуры общегосударственного масштаба, клуб, в котором по-прежнему популярна патриархальная риторика о «возвращении женщины в семью» [4, с.91-92].

Напомним, что в Парламент Украины первого созыва в 1990 году было избрано всего 3% женщин, второго созыва в 1994 – 4,2%. В 1998 году – 8%. В 2002 году – 5,1% женщин. В 2005 году Украина занимала 152 место по представленности женщин в парламентах мира (по данным Межпарламентского Союза IPU), и доля этой представленности составляла 5,3% (24 женщины из 450 депутатов). В Верховной Раде пятого созыва, избранной в 2006 году, женщин-депутатов – 8,2 % (37 женщин из 450 депутатов). Не более 8% женщин ожидается в Верховной Раде после выборов сентября 2007 года: по данным ДИСИПА, это подтверждает структура избирательных списков ведущих партий и блоков (Партия регионов – 7% женщин, Блок Юлии Тимошенко – 7%, НУ-НС – 13%, КПУ – 13%, СПУ – 3%, всего ориентировочно 8%).

Если эти показатели сравнить с соответствующими показателями стран-членов Совета Европы, то Украина оказывается на предпоследнем месте (меньшее представительство женщин только у Турции – 4,4%). За годы независимости Украины председателем Верховной Рады Украины и его заместителями традиционно избирались мужчины, из 25 парламентских комитетов только 1-2, как правило, возглавляют женщины (по данным Луганского областного центра работы с женщинами). Общая политическая тенденция – чем выше уровень представительства, тем меньше женщин в нем представлено. Так, из общего количества депутатов Донецкого областного совета (150) только 13 – женщины (8,6%), свыше 200 женщин являются депутатами городских советов в Донецкой области, около 250 – районных советов (по данным Донецкого пресс-клуба реформ «Формирование в Украине и на Донеччине целенаправленной гендерной политики» – 7.12.2006).

То есть количественно ситуация изменяется очень медленно и не принципиально. Определенной попыткой сломать гендерный дисбаланс в парламенте был законопроект о выборах народных депутатов, содержащий норму, по которой в каждой пятерке избирательного списка должно быть не менее одной женщины. Но эта норма не про-

шла, поэтому потенциального не менее чем 20% женского представительства в Верховной Раде пока так и не случилось.

Но дело не только в количественных показателях, скорее более симптоматичным является именно современный гендерный контракт «женщина-политик». Во-первых, он определяется оценкой социума. В Украине в 1995 году политика в оценках респондентов женской и мужской сфер деятельности только тридцатью процентами опрошенных считалась возможно женской, а семьюдесятью процентами – исключительно мужской. В 1994-1995 г.г. за женщин голосовало только 3% мужчин, но и всего 13% женщин. По наблюдениям и социологическим данным, представляемым Светланой Оксамитной в знаменитом коллективном исследовании «Гендерная перспектива» в 2004 году, 60% украинских мужчин считают себя «более пригодными», лучшими в роли политических лидеров, чем женщины. Но и каждая третья украинская женщина разделяет это мнение. [5, с.145] В 2006 году, по данным центра «Социс», позитивно оценивают женщин-политиков 24,5% избирателей; неопределенно, но скорее позитивно – 21%; в то время как 8,5% - категорические противники присутствия в политике представительниц «слабого пола».

Во-вторых, важна сама модель поведения женщин-политиков. По наблюдениям С.Павлычко, эта женская модель в украинском политикуме определяется желанием утверждаться в качестве успешного участника мужской элиты: «1) за вихованням, освітою, поведінкою, поглядами (зневагою до жінок і жіночого) я така ж, як ви, тобто чоловік, який просто має статеві ознаки жінки; 2) однак я вмію, де потрібно, користуватися своїми статевими особливостями, тобто своєю жіночою привабливістю» [4, с.94]. Поведенческая модель типа «своя среди чужих, чужая среди своих», так же как и количественные показатели, мало изменились с 1995 года. Поэтому вряд ли является случайным зачастую искривленный, во многом дискриминационный гендерный контракт украинской женщины-политика в отечественных СМК.

Одной из перспективных современных гендерных стратегий средств массовой коммуникации является необходимость изменения практики «двойных стандартов» в отношении женщин и стремление избегать сексистского формирования образов женщин-политиков в СМИ (по материалам тренинга «Редакционная политика СМИ по отношению к гендерной тематике», г. Донецк, 28 -29 января 2006 года). Но вопреки этому изображение журналистами женщин-политиков часто осуществляется именно с позиций двойных стандартов. В медиа-тексте формируются определенные модели, стереотипные матрицы гендерного контракта, которые, как правило, маркируются следующим образом.

1. Акцентирование исключительности самого присутствия женщин в политике, редкости и даже экзотичности этого явления на фоне маскулинной политической нормы.
2. Подчеркивание их «женских уловок» и роли женского обаяния, внешних данных, красоты, роли влиятельных мужей в политическом карьерном росте.
3. Иронически-сниженное выпячивание их «специфически женских» качеств типа «женской логики», «женской хитрости и изворотливости», «типичной женской чувственности и эмоциональности в ущерб разуму» и т.п.
4. Комplименты женщинам-политикам в подчеркивании их «мужского характера», «силы, несвойственной слабому полу», «мужского склада ума» и т.п.
5. Навешивание ярлыков, стереотипных по своей сути.
6. Стилистическое снижение оценки, тон пренебрежительности и покровительственности за счет называния женщин-политиков уменьшительными именами, за счет фамильярности обращения.

Общий тон такого изображения отмечала С.Павлычко двенадцать лет назад: «Я недавно бачила передачу з Юлією Тимошенко. І журналісти ставили їй вульгарні питання. Нібито вона досягнула всього тільки тим, що комусь вчасно посміхнулась чи ще щось. Мене особисто це вразило. Людина, незалежно від того, чоловік це чи жінка, може стати добрым політіком. А ці вульгарні натяки просто некорисно вживати у політи-

ці. Політика має бути чистою від цього. Це стосується навіть тих жінок-політиків, яких я категорично не сприймаю, як, наприклад, Наталя Вітренко. Не можна було казати Віктору Пинзенику, що її місце на кухні. Це не той діалог» [4, с.308].

Проиллюстрируем подобный подход недавними примерами из украинских СМК. Само представление женщин-политиков в прессе, как правило, сопровождается каким-либо образно-эмоциональным выражением, всегда оценочным по сути. При чем в основе этой оценки лежит именно маскулинная политическая норма. Обычно женщин-политиков называют «*политиками в юбках*», «*мужиками в юбках*», «*украшением политического Олимпа*», «*парламентским (правительственным, министерским) слабым полом*», «*прекрасной половиной парламента (правительства)*» и т.п. В украинском политикуме часты определения типа «*амазонки политического Олимпа*» или «*казаки в юбках*», по отношению к Юлии Тимошенко встречается даже определение «*самурай в юбке*».

Чрезвычайно показателен в этом смысле материал донецкой газеты «Салон – пятница» под говорящим самим за себя заголовком «*Юлия Тимошенко: женщина или мужчина?*» (Салон – пятница. – 11.02.2005). В этой статье предпринята попытка оценить феномен Юлии Тимошенко как «симвоз женщины и мужчины», правда, все время делая крен в сторону «*коварной женственности*», «*глубоко спрятанных женских преимуществ*», «*гениальной актрисы уровня Голливуда*» и т.п. Цитируя слова политолога Виктора Небоженко о Юлии Тимошенко, Евгений Ясенов то подчеркивает ее мужскую силу: «*Среди украинских политиков по силе духа ей равных нет*», то умение женщины-politika «*безошибочно дозировать свое обаяние*: «*Сколько нужно: 20 или 200 процентов. Собеседник был ошеломлен, Юлия оставалась холодна*». Если это и Голливуд, то совсем не беззащитная Одри Хепберн, а скорее – Кэтрин Тремелл, героиня Шарон Стоун из «*Основного инстинкта*». Красотка, играющая мужчинами с *холодной рассчетливостью пантеры*» (Салон – пятница. – 11.02.2005).

Еще более говорящими по сравнению с комплиментарным подчеркиванием мужских качеств в женщинах являются якобы нейтральные, номинативные обозначения для женщин-политиков: *чиновница*, *оппозиционерка* или *оппозиционерша*, *революционерка*, даже *лидерка* и *премьерка* (эти неэтически перекрученные украинские слова, помещенные в русскоязычный контекст, употребляются, к сожалению, очень часто – как в пору первого премьерства Юлии Тимошенко, так и сегодня).

В любом случае такие ярлыки предполагают оценочную снисходительность по отношению к редким «видам» женщин – к женщинам-политикам. Показательны здесь и отношение к наличию женщин в избирательных списках партий, которое преимущественно оценивалось медиа как экзотика, и «чисто женские» заголовки. Таковы, например, выносимые на обложку «Корреспондента» - 2005 «Чего хочет Юля», явно перефразирующий известную сентенцию «Чего хочет женщина – хочет Бог», «Юля: Красивый выбор», «Тимошенко: всегда в белом»; «Внепарламентские дамские истории» (Газета «2000». – №9 (356). – 02.03.2007); «Дама сердца: Юлия Тимошенко», «Женская рота» – статья о женском представительстве в украинском парламенте (Корреспондент. – 11.08.07. – №31 (270) и т.п.

Комментируя политические события с участием женщин, журналисты, как правило, акцентируют «женскость» вопроса. Одним из последних ярких примеров может служить изображение скандала вокруг судьи Конституционного суда Сюзанны Стадник со следующими подзаголовками и врезками: «Женский взгляд», «Женщина, которая берет?» и т.п. (Корреспондент. – №15 (254). – 21.04.2007).

Почти обязательным в изображении женщин-политиков в СМК считается акцент на их внешности, обаянии или его отсутствии, ухоженности, стиле одежды и т.п. В украинском политикуме рекордсменом по интересу такого рода к своей особе является Юлия Тимошенко, но и другие женщины-политики, находящиеся на виду, не могут избежать такого отношения к себе со стороны журналистов в интервью и аналитически-

публицистических материалах. Подобная тенденция связана с подтверждением журналистами гендерного стереотипа по поводу того, что есть «исконно женские» сферы интересов, и это – секс, семья, внешняя привлекательность и мода.

Так, характеризуя «женскую роту» украинского парламента пятого созыва, журналист «Корреспондента» Ирина Сандул считает необходимыми следующие ремарки:

«...43-летняя Ксения Ляпина...(на ее массивном офисном столе – белая женская сумочка)...

Вера Ульянченко...(в белой кофточке с вышитой золотом кошечкой)...

Анна Герман...в своем кабинете она собственноручно разливает журналистам чай...» (Корреспондент. – 11.08.07. – №31 (270).

Нормативными для разговора с женщиной-политиком считаются комплименты ее внешности, манерам, одежде и аксессуарами и т.п. Например:

«*Инна Богословская! Ну, во-первых, вы обаятельная и красивая женщина. А во-вторых, верите ли вы, что Украина при ваших детях станет европейской страной?*» (ua.for-ua.com).

«Христина Гусєва: *Є політики, а є Юлія Тимошенко. Вона диктує моду як у світі моди, так і в політиці*».

«Лілія Подкопаєва: *Мені дуже вона подобається саме як жінка. Дуже важко бути серед чоловіків, які весь час хочуть її укусити. Імовіль не все, що вона робить, є правильним, але не нам критикувати*» (ПРАВДА.com.ua).

В этом же ракурсе восторженно оценивает Юлию Тимошенко корреспондент «The Scotsman» в 2001 году: «Самое очевидное, что может быть о ней сказано, – она красива. Кожа молочно-белого цвета, волосы отливают насыщенным черным, глаза темны, как кофейные зерна. Ее лебединая шея и прямая осанка акцентируются определенной манерой поведения – элегантностью в стиле Одри Хепберн и чего-то давно забытого, как героини старинных сказок» (Салон – пятница. – 11.02.2005).

Наиболее ярко эти представления отражаются в знаменитых обсуждениях отечественными медиа причесок и нарядов Юлии Тимошенко, их стоимости, качества и уместности. Активно включились в это обсуждение и российские СМК. Существует даже несколько «специальных» сайтов, где в режиме интернет-конференций всерьез обсуждаются вопросыдресс-кода первой леди украинской политики.

Напомним, как описывалось первое избрание Юлии Тимошенко на должность премьер-министра на заседании Верховной Рады: «Ющенко з'явився в залі о 12 годині. Через 15 хвилин розповіді про те, що буде робити новий уряд, він запропонував Тимошенко на посаду прем'єра. Тимошенко в цей час сиділа в ложі уряду у сіро-блакитній сукні з рукавами-ліхтариками, які закінчувалися чорними гітровими вставками. По традиції Тимошенко за плема косу» (ПРАВДА.com.ua). «3 февраля, в самый главный для себя день, Тимошенко выглядела подчеркнуто строго: на руках никаких украшений, минимум косметики на лице, и лишь ажурная вставка на спине оригинального серого платья бросала вызов традиционному стилю» (Корреспондент. – №1 (190). – 12.01.2006).

Окончание летних парламентских каникул изображается под заголовком «*Новые платья оппозиционерки*» следующим образом: «Юлия Тимошенко всерьез готовится к политическому сезону осень / зима-2006...» (Корреспондент. – №35 (224). – 09.09.2006). Визит Юлии Тимошенко в США в марте 2007 года комментируется аналогичным образом в статье под заголовком «*Коса по-американски*»: «В скромном серо-голубого цвета костюме, без своих знаменитых романтических бантов и рюшей – именно такой предстала перед американцами Юлия Тимошенко в первый день своего визита в США» (Корреспондент. – №9 (248). – 10.03.2007). Даже попадание Юлии Тимошенко на четвертое место в рейтинге «Корреспондента» *Top-100* 2007 года описывается в тех же образах: «Женщина в белом свитере, с красным сердцем на груди и уже неизменной косой

вокруг голови довела-таки страну до внеочередных парламентских выборов» (Корреспондент (спецвыпуск). – 17.08.07. – №32 (271).

Не случайно, и неприятие действий женщин-политиков чаще всего обозначается по линии комплиментов или анти-комлиментов их внешности. Например, программу правительства, с которой выступила Юлия Тимошенко в парламенте, с чьей-то легкой руки называли «фантазиями привлекательной женщины» (Корреспондент. – №1 (190). – 12.01.2006), финансирование политической программы Ю. Тимошенко Игорем Коломойским объяснялось тем, что «об этом его настоятельно просила одна красивая женщина» (Корреспондент (спецвыпуск). – 17.08.07. – №32 (271)). Донецкая пресса зачастую представляла деятельность Тимошенко в подобном духе: «Вот сайт премьерки, но там одни портреты во всех ракурсах, в том числе и весьма неудачных, подчеркивающих оттопыренные уши и демонстрирующие безвкусицу неудобных нарядов, предназначенных скорее для интимного вечера в будuarе, а не для официоза госслужбы» (Город. – №27 (674). – 8.07.2005).

Такие аргументы бывают более изящными, как галантные замечания Виктора Пинчука: «Я голосовал за Тимошенко. Как даме и премьеру я готов подать руку. Но она должна первой подать ее как дама» (Корреспондент. – №1 (190). – 12.01.2006), или завершение анализа феномена Тимошенко в эссе Данила Яневского: «Зауваження чоловіка на адресу жінки – справа глибоко неприродна, антигуманна та асоціальна. Адже у нас, мужчин, по життю хіба що один серйозний обов'язок – служити їм і захищати їх. За будь-яких умов та обставин. І обов'язково любити. Такими, якими вони є. Решту вони зроблять самі. Адже – Жінки» (Д. Яневський. Обличчя «помаранчевої» революції. – Х.: Фоліо, 2005). Могут быть более грубыми и прямолинейными, как в интервью с Тарасом Черновилом: «Знаете, когда у нас с Юлией Тимошенко нормальные отношения? Когда она распускает косу. А с косой Юлия Владимировна сама себя, по-моему, не узнает» (Бульвар Гордона. – №10(98) – март 2007). Или знаменитая красноречивая цитата из выступления в Верховной Раде: «Отрадно, что в украинской политике есть красивые женщины. Их деятельность вносит неповторимый шарм в законотворчество» [6, с.16].

В любом случае этикетность такого рода, независимо от того, со знаком плюс или минус, снижает саму возможность серьезного разговора на равных, анализа личности женщины-politika именно как политика, а не как женщины. Вероятно, усталость от подобного рода оценок ее «женственности» и вынудила Юлию Тимошенко произнести знаменитую фразу: «Кучма сказал, что я давно уже не женщина? Это для меня самый большой комплимент!».

Известный украинский журналист Андрей Окара считает главной бедой украинской политики именно ее женственность. В украинской политике, по мнению журналиста, слабый пол – это сильный пол, самые яркие фигуры в ней – женщины: Юлия Тимошенко, Наталья Витренко, Ярослава Стецько, в украинской политической журналистике – та же ситуация.

«В українській політиці мало жінок в біологічному відношенні. Абсолютна більшість українських політиків носить штани. Але не факт, що всі вони — чоловіки. Якраз навпаки, біологічні чоловіки відтворюють жіночий стереотип поведінки, у них розмите чоловіче світосприйняття та світогляд, чоловічий тип аналізу, чоловіче ставлення до навколошнього, їм властива аморфність, безвільність, субпасіонарність, «фанаріотизм», безхребетність, дитячі комплекси (у т.ч. кастраційний).

Переважна кількість українських політиків-чоловіків фатально нездатна приймати стратегічно значимі рішення, брати на себе відповідальність, у них відсутня воля до опору, дух самозречення, віddаність яким би не було ідеалам, вони не готові нести на собі тягар «конфліктних істин»…

Спроможність до формотворчості, виробка власної думки, власної самодостатньої позиції є саме чоловічою ознакою, тоді як жіночою – наслідування шаблонів або відоме українське «контрасне відштовхування» од відповідного російського досвіду». (ПРАВДА. com.ua)

Подводя итоги этих размышлений, А.Окара полагает, что если «вечное бабство» – проблема России, то для Украины это еще более значимо, для нее «бабство» – «системное начало». Разумеется, публицист имеет право на провокативные заявления, но вряд ли подобная иерархия мужественности – женственности способствует выравниванию проблемы гендерной сегрегации.

Не выравнивают эту ситуацию и стереотипные ярлыки, навешиваемые СМК украинским политикам-женщинам. Многие из них уже упоминались выше. Снова-таки рекордной здесь является личность Юлии Тимошенко. Она – и «Главная революционерка», «Символ Майдана», «Украинская Жанна Д'Арк» («Известия», «Корреспондент», «Зеркало недели»); и «Пламенная оппозиционерка», «Украинская Мадонна», «Газовая принцесса», «Оранжевая принцесса», «Леди Ю» в преобладающем количестве украинских медиа; и «Миледи Ю», «Великомученица Юлия» и «ONLY Ю» (с явно негативным стилистическим оттенком); и даже «Самурай в юбке» и «УКРАИНOMAMA» («Корреспондент»).

Но подобного рода «ярлыки» преследуют отнюдь не только самую харизматичную женскую персону украинского политикума. Приведем в качестве иллюстрации один фрагмент из популярной донецкой газеты: «*Еще в 1999 прогрессивная «леди Конотоп» собиралась возглавить украинское правительство при президенте Петре Симоненко и даже якобы подписывала с главным коммунистом соответствующие договоренности «во имя победы над Кучмой».*

Кучму победили, как известно, без помощи «бурнопламенной Наташи» – скорее даже наоборот, вопреки ей. Наталью Витренко наши брат-журналиста называет порой «Жириновским в юбке» – за умение взбивать атмосферу и лезть в любую лужу, не особенно выбирая выражения и не слишком отвечая за сказанное вчера. А ведь прозвище дадено не зря! Как бы стремясь это доказать, в ее пользу замолвил словцо лично «Витренко в штанах» – Владимир Жириновский, либералиссимус российской демократии» (Донецкий кряж. – №20. – 26.01.2006). По количеству стереотипных гендерных ярлыков на единицу текста – это чуть ли не печальный медиа-рекорд по несоблюдению этических журналистских норм.

Тем более неэтично называние женщин-политиков в СМК пренебрежительно-уменьшительными именами, типа подобного: «*26 марта может приблизить это время или отдалить. Проголосуете за либералов, как голосовали до сих пор, поверите их политтехнологическим выходкам, сладким речам юль, наташи, инн – так в яме и будем сидеть. Проголосуете за социалистов – выйдем к свету, построим жизнь, как в Европе*» (Товарищ. – №17 (807). – февраль 2006). Разумеется, очевидно желание партийной газеты представить позитивный имидж партии за счет унижения оппонентов, но показателен именно факт неэтичного оппонирования женщинам-политикам. При всем накале политической борьбы мужчины-политики называли друг друга по-разному, СМК также именовали их часто нелицеприятно, но до пренебрежительных «вить, лёнь» и т.п. не доходили.

Название Юлии Тимошенко *Юлей* стало уже нормой и политической, и медийной практики. К уже приведенным добавим несколько примеров из одного из наиболее сдержаных и корректных изданий современной Украины – журнала «Корреспондент». Отставку Ю. Тимошенко сопровождал комментарий под заголовком «*Юля уволена*» (Корреспондент. – №35 (174). – 10.09.2005). Перебирая варианты вождей новой волны политического ренессанса, журналист Егор Соболев прибегает к игре гендерными номинативными контрастами: «*Юрий Костенко? Влад Каськів? Виктор Балога? Да Юля же, кто же еще!... Луценко тоже хочет роль лидера Сопротивления, но разве он – Жанна Д'Арк? Разве он в Украине всех румяней и белее? К Юле все пойдем*» (Корреспондент. – №5 (244). – 10.02.2007). На новость о создании объединенной оппозиции журнал отзываются называ-

нием Вячеслава Кириленко «Юлиным партнером» (Корреспондент. – №8 (247). – 03.03.2007). Даже в карикатурах четыре варианта Конституции на трибунах рядом с выступающими политиками обозначены как «Конституция Украины от Ющенко», «Конституция Украины от Мороза», «Конституция Украины от Януковича», но «Конституция Украины от Юли» (Корреспондент. – №26 (265). – 07.07.2007).

В целом проведенный анализ позволяет сделать вывод о явной гендерной асимметрии в современном изображении женщин-политиков в украинских СМК, о формировании гендерного контракта «женщина – экзотический экземпляр политика в юбке, некое отклонение от нормы – политика-мужчины». Эта тенденция отнюдь не специфична для отечественных медиа. По данным Глобального проекта мониторинга, посвященного исследованию гендерного баланса мировых СМИ (16 февраля 2006 года в 76 странах мира), голоса женщин и их точка зрения маргинализируются в мировых СМИ. Женщины, составляющие 52% от всего населения планеты, занимают не более 21% процента от всех представленных в новостях фигур. Лишь 8% материалов о политике или работе правительства принимают в расчет интересы женщин [7, с.87].

Мониторинг СМИ в Украине, проводившийся с 1999 по 2003 год по инициативе Программы равных возможностей ПРООН дает аналогичные данные. Анализ текстов ведущих газет показывает, что женщины упоминаются в 5,5 разе, чем мужчины, политика оценивается журналистами как «мужское дело» на 96,3%. На национальном телеканале УТ-1 человечество на 94% представлено мужскими именами и образами (в политических новостях этот процент еще выше – 96,7%). При изображении мужчин-политиков основной акцент делается журналистами на их организаторских способностях, предыдущей карьере и т.п., при изображении же женщин-политиков – на привлекательной внешности, семейных чертах, позитивных моральных качествах [6, с.5-7].

Формирование нового гендерного контракта сегодня во многом зависит от средств массовой коммуникации. Именно СМК в их осознанном желании оказаться от распространения и утверждения гендерных стереотипов, в подлинном, а не постулируемом соблюдении этических норм равноправия полов, могут и должны стать неискривленным зеркалом позитивных гендерных сдвигов в современном социуме, полем создания реального, а не мифологизированного и стереотипизированного гендерного контракта, в том числе и контракта «женщина-политик».

РЕЗЮМЕ

Статтю присвячено сучасним тенденціям в зображенії жінок-політиків в українських засобах масової комунікації. Цей аналіз подано в аспекті теорії гендерного контракта.

SUMMARY

The article is devoted to the modern tendencies in description of women-politics in Ukrainian mass media. This analysis treated as aspect of gender contract theory.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Ратилайнен С. Женский журнал и гендерный контракт. // Журналист. – 2006. – №12
2. Строгинов К. Чужды прелести.// Корреспондент. – №28 (267). – 21.07.2007
3. Такс М. Гендерная цензура в современном мире. // Журналист. – 2006. – №6
4. Павличко С. Фемінізм. – К.: «Основи», 2002
5. Гендерна перспектива./ Упор. Віра Агеєва. – К.: Факт, 2004
6. Гендерні ресурси українських мас-медіа: ціна і якість: практичний посібник для журналістів та працівників ЗМІ. – К.: «К.І.С.», 2004
7. Томина И. Кто делает новости? // Журналист. – 2006. – №9.

Надійшла до редакції 19.09.2007 р.

ІСТОРІЯ

УДК 902 (4-11) "6373/75"

ОБСТАВИНИ І ЧИННИКИ БАБИНСЬКОЇ КУЛЬТУРОГЕНЕЗИ

P.O. Литвиненко

Постанова питання, історіографія. Проблема походження археологічного феномену, що існував у 22-18 ст. до Р.Х. між Нижньою Волгою і Нижнім Дунаєм, традиційно відомого під дефініціями *бабинська культура* (БК) або *культура багатоваликової кераміки* (КБК), а останнім часом підвищеного до таксономічного рангу *культурного кола Бабине* [1], порушувалася неодноразово. Однак до концептуального рівня доводилася дослідниками вона далеко не завжди. Якщо не брати до уваги цікаве лише з історіографічного погляду, але не підтверджене подальшими дослідами, припущення С.С.Березанської щодо існування «культурної близькості» поселень типу Бабине III з пам'ятками типу Глина III Румунії [2, с. 41], то слід констатувати, що першу справжню концепцію походження БК обґрунтував С.Н.Братченко [3, с. 334, 342-343; 4]. Генезу БК дослідник розглядав у контексті загальноєвропейського синтадіального процесу зміни культур шнурової кераміки почтом культур з рельєфною, в тому числі валиковою і прокресленою, орнаментацією посуду. У Причорноморсько-Каспійській області процес супроводжувався значними культурними зрушеними, взаємопрониканнями степових і лісостепових катакомбних елементів (з перевагою останніх), появою пам'яток змішаного характеру, подальшою інтеграцією та оформленням культури нового типу, яка увійшла до складу посткатакомбної та постшнурової спільноти. Причини та внутрішній зміст цих складних процесів залишилися невідомими і не піддавалися вилученню з археологічних джерел. Поширення культури на теренах Причорномор'я трактувалося як результат міграційних процесів.

Концепція С.Н.Братченка набула подальшого розвитку й трансформації в працях українських археологів. Найбільш значущим її доповненням став підхід, згідно з яким становлення БК розумілося як своєрідне відновлення чи реанімація ямного культурно-етнічного компоненту з включенням його, разом з катакомбним, до складу культурного субстрату Бабине. Цей погляд, що його було висловлено з дещо відмінними авторськими акцентами І.Ф.Ковальовою та І.О.Післарієм [5, с. 22-23, 30; 6, с. 15, 19], сприяла розумінню чинників бабинської культурогенези. До речі, невдовзі з приводу циклічного відродження в бабинському похованальному обряді та ідеології пізньоямних традицій став писати й сам С.Н.Братченко [7, с. 23; 8, с. 225].

Альтернативну концепцію утворення КБК запропонувала С.С.Березанська [9, с. 6; 10, с. 41-42]. Культура у своїй основі розумілася дослідницею як місцева, а утворення її варіантів розрізнювалося як одночасне, чим заперечувався осередковий сценарій культурогенези та міграційний варіант її поширення. Наявність локальних варіантів пояснювалася перш за все різницею місцевого підґрунтя, на якому ці варіанти утворювалися. Одним з необхідних чинників культуротворення С.С.Березанська вважала наявність зовнішніх імпульсів чи міграційних хвиль, а у випадку з генезою КБК пов'язувала витоки такого поштовху з носіями колісничих культур.

Остання сюжетна лінія з часом набула певного розвитку й перетворилася у ще одну концепцію походження БК, висунуту В.В.Отрошенком [11, с. 30]. Сутність її поля-

гає в розгляданні БК як продукту південноуральського осередку культурогенези. Загальний культуротворчий сценарій зводився до просування воїнських колісничих загонів синтетичної культури з Південного Уралу на захід, до басейну Середнього Дону, де вони, з одного боку, започаткували утворення доно-волзької абашевської культури (ДВАК), а з іншого – своїм прямим вторгненням поклали кінець середньодонській катакомбній культурі, витіснивши рештки її населення на південь і тим самим започаткувавши її трансформацію в БК.

Своєрідним переспівом концепції В.В. Отрощенка можна вважати підхід С.М. Санжарова, який щойно наведений сюжет територіально зсуває з Середньої Донщини на Сіверськодонеччину і намагається підкріпити його непевними матеріалами поселень, водночас ігноруючи надійний фактаж курганних могильників [12, с. 21-25].

На окрему увагу заслуговує оригінальна гіпотеза І.Т. Чернякова, згідно з якою КБК є породженням Балкано-Дунайського осередку культурогенези [13]. На думку дослідника, витоки процесів, що надалі привели до утворення КБК, слід шукати у поширенні племен катакомбної культури на захід, в ході якого відбувалася асиміляція місцевих степових культур Північно-Західного Причорномор'я і водночас витіснення частини аборигенного населення в Балкано-Подунав'я та Прикарпаття. Ефект “стиснутої демографічної пружини” призвів до різкого виплеску степового населення з Балкано-Дунайського регіону назад на схід, де воно “взяло активну участь у створенні низки культур нової культурно-історичної спільноти, відомої як КБК”.

Згадаємо ще одну версію походження БК, більш умоглядну й інтуїтивну, ніж аргументовану, що запропонована С.А. Григор'євим. На його думку, формування КБК було стимульоване просяканням у Надчорномор'я популяції із Закавказзя [14, р. 400].

Жодна з наведених точок зору не позбавлена певних вузьких місць, а відтак не може бути прийнятною беззаперечно. Жодна з них не знаходить повної відповідності в усьому комплексі археологічних джерел, не охоплює всієї системи хронологічних взаємозалежностей, належним чином не пояснює всіх аспектів культурних зв’язків чи впливів. Тому, окрім об’єктивної складності проблеми, є доволі банальне пояснення: серед представлених концептуальних підходів немає жодного, що являв би собою результат цілеспрямованого фундаментального дослідження всієї сукупності археологічних пам’яток культурної області Бабине. Практично ж усі згадувані гіпотези або базувалися на обмеженій джерельній базі, або носили вузько локальний характер, або ж виникли як побічний продукт іншого дослідження. Водночас, наведені точки зору нерідко містять певне раціональне зерно і не можуть повністю ігноруватися. При цьому на особливу увагу заслуговує концепція С.Н. Братченка, яка вирізняється на тлі інших своюю глибиною, проникливістю, опрацьованістю на теоретичному й джерелознавчому рівнях і тому розцінюється нами як найбільш переконлива, а водночас придатна для удосконалення. Крок у цьому напрямку нещодавно зробив сам автор концепції, запропонувавши дещо модернізований її варіант, в якому з’явилось декілька нових позицій (на наш погляд, неоднаково вдалих). Зокрема були взяті на озброєння концепції блоків культур та волго-уральського вогнища культурогенези В.С. Бочкарьова, а процеси утворення колісничих і посткатакомбних культур стали розглядатися в єдиному хронологічному й причинно-наслідковому контексті [8, с. 224-226]. Більш значущим і перспективним видається висновок С.Н. Братченка щодо певної повторюваності (зі своєю специфікою) культурогенетичних процесів, що мали місце на рубежах ранньої/середньої та середньої/пізньої бронзи, а також припущення стосовно підключення до цих процесів культур азійського регіону [8, с. 230].

Дослідження. Як правило, намагаючись розв’язати проблему походження БК, фахівці зосереджувалися на виявленні її зв’язку з попередніми археологічними утвореннями, перш за все катакомбної культурної області, не приділяючи належної уваги розкриттю причинності цього процесу. Виключеннями з цього правила можна вважати

спроби пов'язати генеруючий імпульс з культурами бойових колісниць Доно-Волго-Уралля. Попри свою привабливість і ефектність, ці підходи не знаходять належного підтвердження на рівні джерел, оскільки останні не можуть засвідчити хоч би незначний хронологічний пріоритет колісничих культур перед бабинською, а також не виявляють в археологічному комплексі бабинської культури жодної новації, яка б достеменно виводилась виключно з колісничого середовища, а відтак визначала б вектор культуротворчого імпульсу [15].

Водночас значна частина виділеного блоку новацій ДДБК знаходить вражаючі відповідності в культурах бронзового віку Карпато-Подунав'я та Кавказу. З окремими культурами/групами цих регіонів ДДБК пов'язують стійкі серії типологічно близьких і навіть тотожних прикрас та елементів вбраних: бронзові гравіювання, багатоспіральні браслети й окуляраподібні підвіски, кам'яні точильні бруски (за іншим тлумаченням – захисні зап'ясні пластини лучника) з парними отворами або проточинами на кінцях для прив'язування, гачково-планкові пряжки, рогові/кістяні кільця-пряжки. Щоправда, з Карпато-Дунайського регіону неможливо вивести такі категорії прикрас, як фаянсове бородавчасте/ріжкове й пелюсткове намисто, що визначає кавказький вектор впливу, де подібні вироби є не просто масово представленими, а й мають глибоку місцеву традицію виробництва, зокрема й металеві прототипи, хоча витоки цього напрямку ювелірної справи зазвичай пов'язують з Переднім Сходом. Натомість з Кавказом навряд чи вдається пов'язати визначальну для ранньої ДДБК обрядову норму протиставлення походжань за статевою ознакою, характерну саме для культур шнурового та епішнурового горизонтів Європи [16, с. 231-232].

За таких обставин віддати перевагу якомусь одному – кавказькому або середньо-європейському – напрямку зіставлень, а відтак визначити можливий вектор культуротворчого імпульсу, що привів до генези ДДБК, не видається можливим. Та й навряд чи такий спосіб вирішення проблеми за існуючих обставин можна вважати коректним, адже будь-який з однозначних варіантів відповіді на поставлене питання призведе до ігнорування певної кількості вищеперечислених фактів, оскільки не зможе їх пояснити. Ось чому ми схиляємося до висновку, що утворення первинної бабинської культури (Дніпро-Донської – ДДБК) відбувалося під впливом не одного, а одразу двох крупних осередків культурогенези – Кавказького та Карпато-Дунайського. Саме в такому контексті набуває сенс і може бути прийнятною згадувана гіпотеза І.Т.Чернякова щодо КБК як продукту Карпато-Дунайського осередку культурогенези. Під визначенім кутом зору слід розглядати й новітній підхід В.С. Бочкарьова, на думку якого центр кавказького осередку культурогенези у фіналі СБВ перемістився на Північно-Східний Кавказ, у Чечню й Дагестан, де були сформовані новації, що лежать в основі розвитку пізньокатаомбних культур Передкавказзя й КБК [17, с. 212].

Розглядаючи проблему походження археологічного феномену Бабине, не можна оминути такого аспекту, як виявлений паралелізм у розвитку культур Карпато-Подунав'я та Кавказу, на перший погляд навіть парадоксальний, з огляду на двохтисячокілометрову відстань між двома регіонами, до того ж відокремленими басейном Чорного моря. Не маючи можливості предметно зупинитись на цьому питанні, побіжно відзначимо, що на такого роду паралелі, причому завжди пов'язані виключно зі сферою металовиробництва (переважно прикрас) і простежені для різних етапів бронзового віку, вже неодноразово звертали увагу дослідники, даючи їм більш-менш переконливі пояснення [13, с. 63; 17, с. 210-211; 18, с. 70-71; 19, с. 25; 20]. На особливу увагу серед існуючих точок зору заслуговує підхід, який пояснює існуючі кавказько-карпатські паралелі, спільними традиціями металообробки, витоки якої в обох випадках сягають Близького Сходу, а шляхи потрапляння до названих регіонів різняться – через Закавказзя та Балкани [21, с. 144-149].

Отже, в Донецько-Дніпро-Азовському регіоні наприкінці середнього бронзового віку дивним чином збіглися два зустрічно спрямовані і в чомусь близькі культуротворчі імпульси (кавказький та карпато-дунайський), які прискорили або довели до завершення глобальні синтадіальні процеси зрушень і змін, що охопили катакомбну область на пізнньому етапі її розвитку та спричинили трансформацію донецько-донських катакомбних груп у ДДБК, збагативши місцеве культурне підґрунтя виразними новаціями. Бабинську культурогенезу, таким чином, можна розглядати як приклад реалізації моделі взаємодії двох типів розвитку – *стимульованої трансформації та запозичення*, що привели до *культурного синтезу і симбіозу* [22; 23].

Природно виникає питання: чому кавказький та карпато-дунайський культуротворчі імпульси перетнулись саме в Донецько-Дніпро-Азовському регіоні, а не якомусь іншому місці? На наш погляд, цьому можна дати таке пояснення. Достеменно відомо, що одним із головних, якщо не найважливішим, чинників історичного прогресу, ѹ культуростворчих процесів зокрема, виступає рівень розвитку технологій, перш за все в металовиробництві. Тому не випадково, ѹ в різni періоди палеометалевої епохи визначальну роль в культурно-історичних процесах відігравали регіони, приурочені до більш-менш масштабних зон (осередків) металургії та металообробки. Цим фактором зумовлено й симптоматичний зв'язок культурогенеруючих осередків енеоліту-бронзового віку з металовиробничими центрами Євразії – алтайським, уральським, анатолійським, кавказьким, карпато-балканським, альпійським, піренейським [24, с. 21; 25, с. 259-263; 26, с. 268-270]. У цьому контексті особливого значення набуває та обставина, ѹ майже у центрі первинного осередку ДДБК знаходяться мідні поклади Бахмутської та Кальміус-Торецької улоговин. Незважаючи на те, ѹ експлуатація цих родовищ достеменно документована лише для доби пізньої бронзи, коли на ѹ базі існував гірничо-металургійний центр, існують вагомі, хоча й дотичні, підстави вважати, ѹ розробка перших копалень тут розпочалася раніше, щонайменше за доби середньої бронзи [27, с. 111-112; 28; 29]. До аргументації, ѹ неодноразово наводилася автором на користь причетності носіїв ДДБК до експлуатації мідних родовищ Донбасу [30; 31], долучимо факт присутності бабинської кераміки навколо мідних розробок пізньобронзового віку, а й на техногенному майданчику копальні Червоне озеро-I [32]. З огляду на сказане, стає очевидною невипадковість приуроченості первинного ядра ДДБК до міднорудних родовищ Донецького регіону. Саме ці обставини дали змогу нам висловити думку ѹтворення наприкінці середнього бронзового віку в Донецько-Дніпро-Азовському регіоні локального осередку культурогенезу – бабинського, первинним продуктом якого стала ДДБК [15, с. 148-149; 31, с. 122-123]. Безумовно, донецький гірничо-металургійний центр, а водночас і дніпро-донецький осередок бабинської культурогенези не можуть бути ототожненими за своїми масштабами, потужністю й радіусом дії, тривалістю впливу й наслідками з кавказьким або карпато-дунайським. Вочевидь, за своїм походженням і співвідношенням між собою ѹ можна розрінювати як первинні (Кавказ, Карпато-Подунав'я) та вторинні (Донеччина) осередки. Запропонована нами ідея знайшла підтримку й подальший розвиток у вигляді постанови питання ѹсування Дніпро-Донецького осередку культурогенези, пульсація якого простежується як-найменше протягом неоліту – бронзового віку [33].

Як зазначалося вище, викликана зовнішніми імпульсами й новаціями трансформація пізньокатакомбного середовища супроводжувалася певним відродженням докатакомбних, традицій. На наш погляд, особливі зв'язки, ѹ демонструє ДДБК (та в різній мірі решта бабинських груп) не тільки з безпосередньо передуючим її катакомбним середовищем, а також і ямною культурою, засвідчуєть глибоку автохтонність і певну циклічну безперервність етнокультурного розвитку за доби бронзи на теренах Північного Причорномор'я та суміжних регіонів. Етапи або цикли розвитку (умовно ямний, катакомбний, бабинський), судячи з усього, не супроводжувались суцільними змінами

народонаселення, що, однак, не заперечує більш-менш масштабних переселень в межах регіону та зовнішніх міграцій. Зміни культурних циклів, як свідчить зіставлення послідовних археологічних культур, скоріш за все, супроводжувалися радикальними зрушеними, своєрідними революціями (за С.Н. Братченком), у релігійно-ідеологічній царині, а також можливими зламами у сфері потестарної організації, не обов'язково торкаючись виробничо-господарських систем, зокрема металовиробництва, яке, на думку В.С. Бочкарьова, практично ніколи не піддавалося зворотно-ретресивним, дееволюційним тенденціям. Щоправда, перехід від катакомбної до бабинської доби, майже без сумніву, позначився й суттєвою трансформацією в господарському укладі.

Справа в тім, що за свідченнями палеокліматологів, період утворення блоку постката콤бних культур, зокрема й кола Бабине, дивним і, треба думати, невипадковим чином збігся із з суттєвими кліматичними зрушеними, що відбувалися на початку середньосуббореального періоду не лише на півдні Східної Європи, а значно ширше, і супроводжувалися найбільшою для раннього-середнього голоцену аридизацією та континенталізацією [34-38]. Максимум цієї аридизації припадає не на пізньоката콤бну добу, як вважалося донедавна (тоді цей процес лише розпочався), а саме на постката콤бний період – 4100-3900 рр. тому, з піком близько 4000 р. Кліматичні зміни, що відбулися близько рубежу III-II тис. до Р.Х., фахівці розцінюють як “катастрофічні природні події”, “наймасштабніша палеоекологічна криза за останні 6000 років” [36, с.38-40, табл. 1; 39; 40, с. 181]. Відзначене різке погіршення клімату й катастрофічні зміни навколошнього середовища, безсумнівно, викликали відповідну пристосувальну реакцію з боку скотарсько-землеробських популяцій та привели до змін їхніх господарсько-культурних типів, що, у свою чергу, могло спричинити переорієнтацію у сфері традиційних товарообмінних та культурних контактів. Вочевидь, перші свідчення цих зрушень доходять до нас від пізньоката콤бної доби, що збігається з початком кліматичної аридизації суббореального періоду (третя четверть III тис. до Р.Х.), коли простежуються широтні та особливо меридіональні пересування катакомбних груп, треба думати, викликані необхідністю підвищення рухомості скотарів. Такі способи господарської адаптації традиційних суспільств були типовим явищем в посушливі періоди [35, с. 27; 41, с. 169-170; 42, с. 181-182]. Треба думати, що досягши свого максимуму у фіналі катакомбної доби, рухомий напівкочовий спосіб життя настільки послабив внутрішні зв'язки та основи цілісності катакомбного соціокультурного й потестарного організму, що фактично привів до його деструкції, або ж посприяв цьому процесу, в чому ми поділяємо позицію С.Ж. Пустовалова [42].

Можна припустити, що утворена на уламках зруйнованої нова структура, археологічним еквівалентом якої виступає ДДБК, у своїх владно-організаційних, господарсько-економічних та релігійно-ідеологічних основах була більш життєздатною за попередню, оскільки, продовжуючи існувати в умовах сильної посухи й гострої природно-екологічної кризи, демонструвала ознаки позитивної динаміки й стабільності. Судячи з усього, високим рівнем мобільності, що зумовлювався рухомими формами скотарства, характеризувався ранній етап ДДБК, тоді як пізній етап відзначався значно більшою осілістю. До такого висновку нас схиляє незначна кількість поселень раннього часу, у порівнянні з пізнім періодом. Цей висновок передуває у повній відповідності до даних палеокліматології, які засвідчують деяке поліпшення екологічних умов після 3900/3800 рр. тому, тобто у пізньобабинський період, що пов'язано з початком чергового циклу пом'якшення клімату, збільшенням вологості, зниженням засоленості ґрунтів [36, с.38-40, табл. 1]. Однак цілком можливо, що наведені дані слід розглядати через призму запропонованої К.П. Бунятян для БК гнучкої моделі господарювання з територіальним галузевим розмежуванням, за якої одна частина соціуму (умовно общини) практикує рухомий спосіб життя, випасаючи й доглядаючи худобу, а друга, – мешкає на поселенні, займаючись іншими господарськими й побутовими справами [43; 44, с. 80]. До речі, цю позицію поділяє й

В.В.Отрощенко [45, с. 216-217]. Підбиваючи підсумок цьому сюжету, можемо констатувати, що процес бабинської культурогенези, а за великим рахунком утворення всього посткатакомбного блоку культур, мав безпосередній причинно-наслідковий зв'язок із палеоекологічною кризою середньосуббореального періоду [46, с. 164].

Висновки. Обставини й чинники бабинської культурогенези, прихованої в глибинах більш ніж чотиритисячолітньої давнини, вимальовуються таким чином. Процес бабинського культуротворення розглядається в безпосередньому причинно-наслідковому зв'язку з найбільш масштабною за другу половину голоцену екологічною катастрофою, що спричинила вимушені трансформації в “пізньокатакомбному” та “пізньошнуровому” середовищі Східної Європи: зміну господарсько-культурних типів, переорієнтацію в товарообмінних і культурних контактах, а відтак послаблення або розрив традиційних зв'язків, занепад чи навіть деструкцію потестарних структур, можливу духовну депресію та релігійно-ідеологічну революцію. Внаслідок цього були створені передумови переходу до наступної доби, які відповідає хронологічний горизонт посткатакомбних/постшнурових культур, до якого належать утворення культурного кола Бабине. Важливою складовою цих перетворень слід визнати певний ренесанс давніх “ямних” традицій, зокрема в ідеологічній сфері, перерваних епохою “катакомбного середньовіччя”.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена выявлению обстоятельств и факторов бабинского культурогенеза. Последний рассматривается как результат масштабной экологической катастрофы, которая повлекла за собой хозяйственную, товарообменную и культурную переориентацию, деструкцию потестарных структур и религиозно-идеологическую трансформацию.

SUMMARY

In article the problem of circumstances and factors of genesis of Cultural Circle Babine is discussed. The Babine genesis is understood as result of global ecological accident which has caused economic, goods exchange and cultural reorientation, destruction of potestas (power) structures and religious-ideological transformation.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Литвиненко Р.О. Культурно-таксономічний статус пам'яток типу Бабине III // Історичні і політологічні дослідження. – Донецьк, 2003. – № 3/4 (15/16). – С. 38-45.
2. Березанская С.С. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине // СА. – 1960. – № 4. – С. 26-41.
3. Братченко С.Н. Пам'ятки багатоваликової кераміки // Археологія Української РСР: В 3-х т. – К.: Наук. думка, 1971. – Т. 1. – С. 334-344.
4. Братченко С.Н. К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. – К.: Наук. думка, 1977. – С. 21-42.
5. Ковалева И.Ф. История населения пограничья лесостепи и степи Левобережного Поднепровья в позднем энеолите – бронзовом веке: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – К., 1987. – 34 с.
6. Пислярий И.А. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1983. – 22 с.
7. Братченко С.Н. Пряжки эпохи поздней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы: В 2 ч. – СПб., 1995. – Ч. II. – С. 8-26.

8. Братченко С.Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Матеріали і дослідження з археології Східної України. – № 6. – Луганськ: СУНУ, 2006. – С. 32-311.
9. Березанская С.С. Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. – Донецк, 1979. – С. 4-6.
10. Березанская С.С. Культура многоваликовой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 5-43.
11. Отрощенко В.В. Южноуральский очаг культурогенеза на оси пассионарных толчков // Дено-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: В 2 ч. – Воронеж: ВГУ, 1996. – Ч. 2. – С. 29-31.
12. Санжаров С.М. Східна Україна на рубежі середньої – пізньої бронзи: Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. – К., 2007. – 33 с.
13. Черняков И.Т. Культура многоваликовой керамики – восточный ареал балкано-дунайского очага культурогенеза // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): В 2-х ч. – Донецк, 1996. – Ч. 1. – С. 59-64.
14. Grigoriev S.A. Ancient Indo-Europeans. – Chelyabinsk: Rifei, 2002. – 496 p.
15. Литвиненко Р.А. Южно-Уральский очаг культурогенеза и культура Бабино (КМК): проблема взаимосвязи // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары, 2003. – С. 145-152.
16. Литвиненко Р.А. Опыт выявления пространственно-семантических структур в по-гребальном обряде культуры Бабино // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Т. 3. – Донецк: Дон НУ, 2006. – С. 215-236.
17. Рысин М.Б. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху Бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // Археологические вести. – Вып. 14. – М.: Наука, 2007. – С. 184-220.
18. Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо). – К.: Наук. думка, 1990. – 187 с.
19. Черных Е.Н. Клад из Констанцы и вопросы балкано-кавказских связей в эпоху поздней бронзы // СА. – 1981. – № 1. – С. 19-26.
20. Machnik J. Über die Verbindungen zwischen dem Kaukasus und dem Karpatenbecken am Anfang der Bronzezeit // Zborník Fil. Fak. Univ. Komenského. – 1973. – Musaica 24(13).
21. Kadrow S. Wczesnobrązowa wytwórczość metalurgiczna w stylu wierzbowego liścia // 150 lat Muzeum Archeologicznego w Krakowie. – Kraków, 2000. – S. 141-153.
22. Арутюнов С.А. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. – М., 1985. – С.32-33.
23. Массон В.М. Феномен культуры и культурогенез древних обществ // Археологические изыскания. – Вып. 1: Археологические культуры и культурная трансформация. – Л., 1991. – С. 5-10.
24. Бочкирев В.С. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной части Восточной Европы) // Динамика культурных традиций: механизм передачи и формы адаптации. – СПб., 1993. – С. 66-75;
25. Массон В.М. Эпоха древнейших великих степных обществ // Археологические вести. – № 5. – СПб., 1998. – С. 255-267.
26. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.
27. Клочко В.И. Металлургическое производство в энеолите – бронзовом веке // Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. – К.: Наук. думка, 1994. – С. 96-132.
28. Нечитайло А.Л. К вопросу о роли Донбасса в развитии металлургии эпохи бронзы // Актуальные проблемы охраны и исследований археологических памятников в Центральном Донбассе. – Переяславльск, 1988. – С.15-17.

29. Черных Л.А. О возможности использования медно-рудных источников Донбасса в период энеолита, ранней и средней бронзы // Проблеми гірничої археології. – Вип. II. – Алчевськ: Дон ДТУ, 2005. – С. 293-306.
30. Литвиненко Р.О. До питання про експлуатацію донецьких рудників населенням бабинської культури (постанова проблеми) // Проблеми гірничої археології. – Вип. I. – Алчевськ: ДГМІ, 2003. – С. 44-47.
31. Литвиненко Р.О. До проблеми металовиробництва культури Бабине // Проблеми гірничої археології. – Вип. II. – Алчевськ: Дон ДТУ, 2005. – С. 119-125.
32. Бровендер Ю.М. Черты степановского типа бережновско-маевской срубной культуры в материалах памятников Картамышского археологического микрорайона // Проблеми гірничої археології. – Вип. III. – Алчевськ, 2006. – С. 30-37.
33. Отрощенко В.В. Дніпро-Донецький осередок культурогенези (постановка проблем) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ: Шлях, 2005. – С. 36-38.
34. Александровский А.Л. История почв и климата на Юге России в голоцене // Труды ГИМ. – Вып. 145. – М., 2005. – С. 79-87.
35. Гольева А.А. Взаимодействие человека и природы в Северо-Западном Прикаспии в эпоху бронзы // Труды ГИМ. – Вып. 120: Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. – М., 2000. – С. 10-29.
36. Демкин В.А., Соловьева У.И., Демкина Т.С., Борисов А.В. Палеоэкология Восточноевропейской степи в эпоху энеолита и бронзы // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. – Оренбург, 2006. – С. 37-41.
37. Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене и голоцене. – М.: Наука, 1991.
38. Кременецкий К.В. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Труды ГИМ. – Вып. 97: Степи и Кавказ. – М., 1997. – С. 30-45.
39. Демкин В.А., Демкина Т.С., Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Борисов А.В., Борисов А.В. Природная периодизация бронзового века Нижнего Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара, 2001. – С. 368-371.
40. Демкин В.А., Демкина Т.С. Палеоэкологические кризисы и оптимумы в степях Нижнего Поволжья в IV-II тыс. до н.э. // Труды ГИМ. – Вып. 145. – М., 2005. – С. 180-182.
41. Кременецкий К.В. Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины. – М., 1991. – 193 с.
42. Пустовалов С.Ж. Развитие скотоводческой экономики в Северном Причерноморье в эпоху неолита – поздней бронзы // Nomadism and pastoralism between the Vistula and Dnieper rivers (Neolithic, Eneolithic, Bronze Age). – Vol.3. – Poznań, 2004. – P.181-190.
43. Бунятян Е.П. Об уровне развития степных обществ Украины поздней бронзы // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. – Воронеж, 2000. – С. 39-42.
44. Бунятян К.П. Напрямки господарчої діяльності населення причорноморських степів доби бронзи // Древности Северского Донца. – Вып. 5. – Луганск, 2001. – С. 76-84.
45. Отрощенко В.В. Тенденції розвитку господарчих систем доби пізньої бронзи на теренах України // Nomadism and pastoralism between the Vistula and Dnieper rivers (Neolithic, Eneolithic, Bronze Age). – Vol. 3. – Poznań, 2004. – P. 215-221.
46. Литвиненко Р.А. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара, 2001. – С. 161-169.

Надійшла до редакції 15.10.2007 р.

УДК 94(477.6) «192»

ФОРМИ ТА ЗАСОБИ БОРОТЬБИ З БЕЗРОБІТЯМ У ДОНБАСІ В ПЕРІОД НЕПу

В.М.Нікольський, І.О.Кузенко

Проблема безробіття не може не турбувати будь-яке суспільство, особливо у періоди реформ та перетворень. Таким періодом, безперечно, був НЕП; ним є й етап розбудови незалежної України.

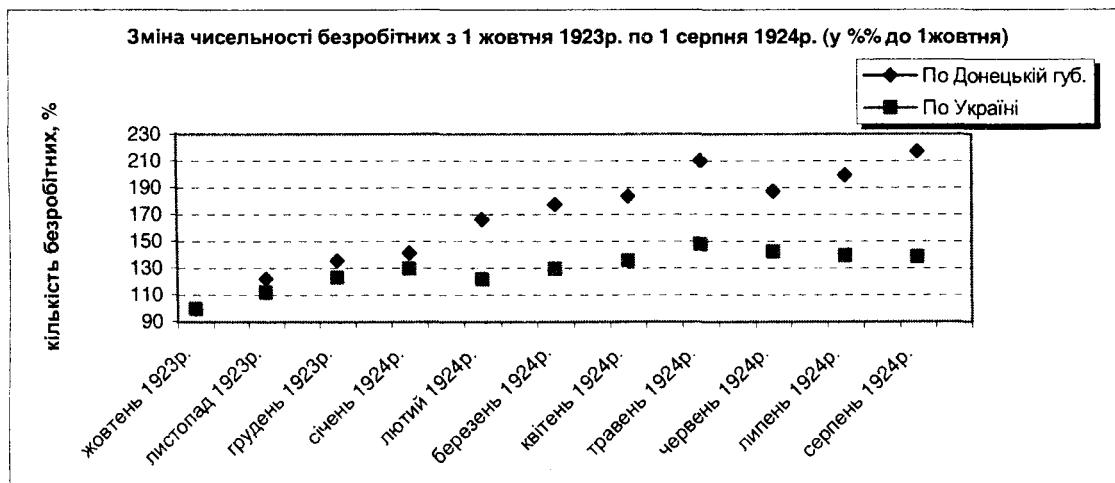
Соціальна політика Радянської держави в роки НЕПу ще не стала предметом спеціальних досліджень у вітчизняній історіографії, але окремі її аспекти були розглянуті у працях різних дослідників. Найбільш детальною є монографія Л.С.Рогачевської [1], присвячена характеристиці та аналізу явища безробіття в СРСР. Зважаючи на те, що дослідження вийшло друком у 1973 році, природно, що авторка спирається на марксистсько-ленінську теорію у розгляді будь-яких процесів. Проблема незайнятості періоду непу на регіональному рівні знайшла висвітлення у статті В.М.Нікольського[2]. На сьогодні це єдина публікація, що висвітлює певні аспекти вказаної теми на матеріалах Донбасу.

Джерельною основою вивчення даної теми стали документи Державного архіву Донецької області, а також матеріали місцевої періодики 20-х рр. ХХ ст., які зберігаються в краєзнавчому відділі Донецької обласної наукової бібліотеки ім. Н.К.Крупської (м.Донецьк).

Метою цієї статті є аналіз тих державних заходів, що були спрямовані на боротьбу з безробіттям у Донбасі в період НЕПу.

У жовтні 1921 р. на обліку в відділах праці виконкомів Рад Донецької губернії було 1926 осіб, які не мали роботи, у жовтні 1923 р. – 16 595 [3], а вже у жовтні 1924 р. – 32 050 осіб[4].

Особливістю Донецької губернії було невпинне зростання показників безробіття на фоні значно більших, порівняно з рештою територією України, можливостей працевлаштування завдяки концентрації в Донбасі промислових підприємств. Цей факт можна наочно проілюструвати порівнянням із рівнем безробіття в інших губерніях країни, що відображене у наступному графіку[5]:

Тобто, за 10 місяців 1923 – 1924 років рівень безробіття в Донецькій губернії зріс більш ніж у 2 рази, в той час, коли в інших губерніях України – майже на 1/3. Тому і не дивно, що публікація в журналі «Донецкий професионалист» 1924 року мала такий додаток до заголовка: «Бъём в набат! Донбасс объявлен угрожающим по безработице. Необходима помощь центру» [6].

Торкаючись професійного складу безробітних Донбасу, слід зазначити, що у більшості випадків чисельно переважали чорнороби та радянські службовці. За даними 1924 року група чорноробів складала 33,9%, група робітників розумової праці – 24,6%, група робітників виробництва – 31,3 %, інші – 10,2%. Постійне домінування першої групи пояснюється її регулярним доповненням за рахунок селянського елементу, який не мав виробничого досвіду[7].

Поширення безробіття призвело до того, що знову встало питання про функціонування спеціального органу, який би займався виключно проблемою незайнятих у виробництві. Знову були створені біржі праці і на державному рівні прийняте положення про їх роботу. В функції цих установ, окрім реєстрації всіх безробітних даної місцевості та пошуку робочих місць, входила також організація експертизи і проведення практичного іспиту з професійної підготовки безробітних. До того ж, на біржі покладалася організація громадських робіт і трудових колективів.

Розуміючи масштаби та темпи зростання безробіття, небезпеку її соціальних, а згодом, і політичних наслідків, керівництво держави на всіх рівнях вдавалося до розробки не просто окремих методів, а системи заходів, спрямованої на ліквідацію цього явища. Тому в 20-ті роки ХХ ст. існували три різновиди допомоги безробітним: матеріальна, натуральна та трудова. Окрім того, були і такі форми підтримки, що трохи виходять за межі наведеної класифікації і займають окрему нішу.

Отже, розглянемо особливості різних видів допомоги.

1. Матеріальна допомога

В документі під назвою «Протокол наради завідуючих біржами праці Донбасу від 10.12.1924 р.» знаходимо повідомлення, що до лютого 1924р. грошова допомога, яку виплачували страхові каси, була основним видом підтримки, а з поширенням громадських робіт – перетворилася на другорядний захід. Зазначалося, що за 1924 рік виплати отримали 41 866 осіб, загальна сума становила 244 349 крб. [8]. Окрім цього, комунальні послуги надавалися безкоштовно, що певною мірою зменшувало статтю видатків у особистому бюджеті непрацевлаштованої людини.

Місцевий журнал інформував населення Донеччини, що право на грошові виплати мали підлітки, кваліфіковані робітники і працівники розумової праці вищої кваліфікації, незалежно від їхнього стажу. Для некваліфікованих робітників наявність стажу протягом одного року була необхідною умовою, а для службовців – протягом трьох років [9].

Дещо раніше II Всеросійська тарифна конференція затвердила інший перелік вимог. За умови обов'язкової реєстрації у відділі праці та відсутності інших засобів до існування право на державне соціальне забезпечення мали:

- кваліфіковані робітники й службовці державних підприємств, звільнені в зв'язку зі скороченням штатів та закриттям підприємства;
- некваліфіковані робітники та службовці, що пропрацювали в установах та підприємствах не менше двох років;
- усі робітники та службовці, що були прикріплені до тимчасово закритих підприємств[10].

Що стосується розмірів допомоги, вони також не були постійними. Так, взимку 1924 року для кваліфікованого робітника замість норми у $\frac{1}{2}$ ставки середньомісячного заробітку по Донбасу була встановлена норма у $\frac{2}{3}$ цієї ставки; для некваліфікованих – $\frac{1}{2}$ ставки замість $\frac{1}{4}$. Більше того, було змінено і сенс поняття «середній заробіток». Так, якщо у січні він становив 10 крб., то вже у лютому і березні – 14 крб. Таким чином, некваліфікований робітник, що отримував виплату у розмірі 2 крб. 50 коп. у січні 1924 р., у лютому і березні 1924р. – вже 7 крб., а кваліфікований – 10 крб. замість 5 руб. [11].

Але з часом економічна ситуація в країні потроху стабілізувалася, працюючі почали заробляти більше, а рівень допомоги безробітним залишився майже незмінним. Фактичний розмір матеріальної допомоги безробітним становив у 1926/27 рр.: для

першої категорії таких осіб – 10 крб. на місяць, другої – 7 крб. 50 коп. На утриманців сплачувалось лише 2 крб. [12].

Існували відомості і про тривалість виплат: спочатку грошову допомогу сплачували протягом 6 місяців, згодом – протягом всього терміну безробіття.

Окрім зазначених виплат побутували разові, об'єктом яких були чітко визначені верстви населення. Так, у доповіді на нараді комітету Донецької губернської біржі праці, що відбулася 24 січня 1925 р., повідомлялося: «На допомогу тим, хто зазнав скорочення, ми отримали від НКТ 28 000 крб., з яких розподілено на місяця 15 180 руб. Ці кошти виділено місцям для видачі багатосімейним співробітникам в середньому по 5 крб. на особу» [13].

Зіставлення розмірів матеріальної допомоги з цінами того періоду свідчить, що це був досить низький рівень забезпечення, але він рятував від голоду.

Безробітним, які мали родини, надавалися доплати на членів сім'ї: 15% допомоги на одну особу, 25% – на двох, 35% – на трох та більше осіб [14].

2. Натуральна допомога.

Не менш важливою була діяльність держави та професійних організацій, в результаті якої створювалися гуртожитки для чоловіків і жінок та так звані «огнища» для дітей безробітних, відкривалися їдальні та чайні. Особливе значення така форма допомоги мала на початковому етапі НЕПу, який збігався з періодом голоду 1921-1922 рр., коли долею незайнятих у виробництві вимушенні були опікуватися органи, покликані боротися з голодом. Так, у 1921 році «вважаючи безробітних робітників такими, що голодують, Губкомгол запропонував Правлінню Спілки Донбасу відкрити на протязі тижня їдальні у наступних пунктах: Юрівка – 2000 пайків, Дебальцеве – 2000, Бахмут – 1250, Луганськ – 1600, Слов'янськ – 200, Маріуполь – 1650, Таганрог – 500, Шахти – 750, Гришино – 100. Правління Спілки Донбасу взяла на себе таке зобов'язання» [15].

У наступні роки також практикувалися безкоштовні обіди для тих, хто найбільше потребував допомоги, але різниця полягала у тому, що організатором виступали біржі праці, і кількість охоплених була набагато меншою. У січні 1925 року Донецька губернська біржа праці уклала угоду з Наркоматом харчової промисловості про годування безробітних Донбасу на термін до 1 травня 1925 року. Передбачалася організація їдань з щоденною видачею 1050 гарячих обідів, кожен з яких містив 2 506 калорій та коштував 24 коп. [16]. Тобто, місце безкоштовного харчування зайняли пільгові обіди. Інший приклад: у тому ж 1925 році зареєстровані на Артемівській біржі праці отримували грошову допомогу в розмірі від 8 до 12 крб. в місяць і обіди за ціною 27 коп. [17].

Влітку 1924 року по округах Донбасу існували будинки для ночівлі на 500 осіб та чайні пункти на 600 осіб.

3. Трудова допомога

Цей вид державної підтримки небезпідставно вважався найбільш ідеологічно корисним та доречним і поділявся на наступні напрямки:

- а) організація громадських робіт;
- б) організація колективів безробітних;
- в) бронювання робочих місць для підлітків.

Громадські роботи повинні були бути суспільно корисними, економічно вигідними, не потребувати значних витрат на матеріали, тому що держава в складному фінансовому стані не в змозі була знайти такі кошти. Загалом ця форма допомоги охоплювала некваліфікованих робітників. Проголошувалося, що таким чином одночасно втілювалося два завдання: надання хоча б тимчасового заробітку найбільш чисельній групі безробітних, які не мали ані кваліфікації, ані стажу; відбудова народного господарства держави. З точки зору ідеології громадські роботи вважалися більш дієвими, ніж виплата грошової допомоги, адже вони були спрямовані на найбільш пролетарську частину, підтримуючи серед безробітних трудову дисципліну, а головне – охороняли їх від

розорошення. Крім того, вони мали функцію викремлення пролетарської частини з маси безробітних, які шукали пільг, а не роботи[18].

Наприкінці 1922 року в Москві при біржі праці було створено Бюро громадських робіт. Наступного року такі бюро з'явилися в Петрограді, Харкові, Самарі та деяких інших містах. З 1923 року громадські роботи стали систематично впроваджувати всюди, де були безробітні [19]. Так, у Донбасі «на громадських роботах в 1924 році було зайнято 38 864 людино-дні, з яких чоловіки – 30 928 осіб, жінки – 7 926, в тому числі підлітки – 3 475 осіб. Загальна сума платні – 34 984 крб. 26 коп.» [20].

В першу чергу, на такі роботи відправляли безробітних, які отримували грошові виплати, потім – тих, хто стояв на обліку.

На засіданні Комітету Донгуббіржі праці було затверджено план проведення громадських робіт на 1925 рік у 5 округах на загальну суму 437 725 крб., з якої Сталіно отримувало 164 000 крб., Маріуполь – 40 070 крб., Луганськ – 85 416 крб., Артемівськ – 141 239 крб., Старобельськ – 7 000 крб. Передбачалася організація земляних робіт (меліоративних та водопровідних), а також зведення та ремонт мостових [21].

Особливу увагу привертає той факт, що громадські роботи не контролювалися належним чином з боку органів праці, тож діяльність розгорталася не та, що була затверджена за кошторисом, а затверджені роботи проводилися в інших розмірах. Наприклад, у Маріуполі було асигновано 1473 крб. 50 коп. на розбір зруйнованих будинків, а витрачено 3177 крб. 84 коп.; непередбачені кошторисом садові роботи були виконані на суму 75 крб. 75 коп., в той час, коли передбачений ремонт тротуарів зовсім не проводився. Така ж картина вимальовувалася й по місту Сталіно [22].

Іншою формою трудової допомоги було створення колективів безробітних. Станом на 1 жовтня 1923 р. у Донбасі існувало 12 колективів, які включали 735 осіб, а на 1 жовтня 1924 р. – 45 колективів з 1007 особами [23]. Тривалість існування цих формувань дорівнювала в середньому 1-2 роки. В червні 1925 р. в Донецькій губернії працював 41 колектив безробітних, до складу яких входило 1617 осіб. Поділ їх по округах був таким: Артемівський – 19 (836 чол.), Луганський – 11 (505 чол.), Сталінський – 5 (214 чол.), Маріупольський – 6 (62 чол.) [24].

Головна відмінність від попереднього елементу боротьби з незайнятістю полягала у тому, що колективи охоплювали кваліфіковану частину безробітних, хоча, як і у випадку з громадськими роботами, вони могли прийняти дуже обмежену кількість осіб – 6 - 11% від загальної кількості безробітних по губернії. До складу артілей входило від 10 до 150 безробітних одного фаху, переважно це були будівельники, швейники, вантажники та чорнороби. Створенням колективів займалися Комітети бірж праці, залучаючи до цього професійні, кооперативні та господарські організації, які повинні були брати на себе збиток продукції. При формуванні того чи іншого колективу окружові комітети боротьби з безробіттям перераховували для нього певну суму грошей. Із зароблених коштів колективи 65% перераховували у фонд комборбезу, 10% – у фонд об'єднання. Середній місячний заробіток членів колективів становив 55-65 крб., що приблизно дорівнювало середній зарплаті працюючих.

Колективи були досить самостійними, тому успіх їхньої діяльності залежав від кандидатури призначеного завідувача. Місцеві матеріали доводять, що функціонування реальних формувань безробітних дуже відрізнялося від запланованого партійним керівництвом. Так, у «Доповіді з обстеження колективів у Слов'янську» [25] від 24 січня 1925 р. розглядалася діяльність трьох об'єднань. Ревізія роботи колективу ідаліні виявила, що вони брали з відвідувачів більші суми (за чеками), ніж заносили до касової книги. В результаті було прийнято рішення змінити завідувача, а справу передати до суду. У діяльності другого – кіноколективу – було знайдено факти розтрати та безгосподарності (безпідставно було списано 38 крб.; утримання прибиральниці обходилося колективу в 31 крб. на місяць, тільки за грудень на афіші та рекламу було витрачено

181 крб.56 коп., а на відрядження – 96 крб.33 коп.). Після перевірки завідуючого було знято з посади. Колектив кожев'янників через довільне підвищення завідуючим розцінки робочої сили до 75%, невдалу закупівлю матеріалів, низьку якість виконання, відсутність чіткої звітності отримав продукцію за цінами, що були вище ринкових, тому не мала збути. Результат аналогічний попереднім: зняти з посади та передати до суду завідуючого. Сьогодні ми не можемо впевнено сказати, що було справжньою причиною злочинних наслідків: схильність до афер керівників колективів, чи відсутність чітких інструкцій від бірж праці та необізнаність у фінансових справах. Скоріше за все, мали місце обидва фактори, та кожен випадок був індивідуальним. Але цього разу, на відміну від організації громадських робіт, під час яких також було багато порушень, винними могли залишитися не тільки завідуючі, а й безробітні.

В 1929 р. трудові колективи були реорганізовані в учебові бази для навчання й перенавчання безробітних. Підсумки існування такого інституту неоднозначні: з одного боку вони допомогли комусь зберегти свою кваліфікацію та отримати хоча б тимчасовий заробіток, з іншого боку – подекуди були неефективними та нерентабельними, хоча в цілому трималися досить довгий час, не зважаючи на всі прорахунки.

Трудова допомога підліткам надавалася у вигляді організації шкіл ФЗУ та запровадження спеціального бронювання робочих місць на державних підприємствах. Процент такої броні у 1925 році по вугільній промисловості становив 4,2%, а по металообробній – 4,6%. Окрім того, передбачалося реалізовувати норми броні в малій, приватній та кустарній промисловості. Цьому мала сприяти постанова РНК про звільнення кустарів, які взяли учнів, від сплати частини податку. Таким чином намагалися надати неповнолітнім можливість самим себе забезпечувати у тих складних умовах.

Іншим досить поширенім заходом боротьби із підлітковим безробіттям, а, разом з тим, і з безпритульністю було створення будинків робочих підлітків, завданням яких була підготовка до кваліфікованої роботи в індустрії або сільському господарстві [26].

Окрім вказаних трьох форм допомоги, які можна назвати офіційними та відкритими, впроваджувалися заходи, які випадають з наведеної класифікації через те, що вони або були спробою знайти кошти на підтримку безробітних, або тільки опосередковано впливали на їхній стан. Розглянемо і цю групу.

Внаслідок постійної нестачі коштів у НКТ час від часу в республіці силами губернських комісій проводилися місячники на користь безробітних. Один з них планувався розпочати у Бахматі з 5.08.1924 р. Серед заходів передбачався збір грошей на вулиці, запровадження додаткових податків на житло, а також реалізація до 30 000 портреїв товариша Артема за ціною по 40 коп. за один екземпляр [27].

Ситуація з безробіттям у Донбасі ускладнювалася наявністю зовнішнього фактору, що було притаманним саме нашому краю. Проблемою великої важливості у цей період, як не дивно, стала широко відома за межами нашої губернії репутація Донеччині, завдяки якій величезна маса людей у пошуках роботи методично прибувала, в першу чергу, в промислові пункти: Шахти, Луганськ, Юзівку, Макіївку. Тому знаходимо численні згадки в архівних документах, в яких керівники окружного та губернського рівнів в один голос вимагали зупинити цей потік. Так, звернення Донецького Губернського відділу праці від 5 грудня 1923 р. містить такі рядки: «Тепер, у зв'язку з незначним попитом на робсилу, затримкою у проведенні в Донецькій губернії громадських робіт, напливом місцевих безробітних після завершення тимчасових і сезонних робіт, скороченням штатів і консервацією рудників і заводів, - безробіття в Донбасі перебуває у застої, й розраховувати на працевлаштування хоча б частини місцевих робітників найближчим часом не доводиться. Донгубвідділ Праці та ДГСПС виносять прохання повідомити всі відповідні українські та російські організації про те, щоб останні не направляли безробітних у Донбас» [28].

Серед найменш розрекламованих, навіть «закритих» засобів зменшення рівня безробіття можна назвати наступні:

- боротьба з влаштуванням на роботу без допомоги бірж праці;
- постійні „чистки” картотек безробітних на біржах праці, звільнення їх від „зайвих” непролетарських елементів. Але такі заходи тільки штучно зменшували офіційну статистику, натомість збільшували реальні лави людей без місця роботи;
- сприяння від'їзду безробітних працівників з інших губерній та республік на батьківщину (часто траплялося, що вони не влаштовувалися на виробництво, а коштів на зворотній квиток не мали, тож залишалися жебракувати на Донеччині);
- рішуча боротьба з надурочними роботами звичайних працівників, які надавали їм більший заробіток, але позбавляли біржі праці можливостей відправити на такі види робіт тих, хто стояв на обліку.

Отже, держава намагалася зарадити загрозливій ситуації з рівнем безробіття в Донбасі у 20-х рр. ХХ ст., використовуючи, як і в інших регіонах, три форми допомоги: матеріальну, натуральну та трудову. На жаль, вони охоплювали далеко не всіх, хто цього потребував. Так, станом на 1925 рік існував такий план підтримки: 13,4% безробітних губерній залучити до громадських робіт, 15,9% - до діяльності в колективах безробітних, 4,2% - оселити в гуртожитках, 8,7% - забезпечити пільговим харчуванням, 2,8% підлітків надати кваліфікацію завдяки бронюванню робочих місць. Таким чином, з усієї маси взятих на облік безробітних певну допомогу мали отримати лише 45%[29]. Враховуючи, що не всі, хто шукав роботу, реєструвалися на біржі праці, цей відсоток стає ще меншим. Окрім вказаних форм допомоги існували окремі заходи, іноді не надто відомі широкій громадськості, які також були спрямовані на вирішення проблем, пов'язаних з безробіттям. Сьогодні ознайомлення з досвідом боротьби з таким складним соціальним явищем є корисним і представляє певний практичний інтерес.

РЕЗЮМЕ

В статье на основе обработки архивных материалов и публикаций местной прессы сделана попытка изучить деятельность государства по борьбе с безработицей в Донбассе в 20-х гг. ХХ ст. Детально рассмотрены такие формы помощи безработным: материальная, натуральная и трудовая. Кроме того, анализируются прочие средства решения проблем, связанных с безработицей.

SUMMARY

The article is devoted to state activity toward to fight with unemployment in 1920s in Donetsk's region on base of archival materials and local publications. The authors highlight main forms of the help to the unemployed, such as material, natural and working forms. Moreover, other facilities of the decision unemployment problems are analysed in the article.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Рогачевська Л.С. Ліквідація безробіття в СРСР 1917-1930. – М.: Видавництво «Наука», 1973. – 382 с.
2. Нікольський В.М. Безробіття в Донбасі часів НЕПу// Український історичний журнал. – 1992. – №3. – С.50-57.
3. Там само. – С. 50.
4. Державний архів Донецької області (далі – ДАДО). – Ф.1, оп.1, спр. 2216, арк. 15.

5. Складено авторами за матеріалами: Статистика труда в Донбассе. – 1924. - № 1. – С.44.
6. Донецкий професионалист. – 1924. – №3. – С.6.
7. Там само. – №8. – С.4.
8. ДАДО. – Ф.1, оп.1, спр. 2216, арк. 20.
9. Донецкий професионалист. – 1924. – № 3. – С.7.
10. Див.: Никольский В.М. Вказ. праця. – С. 53.
11. Донецкий професионалист. – 1924. – № 3. – С.7.
12. Див.: Никольский В.М. Вказ. праця. – С. 53.
13. ДАДО. – Ф.1, оп.1, спр. 2216, арк. 31.
14. Рогачевська Л.С. Вказ. праця. – С.102.
15. ДАДО. – Ф.1, оп.1, спр. 370, арк. 148.
16. Там само, спр. 2216, арк. 31.
17. Там само, спр. 2342, арк. 264.
18. Там само, спр. 2216, арк. 22.
19. Рогачевська Л.С. Вказ. праця. – С.105.
20. ДАДО. – Ф.1, оп.1, спр. 2233, арк. 11 зв.
21. Там само, спр. 2216, арк. 22.
22. Там само.
23. Там само, арк. 20 зв.
24. Див.: Никольский В.М. Вказ. праця. – С. 54.
25. ДАДО. – Ф.1, оп.1, спр.2216, арк. 30 зв.
26. Кузенко І. Безробітний підліток Донбасу в першій половині 20-х рр. ХХ ст.// Збірник мат. IV Всеукраїнської науково-практичної конференції для студентів та молодих науковців „Українська державність: історія і сучасність” 30 листопада 2007 р./ Під заг. ред. К.В.Балабанова. У 2-х частинах. – Ч. 1. – Маріуполь: МДГУ, 2007. – С.105.
27. ДАДО. – Ф.1, оп.1, спр.2233, арк. 8 зв.
28. Там само, спр.1653, арк.69.
29. Там само, спр.2342, арк.73.

Надійшла до редакції 28.11.2007 р.

К У Л Т У Р О Л О Г І Я

УДК 130.2: 316.3: 327.39

РОЛЬ КУЛЬТУРНИХ АРХЕТИПІВ, МЕНТАЛІТЕТУ ТА НАЦІОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРУ У ФОРМУВАННІ НАЦІОНАЛЬНОЇ ІДЕЇ

Г.М.Глушкова

Актуальність дослідження таких філософських категорій, як менталітет, національний характер, національний менталітет зумовлена тим, що вони щільно пов'язані зі свідомістю людей, а отже, можуть допомогти не тільки зрозуміти, але й прогнозувати певні дії тієї чи іншої спільноти.

Одним з найбільш фундаментальних понять, яким оперують сучасні науки (соціальна філософія, культурологія, мистецтвознавство та ін.), є поняття менталітету. Проте говорити про менталітет у відриві від інших фундаментальних філософсько-культурологічних понять, таких, як культурний архетип, ментально-символічні структури, ціннісні орієнтації, не можна.

Метою цієї статті є спроба окреслити складники національної української ідеї і визначити роль культурних архетипів, менталітету та національного характеру у формуванні такої ідеї.

Відправною точкою при вирішенні питання про субстанціональну основу всезагальніх прообразів-архетипів і про форми їх зв'язку з індивідуальною психікою було вчення Е.Геккеля про повторення філогенетичних властивостей в онтогенезі окремого індивіда. К.-Г.Юнг, посилаючись на такий біогенетичний закон, стверджував, що в процесі індивідуалізації особистість інтегрує архетипи колективного безсвідомого. За Юнгом, «колективне безсвідоме як залишуваний досвідом осад і разом з тим як деяке його (досвіду) априорі є образом світу, який сформувався вже у прадавні часи. В цьому образі з плином часу викристалізувались певні риси, так звані образи домінуючих законів і принципи загальних закономірностей, яким підпорядковується послідовність образів, які знову й знову переживає душа» [8, с.74]. Отже, архетипи можна розглядати як результат і відбиток тих переживань, що мали місце, та слід пам'ятати, що ті самі архетипи постають причинами таких самих переживань.

Так чи інакше думку Юнга про архетипи підтримали та розвинули в межах своїх концепцій Л.С.Виготський, Е.Кассірер, К.Леві-Стросс, Ю.М.Лотман, М.А.Барг та інші видатні філософи ХХ століття.

Так, представник французької школи функціоналізму К.Леві-Стросс висунув концепцію про існування особливої безсвідомої логіки архаїчного мислення, що базується на символічному відображені та осмисленні реальності і, досліджуючи особливості первісного мислення, довів, що вже в ньому наявні універсалії людської психічної діяльності. За Леві-Стросом, зрозуміти безсвідоме тієї чи іншої культури можна за допомогою символів. Символ – не просто знак тих чи інших сутностей, але й носій узагальненого принципу подальшого розгортання згорнутого в ньому смислового змісту. В своїй основі символ завжди має переносне значення. Символ – завжди конкретний, доступний нашій уяві образ, що означає дещо самою собою для нашої уяви недоступне

(наприклад, червона китайка – символ поваги, чайка – символ свободи й одиноцтва, червона калина – символ багатства, процвітання тощо). Нагадаємо, що символ має смисл тільки в суспільстві, з'єднаному єдністю культури, оскільки він повинен добре розумітись всіма носіями цієї культури.

Проаналізувавши ідеї соціальної філософії, аналітичної психології, символічного інтеракціонізму, можна дійти висновку, що культурні архетипи – це фундаментальні образи-символи, що не піддаються вербалізації й дискурсивному мисленню; це уявлення-символи про людину, її місце у світі та суспільстві; це нормативно-ціннісні орієнтації, що пережили час і зберегли своє значення і смисл для сьогоднішньої культури. Архетипи виявляються у сновидіннях, міфах, казках, постають вихідним матеріалом для художньої творчості.

Люди живуть, здійснюють певні задуми, змінюються, іноді діють незрозуміло для сьогоднішньої логіки. Та для того, щоб зрозуміти логіку та смисл таких «незрозумілих» дій, необхідно досліджувати саме культурні архетипи шляхом реконструкції впливу реальності (географічної, геополітичної, господарської, соціальної, політичної, релігійної, культурної тощо). Кожного дня культурні архетипи виявляються в усіх сферах людської життєдіяльності, проте найбільше у повсякденному житті. Проте, за Юнгом, «коли постає ситуація, що відповідає тому чи іншому архетипу, архетип активізується, й розвивається примусовість, яка подібно до сили інстинкту прокладає собі дорогу, наперекір розуму й волі» [8, с.76].

Менталітет, за М.А.Баргом, – сукупність символів, що необхідно формуються в межах кожної культурно-історичної епохи і закріплюються у свідомості людей в процесі спілкування з такими самими людьми, тобто в процесі повторення. Менталітет постає як усвідомлена система символів і смислів, як спосіб вираження знань про світ і людину. Атрибутом менталітету постає ідентичність, обумовлена однаковістю соціальних умов, у яких формується свідомість. Ідентичність виявляється в здатності людей наділяти однаковими значеннями одні й ті самі явища об'єктивного й суб'єктивного світу [4, с.394]. Категорія «менталітет» набула значущості в сучасному національному просторі поряд з такими елементами ірраціональної сфери як міфологія, архетипи та стереотипи.

«Національний характер, – на думку А.В.Лубського, – це генотип плюс культура» [4, с.60]. Генотип являє собою те, що людина одержує від природи, через гени, а культура – це те, до чого людина долучається в процесі соціалізації. Тому національний характер, крім неусвідомлених культурних архетипів, які людина інтерпретує в процесі соціалізації, включає в себе найбільш повторювані природні етно-психологічні риси індивідів.

Культура завжди пов'язана з минулим, і тому передбачає збереження духовного досвіду, безперервність морального та інтелектуального життя людей. Така негенетична колективна пам'ять запам'ятує уподобані кожним народом, повторювані із століття в століття ідеї та зразки, наскрізні мотиви поведінки й типи мислення, стійкі комплекси уявлень і переживань, які разом створюють загальну, позаісторичну топіку, побудовану на мінімальній кількості культурних констант [4, с.393].

Говорячи про уподобані кожним народом зразки, мотиви поведінки, образи, згадаємо про філософський закон єдності протилежностей. Смисл цього закону можна проілюструвати так: «Де ж знатимеш, що таке суници, коли не знаєш, що таке кислиці». Тобто зрозуміти, що подобається, можна тільки знаючи, що не подобається. Останнім часом у лінгвістиці з'явилася ціла низка досліджень, які доводять, що людська цивілізація починалась з півночі Європи. В умовах тривалої Полярної ночі наші пращури на підсвідомому рівні запам'ятали страх від темноти, ночі, мороку, холоду тощо. Образна уява первісних людей малювала страшних чудовиськ, що мешкають у темряві й ковтають сонце, зашкоджуючи людям.

Для нашого сучасника тьма залишається символом страшного невідомого, мороку, смерті тощо. У народних українських казках підтверджені такої символіки можна

знайти безліч: всі темні, несправедливі сили мешкають за тридев'ять земель, де завжди темно й холодно. Навіть в античній грецькій міфології є образ Танатосу (смерті або важкого безпробудного сну з чудовиськами). Можливо це є свідченням того, що й антична цивілізація сягає своїми коренями Європейської півночі. У багатьох фільмах жахів основним залякувальним моментом також є тьма (більшість дій відбувається або поночі, або у присмерках).

За таких умов можна було вижити тільки колективно, бо зрозуміло, що побудувати житло чи віднайти їжу одному було несила. Такий факт у нашому минулому зумовив існування такої цінності як спільнота. Можна припустити, що й форма традиційного українського житла є згадкою про північне дитинство людства, адже українська хата наполовину була занурена у ґрунт, що робило її менш піддаваною вітру й холоду. Худобу розміщували в тій же хаті за стіною, бо так не треба було блукати довго у темряві в пошуках їжі.

На думку відомого сучасного мовознавця М.О.Луценка [6], слова *правий* і *лівий* теж несуть в собі рештки того північного життя наших пращурів. Правий в українській культурі є символом позитивного, правильного; лівий – неправильного, ворожого, негативного.

На нашу думку, культурні архетипи як повторювані із століття в століття ідеї та зразки, наскрізні мотиви поведінки й типи мислення, стійкі комплекси уявлень і переживань породжувались перш за все природним людським станом страху. Уподобання відштовхувались від неуподобань. Темрява – це страх, холод, голод, смерть; сонце – це життя, статок, радість тощо. Можливо, що й дуалістична форма слов'янської міфології бере свій початок саме від існування двох пір року – світлої та темної. Звідси дуалістичний принцип протиставлення приемного й неприємного, сприятливого й несприятливого для людини чи роду (у міфології: Білобог – Чорнобог, Добра доля – Зла доля тощо).

Очевидно наші предки мешкали на глинистих землях, бо саме глина стала українським оберегом, божественным матеріалом, основою для всього господарства: стіни хат – з глини, долівка – з глини, посуд – з глини, навіть іграшки-свистульки для дітей – теж з глини. Може, не випадковим моментом у багатьох міфологіях світу є створення людей саме з глини.

Наявність в українській міфології однієї з центральних фігур – бога Велеса – свідчить про те, що наші предки перш за все були скотарями, а потім уже землеробами. Про це свідчить і факт, що тривалий час заможними вважають тих, у кого є своя худоба, а тільки потім своя земля. Причому така національна українська риса як марнотратство, невміння досягти мети цілеспрямованими зусиллями очевидно сформувалась в умовах, коли плідного ґрунту було багато, й не було для чого займатися інтенсивним землеробством. Згадаймо, найпершу форму землеробства у слов'ян: вирубували ліс, випалювали залишки дерев, і на цьому місці два-три роки одержували значний врожай. Потім цю вирубку кидали й вирубували нову ділянку. Звідси наше «тут не вийшло, в іншому місці вийде». Звідси й споживацьке ставлення до природи взагалі й безвідповіальність – «після нас хоч потоп». Адже сьогодні, володіючи третиною чорноземів планети, Україна купує зерно за кордоном, а на родючому українському ґрунті будується звалища для ядерних відходів.

Природа країни, яку освоювали українці, впливала й на тип мислення. Звернемо увагу й на те, що природні умови є різними для північно-західної частини України та південно-східної. Умови проживання українців на різних територіях позначились на відмінності їх менталітетів. Мешканці українського Полісся та Карпат виживали в умовах, відмінних від посушливого степового Сходу та Півдня.

Відомо, що до XV століття освоєння земель на Європейській рівнині закінчилося, ліси були вирубані й селяни мали перейти до орного землекористування. На відміну від Росії, в Україні природно-кліматичні умови були більш сприятливими, а тому не виникло потреби в общинному перерозподілі землі. Північно-західна частина України пішла шляхом подвірного землеволодіння. Північно-східна частина України таких природно-

кліматичних умов не мала (це абсолютно інші умови: степ, суховії, невелика кількість опадів, нестача водних ресурсів тощо), а значить тут прижилася інша форма володіння землею – існувала селянська поземельна община з перерозподілом орної землі за кількістю живих душ в родині.

Північно-західний «космос», з його лісовими хащами й павутинням гірських та лісових річок змушував селитися невеликою кількістю родин і працювати поодинці. Південно-східна частина України сприяла утворенню великих поселень, праці на виду у всіх. Так селянин-поліщук звик працювати напружено під час весняно-літніх польових робіт, а потім відпочивати під час осіньо-зимового сезону. Степовики півдня й сходу України звикли до більш розміреної й постійної праці.

Отже, мешканець північно-західної частини України сам один протистояв випробуванням долі, стихіям природи, пану, державі, в той час як мешканець південно-східної частини України – не сам, а через общину.

Страх не продовжити свій рід в умовах суворого клімату (наприклад, на Кавказі, в Скандинавії) зробив жінку особливо шанованою, цінною, опікуваною чоловіком. За жінку боролися як за шанс продовжити життя. В умовах пізніших за північне дитинство наші пращури боротьби за жінку не знали, про це свідчить ставлення українців до жінки з повагою, проте як до рівні, до товариша, до співучасника. Ще раз повторимо думку Юнга про те, що кожного дня культурні архетипи виявляються в усіх сферах людської життєдіяльності, проте найбільше у повсякденному житті.

Великого впливу на формування українського культурного архетипу завдало прийняття християнства, яке прийшло на Русь з Візантії у православній формі. Проте православ'я заповнило собою тільки офіційне життя наших предків, а не всю людину повністю. Боючись залишитись сам на сам з повсякденням, українці продовжували шанувати язичницьких богів паралельно з християнським богом, бо християнському богові було не до окремої людини, а язичницькі відповідали за всі ділянки людського життя й були більше до простої смертної людини. Як і раніше дівчата зверталися до Мокоші, Рожаниць, Лади, чоловіки до Рода, Велеса, Комів тощо. Отже, православ'ям було залишено вільний простір для самобутньої національної творчості, що базувалась на язичницькій екзальтації землі й духа (образи-символи: матінка-земля, припасті до землі, щоб набратися сили, батько-Ярило, дух=життя (дух поля – Польовик, дух лісу – Лісовар, дух води – Водяник; випустити дух=померти; щодуху, ні душі тощо).

Деякі дослідники вважають, що з православ'ям на український ґрунт було перенесено ідею соборності – ідею колективної життєтворчості і згоди, одностайної участі віруючих у житті світу й церкви загалом. Проте, на нашу думку, саме акт перерозподілу орної землі впливав на формування соборних архетипів свідомості і почуттів українського селянина, більше на Сході України, менше – на Заході. На сьогодні соборність України задекларована, але як така сприймається тільки частиною населення, яка має архетипи, що випливають з общинного способу життя. І, можливо, соборність України могла б стати новою національною ідеєю, до реалізації (а не декларації) якої мали б іти громадяни України.

Геополітичне положення України багато чого пояснює в колективному безсвідомому українця. В нашій історичній пам'яті живуть архетипи в образах-символах Княжої доби, часів татаро-монгольського пограбування і руйнації, для Східної України часів запустіння аж до козаччини, для Західної України – часів захоплення Річчю Посполитою тощо. Так сталося, що більшість часу українські землі були роз'єднані, а, отже, страх знов утратити єдність території живе в українській підсвідомості. Саме тому ідея федеративного влаштування України, пропонована великим патріотом В'ячеславом Чорноволом, видається для багатьох політиків загрозою сепаратизму.

Страх стати залежними живе в кожному українцеві, бо більшість історичного часу наша земля знаходилась «під кимось». За Юнгом, «коли постає ситуація, що відповідає тому чи іншому архетипу, архетип активізується, й розвивається примусовість, яка по-

дібно до сили інстинкту прокладає собі дорогу, наперекір розуму й волі» [8: 74]. Сьогодні наші архетипи іноді справляють з нами невеселі жарти, коли з глибини століть виникають страшилки – «москалі», «бандери» тощо.

Цікавим є факт, що страх індивідуальної відповідальності привів українця до розуміння свободи як волі. Проте саме свобода (а не воля) передбачає ще й обов'язок. В українських народних піснях, казках, у літературних творах українських майстрів художнього слова знаходимо образ-символ «вольна воля», «воленка» тощо. Навіть у Шевченковому заповіті звучить воля, а не свобода:

...І мене в сім'ї великий
В сім'ї вольній, новій...
або
..А щоб збудить хиренну волю
Треба миром, громадою
Обух столить...
або
...І сниться їй
Той син Іван
Уже не панський
А на волі...

Воля для українця дорівнює незалежності, звідси таке прагнення українців до незалежності, бо занадто довго українці знаходилися у подвійній неволі.

Протягом багатьох століть українську мову забороняли ті, хто захопивши родючі українські землі, вирішував їх майбутній долю. Звідси з'явився один з найбільших страхов – страх українців бути знівелюваними як нація. Сьогодні цей страх змушує іноді приймати невиважені силові рішення в тих сферах, яких сила не повинна торкатись: мова та релігія.

Висновки. Отже, архетипи можна розглядати як результат і відбиток тих переживань, що мали місце, та слід пам'ятати, що ті самі архетипи постають причинами таких самих переживань. Архетипи виявляються у сновидіннях, міфах, казках, постають вихідним матеріалом для художньої творчості. Кожного дня культурні архетипи виявляються в усіх сферах людської життєдіяльності, проте найбільше у повсякденному житті.

Люди живуть, здійснюють певні задуми, змінюються, іноді діють незрозуміло для сьогоднішньої логіки. Та для того, щоб зrozуміти логіку та смисл таких «незрозумілих» дій необхідно досліджувати саме культурні архетипи шляхом реконструкції впливу реальності (географічної, geopolітичної, господарської, соціальної, політичної, релігійної, культурної тощо).

Підбиваючи підсумки такого невеликого дослідження, хотілося б нагадати юнгівське застереження про те, що архетипи не можна придушувати, навпаки, вони достойні того, щоб найретельнішим способом брати їх до уваги, адже саме вони несуть небезпеку психічного зараження.

Наше щастя в тому, що у нас є свідоме (крім безсвідомого та підсвідомого). Архетипи, беззаперечно, мають враховуватись при роботі над формуванням української національної ідеї, проте на сьогодні нам не вистачає свідомості, а для такої роботи необхідно підключити до українських архетипів ідею європейського раціоналізму і, навіть, прагматизму. Тільки в такому випадку, на нашу думку, можливим є не тільки вироблення національної ідеї, але й збереження нації як такої.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена одному из наиболее фундаментальных понятий социальной философии, культурологии и искусствоведения – менталитету. Эта категория проана-

лизирована во взаимосвязи с такими категориями, как культурный архетип, ментально-символические структуры и ценностные ориентации.

SUMMARY

The article deals with one of the fundamental notions of social philosophy, culturology and art criticism – of mentality. The notion is analyzed in accordance with the following notions as cultural archetype, mentally-symbolic structures and valuable orientations.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Зарубіжна філософія ХХ століття. – К., 1993. – 346 с.
2. Козинг А. Нация в истории и современности. – М., 1971. – 291 с.
3. Кравченко А.Г. Менталітет як об'єкт соціально-філософського дослідження. – К., 2000. – 190 с.
4. Культурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Ростов н/Дону. – 1999. – С.345-497.
5. Лазарева А.О. Об'єктивні та суб'єктивні фактори формування українського менталітету/ Вісник НТУУ «КПІ». Філософія. Психологія. Педагогіка. – Випуск 3'2003. – К. 2003. – С.23-31.
6. Луценко Н.А. «Фактор севера» в словах и значениях/ Проблемы культуры професійної мови фахівця: теорія та практика. – Донецьк, 2005. – С.79-85.
7. Старовойт І.С. Західноєвропейська і українська ментальність. – К., 1995. – 184 с.
8. Юнг К.-Г. Психология бессознательного. – М., 1994.
9. Юрій М.Т. Етногенез та менталітет українського народу. – К., 1997. – 234 с.

Надійшла до редакції 24.04.2007 р.

УДК 130. 2. 001. 361 (367)

О СПЕЦИФИКЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЙ ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Д.Е.Муза

В последнее время в макросоциальных исследованиях наблюдается рост интереса к социокультурным основаниям тех цивилизаций, которые с различной степенью «подготовленности» к новым историческим правилам игры втягиваются в глобализационные процессы и занимают в них нестандартное (для себя) положение. Правда, при этом всерьез обсуждаются два сценария их вхождения в глобальную социоформу: либо на правах объекта, воспринимающего перманентные импульсы из глобальной метрополии, – консолидированного в военно-политическом, экономическом и культурно-информационном отношении Запада; либо на правах субъекта, который реанимирует собственные, во многом автохтонные трайбалистские, этнокультурные и конфессиональные ресурсы, – для адекватного (якобы) «ответа» на «вызовы» иных, более могущественных цивилизационных игроков. Или вхождения в историческую синхронию с той же западной цивилизацией, которая разметила мировое пространство на свой лад. Существует и «промежуточный» вариант, в виде теории и практики модернизаций, но из-за релятивности его результатов (например, современная Турция в составе исламской цивилизации) рассматриваемый в качестве вспомогательного.

Итак, первый теоретически «поддерживается» мир-системной парадигмой (Э.Валлерстайн, А.Франк, Г.Джилс и Т.Холл), универсальным эволюционизмом (И.Пригожин, Э.Янг, Н.Моисеев), теорией постиндустриального (информационного) общества (Д.Белл, О.Тоффлер и др.) и представляет собой вариант линейно-стадиальной интерпретации Истории: второй – плюрально-релятивистской ее версией, разработанной классиками цивилологии – Н.Я.Данилевским, О.Шпенглером, А.Дж.Тайнби, но с подачи С.Хантингтона [1], в итоге превратившейся в объяснительную схему реальных и потенциальных межцивилизационных (межгосударственных) конфликтов конца ХХ-ХХІ века.

В рамках данной статьи мы ставим перед собой цель – проанализировать специфику социокультурных оснований восточнохристианской цивилизации как одного из реальных факторов современного этапа истории, которая, несмотря на ряд трансформаций структуры и семантики своего цивилизационного кода, остается носительницей флюктуаций византийской христианской культуры. При этом отметим: тематизация цивилизационных оснований уже начата, более того, – в этом направлении сделаны немалые открытия, которые нуждаются в развитии. Среди работ, ориентированных на культурные, экзистенциально-исторические и собственно духовные основания устроения и функционирования интересующего нас цивилизационного мира, нужно назвать работы А.С.Панарина, Б.С.Ерасова, В.К.Кантора, А.С.Ахиезера, М.П.Мчедлова, И.В.Кондакова, И.Г.Яковенко, В.Ф.Шаповалова, И.Н.Ионова, В.А.Дергачева, Ю.В.Павленко, С.Эйзенштадта, А.Безансона, Л.Мюллера, Э.Каррер д'Анкесс, Дж.Хоскинга, Дж.Биллингтона и др. Правда, большая часть исследователей тематизирует цивилизационное поле посредством этно-национального или этнокультурного признака, – «русская цивилизация»; другая часть делает акцент на социо-исторической морфологии, что выражается термином «российская цивилизация»; третья группа фокусирует цивилизационный предмет как географический (через месторазвитие), геокультурный (синтез культур европейского Запада и турецкого Востока) или geopolитический (крупнейшая в Истории имперская форма, включающая в себя хартленд), – «евразийская цивилизация»; и лишь небольшое число авторов артикулируют бытийные реалии цивилизационного субъекта посредством конфессионального признака. Существует также отдельное направление, придающее цивилизационным характеристикам нарочито политическую трактовку (напр. С.Г.Кара-Мурза в работе – «Советская цивилизация» [2]).

Не отрицая значимости каждой из обозначенных точек зрения, мы, тем не менее, придерживаемся той самой традиции внутри цивилологии, которую инициировали своими работами Н.Я.Данилевский и К.Н.Леонтьев, а ныне развивают такие авторы, как В.П.Троицкий, С.Н.Пушкин, В.Н.Тростников, В.И.Большаков, Н.Г.Козин, А.Н.Ерыгин, А.В.Белов, Р.П.Новикова, И.Б.Чубаис и др., в том числе, украинские – Ф.В.Лазарев, Ю.В.Павленко, В.А.Дергачев, Ю.М.Теплицкий. Эта парадигматика известна под названием культурно-исторического взгляда на локальные цивилизационные образования. С учетом предлагающихся аппроксимаций, но при акцентации внимания на концептуальной (а не только операциональной) стороне тематизируемого объекта, предпошлем дальнейшим рассуждениям такое определение цивилизации. Под цивилизацией следует понимать такую историко-генетически и ценностно детерминированную макросоциальную общность, которая объективирует себя в способах построения духовного порядка (скрепляя этносы на пневмической бытийной основе) и материальных форм культуры, полагает себя как субъекта истории geopolитически, а осознает (идентифицирует) свой путь проективно-мироустроительно, в том числе, через рефлексию самосознания.

Данное определение требует скорейшего уточнения, поскольку искомая цивилизационная величина есть процесс и результат сложной генетики и пневматики истории, реализация универсальных ее «механизмов» в форме локального культурно-цивилизационного творчества. Неслучайно цивилизация в ряде подходов распознается как объективированная, «обналиченная» морфема, энетелехия скрытых от глаз процес-

сов культурного производства человека в соотнесении с высшими смыслами. С другой стороны, цивилизация не только объект, но и субъект культурногенеза и социогенеза, непременный репрезентант определенного «генетического кода истории» (Н.Г.Козин) [3, с. 109]. Из него такой субъект культурно-исторического процесса, как цивилизация черпает ресурсы для выстраивания устойчивой и одновременно динамичной, социокультурной целостности, воспроизводя свою культурно-историческую специфичность. Существующий у цивилизации код как «обобщющая форма религиозной либо этической ориентации» (С.Эйзенштадт) так или иначе, закреплен в институциональной сфере и поведении отдельных индивидов, причем в прямой связи с необходимыми ответами на «те или иные фундаментальные человеческого проблемы бытия» [4, с.72]. Иначе, код – это достояние истории постольку, поскольку история ставит перед отдельным человеком и макросоциальными группами экзистенциально-значимые проблемы и заставляет искать их адекватного решения. Но цивилология, если она претендует на то, чтобы прояснить вопрос о предельных основаниях исторического бытия макросоциальных комплексов, обязана указать на место и время «рождения» этих экзистенциально-значимых проблем и как минимум описать процесс формирования духовно оправданных вариантов их решения, опять же, на уровне цивилизационного субъекта.

Считается, что подобную проблематику вскрыл немецкий философ К.Ясперс. Действительно, опираясь на определенный эмпирический базис исторической науки и антропологии, он сконструировал понятие «осевого времени», тем самым, выработав представление о сходимости частных (Китай, Индия, Иран, Палестина, греко-римский мир) перфектоценностных прорывов локальных цивилизаций, – к единому логосу жизни, в некую универсальную целе-смысловую вселенную («эпоха духовной основы нашего человеческого бытия»). В свою очередь, созданная коллективными усилиями «ось» Истории задала единую структуру Истории, в том числе, для народов, живших в измерении исторической синхронии с субъектами «осевого времени» (но находившиеся за пределами «движения осевого времени»), так и в аспекте диахронии: для народов (германцы и славяне – на Западе, японцы, малайцы и сиамцы – в Восточной Азии), хронологически позже вступающих на авансцену Истории. Но здесь следует акцентировать внимание на главном, структурообразующем моменте концепции К.Ясперса.

Из текста его работы видно, что проблема не решается в телеологическом (истоки и цель истории – величины неизвестные [5, с.31]), но якобы в коммуникативном ключе. В качестве генерирующих энергию духовного прорыва в осевое измерение, выступают Индия, Китай и Западный мир (Греция), причем, не как расовые, этнические, культурные или политические величины. В первую очередь они – величины духовно-коммуникативного порядка, основой бытия которых служит опыт [5, с.49]. Поэтому, нужно полагать, что постоянное общение между ними, – суть главный фактор формо- и смыслообразования в Истории. Идея этого опыта (заметим, не столько религиозного, сколько позитивно-технического характера!) позволяет Ясперсу говорить об общении с «умершими» культурами и цивилизациями, о диалоге традиций, о перенятии и усвоении фундаментальных знаний и навыков. Отсюда структура Истории предстает в виде четырех волн накопления и трансляции этого опыта: 1) прометеевская эпоха; 2) эпоха великих культур древности; 3) «осевой» эпохи; 4) эпохи развития техники.

Тем не менее, схема всемирной истории К.Ясперса как «всеобщей коммуникации», была основательно поколеблена современным социологом С.Эйзенштадтом в пункте, который обошел немецкий автор, уравняв историю человеческого духа с «двумя дыханиями», двумя прометеевскими прорывами [5, с.53]. Напротив, суть революционных изменений в сфере духа, по мнению С.Эйзенштадта, касается радикального слома прежнего миропонимания (магического – у Ясперса), в котором «лучший мир», был слепком с земного порядка бытия; замене его принципиально новой онтологической моделью реальности: с трансцендентным и посюсторонним порядками. Именно в «осе-

вых» цивилизациях вырабатываются: теистические и нетеистические представления о высшей реальности; о путях ее достижения (а значит обретения подлинной духовности); о связи трансцендентного и мирского порядков бытия; о социально-политической форме, соотносимой с трансцендентным; о метафизическом или этическом базисах как законообразующих по отношению к земной эмпирии; в конце концов, о духовно-нормативной структуре цивилизационного организма. Понятно, что мировоззренческо-мироустроительные «проекты» Конфуция и Лао Цзы, Гаутамы и Махавирьи, Заратустра и библейских пророков, наконец, Сократа и Платона, не просто отличались своими параметрами. В фокусе объективной компараторности они явно не корреспондировали друг с другом. Но главное, что эти «проекты» в различной степени актуализировали «поле напряженности» между трансцендентным основанием бытия и мирскими порядками существования. Это «поле напряженности» и является искомой сущностью «осевых революций» [6, с.95], всегда требующих перестройки социальной реальности и перестройки личности самого человека, – под вновь открытый метафизический и этический стандарт. Возникшие на путях этих духовных трансформаций проблемы и противоречия, считает Самуэль Эйзенштадт, «повлекли за собой новый тип социальной и культурной динамики в истории человечества» [6, с.96], сделали ее удивительно одухотворенной. И вместе с тем, противоречивой, имманентно-конфликтной.

Для минимизации внутриисторических конфликтов новым историческим субъектам потребовались мощные идеологические средства (религия, философия, «естествознание», новаторская этика), выработка и материализация «большой» и «малой» культурогенерирующих традиций (создание целой группы мета-рассказов), новая политico-сакральная сфера, особые социальные структуры, новые сословия, включая духовную элиту. Такое концептуальное уточнение является более веским, чем дискурс К.Ясперса, вынесшего за скобки своей схемы христианское Откровение. Однако именно христианство предложило принципиально новую онтологию – взамен ближневосточным и греко-риским вариантам мировой архитектоники. В «порядок космоса» была внесена идея живого Бога, Откровенно являющего себя в «порядке истории» и через жертву Бога-Сына, заново структурирующим Историю. Оно было и остается последовательным в отстаивании пути трансценденции, пути наиболее проблематичном, с точки зрения опыта «великих культур древности», как, впрочем, и опыта других «осевых» культур. В створе историософских концептуализаций именно за ним нередко признается роль «новой модели устройства и переустройства общественной жизни» [7, с.178]. Правда, вопрос о том, каковы модели цивилизационного устройства с точки зрения эволюции христианской цивилизации: от Византийской империи как материнской – к западной; от Византийской империи – к восточнохристианской или православно-русской, – отнюдь не праздный.

Наша попытка ответить на этот вопрос опирается на тот же тезис С.Эйзенштадта о конструктивности «поля напряженности» между мирскими порядками существования цивилизации, прежде всего, – символическим и социальным, и его трансцендентной основой. Для византийской и западной цивилизаций как идеально-тиpических вариантов развертывания христианской социальной парадигмы модели таких порядков будут принципиально отличными. Даже при том условии, что за сферой трансцендентного в Византии и на христианском Западе – до поры до времени – признают главный источник культурно-идеологических ориентаций. Определяя цивилизацию через проективность, мы пытаемся внести ясность в основные социокультурные параметры каждой из них. Именно проект как конструктивная деятельность, имеющая своим предметом «социальное нововведение» [8, с. 36], дает возможность уловить социокультурную динамику.

Согласно нашей гипотезе любой цивилизационный проект – это артикуляция и реализация задания по строительству культурно-политического строя, воспитанию определенного антропологического типа, способного воплощать в себе выверенный (формальным/ неформальным знанием, метафизическими, экономико-прагматичес-

кими, эстетическими и этическими критериями) образец субъекта историетворчества, но в историческом пределе – инициирующий максимальную интеграцию людей на пневмической основе. Понятно, что герменевтическое «вскрытие» исходного задания, с включенными в него креативно-антропологическими и креативно-социальными идеями, плюс желаемыми (аскриптивными или достижительными) образцами жизнеустройства, становится важной задачей науки о цивилизациях. В этом плане уже создан определенный задел (работы А.Ф.Лосева, К.М.Кантора, И.Р.Шафаревича, Ю.Хабермаса, П.Козловски, С.Леша, Э.Тодда и др.), в том числе, в отечественной цивилологии – С.Б.Крымским [9]. Но в отличие от С.Б.Крымского мы полагаем, что история как место реализации проектов не исчерпывается собственно христианским, марксистским и проектом научно-технической рациональности (постиндустриальное общество). Для этого вспомним хотя бы нетеистические варианты социальных утопий, социальную инженерию и т.д. Но самое важное состоит в том, что внутри самого христианства «вызрели» и объективировались несколько цивилизационных проектов – католический, протестантский (ныне, несмотря на внутреннюю вариативность протестантизма доминирующий в форме кальвинистского понимания Бога, мира, общества и человека) и православный, плохо ли, хорошо ли просматривающихся в онтологических пластиках современной истории. Поэтому ниже имеет смысл акцентировать внимание на общих различиях в специфике восточнохристианского и западнохристианского цивилизационного проектов. Проще говоря, если мы желаем понять суть истории именно как цивилизационной истории, – в свете этого положения, – то задача сводится к выявлению содержания фундирующего цивилизационного устройство и развитие проекта. Номинально он содержится в новозаветном послании и христианской нарративной традиции. Хотя вообще, проективное задание может быть выражено на языке мифа (в т.ч. политического), религиозной эсхатологии, секулярной идеологии, литературной утопии и т.д. Причем важно заметить, любой цивилизационный проект – вещь подверженная смысловой (целевой и ценностной) деформации, поскольку история – это процессуально «открытая» как в прошлое, так и в будущее система, в которой реализуются ценности и смыслы.

Считается, что оригинальная теologо-историческая концепция дуализма двух градов блаж. Августина, – Града «небесного» и Града «земного», стала идейным основанием бытия западнохристианского цивилизационного мира. Предложенная им в трактате о «Граде Божием» [10] модель истории была действительно революционной в нескольких отношениях: во-первых, она постулировала шестиэпохальную (О Граде Божием. Кн. XXII, 30), линеарную, причем, семантически направленную (от грехопадения – через Искупление – к Страшному Суду) версию процесса Истории, в которой отдельная человеческая личность с бессмертной душой, призвана жить (О граде Божием. Кн. XII, 13); во-вторых, в отношении структурированности исторического процесса на основе отношения (любви) людей к Богу и к ближнему, – на два Града: Небесный и земной (О Граде Божием. XV, 10); в-третьих, в ней содержались историко-генеалогические древа двух Градов (от праотцев – Авеля и Каина, до реальных исторических и политических деятелей) (О Граде Божием. Кн. XV, 5); в-четвертых, она хотя и дифференцировала человечество на два сообщества, не давала четко артикулированных границ и состава обоих градов – в актуальной истории (например, тезис о *civitas perplexa*, о двойственности Града Небесного, в который вошли «чистые» и «нечистые» народы (О Граде Божием. Кн. XV, 27); или тезис о двусоставности земного Града, суть которого – злые, а вторая часть, не мирящаяся с грехом, – потенциальные жители Небесного (О Граде Божием. Кн. XV, 2); в-пятых, данная модель выносila вопрос об их размежевании в пост-историю, на Страшный Суд; в-шестых, и это решающее для темы западнохристианской цивилизации обстоятельство, блаженный Августин высказал идею о предопределенности одних людей – ко спасению, других – к погибели (О Граде Божием. Кн. XII, 27). Последнее положение вообще оставляет в подвешенном состоянии этику

блаж. Августина, в рамках которой были артикулированы понятия «греха» и «праведности», «доброй» и «злой» воли, «внутреннего» и «внешнего» человека. Даже такое важное размежевание людей, как жителей Градов, – по признаку amor Dei и amor sui, а тем более приданье любви подлинно космического характера (Исповедь. Кн. IV, IX; XIII), на самом деле не вносит ясности и определенности в идеально-типическое представление о двух субъектах мировой Истории.

Следующий сюжет конструирования цивилизационной архитектоники принадлежал Фоме Аквинату. В его концепции «трех градов» [11, с.50-56], где сохранено (хотя и в минимизированном виде) «поле напряженности», переформатированы не только сами Грады – «небесный» и «дьявольский», но «граду человеческому и земному» уделено особое внимание. Так, «условия его жизнедеятельности и собственно человеческие установки» превращаются в предмет проективного характера, цель которого – трансцендентна, а средства – во многом имманентны природе самого общества (хотя сам Фомастроил христианскую этическую аргументацию). Это противоречие не упраздняется, а усиливается в сочинениях Антонина Флорентийского, где обществу и составляющим его суть отношениям впервые дается экономическая интерпретация (поскольку зарождение рыночных отношений, как не предусмотренных в проекте строительства «цивилизации любви», требовало своего объяснения и понимания), причем с двух точек зрения – разума и Откровения [там же, с.61-62]. Отсюда тянется нить к Ж.Кальвину и другим деятелям Реформации, которые, согласно реконструкции М.Вебера, предложили учение о мирской аскезе как предпосылке для рождения «духа капитализма». Но самое, пожалуй, важное на этом пути: когда «поле напряжения» между трансцендентным и земным порядками «сжимается» до масштабов души конкретного человека, либеральными стандартами предоставленного самому себе, тем более, когда трансцендентное отменяется хотя бы для части общества (проклятые – у Ж.Кальвина), то социокультурный комплекс переходит в режим неконтролируемого самоизменения.

Неудивительно, что Запад, перманентно сотрясаемый альтернативными идеологическими проектами устройства общества (возводимыми, якобы, на христианских началах), не только перекроил ценностно-смысловую сферу бытия («изгнав» Бога из научной, философской и художественной картин мира), изменил границы своей культурной и политической общности (колонизация, революции, мировые войны) следуя логике развития «мир-экономики» (Ф.Бродель). Коррективы, внесенные в понимание христианской жизни, касались всего объема онтологических вопросов, но в первую очередь они затронули суть земного предназначения человека. В результате фаустовских усилий его, Запада, цивилизационный код становиться «некой грудой» (Л.Дюмон), а дальнейшее развитие проектируется под потребности эмансионированного от подлинной «оси» Истории, человека. Вплоть до сегодняшнего дня, когда «сакральная вертикаль» (В.Л.Цимбурский) как смыслобразующий остов цивилизации превращена Западом в «многообразие многообразий» (М.Валькер). Неслучайно в качестве ее социокультуроного позитива выставляются ризома, всемирная паутинка, «сад расходящихся тропок»...

Византия в этом отношении представляла из себя иную социокультурную модель, поскольку ее цивилизационные основания уходили корнями в мир раннего христианства и греческой античности. Есть мнение (С.С.Аверницев), что «символический код» византийской цивилизации восходит к текстам св. Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии». В них утверждалась иерархическая структура высшего духовного мира, которая имела своеобразный аналог в земном бытии. «Иерархия, – писал св. Дионисий, по моему, есть священная организация, знание и деятельность, воспринимающие насколько это доступно, богообразие и к явленным от Бога осияниям соразмерно для богоподражания возводимые» [12, с.71]. Такое «сверхмирное художество» имеет соответствующие задаче «божественного восхождения» или «обожения», параллельные структуры в мире земном. Вся лестница трех тройственных чинов «небесной иерархии» – 1) престолов, херу-

вимов и серафимов; 2) господств, властей и сил; 3) начальств, архангелов и ангелов; равно как и земной: 1) крещение, евхаристия и миропомазание; 2) епископы, священники и диаконы; 3) монахи, миряне и оглашенные, – определяются как важнейшие составляющие мистерии «просвещения» Богом человечества и единения с Ним, как с высшей Красотой и Благом. Иератический статус иерархии и пневмические отношения внутри ее уровней и стали той символической моделью, которую социокультурно пытались реализовать византийское общество. Принципы устойчивости и неподвижности делали эту систему в принципе аристотельской. Даже позаимствованная из античного полисного уклада социальная стратификация, помогала космизации божественно-социального такого-а. Космический порядок здесь был утвержден в виде священного порядка духовных существ как единого Тела Христового, а значит, он ниспровергал телесно-стагуарную модель космоса античной культуры, где отношения между сущностями имели логическую природу. Но с другой стороны, обращение каждой души ко Христу, введение ее через Церковь в Богочеловеческий организм, должно быть учтено в качестве центрального факта «мистического историзма». Миистическое-литургическое богообщение, плюс сакрализация (насколько это возможно всех сторон жизни византийцев: от службы в армии и монастырских послушаний – до земледельческой деятельности и правовых актов [13, с.108-137] на самом деле были ничем иным, как собиранием этнических и социальных групп, западных и восточных культурных агломераций, – в единый макроисторический субъект, «мир миров».

Для социального и культурного генотипов православной цивилизации эмпирически характерно то, что цивилизация как общество и цивилизация как стилистически определенный тип культуры, практически на всех этапах своей жизни, воспроизводят непосредственно или в модифицированном виде тот нормативно-ценостный порядок, который при передаче из Византии на Русь получил признание в глазах политической и духовной элиты, а затем ею же поддерживался и наращивался, в том числе, в череде политических кризисов и катастроф. Вспомним хотя бы духовное собирание Руси прп. Сергием Радонежским и его последователями во времена монголо-татарского ига, или единение народов, входивших в цивилизацию при агрессиях со стороны Запада (польской, шведской, французской, германской). Естественны – в этом плане – такие вопросы: почему социальная история Киевской Руси – Московии – имперской России – СССР отмечена «родовым», а не «индивидуальным» принципом социальной организации? Почему, в свою очередь, ее культурные архетипы всегда тяготеют к религиозно-космологическим смысловым экстрактам? Ответ тут, как нам представляется, может быть найден при погружении в код «материнской» цивилизации. Совмещение космологического сознания как сознания божественного первоистока, либо как райского блаженного состояния человека, и, сознания исторического, как сознания причин-и-следствий в ракурсах: происходящее – произошедшее; происходящее – то, что может произойти, сообщило Византии как субъекту историетворчества особое «зрение». Неслучайно, как указывает Б.А.Успенский [14, с.29-31], православное христианство, соединив в догматических формулах Никейского, I Константинопольского, Ефесского, II Константинопольского и Халкидонского соборов, божественную природу Христа с природой человека, добилось адекватного миропонимания, которое, в конце концов, стало достоянием всей восточнохристианской ойкумены. Но, как известно, Византия как цивилизация погибла, влекомая к нарушению космологически-и-исторически сложившейся структуры целым комплексом внутренних и внешних причин. Однако преемственность базисных социокультурных компонентов (в формате: Византия – Киевская Русь и т.д.), осуществлялась, как показал тот же С.С.Аверинцев, в виде наследования двух признаков: 1) «быть в некотором смысле всем миром, вмещающем даже рай» и 2) «быть миром под знаком истинной веры» [15, с.331]. Но Русь – Россия проявила себя не только талантливой ученицей, ибо она длительное время «смотрелась» в зеркало «византизма», как с эпохи Алексея Михайловича и Петра I она смотрится в кривое

зеркало цивилизации модерна. Правда сейчас, как уверяет Ж.Бодрийяр, в него смотреться просто опасно, по причине «лейкимии истории и политики» [16, с.66].

К сожалению, нередко встречается непонимание существа византийского культурно-исторического типа. К.Н.Леонтьев в своей же теории византизма, выстроенной на знании реальной жизни социокультурных останков «материнской цивилизации» и распознанной им (в дополнении к типологии Н.Я.Данилевского) как самостоятельный тип цивилизации, утверждал: «Мы знаем, например, что византизм в государстве значит – Самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом; знаем о наклонности византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу» [17, с.94]. Именно в таком виде, согласно Леонтьеву, «он всосался у нас».

Отсюда требование, вытекающее из цивилизационного статуса «византизма»: во что бы то ни стало сохранить за ним «функцию» ценностно-нормативного базиса всего социокультурного порядка, в том числе, – как основания идентификации, – при внешних «вызовах» со стороны осуществившего «осевую контрреволюцию» Запада, стремящегося к дальнейшей «прогрессии» эмансионированного человеческого «я» и выстроенной на его правах здания либеральной цивилизации. Заметим, Запада, который земной град предпочел Граду небесному, а значит рационально «убравшего» из космологического универсума размерность трансцендентного, плюс те нравственные обязательства, которые были нацелены на адекватное снятие напряжения между земным и небесным. Поэтому, можно предположить, что восточнохристианская цивилизация при реализации своего проекта конституировалась как субъектность, способная отвечать на Откровение фактом восхождения вверх, по духовной «лестнице». Причем сам ответ первоначально давался в сфере внутренних, индивидуально-коллективных (соборных) духовных актов, а затем переносился на внешнюю реальность с ее политическим, экономическим и социальным порядками. Понятно, что именно Церковь институционально осуществляла «социальное нововведение», в виде преображения каждого физического лица, – в личность, а затем, в – лик [18, с.149-177]. Духовное делание велось до победы над злом (грехом) и только при нахождении в имманентных слоях индивидуальной и коллективной души трансцендентного, как точки опоры для встречного сотериологического движения. Но то же, как показал И.А.Ильин (социальная онтология и антропология опираются на первичную силу – сердце, действующую в виде детерминанты ко вторичным силам, – воле, мысли (разуму), форме и организации [19, с.323-325]), касалось структуры и логики творческого акта людей, воспитанных русской Церковью (православным преданием), но занятых решением любых исторических задач. В данном случае речь идет не столько о примате внутреннего над внешним, сколько о расширении сферы преображеного внутреннего до пределов внешнего. «Универсальное государство» (А.Дж.Тойнби), рождающееся таким направленным движением «пневматосферы» (о.Павел Флоренский), не могло не удивлять отсутствием нормальной, к примеру, естественноисторической логики, логики догоняющей модернизации или логики рыночного фундаментализма.

В качестве вывода напрашивается следующее: в нынешних реалиях не столько важна сама эсхатологическая перспектива как перспектива мобилизации цивилизационного сознания для окончательного утверждения святости, ибо иной исторической функции «Третий Рим» просто не имел и не имеет. Кристаллизация православного понимания человека и Истории дает формулу: «непосильные» задания всегда оказываются по силам, а умеренные рациональные задания неизменно терпят провалы [20, с.262].

Не раз изменив своим социокультурным основаниям (то ли при строительстве архитектуры либеральной субцивилизации, то ли при строительстве ею же порожденного идеологического контр-проекта по созданию «государства рабочих и крестьян» в евразийском масштабе), восточнохристианская цивилизация подтверждает «от противного» историческую доброкачественность своих цивилизационных корней, которые, даже в строящемся «глобальном человейнике» выглядят не так модерново и постмодерново. Тем самым подтверждается догадка А.С.Пушкина о том, что «история ее (православной цивилизации. – Д.М.) требует другой мысли, другой формулы...». Ее составляющие, должно быть, это – «история-память» и «история-проект», открытые в цивилизационное прошлое и будущее.

РЕЗЮМЕ

Статтю присвячено дослідженню проблеми соціокультурної специфіки східнохристиянської цивілізації. Автор звертає особливу увагу на духовні структури цивілізаційного буття.

SUMMARY

The article is devoted to a research the problem socialcultural specific of eastchristianity civilization. The author focuses the reader's attention on spirituality of pattern's establishment by civilizations.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 603 [5] с.
2. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга первая. – М.: Алгоритм, 2002. – 640 с.; Он же. Советская цивилизация. Книга вторая. – М.: Алгоритм, 2002. – 768 с.
3. Козин Н.Г. Постижение России. Опыт историософского анализа. – М.: Алгоритм, 2002. – 656 с.
4. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
5. Ясперс К. Истоки истории и ее цель// Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С.27-286.
6. Эйзенштадт Ш. Основы и структура цивилизационного устройства общества. О цивилизациях «осевого времени» // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. Учеб. пособие для студентов вузов/ Сост., ред. и вступ. ст. Б.С.Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 94-101.
7. Федоров И.А. Парадигмы философии социального преобразования (античность и христианство). – СПб.: Издательский дом «Миръ», 2006. – 392 с.
8. Луков В.А. Социальное проектирование: учеб. пособие. – 6-е изд., испр. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета «Флинта», 2006. – 240 с.
9. Крымский С.Б. Проект и проектирование в современной цивилизации // Крымский С.Б. Экспликация философских смыслов. Изд. доп. – М.: Идея-Пресс, 2006. – С.142-154.
10. Блаженный Августин. О Граде Божием в двадцати двух книгах. Т. 1-4. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994.
11. Патрик де Лобье. Три града. Социальное учение христианства. – СПб.: Алетейя, 2000. – 412 с.
12. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии // Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. – СПб.: Алетейя; Издательство Олега Абышко, 2002. – С.37-205.
13. Хвостова К.В. Особенности Византийской цивилизации. – М.: Наука, 2005. – 197 с.

14. Успенский Б.А. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. – СПб.: Азбука, 2002. – С.9-76.
15. Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности// Аверинцев С.С. Другой Рим: Избранные статьи. – СПб.: Амфора, 2005. – С. 315-357.
16. Бодріяр Ж. Симулякри і симуляція. – К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2004. – 230 с.
17. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). – М.: Республика, 1996. – С.94-155.
18. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5-ти кн. Кн. 2. Добро и зло. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. – 240 с.
19. Ильин И.А. О русской идее // Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 годов. В 2-х т. Т.1. – М.: Парог, 1992. – С.322-331.
20. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.:Алгоритм, 2002. – 326 с.

Надійшла до редакції 04.09.2007 р.

УДК 15.370

ПРОФЕССИОНАЛЬНА КУЛЬТУРА И САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СЛЕДУЯ М. ВЕБЕРУ)

A.E.Otina

Профессиональная культура представляет собой непростую, но интересную среду, подлежащую изучению целого ряда гуманитарных наук: культурологии, психологии, социологии. Помимо этого, она – предмет естественного внимания со стороны представителей различных конкретных профессий, чьей имманентной принадлежностью является, способствуя интеграции личности в профессиональное целое и социальную общность, закреплению за ней определенного социального статуса, успешному вхождению в референтную для человека группу, самоактуализации личности.

Профессиональная культура, безусловно, представляет собой важнейшее качество личности и как части социального целого, и как индивидуальности, единичности. В первом случае она является выражением интегрирующего, универсального, целостно-нормативного комплекса идей, связывающих воедино представителей определенной профессии, близкого рода знаний, коллег. Во втором – становится выражением, частично содержанием и знаком личностных способностей, таланта, опыта, характера, умения самовыражения именно этого, конкретного человека и профессионала.

Человек – высшая степень развития живых организмов на нашей планете, субъект и объект культуры. Выстраивать подобную иерархию родов и видов, помещать на самую верхушку Эвереста общностей на Земле человека нам позволяет то, что он представляет собой *homo sapiens*, *homo ludens*, *homo faber* в одном лице, т.е. способен к творческому претворению мира и творческому створению нового уникального бытия – культуры. С одной стороны человек – биологически родовое существо, с другой – создатель специфического мира, явившегося результатом творческой деятельности всего человечества. Касательно нашей проблемы, например, можно отметить, что животные, гораздо более разумные, чем может показаться на первый взгляд, обладают многими качествами, близкими и понятными людям. У них есть психика, моногамные отношения, они организуются в сообщества, прайды, стаи и т.п., где есть управляемые

и управляющие, разделение функций и труда. Однако у животных нет профессий. Понятно, что у них нет и профессиональной культуры. Профессиональная культура – это продолжение и проявление творческой сущности человека, индивидуальное качество человеческого рода как единства среди всех других земных обитателей.

Цель нашей статьи состоит в установлении взаимосвязи между профессиональным ценностным уровнем личности (её профессиональной культурой) и её самоактуализацией в процессе личностной интеграции в социальное целое.

Поясняя понятие «личность» через понятие «человек», можно сказать, что личность есть человек со сложившимся мировоззрением, самосознанием, а также способностью к творческой самореализации через предметную деятельность. Самосознание представляет собой осознание и оценку человеком самого себя как субъекта практической, познавательной, творческой деятельности, т.е. как личности. И наличие у человека профессии и профессиональной культуры играет здесь далеко на последнюю роль. Зачастую низкая оценка работы человека, неудовлетворительная или неудовлетворенная самооценка его как профессионала приводят личность в состояние отчуждения, в положение маргинальности. Молодой человек, не имеющий приоритетов в профессиональной сфере или избравший сферу деятельности исключительно под влиянием или воздействием со стороны или извне (родители, конъюнктура на рынке труда) испытывает затем большие жизненные сложности, связанные с дальнейшим ходом социализации, реализацией жизненных амбиций, адаптацией в определённых социальных группах. Безусловно, все это представляет для личности огромную опасность. Сбои в процессе социализации: пропуск необходимых уровней, значительные отставания на этом пути от других, которые ушли далеко вперёд на профессиональной дистанции приводят к положению социального аутсайдерства. А это тоже своеобразный социальный статус, или, скажем так, антистатус, который неминуемо вызывает у личности психологические комплексы и потери: социальный страх и отчуждение обществом и от общества. К сожалению, результатом подобного социального срыва, социальной дезинтеграции часто является девиантность личности во всей палитре её проявлений: алкоголизм, наркомания, криминальные проявления, суицид. Человек уходит из гуманистической самоактуализации, реализуя себя в асоциальной сфере жизни.

Однако во взаимоотношениях «профессиональная культура – личностная самоактуализация» есть и другая сторона. Случается, что и само общество, находясь в состоянии нравственной и правовой аномии (Э.Дюркгейм) не способно обеспечить личности, представителю какого-либо слоя, класса, профессии удовлетворительное качество норм, защит, закрепленное за определенной профессиональной сферой. Результат – все то же отчуждение – социальный процесс, основной характеристикой которого становится превращение деятельности человека в самостоятельную, отдельную от него силу. Эта сила экспансивна по своему характеру и особенностям, враждебна человеку и господствует над ним. Нарушена логическая цепь «творец – творчество – результат» и «результат» превращается в «деятельность», которая диктует «творцу» собственные законы и правила, обезличивая личность. Истоки отчуждения – в относительном обособлении индивидов в производстве и в возникающей на этой базе частной собственности. Выражается она в господстве овеществленного труда над трудом живым и в превращении личности в механизм действия некоей абстрактной машины, в объект манипулирования, эксплуатации, что неизбежно логически связано с перекрытием каналов самоактуализации и процессом нивелирования личности, индивидуальности. Стихийность общественного развития, отсутствие контроля над условиями, средствами, продуктами труда, низкий гигиенический уровень труда, недостойная оплата, отсутствие мотивационного фонда и фона – всё это приводит к уничтожению или дискредитации самой идеи профессиональной культуры.

Результат – разрыв между желаниями, ожиданиями человека и нормами, реально существующими в обществе. В итоге сами нормы начинают восприниматься как чуждые и враждебные личности. У человека возникает чувство изолированности, одиночества, абсурдности существования, враждебности по отношению к миру и другим. В конечном итоге всё это приводит к разрушению норм поведения, причём не только связанных с профессиональной сферой.

Подобная ситуация объясняется тем, что само явление культурной нормы непосредственно опирается на понятие культурных ценностей, базируется на нём. В описанной ситуации таких ценностей попросту нет, или они есть, но не «про вашу честь» – не для всех. Такой вот ценностный колосс на глиняных ногах неминуемо рухнет. Не так уж редки примеры развала фирм, где существует ценностно-нормативный вакуум, совсем отсутствует или низка профессиональная культура.

Конкретизируя понятие субъекта культурного творчества, среди прочих (нация и народность, государство, церковь, класс, субкультуры, гендерные носители, семья, личность) учёные в качестве субъекта культуры называют профессиональные группы. Именно они являются носителями, хранителями и творцами культурной информации специального предназначения. Эта информация включает в себя технологическую, методологическую, экономическую, физическую, физиологическую, психологическую, нравственно-правовую и т.п. «территории», которые занимаются представителями данной конкретной профессии. Это и система ценностей, относящихся к содержанию работы, и кодекс коллегиальных взаимоотношений, и правила и возможности диалога с людьми других профессий, и самоидентификация каждого конкретного человека, избравшего именно это, а не какое-то другое поприще деятельности.

Между культурой и творчеством можно, хотя бы аллегорически, поставить знак равенства; с толкованием это тождество мы сталкиваемся в истории развития человеческой мысли бесчисленное количество раз. Так, например, вся земная деятельность человека для средневекового сознания – служение Богу, а талант – лишь проводник между Творцом и человеком. Труд богоугоден, является богослужением (феномен замены автора авторитетом). Возрождение понимает творческую активность как проявление в человеке Духа Святого. Свобода и творчество, помноженные на достоинство человека – знаковое математическое действие эпохи, разрешением которого становится профессионал, человек в творчестве своем максимально реализовавший собственную гуманитарную сущность.

По убеждению известного деятеля Реформации Жана Кальвина, Бог, еще до сотворения мира, одних людей предопределил к спасению, других – к погибели. И никакие усилия людей не изменят «абсолютного предопределения». Однако, утверждал Кальвин, каждый обязан быть уверен, что он – избранник божий. Но что же даёт основание для подобной уверенности? По Кальвину именно успех профессиональной деятельности является существенным признаком подтверждающим «богоизбранный». Таким образом, профессия выступает как призвание, место служения Богу, а профессиональный успех трактуется не как средство получения материальных ценностей, богатств, поощрения амбиций и честолюбия, а как самоценность, доказательство причастности к христианскому миру, высочайшим культурным уровнем профессионала.

Реформация вместе с духом протестантизма создает новый тип личности – дисциплинированного разумного профессионала, чьи достижения в сфере избранной трудовой деятельности дополняются мирским аскетизмом (о чём подробное исследование М.Вебера «Протестантская этика и дух капитализма»).

Новое Время в стремительности социального развития, углублении тенденций к индивидуализму, с одной стороны, и мощнейшей социальной интеграции (при всех проявлениях конфликтов, дезинтеграции общества), с другой, выдвигает собственные требования к человеку как субъекту культурного творчества и профессиональной культуре. Чётко и ясно они выражены в работах философа М.Вебера, который традицион-

ному и харизматическому устройству общества противопоставляет рациональный, где во главу угла среди всех других сфер (например, важное место у Вебера занимает религия в пространстве культуры) ставится профессиональная культура.

Новое время выдвигает принципиально новый критерий самоопределения человека в мире. Это «научность – ненаучность». «Лишь к Новому времени успехи европейской науки в познании мира в техническом оснащении практической деятельности обеспечили ей признание в обществе и высокий статус. По сравнению с научным знанием другие формы перестают считаться истинными, и квалифицировать что-то как ненаучное значит отвергнуть значение этого объекта» [3, 192]. В подобной обстановке смены внутри культурной иерархии ценностей возникает острая потребность самоопределения, самосознания науки и личности учёного – её прямого носителя, творца, субъекта.

В работе «Наука как призвание и профессия» в качестве первостепенного принципа научной деятельности и, следовательно, некоего канона профессиональной культуры «научного производства» М. Вебер называет «специализацию», когда «не только внешне, но как раз внутренне дело обстоит таким образом, что отдельный индивид может создать в области науки что-либо завершенное только при условии строжайшей специализации... И поэтому тот, кто не способен однажды надеть себе, так сказать, шоры на глаза и проникнуться мыслью, что вся его судьба зависит от того, правильно ли он делает это вот предположение в этом месте рукописи, то пусть не касается науки. Он никогда не испытает того, что называется увлечением наукой» [1, 130]. Научное творчество – прежде всего творчество, т.е. неудержимое влечение к научной деятельности как к профессии, считает Вебер.

Самореализация в пространстве профессии – это, прежде всего, творческая самоотдача. Она сама по себе предполагает и порождает профессиональную культуру. Лишить учёного его поприща равносильно перекрытию кислорода. У него особый «организм», питающийся чужими идеями и питающий окружающее пространство собственными идеями. Открытость диалогу – вот другое важнейшее составляющее профессиональной деятельности и культуры для Вебера, в том числе, если учёный сталкивается с мыслью дилетанта. Откажись от корпоративных амбиций, ищи истину везде, где она есть – вот формула открытия для Вебера. «Идея дилетанта с научной точки зрения может иметь точно такое же или даже большее значение, чем открытие специалиста. Внезапная догадка не заменит труда. И, с другой стороны, труд не может заменить или принудительно вызвать к жизни такую догадку, так же как это не может сделать страсть. Только оба эти момента – именно оба вместе – ведут за собой догадку» [1, 130].

Задумавшись о движущих импульсах профессиональной деятельности коммерсанта, политика, художника и ученого, М. Вебер приходит к выводу, что все они имеют общий корень: будь-то «коммерческая фантазия», «гениальная выдумка», «математическая фантазия» – все это и «упоение» (в смысле платоновского «экстаза») и «вдохновение» [1, 138]. И если человеку присущ подобный «дар», который выражается в непреодолимом влечении к какому-либо делу, то его можно смело назвать представителем данной профессии, профессионалом и, по Веберу, личностью. Ведь ««Личность» в научной сфере есть только тот, кто служит одному лишь делу. И это не только в области науки» [1, 132]. Личность, как для Вебера-учёного, так и для Вебера-человека – прежде всего существо, всецело поглощенное Делом, «одним лишь делом». В подобном отношении к профессии как служению оказывается, с одной стороны, безусловно, влияние протестантизма; с другой, в нём весь Вебер-учёный, т.е. личность учёного Вебера и по Веберу. Здесь мы сталкиваемся с уникальным совпадением взглядов человека и его сущности. Хотя учёный и упоминает об ошибке гениального Гёте, который в поисках единосущности мира и единства бытия, в произведении видел «личность» художника, а жизнь его мыслил как «творение искусства». «Жизнь» и «дело» для Вебера – не одно и то же, хотя в «деле» и есть вся жизнь учёного.

Исследователь Б.Ерасов выделяет два критерия, отделяющих науку от ненауки. Первый состоит в «согласованности с фактами, наблюдениями или экспериментальными данными» [3, 192]. Однако, в силу ряда причин, он является недостаточным, и возникает необходимость в поиске второго, дополнительного критерия. В качестве такового Ерасов называет «внеличностный характер тех реальностей, объектов, взаимодействий, которые изучает наука» [3, 193], так как «наука в высокой степени представляет собой отделение субъекта от объекта и лишение этого объекта какого-либо ценностного значения для наблюдателя» [3, 193].

В этом состоит коренное отличие научной и художественной деятельности, науки и искусства. «В искусстве и поэзии личность – это всё», – воскликнул великий Гёте. В науке учёный абстрагируется от самого себя, и чем выше степень абстрагированности, более самоотречение, тем лучше результат. В искусстве художник растворяется в своём произведении, воплощая себя в нём. Произведение здесь – самовоплощение художника. В научной деятельности человек, совершающий открытие, полностью отказывается от своего личностного в нём присутствия.

Среди «Парадоксов» В.Ф.Одоевского присутствует следующий: «Кроме таланта, два условия составляют великого художника: уверенность, что он сам рождён для своего искусства, и равная уверенность, что всё может быть предметом его искусства» [4, 30]. Учёный лишён как первой, так и второй «уверенности», которые остаются за пределами его профессиональной деятельности. В ней он актуализирован только на предмете исследования, в поисках объективных детерминант он отказывается от личностных пристрастий, субъективных ценностей. «Прекрасное творение искусства происходит там, где свободный гений человека, как нравственно совершенная сила, запечатлевает божественную, по себе значительную и вечную идею в самостоятельном, чувственно совершенном органическом образе или призраке» [2, 232], – писал А.И.Галич. «Целостность ограниченная вместе с самостоятельностью «нравственно совершенного» произведения выделяются Галичем в качестве эстетических свойств и специфических характеристик художественного мира. Научное открытие, в отличие от художественного произведения никогда не может называться ни завершённым, ни самостоятельным в строгом смысле этого слова (о чём подробнее ниже в статье).

Отделённость же субъекта научной деятельности от объекта и «лишение этого объекта какого-либо ценностного значения для наблюдателя» приводят к проблеме соотношения между наукой и нравственностью. Вопрос по сей день остаётся открытым, встаёт перед каждым учёным и каждый раз получает индивидуальное решение. Здесь находится поле пересечения личностного субъективного и объективного научного пространств, учёного и науки. Известен факт о том, что Огюст Конт исключал сначала этику из своей схемы возрастаания абстрактности наук, считая её непозитивной. При этом он всё же понимал, что наука без нравственности не хороша. И к концу жизни от попытки представить этику частью социологии он пришёл к мысли о том, что социология – часть этики. А так как этические нормы различны по своей сути, то в работе «Система позитивной политики» Конт пытается соединить в одно целое религию и социологию. Он изобретает социолаторию, своеобразный синтез социологии и религии, где предметом культа становится само общество.

Однако вернёмся к М.Веберу.

Оглядываясь вокруг, Вебер замечает тенденцию академической жизни, характерную для современности, по крайней мере, ничуть не меньше, чем для времени, когда философ размышлял о призвании и профессии учёного. Это тенденция подмены дела антуражем, опасная тем, что наука не терпит «идолов», наносных, неприродных самой сути научной деятельности движений. Это некие интриги амбиций вокруг науки, где результат один – наука отторгает интриганов. Позволим себе привести здесь достаточно большое, но чрезвычайно важное предостережение Вебера: «Есть ли у кого-то науч-

ное вдохновение, это зависит от скрытых от нас судеб, а кроме того, от «дара». Эта несомненная истина сыграла не последнюю роль в возникновении именно у молодёжи – что вполне понятно – очень популярной установки служить некоторым идолам, культивировать этих идолов, как мы видим, широко практикуется на всех перекрестках и во всех журналах. Эти идолы – «личность» и «переживание». Оба тесно связаны: господствует представление, что последнее создает первую и составляет её принадлежность. Мучительно заставляют себя «переживать», ибо «переживание» неотделимо от образа жизни, подобающего личности, а в случае неудачи нужно, по крайней мере, делать вид, что у тебя есть этот природный дар... Но в науке совершенно определённо не является «личностью» тот, кто сам выходит на сцену как импресарио того дела, которому он должен был бы посвятить себя, кто хочет узаконить себя через «переживание» и спрашивает: как доказать, что я не только специалист, как показать, что я – по форме или существу говорю такое, чего ещё никто не сказал так, как я? – явление ставшее сегодня массовым, делающее всё ничтожно мелким, унижающее того, кто задает подобный вопрос, не будучи в силах подняться ДО ВЫСОТЫ И ДОСТОИНСТВА ДЕЛА, которому он должен был бы служить и, значит, быть преданным только своей задаче» [1, с.132-133]. Человек служит профессии, а не профессия ему, тогда он – «личность», а профессия – призвание. Профессиональная культура, таким образом, – это степень и качество служения своему делу, единство «разума» и « страсти», воплощённые в деятельности учёного, коммерсанта, политика, художника, представителя любой профессии, если он «личность», а она – поприще.

Воспринимая «разум» и «страсть» как обязательные составляющие любой профессии, а «вдохновение» считая признаком, онтологической сущностью личности и ученого, и художника, Вебер стремится выделить отличительные значимые черты, которые, наряду с общими и не менее последних, характеризуют научную деятельность. Он приходит к выводу, что «судьба её глубоко отлична от судьбы художественного творчества», так как «научная работа вплетена в движение прогресса» [1, с.133]. И если величайшие произведения искусства не теряют своей значимости в веках, то научная работа, являясь частью прогресса, который «уходит в бесконечность», так или иначе, представляет собой песчинку в вечности, в постоянном, динамическом, непрекращающемся движении науки. Научное открытие обязано быть звеном бесконечной цепи открытий, в этом его бытийственный смысл и значение. И поэтому «быть превзойденным в научном отношении – это не только наша общая судьба, но и наша общая цель. Мы не можем работать, не питая надежды на то, что другие пойдут дальше нас» [1, с.133]. Художник может «позволить» себе быть индивидуальностью. Учёный при всей своей гениальности обязательно является частью общности. И чем менее в нём вышеупомянутых амбиций «переживающей собственную значимость личности», тем больше он учёный и тем выше его профессиональная культура.

Наука вплетена в сложнейшее движение прогресса, и цель учёного – попасть в него, совпасть с ним, а затем слиться, когда дело, открытие становится частицей бесконечности развития разума.

Здесь напрашивается аналогия с гегелевским тезисом о том, что «культура есть освобождение и работа высшего освобождения»; история человечества – путь наверх, когда человеческий род как общность поднимается через познание к «абсолютному духу». А поскольку «абсолютный дух» недостижим, то это бесконечное общее творческое движение. Гегель считал, что в культуре господствует всеобщее логическое, может быть поэтому, по Веберу, учёный «занимается тем, что в действительности никогда не кончается и не может закончиться» [1, с. 133].

Вопрос, почему учёный занимается научной деятельностью, тогда как результат его собственных усилий обязательно растворится в общем движении и попросту достаточно скоро «устареет», для М.Вебера напрямую связан с пониманием «смысла науки».

Размышляя о нём, Вебер опирается на «несколько общих соображений». В первом из них снова видна чёткая аналогия с Гегелем и его идеей всеобщего логического совершенствования: «Научный прогресс является частью, и при том важнейшей частью, того процесса интеллектуализации, который происходит с нами на протяжении тысячелетий» [1, с.134].

Процесс «интеллектуализации», по Веберу, – это процесс демагизации, дедемонизации мира, когда человек постепенно начинает понимать то, что многое не познано, и возникнет и откроется бесконечное множество вещей, подлежащих познанию, однако «стоит только захотеть, и в любое время всё это можно узнать» не с помощью магических приемов, а пользуясь расчётами и техническими средствами.

Современный человек – человек «расколдованного мира», «включённый в цивилизацию, постоянно обогащающийся идеями, знанием, проблемами..». Он «может устать от жизни, но не может пресытиться ею. Ибо он улавливает лишь ничтожную часть того, что всё вновь и вновь рождает духовная жизнь, притом всегда что-то предварительное, неокончательное..» [1, с. 135]. Таким образом, для подобной личности осознание временности своих открытий представляет включенность их во время, т.е. снимает не только муки амбиций, но даже вопросы о смысле смерти.

Размышляя над произведениями Льва Толстого, Макс Вебер приходит к интерпретации их с точки зрения «человека культуры», представителя «расколдованного мира», в котором существует закон безграничного познания.

Известный американский психолог Абрахам Маслоу в середине XX столетия изобретает знаменитую иерархию потребностей. Позволим себе привести её здесь: 1) физиологические потребности; 2) потребности в безопасности; 3) потребности в любви и привязанности; 4) потребности в признании и оценке; 5) потребности в самоактуализации. Первые две ступени – низшие, третья – пограничная, четвёртая и пятая – высшие. Известно, что позднее Маслоу откажется от жёсткой иерархии, выделив лишь две группы потребностей – нужды и развития. Однако психолог считает, что нехватка базовых потребностей может привести к тому, что они могут стать для человека основными, подменить собою, перекрыть появление и развитие высших потребностей («Человек может жить хлебом единственным, когда не хватает хлеба») [2].

Подобная ситуация нетипична для учёного, для которого жизнь настолько подчинена науке, что потребность в научной деятельности перерастает в призвание. Именно здесь весь фокус самоактуализации его личности, причем теряет смысл не только достаточная сытость организма, но бессмысленными становятся и обычные для творческого человека амбиции. Учёный, в отличие от художника, не воспринимается как пророк (а художники достаточно долгое время в истории человеческой культуры именно так и воспринимались). Более того, он не желает быть пророком. Не в этом его причастность к вечности. «Сегодня наука – это профессия, осуществляемая как специальная дисциплина и служащая делу самопознания и познания фактических связей, а вовсе не милостный дар провидцев и пророков, приносящих спасение и откровение, и не составная часть размышлений мудрецов и философов о смысле мира. Это, несомненно, неизбежная данность в нашей исторической ситуации, из которой мы не можем выйти, пока остаёмся верными самими себе» [1, с. 146].

Научная деятельность, таким образом, обладает общими, универсальными, логически неопровергими законами собственного осуществления, а учёный – тот, кто воспринимает их единственно онтологически присущим для Целого (науки) и единицы целого (собственной «личности»).

РЕЗЮМЕ

У статті розглядається взаємозв'язок професійної культури та самоактуалізації науковця в процесі особистої інтеграції в професійне ціле.

SUMMARY

The interaction of professional culture and self-actualization of a scientist in the process personality integration into professional whole have been analyzed.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Самосознание европейской культуры XX века – М.: Издательство политической литературы, 1991. – С. 130-153.
2. Галич А.И. Опыт науки изящного // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: В 2 т. - Т. 2 – М.: Искусство. 1974. – С.205-275
3. Ерасов Б.С. Социальная культурология: - М.: Аспект Пресс, 1998.
4. Одоевский В.Ф. О литературе и искусстве. – М.: Современник, 1982. - 223 с.

Надійшла до редакції 25.10.2007 р.

ФІЛОСОФІЯ

УДК 291.12 : 211:165.02

ЭТЕРНАЛИЗМ – СУЩЕСТВЕННЫЙ ПРИЗНАК РЕЛИГІОЗНОГО СОЗНАНИЯ

B.B. Волошин

Объектом изучения религиоведения являются реакции человека на проявления сакрального, священного, сверхъестественного, запредельного. Обнаруживая связь с трансцендентными аспектами универсума, человек формирует модели объяснения мира, находит экзистенциальные смыслы и цели, устанавливает аксиологические модальности социального бытия. Интерпретация этой связи осуществляется сопряжением логического дискурса и анализа психопрактик в рамках двух дисциплин – философии и психологии религии. Первая определяет сущность и структуру религии, ее эпистемологический статус, онтологические основы в бытии Космоса, Земли, человечества; вторая исследует субъективные аспекты формирования религиозных паттернов, их эмоционально-символическое наполнение. Изучение феномена религии начинается с определений, классификаций, анализа религиозного комплекса как такового. Нас интересует последняя процедура.

Нет единой точки зрения по поводу структуры религиозного комплекса. Три элемента называют Р.Балтанов (религиозные идеологии, чувства, культ), В.Колосницын (религиозное сознание, отношения, религиозные организации), И.Вах (теоретический элемент – теология, космология, антропология, практический – культ, социологический – корпорации и общины); пять – В.Гараджа (верования (мифы), ритуалы, этос, мировоззрение, систему символов), В.Нечипоренко, И.Полонская, Самыгин, (доктрина, миф, этические ценности, ритуал и другие формы культовой практики, формы распространения религии), Б.Лобовик (религиозные сознание, деятельность, институты и организации, отношения, кодекс морали и права) и т.д. Так или иначе, такой элемент как религиозное сознание и его составляющая – религиозное мировоззрение – присутствует, явно либо латентно у всех авторов.

Предметом дальнейшего исследования будет духовная сфера религиозного комплекса – религиозное сознание. Ставится цель проанализировать один из существенных его признаков, а именно: дать ему имя, (если возможно, определение), установить природу, представить типологию моделей толкования. Для решения поставленных задач целесообразно синтезировать устоявшуюся и апробированную методологию философии религии с новациями квантовой теории, нейропсихологии, трансперсональной психологии, теории эмерджентного холизма. Для украинского религиоведения подобный синтез представляется новацией, будучи апробированным в работах С.Грофа, Г.Ханта, К.Уилбера (США), П.Берснева, Е.Торчинова (РФ). Исходя из того, что, в познавательной деятельности все объекты (чувственно воспринимаемые или идеальные) принципиально неполны, набор их свойств целиком нам никогда не дан (тем более, когда речь идет об объектах религиоведения и богословия), доминирующим будет гипотетико-дедуктивный метод.

Традиционно важнейшими признаками религиозного сознания называют синтез реалистического и иллюзорного, образность, символичность, аллегоричность, интимность, диалогичность, эмоциональная насыщенность, и, конечно, веру. Понятия «вера» и «религиозная вера» не имеют однозначно заданных интенсионала и экстенсионала, отсутствует конвенциональная дефиниция. По И.Канту, вера – это не более чем импли-

кация: «Если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективной стороны, но в то же время сознается как объективно недостаточное, то оно называется верой» [1, с.457]. Религиозную веру определяли как «познание духа посредством духа» (Г.Гегель), особую форму эгоизма (Л.Фейербах), «дитя тайны, подвиг любви и свободы» (С.Н.Булгаков), инстинкт-влечение к Богу, как к высшей, идеальной норме (А.Ветелев), своеобразную реальность специфического компонента сознания (В.Ларионова), глубинную универсалию культуры (М.Можейко), особое состояние психики религиозного индивида, групп, общностей (верующих субъектов), выражющееся в феноменах уверенности, почитания, исповедания соответствующих взглядов (И.Яблоков), фундаментальную склонность человека испытывать себя и мир (Дж. Ранцо), побочный продукт поведения в его отношении к предшествующим событиям, способ объяснить устойчивое поведение, если мы игнорируем окружающие события, которые его подкрепляли (Б.Скиннер), набор ценностей, преданность, а также особое видение жизни (М.Томпсон) и т.д. И это – малая часть подходов представителей только одного типа мировоззрения. Ясно одно, – религиозная вера, соединяющая когнитивный, эмоциональный и волевой элементы, – ядро религиозного сознания. Объектом веры могут быть некие гипостазированные объекты, сакральные свойства и связи, догматы, истины, знаки, символы и тексты, авторитеты, нерелевантные события и вещи. Можно верить в возможность общения со сверхъестественными существами, воздействовать на них, получать от них помочь, произвольно изменять временные и пространственные координаты и т. д. Представить определение религиозной веры **вообще**, пытаться назвать **все** ее существенные признаки – занятие малоперспективное.

Ограничимся выдвижением гипотезы о наличии некой «метаверы», универсально-го для всех религий признака, а именно веры в вечные, неизменные, конечные сущности, которые обладают сверхценностью, высшим экзистенциальным смыслом и спасительной сверхзначимостью. Краеугольным камнем практически любой религиозной системы является вера в онтологическую первооснову, высшую духовную реальность (Абсолют), изначально заданную, и всеобщую. «В фундаменте каждой религии, – писал К.Тиле, – лежит представление, называемое теологией в узком смысле, – ни одна религия немыслима без веры в одну или множество сверчеловеческих сил» [2, с.142]. Назовем это ядро **этернализмом** (от лат. *aeternus* – вечный). Близким по содержанию является используемый в англоязычной философии термин *перенниализм* (от англ. *perennial philosophy* – вечная философия). Он получил распространение благодаря трудам О.Хаксли и представителей трансперсональной психологии. Перенниализм – мировоззренческая установка, базирующаяся на наследии тысячелетних мировых религиозных традиций, имеющих общую ноумenalную основу, а именно «допущение, что духовное развитие, духовное освобождение и высшие духовные реалии носят фундаментально всеобщий характер» [3, с.30]. Термин **этернализм** более адекватный, т.к. понятие «перенниализм» темпорально ограничено ХХ веком, представляя собой новейшее аксиологически-эпистемологическое допущение.

Этернализм имеет архетипические основы и предпосылки. О поразительных аналогиях и совпадениях в восприятии сакрального представителями различных эпох и религиозных систем много написано в трудах Дж. Фрэзера, К.Г.Юнга, М.Элиаде, Дж. Кэмбелла, С.Грофа, Е.Торчинова, и других исследователей. Это паттерны Великой матери (Сокровенной самки) и непорочного зачатия, катарсиса бесполого Эроса, преследуемого силами зла Чудесного младенца, Горы мира, Древа жизни, Стража ворот, Змея и т.д. Алгоритм формирования этих архетипов неясен. Причина аналогий лежит либо в плоскости нейрофизиологических составляющих религиозного опыта, некоторых изначально заданных матрицах, либо является следствием сходства внешних причин, действующих на наш разум.

Возникновения гомологических структур сознания можно объяснить следующим образом. Физическая картина квантовой теории материи исходит из того, что Космос является неделимым целым, части которого имеют смысл абстракций или приближений, адекватных только в классическом пределе. «Свойства материи представляют собой неточно определенные и противоположные возможности, которые могут быть полностью реализованы только при взаимодействии с другими системами» [4, с.176-177, с.196], – пишет физик Д.Бом. Далее он обнаруживает аналогии между мышлением и квантовыми процессами. Профессор Стэнфорда К. Прибрам выдвигает голограммическую гипотезу функционирования мозга, объясняя, каким образом нервные сети интегрируют широко распространенные области одновременной нервной активности в эмпирически переживаемое целое. «Информация о каждой точке объекта распределяется по всей голограмме и тем самым делает регистрацию ее устойчивой к разрушению. Любая малая часть голограммы содержит информацию обо всем объекте оригинала и, следовательно, может восстановить ее» [5, с.170]. Причем способность к эффективному хранению и восстановлению информации является неограниченной. К.Прибрам провел эксперимент с использованием «белого хаоса» на экране. Хаос представлял собой всевозможные формы точек. Клетки мозга реагировали на поле этих точек, накладывали на них определенные матрицы, внося порядок в хаос. Впоследствии, Бом на основе явления голографии построил всеобъемлющую модель физической реальности и центральной нервной системы. В них отдельные события одновременно «свертываются» в единый «скрытый порядок», любая часть которого может быть затем «развернута» в силу актуализации целого.

Американский невролог Р.Сперри пришел к выводу, что возникновение сознания есть эмерджентный многоуровневый процесс, подобный возникновению молекул из квантовых полей. Качества сознания формируются из эмерджентных или системных свойств «организационных процессов более высокого порядка», протекающих в мозге так же как молекулы со своими химическими свойствами представляют собой новационное эмерджентное качество, возникающее на основе субатомной реальности, но непосредственно не сводимое к ней [6, с.228, с.232]. Доктор психологии Т.Лири выделил семь программ (импринтов), которые обеспечивают не только сохранение человека как биологического вида, но и определяют модель личности, вписанной в мир. Последняя (высшая) программа реализуется, когда сознание ограничивается «пространством» нейрона, погружаясь в него. «Центр синтеза памяти нейрона ведет диалог с кодом ДНК внутри клеток, отчего, к примеру, возникает эффект переживания «прошлых жизней», то есть идет процесс чтения генетической информации» [7, с.403]. Наличие специфической нейрогенетической программы филогенетического бессознательного доказывает нейропсихолог Р.Уилсон. «Эта программа запускается, когда нервная система начинает «слышать» диалог внутри отдельного нейрона в системе нейрогенетических связей. Архивы ДНК при активизации нейрогенетического контура становятся доступными для сознания в виде архетипических образов юнговского коллективного бессознательного... Генетические архивы содержат информацию, начиная со времен зарождения жизни и включая планы будущей биологической эволюции» [7, с.405-406].

Многочисленные эксперименты LSD-терапии С.Грофа поставили под сомнение тезис о том, что мозг человека – единственный творец и носитель сознания. Гроф взял на вооружение «новую картографию человеческой психики», содержащую две области, оклородовую, связанную с травмой биологического рождения и надличностную, отвечающую за такие феномены, как переживание отождествления с другими объектами; видения архетипических и мифологических существ и царств; наследственные, этнические и кармические переживания, отождествление со Вселенным Умом или Пустотой. Первая область есть перинатальные переживания, основывающиеся на том, что наше бессознательное содержит матрицы, активизация которых ведет к повторному переживанию процесса рождения как процесса смерти. Вторая область – переживания транс-

персональные. Гроф приходит к выводу: «В структуре Вселенной отдельные единицы сознания, невзирая на их индивидуальность и особые различия, сохраняют на другом уровне существенную тождественность своему источнику, а также друг другу. Парадоксальность их природы заключается в том, что они одновременно являются собой как целое, так его части. Информация о каждой из таких единиц распределена по всему космическому полю, а они, в свою очередь, имеют потенциальный доступ к информации о творении» [8, с.56]. Экскурс в теорию голограмм и холономии позволяет согласится с Г.Хантом: «Организационные принципы ума и физической вселенной, в конечном счете, тождественны; архетипы опыта, столь заметные в мифологии и презентативных состояниях, также находятся во «внешнем» мире» [9, с.221]. Подобные представления о распределении информации во Вселенной обнаруживаются во многих восточных религиях, например джайнизме (теория дживасов), китайском буддизме хуаянь (учение аватамсака) и т.д. Модернизированный пантеизм, с опорой на данные волновой теории, кибернетики, теории информации, антропологии и нейропсихологии, находим в работах Г.Бэйтсона, Дж. Лавлока, Т.Роззака, П.Рассела и др.

Допустимо, таким образом, говорить о том, что существенное ядро всех религий тождественное в своей ноумenalной основе, по причине единства основ и предпосылок. Меняются лишь, будучи культурно-исторически обусловленными, явления, tolкования, деонтические и аксиологические модальности, акценты, локальные цели. Расхождения в понимании сакрального объясняются нерелевантностью естественного языка, принципиальной неконцептуализируемостью религиозного опыта. «Адепт всегда будет передавать свой опыт в категориях и терминах своей доктрины, в свою очередь существующей в рамках определенной культуры, являющейся детерминантой доктринального выражения базового переживания» [10, с.103]. Артикулируемые признаки веры и религиозного опыта темпорально и пространственно дискретны, не имеют стабильных символических производных и однозначно интерпретируемой объективации в действиях людей. Логико-семантические игры «профанируют» сферу сакрального. Представить факты религиозной жизни финалистически понятными невозможно. «Мутации» смысла неизбежны. Исследователь религии имеет дело только с «развернутым» порядком, скрытый аспект Вселенной остается «за кадром», открываясь отчасти лишь в не воспроизводимом мистическом, трансперсональном опыте. А.Шопенгаэр отмечает: «Мистика в широком смысле – это всякое наставление к непосредственному проникновению в то, чего не достигают ни созерцание, ни понятие, следовательно, вообще какое бы то ни было познание. Мистик противоположен философу тем, что он исходит изнутри, философ же извне. Мистик отправляется из своего внутреннего, позитивного индивидуального опыта, в котором он обнаруживает себя вечной, единой сущностью и т.д. Однако сообщить он может только свои утверждения и ему приходится верить на слово; следовательно, убедить он не может. Напротив, философ исходит из общего всем, из объективного, доступного всем явления и из фактов самосознания, присущих каждому. Его метод сводится к рефлексии и к комбинации полученных данных; поэтому он может убедить» [11, с.598].

Мышление обнаруживает квантовый характер, значение каждого элемента процесса мышления базируется на его неисключаемых и минимально контролируемых связях с другими элементами. Чем больше желание связать элементы мысли в однозначную, непротиворечивую систему, тем бессмысленнее становится дальнейший анализ. «Человек может всегда приблизительно описать, о чем он думает, не внося возмущений в ход своих мыслей. Но если он пытается сделать это описание точным, он обнаруживает, что или предмет его мыслей, или их течение, или иногда и то, и другое, начинает отличаться от тех, которые были до того, как он пытался их наблюдать» [4, с.205] – отмечает Д.Бом. Достигается обратный эффект деструкции и непредсказуемости. Можно вспомнить и теорему Геделя, сдерживающую амбиции и оптимизм нейро-

біології, логики і гносеології і служацької для оправдания тезиса о том, что разум всегда буде сопротивляться строгому научному анализу. С другой стороны, идеи Бома и Геделя это не только констатация эпистемологической несостоительности. Они дают понять, что «выбирать так или иначе придется и что рекурсивных способов сделать этот выбор раз и навсегда не существует» [12, с.165-166]. Каждый новый вопрос о природе сакрального, его модальностях и функциях является гипероткрытым. Хаос возможных ответов порождает динамику расширения горизонта познания ноуменального. Проникновение в запредельное создает множество бифуркаций, вынуждает делать выбор в пользу той или иной системы артикуляции встречи с Абсолютом. Это неизбежно порождает различные типы этернализма и модели его интерпретации.

Первая модель может быть условно названа линейной и видится самой простой. Высшая духовная реальность – **одна**, все религиозные традиции «интуитивно» стремятся к **одній** цели, идут в **одном** направлении. Феноменальное многообразие не более чем результат действия таких переменных, как среда обитания, социально-экономические уклады, язык, культурный фон. Ноуменальное постижение Абсолюта (Бог, Дао, Брахман, Ишвара, Дхармакайя и т.д.) повсюду одинаково, переживаемый опыт тождественен на всех уровнях. Это базовое единство символизирует гармонию между высшими и низшими состояниями становления и бытия, находя яркое отражение в мифологии, литературе, и особенно архитектуре Старого и Нового Света (пирамиды, храмы-башни). «Эти башни, – пишет Дж. Кэмбелл, – предназначались совсем не для того, чтобы проникнуть на небеса, но с целью возвысить разум и сердце до божественного созерцания и, помимо того, предоставить возможность богам нисхождения на землю» [13, с.104]. В некоторых теориях, например, прамонотеизма Э.Лэнга и В.Шмидта, утверждается первенство именно этой модели. Лэнг доказывает, что главным источником религии является вера в Единое, в «могущественное высшее Бытие, Творца всех вещей, Отца морали и Судью людей». Под религией Лэнг понимает «веру в существование Интеллекта или внечеловеческих Интеллектов, которые не зависят от материального механизма мозга и нервов и которые могут оказывать более или менее сильное влияние на судьбу людей и на природу вещей. Мы также имеем в виду, что в человеке есть элементы, родственные этим интеллектам» [2, с.382]. Интересно, что постулаты прамонотеизма латентно присутствуют у И.Канта. Разумеется, методология и конечная цель – иные, но тем не менее: «Высшую причину мы считаем безусловно необходимой, потому что признаем безусловно необходимым взойти вплоть до нее и не имеем никакого основания идти дальше ее. Поэтому мы замечаем, что у всех народов сквозь самое слепое многобожие все же просвечивают искры монотеизма, к которому приводит не размыщление и глубокое умозрение, а постепенно становящийся понятным естественный путь обыденного рассудка» [1, с.351]. Из современных сторонников первой модели назовем О.Хаксли и Н.Смарта.

Вторая модель – усложненный вариант линейной – ее структуралистская разновидность. Контекст-зависимые проявления этернализма (поверхностные структуры) есть результат действия глубинных структур как универсальных паттернов, космических импринтингов (ноуменальных архетипов у Юнга). По К.Уилберу глубинные структуры вспоминаются (в платоновском смысле), а поверхностные выучиваются, будучи, по сути, совокупностью ассоциативно связанных энграмм. «Любая трансформация (сознания – В.В.) знаменует собой возникновение нового и более высокого уровня с новой глубинной структурой (символической матрицей) в пределах которой могут разворачиваться и оперировать новые трансляции поверхностных структур (знаковая матрица)» [14, с.74]. Внешние проявления духовных форм хотя и зависят от культурно-исторических факторов, но, в конечном счете, имеют универсальный характер, считает К.Уилбер. Эта всеобщность определяется эволюционной иерархией инвариантных глубинных структур. «Каждая последующая высокоупорядоченная структура более слож-

на, организована и лучше объединена, эволюция продолжается, пока не останется лишь одно Единство, предельное во всех направлениях» [14, с.131]. Человек как бы взирается по лестнице к Абсолюту, каждая религиозная система имеет свой, наиболее адекватный доктрине уровень (шаманизм – тонкий, ислам – каузальный, дзен – недвойственный и т.д.), что не исключает остановки на других уровнях. В основе контекстуального разнообразия и индетерминизма лежит изначально данная Универсалия– Эволюция, Цель–Дух, которая есть начало, конец и предельная основа сущего. Концепцию К.Уилбера можно считать максимально усложненной модернизацией объективного идеализма Г.Гегеля и эволюционизма Тейяра де Шардена. Только на смену панлогизму приходит панпсихологизм, а для достижения точки Омега (Дух, Атман у Уилбера) необходимо «полностью выйти из цикла времени и эволюции».

Третья модель предполагает наличие нескольких линий, сходящихся в одной точке. Высшая духовная реальность – **одна**, все религиозные традиции стремятся к **одной** цели, но идут к ней **разными** путями. Предполагается единство экзотерических установок, но принципиальный плюрализм форм трансцендирования. Ориентирующими метафорами этой модели служат «образы разных рек, текущих в один и тот же океан, разных дорог, ведущих к вершине одной и той же горы, или разных водных потоков, вытекающих из одного источника» [3, с.128]. Даоская и суфийская психотехники, византийский исихазм и бхакти-йога, мистериальные ритуалы неоплатоников и достижение освобождения в восьмеричной йоге Патанджали, старообрядческие и тантрические практики, мистицизм Каббалы и способы созерцание пустоты в мадхьямике – имеют разную методику, т.е. полиморфизм эзотерики однозначен. Однако, в конце концов, эзотерические векторы познания запредельного и абсолютного сходятся в одной точке. Теология, космология, антропология и другие составляющие теоретического уровня религиозного сознания имеют общий фундамент и цели, что блестяще продемонстрировал Е. Торчинов в третьей части своего труда «Религии мира: опыт запредельного». Санкт-Петербургский ученый обнаруживает также любопытный параллелизм между авраамическими и восточными религиями, а именно наличие холистического принципа голографии как структурной парадигмы всего сущего [10, с.432-433]. Сторонниками третьей модели можно назвать У.Джемса, представителей американского традиционализма (Ф.Шуон, Х.Смит и др.).

Четвертая модель допускает существование, как многих путей, так и многих целей, «понимая эти цели как разные перспективы, измерения или проявления одной и той же Основы Бытия, или Предельной Реальности» [3, с.130]. Следуя метафоре Хорхе Феррера «реки» впадают в разные «океаны», представляющие собой «мировой океан». Еще М.Мюллер размышлял о подобном единстве в «естественных религиях» [2, с.63], выдвигал идею взаимной дополнительности западных и восточных религий. В последних тоже присутствует идея Бога, «хотя и беспомощно словесное ее выражение, хотя и несовершенен культ» [2, с.101]. Число путей достижения Абсолюта может быть ограничено, например, натуралистический, супранатуралистический и монистический у Э.фон Гартмана, естественный и спиритуалистически-этический у К. Тиле, внешний и внутренний у Р.Отто. Дуализм четвертой модели тривидально выразил сто лет назад забытый немецкий религиовед О.Пфлейдерер: «В истории отчетливо прослеживается две противоположные группы верований. Первая ищет Бога в мире как основу бытия, как сущность, скрытую за явлениями, как закон необходимости. Вторая понимает Его как идеал свободы, как надмирскую благую волю, как владыку и управителя истории, предназначенней для осуществления его целей. Первые религии – *имманентности* (т.е. признающие внутримировую сущность Бога), или *пантеистические*, вторые – религии трансценденции (т. е. утверждающие надмирную природу Бога), или *монотеистические*» [2, с.438-439]. Анализ четвертой модели в формате нео-адвайты дает С.Гроф: высшее творческое космическое начало – одно, высшие духовные реальности (лично-

стный Бог, Дао, безличный Брахман и т.д.) есть нетожественные имена-производные различных способов переживания трансцендентного. Эти реальности становятся Единым в своем предельном источнике – Абсолютном Сознании, которое по своей сути тождественно индивидуальной человеческой душе. Абсолютное Сознание как творческий принцип инволюции находится в диалектическом единстве с Насыщенной Пустотой. «Два этих состояния, несмотря на кажущуюся эмпирическую несовместимость тождественны и равнозначны» [8, с.39].

Все модели этернализма есть попытками снять противоречия между различными типами религиозного сознания, прежде всего, нуминозным (авраамическим) и мистическим (восточным). Такая элиминация допустима, если рассматривать нетеистические религиозные концепции, прежде всего буддистские и даоские, как разновидность апофатики. Некоторые направления махаяны использовали понятие «Атман» для обозначения Высшей реальности (татхата), понимаемой как Единый Ум, образующий Абсолютное Тело Будды (Дхармакайя). В отрицательной диалектике Нагарджуны Пустота понимается амбивалентно: «С одной стороны пустота есть бессущность и несубстанциональность явлений, с другой – обозначение бескачественной и не постижимой рассудком «вещи в себе» – монистического Абсолюта» [7, с.261]. Уйти от антиномий религиозного сознания, решить проблему единства трансцендентного и имманентного, выразить сакральное через профанное не удается ни одной религиозной или философской системе. «Трансцендентный Бог есть навеки неведомая, недоступная, непостижимая, неизреченная Тайна, к которой не существует никакого приближения. Всякая попытка выразить эту тайну в понятиях бытия, измерить неизмеримую пучину Божества – роковым образом безнадежна... Все свойства, все слова, все качества, все мысли, заимствованные из этого мира, как бы мы их не потенцировали и ни усиливали, абсолютно непригодны для характеристики того, что стоит за пределами этого мира» [15, с.90-91], – писал С.Н.Булгаков.

Выводы. Сформулировать абсолютное, полное явное определение понятия «этернализм» проблематично. Между словом и явлением нет естественно-физической связи, связь эта – искусственная, социокультурная. Языки народов, носителей религиозных идей, заряжены этническим, национальным духом, имеют набор неповторимых внутренних эйдосов. Затруднена абстракция отождествления и, как следствие, – индуктивный метод построения аналитического определения. Когда речь идет о религиозных явлениях, – определение как динамический процесс скорее представляет собой акт информационного обмена на основе соглашения по использованию языка. Нет однозначно заданного универсума рассуждений, поэтому вполне оправдано отдать предпочтение контекстуальному определению: этернализм представляет собой фундаментальную черту религиозного сознания, своеобразную «веру вер» в иnobытие, Дух-Цель, Абсолют, особую **конечную**, область священного, трансцендентного; актуализация этого и nobытия – гарантia спасения, наличия онтологического и экзистенциального метасмысла.

Предлагается следующая гипотеза. Все возможные конфигурации Космоса (актуальные и потенциальные) латентно содержатся как в нашем сознании, так и в структуре каждой ситуации, с которой мы сталкиваемся. И, наоборот, результаты действий, интенции, речь актуализируются в том или ином пространственно-временном контексте, но не ограничиваются им, растворяясь в Универсуме. Сознание есть динамическое свойство определенных паттернов нервной организации более высокого порядка, связанных со Вселенной. Между мозгом и физическим объектами существует известный изоморфизм.

Обнаруживаем четыре модели интерпретации этернализма. Первую именуем моделью эзотерического и этерналистского монизма. Вторую – структуралистского эзотерического и этерналистского монизма. Третью – эзотерического плюрализма при этерналистском монизме. Четвертую – эзотерического и этерналистского плюрализма. Ни один этерналистский проект, ни одна перенниалистская модель не подпадает под прин-

цип двузначности классической логики и **может** претендовать на релевантность. Любой такой проект, любая модель – есть априорная религиозно-философская позиция, где, как правило, отдается предпочтение эссенциализму и монистической метафизике. Имеет место редукционизм, возможно, неоправданно облегчен переход от классического теизма к различным видам пантеизма – гилозоистическому, имманентистскому, акосмическому, эманационному, релятивистскому, и, наоборот.

Если допустить, что мозг играет роль своеобразного посредника между физической реальностью и разумом, в котором содержится память, тайна этернализма проясняется. Этернализм можно рассматривать как устойчивую энграмм, формирование которой обусловлено действием холономно-голографического космического «импринтинга». Религиозный (трансперсональный, мистический) опыт есть «развертывание» (разной степени интенсивности) «скрытого порядка» актуального Целого, Знания о Бесконечном Сознании.

РЕЗЮМЕ

Суттєвою ознакою релігійної свідомості є етерналізм – віра в онтологічну першооснову, вищу духовну реальність, споконвічну, всезагальну, що має метацінність. Висувається гіпотеза: ізоморфізм свідомості та Всесвіту, зумовлений холономно-голографічним принципом їх організації, імплікує проявлення паттернів етерналізму. Різноманітність етерналістських проектів пояснюється поліморфізмом психопрактик, логіко-семантичною нерелевантністю артикуляцій. Моделі інтерпретації: 1) езотерично-етерналістський монізм, 2) структуристський езотерично-етерналістський монізм, 3) езотеричний плюралізм при етерналістському монізмі, 4) езотерично-етерналістський плюралізм.

SUMMARY

The essential sign of the religious consciousness is eternalism, that is the belief in the ontological fundamental principle, high spiritual reality, which was given initially, universal, metavaluable. The hypothesis is proposed: isomorphism of consciousness and Universe conditioned by the holonomic – holographic principle of their organization, implies the manifestation of the patterns of eternalism. Variety of eternalistic projects is accounted for by polymorphism of psycho-practices and logico-semantic prevarication of the articulations. Interpretation models: 1) esoteric-eternalistic monism; 2) structuralistic esoteric-eternalistic monism; 3) esoteric pluralism with eternalistic monism; 4) esoteric-eternalistic pluralism.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О.Лосского. – СПб.: Тайм-аут, 1993. – 478 с.
2. Религиоведение. Хрестоматия / Сост. и общ. ред. А.Н.Красникова. – М.: «Книжный дом «Университет», 2000. – С.14-163; 373-466.
3. Феррер. Х. Новый взгляд на трансперсональную теорию: Человеческая духовность с точки зрения соучастия. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 397 с.
4. Бом Д. Квантовая теория. – М.: Наука, 1965. – С. 176-209.
5. Прибрам К. Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. – М.: Прогресс, 1975. – С.9-241.
6. Sperry R.W. In defense of mentalism and emergent interaction // Journal of Mind and Behavior. – 1991. – №12. – P.221-246.
7. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. – СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2005. – 480 с.
8. Гроф С. Космическая игра. Исследование рубежей космического сознания. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 248 с.

9. Хант Г.Т. О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 555 с.
10. Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2005. – 544 с.
11. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т.2. – М.: Наука, 1993. – С. 476-626.
12. Шанже Ж.-П., Конн А. Материя и мышление. – Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований; НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2004, – 216 с.
13. Кэмпбелл Дж. Мифический образ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 683 с.
14. Уилбер К. Проект Атман: Трансперсональный взгляд на человеческое развитие. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 314 с.
15. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.

Надійшла до редакції 12.10.2007 р.

УДК 141.7:130.2

ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ ЦЕННОСТИ: ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ КОНТЕКСТЫ

И.Г.Стрелецкая

Ценность (ценности) – одно из наиболее часто встречающихся на сегодняшний день в различных теоретических и прагматических контекстах понятие. Частота его употребления давно создает иллюзию, что его содержание интуитивно ясно всем, кто оперирует этим понятием, что оно аутентично в любом употреблении уже по самой своей сути, безотносительно к тому предмету осмысления, где понятие присутствует как дискурсивный термин. Однако различные версии того, что подразумевает под ценностями добра, свободы, любви, красоты, экологической безопасности, глобализма, плюрализма, наконец, под, так называемыми, общечеловеческими ценностями, показывает, что ясность как гносеологический предикат термина «ценность» действительно суть интеллектуальная иллюзия.

Наблюдаемая нами интеллектуальная ситуация онтологически далеко не так проста, как кажется. Ведь за проблемой соответствующего философского уровня обсуждения стоят далеко не философские вопросы духовного, политического, экономического и правового развития. Именно при рассмотрении проблем такого характера и масштаба широко используются язык ценностей, категория ценности.

Как правило, эта категория употребляется в многообразных сочетаниях, сознательно претендующих на то, чтобы обозначать как материальные, так и духовные ценности (политические, нравственные, религиозные, личностные, групповые и так далее). В гуманитарной литературе повсеместно понятие ценности используется при обсуждении проблем мировоззрения, личности, культуры, науки, глобальных проблем современности. Мы говорим о нормативно-ценностной структуре общества, ценностях той или иной правовой системы, о хозяйствственно-экономических ценностях, об идеологии как аксиологическом феномене, о ценностях как носителе смысла человеческого существования, мировоззрения личности, о культуре как системе созданных и непрерывно создаваемых человеком ценностей, об осуществляемом обществом ценностном выборе.

Дело, конечно, не просто в таком, казалось бы, чисто внешнем явлении, как обогащение политического, научного, философского словаря «ценностной» терминоло-

гией, хотя и это явление далеко не случайное: язык, этот строительный материал рационального мышления, чутко реагирует на всякого рода инновации в общественной жизни, идеологии, научном познании. С другой стороны, язык будучи активным фактором интеллектуальной деятельности, не безразличен к ее оформлению и содержанию. Что касается философии, то здесь особенно ясно, что с ценностной проблематикой она имеет дело не только тогда, когда о ценностях идет речь *expressis verbis*, но и тогда когда о них непосредственно не говориться, не называется вообще слово «ценность».

Ведь философия – это еще и рефлексивная работа, которая подразумевает обращение к тем языковым средствам, которые используются для ее выражения. В рамках этой рефлексии категория ценности несет в себе огромный методологический потенциал. Отсюда, вероятно, внимание философов к данной категории и к той области философского знания, для которой она является центральной, т.е. к аксиологии.

Различные аспекты аксиологической проблематики затрагиваются в работах современных отечественных философов: В.С.Бакирова, Г.В.Гребенькова, С.Б.Крымского, В.А.Малахова, С.В.Пролеева, Н.В.Хамитова, а также в исследованиях известных авторов СНГ – А.К.Абишевой, Л.А.Арутюняна, Г.П.Выжлецова, М.С.Кагана. Однако практически ни в одной из работ по проблемам аксиологии мы не встречаем однозначного понимания термина ценность. «Дело в том, пишет Д.А.Леонтьев, что отсутствует четкое представление о том, к чему относится само слово «ценность». Оно используется разными авторами в совершенно разных, взаимоисключающих, несопоставимых смыслах» [1, с.16].

Цель данной статьи состоит в обращении к **актуальной** для общей теории ценности проблеме поиска и формулировании общефилософского понятия «ценность» как условия создания методологического основания дальнейших исследований в аксиологии.

Ценности как специфические модусы (способы) бытия, равно как и иные, онтические и гностические, его модусы, даны (отнесенностью к объектам) и заданы (отнесенностью к субъектам), иначе говоря, существует всегда в конкретно-исторических формах. Данное утверждение противостоит широко бытующим и в наше время трансценденталистским учениям о способах бытия ценностей.

Исторически изменчивая природа ценностей находит подтверждение прежде всего в разнообразных и эволюционирующих системах ценностей, порядке их координации и субординации, в системах, свойственным различным историческим эпохам. Даже представление об универсальных, всечеловеческих ценностях, в отличие от частных, партикулярных, вызванные определенными условиями жизни людей, которые, конечно же, являются не просто внешними детерминантами ценностей, но одновременно внутренней средой их существования и функционирования. Другие исторические условия выдвигают на уровень универсальных иные ценности.

Историческая природа ценностей не исключает ни необходимости, ни возможности общей дефиниции понятия ценности. Здесь имеется в виду, во-первых, ограниченность всякой такой дефиниции и, во-вторых, то обстоятельство, что конкретное определение такого сложного, находящегося на высоком уровне абстракции понятия, возможно при условии указания конкретных задач исследования, установления в каждом особом случае контекста рассуждения, что и есть во многом дело конвенции. Конечно, такая конвенция не является действием совершенно произвольным, а основывается на исторически сложившейся практике научного определения понятий, на готовности сделать язык более ясным, экономичным и эффективным. При определении понятия ценности важно руководствоваться не стремлением обнаружить в нем некое однозначное, как бы априорно заданное «истинное» значение, что граничило бы с гипостазированием понятия, приписыванием ему тех же черт реальности, к обозначению которых оно относится. Правильнее, видимо, исходить из задачи установления таких норм функционирования понятия, благодаря которым оно способно приобрести свойство интер-

субъективности и понятности. Ясно, что такие нормы складываются в основном в процессе построения понятий (теории) и проверки ее адекватности путем применения к определенной части мира опыта у разных исследователей.

В контексте философской рефлексии, можно утверждать, что «ценность» как таковая, ценность вообще – это абстрактный предмет или абстракция, определение понятия которой представляет значительные трудности, которые вызваны особенностями онтологического и логико-гносеологического статуса ценности. В этом смысле понятие ценности, разделяя всю сложность дефиниции фундаментальных общественных понятий, имеет и свои специфические особенности.

Первое, с чем сталкивается исследователь, – это исключительная полисемантичность понятия ценности, что связано, в частности, с разнообразием форм или типов ценностей, а так же их многоуровневой структурой. Достаточно вспомнить, что в ряде классификаций ценностей фигурируют в том или ином сочетании витальный, экономические, технологические, познавательные, этические, эстетические, правовые, социально-политические, религиозные, образовательные и прочие ценности. Естественно, определение любой из перечисленных форм является самостоятельной задачей. Специфика этих форм отнюдь не обуславливается их общей ценностной природой. Если к тому же учесть, что всякая форма ценности объединяет, сообразно своей специфики, многообразие содержательно определенных ценностей, каждая из которых, в свою очередь, представляет собой многомерную систему, то становится понятно, почему существует множество, под час самых противоположных, точек зрения относительно того, как следует толковать общее понятие ценности. Последнее обстоятельство, разумеется, не облегчает создание общей теории ценности.

Другой момент, на который хотелось бы обратить внимание. Ценостные феномены могут быть рассмотрены на различных уровнях абстракции. Именно такой подход предупреждает обособление сферы ценностей от бытия или деонтологизацию ценностей. Нельзя останавливаться на каком-либо одном типе или аспекте ценности, но нужно принимать во внимание все ее аспекты. Этот подход наиболее отчетливо реализуется в плане системных исследований. Ценность может быть трактуема как понятная конструкция, относящаяся к системам разного уровня абстракции: личностной, социальной, культурной. Одним из общих моментов характеризующих механизм функционирования сложноорганизуемых объектов, связан с привнесением в анализ таких объектов категории ценности, то есть необходимостью включения в него аксиологических проблем. Иначе говоря, ценностные характеристики предполагают наличие определенного системно представляемого объекта, положения дел, ситуаций.

С другой стороны, и «системность» – это ценностная характеристика, ибо системный подход связан с решением определенного рода практических и теоретических задач, с проблемой выбора наиболее оптимального представления ценности объекта в отношении субъекта. Вопрос о ценности – это всегда вопрос о том, что считать существенным. А значит и оппозиция «системность-бессистемность» является ценостной оппозицией.

Согласно Платону, определить понятие – значит найти для него «умное место» в системе других понятий. Можно полагать, что ограничения, которые накладываются на категорию ценности, определяются возможностью ее сопоставления с категориями бытия и познания. Так что рассмотрение категории ценности в общефилософском плане требует выяснения особого ее статуса сравнительно с онтологическим и гносеологическим статусом философских категорий. Таким образом, речь идет о трояком виде категориального противопоставления.

В первом случае ценность может выступать в диалектической паре с категорией «бытия». Здесь самое обще положение о природе ценности должно, очевидно, заключаться в том, что их природа не субстанциальна, а функциональна. Во втором случае ценность сопоставляется с категорией «знание». Наиболее общая характеристика цен-

ности здесь состоит в том, что ценность полагается как предельное понятие, регулятивный принцип, обладающий критико-познавательным назначением. Третий, особый случай, когда в самой категории ценности выделяются противоположности, в частности положительная и отрицательная ценность. Здесь речь идет о собственно ценностной противоположности.

Попробуем привести подобные определения, фиксирующие названные случаи: так, скажем, Р.Г.Лотце полагал, что ценность является универсальным и объективным направляющим принципом или живым Духом, присутствующим во всех подлинно уникальных и автономных частях переживаемой реальности. Американский социолог Т.Парсонс считал, что ценность в общем смысле употребления этого термина означает желательность или пригодность чего-либо, имеющего отношения к человеку; это процессы, которые сопрягают человека с природой, о том, чтобы обеспечивать и удовлетворять потребности его существования и развития. Система потребностей одновременно предстает как ценностная система, но при этом как включенная в более широкое, в конечном счете космическое ценностное пространство или объективную реальность, понимаемую как ценность уже в силу того, что она есть и обладает бытием. Следовательно, система ценностей бытия, природного в том числе, существует и без людей; их исключение из бытия не упразднило бы наше участие в ее понимании и дальнейшем практическом созидании. Другой американский социальный философ Е.В.Холл (E.W.Hall) утверждал, что ценность – это не есть не простое, не сложное качество. Она не является даже отношением. Она не является даже свойством. Сама по себе она, в отличии от одновременности, не имеет никакой положительной природы. Ценность есть способ, каким могут быть связаны вместе свойства в мире. Лингвистически она не является десигнатом предиката какой угодно степени. Ему вторят А.Штерн, Г.Беккер и Р.Перри настаивал и на том, что ценность определяется как отношение между объектами и оценивающими субъектами. Ценности коренятся в психических составляющих, которые связывают некоторый объект его отношения к субъекту (A.Stern); что ценностями являются любые объекты любой потребности (G.Becker) и что ценностью является любой объект любого интереса (R.B.Perry).

Не меньший разброс определений мы находим в работах отечественных и советских авторов: ценности суть предметы, явления и их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны, и пр.) людям определенного общества или класса и отдельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также – идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала (В.П.Тугаринов); ценность – термин, широко используемый в философской и социологической литературе для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности (О.Г.Дробницкий); ценность есть значение предмета для человека, для его познавательной и практически преобразующей деятельности. Таким образом, ценность представляет собой единство субъективного и объективного, форму отношения или взаимодействия между субъектом и объектом (С.Ф.Анисимов); ценности – это обобщенные представления о предпочтаемых благах и приемлемых способах их получения, в которых сконцентрирован предшествующий опыт субъекта, на основе которых принимаются решения о его дальнейшем поведении, это системообразующее начало в мире потребностей (В.Н.Сагатовский); ценность – это философское и социологическое понятие, обозначающее, во-первых, положительную или отрицательную значимость какого-либо объекта, в отличие от его экзистенциальных и качественных характеристик (предметные ценности), во-вторых, нормативную предписательно-оценочную сторону явлений общественного сознания (субъективные ценности, или ценности сознания) (О.Г.Дробницкий) [3, с.142].

Мы привели лишь небольшую часть дефиниций, выбрав наиболее характерные из практически необозримого их множества в современной литературе. Это определения ав-

торов различных профессиональных ориентации (в основном философов, психологов, социологов), что отчасти объясняет и различие в акцентах при трактовке ценности. Самы по себе эти определения, конечно, лишь в малой степени позволяют судить о философских позициях того или иного автора. Раскрытие этих последних потребовало бы обращения к анализу их теорий и к рассмотрению ключевых понятий, посредством которых определяется понятие ценности. Но эта процедура не предусмотрена объемом данной статьи.

Уже данный (далеко не полный) перечень дефиниций показывает, насколько все-го лишь приближенным и упрощающим действительную картину аксиологических учений является подразделение их на три направления. Принципиально неверным было бы ограничивать трактовку ценностей как только лишь социальных феноменов – в том смысле, что лимитировать их изучение рамками социологического исследования, что свойственно многим социологам. На наш взгляд, лишь философская общая теория ценности способна вывести понятие ценности на уровень сущностной проявленности ценности, что в первую очередь связано с центральной проблемой аксиологии – проблемой онтологического статуса ценности, объема и границ этого понятия. Здесь можно пойти по пути недавно предложенном Д.А.Леонтьевым в статье «Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции» [1,с.22], где онтологический статус ценности сводится к трем формам их существования – общественным идеалам, предметно-воплощенным ценностям и личностным ценностям. Не прибегая к критике выдвинутой точки зрения отметим, что онтологический статус ценностей не может быть ограничен социокультурным миром, а должен быть определен в связи с проблемой места, занимаемого человеком в мире в целом (социальном и природном), а, следовательно, в связи с проблемой возможностей и обязанностей человека в мире и в отношении к миру. Нельзя отрицать существование ценностей в любом мире, который имеет отношение к человеческому существованию. Ценности реальны и существуют, прежде всего в том смысле, что являются действительными, т.е. действующими в человеческом сознании и на человеческое сознание, что они связаны с обоснованием деятельности, поведения, проявляются в общественных отношениях, воплощаются в объективных институтах общества. Они реальны и в том смысле, что претендуют на подлинность, достоверность в противоположность произвольно принимаемым ценностям, фальшивым идеалам, верованиям, целям. Но философия, очевидно, должна идти дальше в обосновании положения о реальном существовании ценостей. Она должна рассматривать их как такие функциональные и эволюционирующие образования, которые внутренне присущи структурам бытия и ставить вопрос о ценностной структуре мира (культурного и природного) как единого целого. Ценностями является все то, что участвует в развитии бытия.

Таким образом, в социокультурных ценностях нельзя видеть нечто «дополнительное», сверхдополненное к ценностям природы. Последние являются теми же социокультурными ценностями, т.е. ценностями «для себя», для человека. Ценности природы в таком случае рассматриваются исключительно как результат внешней объективации, исходящей от субъекта. Если они являются только ценностями «для и ради чего-то», то такой подход, какими бы гуманистическими призывами к переоценке ценностей в отношении к природе он при этом не сопровождался, с методологической точки зрения остается инструментально-прагматической точкой зрения. Принцип «ценности природы» должен найти органическое продолжение в принципе «ценности в природе».

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена аналізу дефініції загального поняття цінності. Виявляються філософські, соціологічні та психологічні контексти категорії «цінність», зроблена спроба зведення різних контекстів до загальнофілософської семантики категорії «цінність».

SUMMARY

The article is devoted to the analyze of the definition of the whole value conception. There are philosophical, sociological and psychological contacts of the category «value», was made the attempt of reducing different contacts to the whole philosophical semantic of the category «value».

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Леонтьев Д.А. «Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. – 2004. – № 2. – С.16-23.
2. Абишева А.К. О понятии «ценность» // Вопросы философии. – 2002. – №3. – С.139-146.
3. Сержантов В.Ф. Природа человека и его судьба. – СПб, 1994. – 428 с.

Надійшла до редакції 21.05.2007 р.

УДК 130.3

ДИХОТОМІЯ СОЦІАЛЬНОГО ТА ІНСТИТУЦІОНАЛЬНОГО У СТАНОВЛЕННІ СОЦІАЛЬНОСТІ

О.М.Кузь

Актуальність теми дослідження. Соціальне ѹ соціальність – наріжні терміни соціогуманітарного дискурсу, а їхнє смислове наповнення є відносно довільним і водночас дискусійним. При спробі прояснення сенсу зазначених термінів виокремлюється два варіанти дослідницької оптики: суспільна статика, тобто буття соціального, і суспільна динаміка, тобто становлення соціального. Дано стаття присвячена останньому аспектові, у ній проблематизуються питання: як виникає соціальність? Що є критерієм виникнення соціальності? Які чинники є ключовими в цьому процесі? Найбільш дискусійною, на наш погляд, є проблема співвідношення соціального й суспільного зразів соціальної реальності, котрі, взаємопроникаючи, уособлюють діалектику динаміки та статики соціуму й конституються в цій реальності як соціальні й суспільні феномени, що мають своє специфічне буття. Формально, все суспільне – це соціальне, бо, у підсумку, породжене взаємодією індивідів. Проте не всякому соціальному властиві ознаки суспільного, а часто ѹ навпаки – соціальна взаємодія за певних умов породжує антисуспільні явища, і суспільство намагається ліквідувати підґрунтя такої взаємодії і тим самим зберегти стабільність своїх структур, а отже, і свою цілісність. Однак, коли суб'єктами взаємодії є великі соціальні групи, і суспільство виявляється неспроможним адаптувати їх через інституціональні механізми до системи суспільних (не соціальних) відносин, то таке суспільство руйнується, і на підґрунті нових соціальних відносин інституціоналізується нове суспільство. Діалектика соціальних відносин та інституціональних форм ѹ закріплення фундує розвиток цивілізації й визначає все розмаїття ѹ форм.

Мета даної статті – дослідити розгортання онтологічної сутності соціального. Відповідно, **об'єктом дослідження** є діахронічний зразок соціальної реальності, а досягненню мети сприятиме розв'язання таких дослідницьких **задань**: 1) виявити критерії та чинники появи соціальності; 2) провести термінологічне розрізнення понять «суспільне» й «соціальне».

Ступінь розробленості проблеми. У соціології та соціальній філософії проблема сутності соціального є засадникою і, природно, широко обговорюваною в численних наукових розробках. При цьому домінують два дослідницькі підходи: визначення соці-

ального через взаємодію суб'єктів (інтеракціоністський підхід) або через інституціональне закріплення зв'язків суб'єктів (інституціональний підхід). Дане дослідження пропонує альтернативний підхід до динамічної сутності соціального через залучення на-працювань комунікативно-діалогічної філософської парадигми, коли виникнення соціального пов'язується з появою Іншого, руйнуванням монологічності світу.

Якщо подивитися на становлення соціальності не в історичній ретроспективі, де соціальність рано чи пізно набуває відносно стабільних інституціональних форм (що зазвичай призводить до ототожнення соціального й суспільного), а в режимі «реального часу» (адже нова соціальність виникає тут і тепер), то можна вийти за межі того розуміння соціального, яке в академічному середовищі вважається цілком обґрунтованим. Йдеться про соціальне як сукупність певних властивостей та особливостей суспільних відносин, інтегровану індивідами або спільнотами у процесі спільної діяльності (взаємодії) в конкретних умовах, яка проявляється в їхньому ставленні один до одного в суспільстві, до явищ та процесів суспільного життя [див.: 1, с. 27; 2, с. 85].

Позитивний аспект цього визначення полягає в тім, що воно надає змоги не ототожнювати соціальне й суспільне. Але якщо слідувати його логіці, для виникнення соціального потрібні суспільні відносини, тобто необхідне суспільство як специфічна соціальна цілісність. Лише вона породжує соціальне, яке постає його інтегративним зліпком. Проте соціальність породжується не суспільством, а суб'єктами, які взаємодіють у процесі екзистенціальної комунікації або інтерпретації інституціональної комунікації. Телос останньої завжди пов'язаний з досягненням розуміння щодо певної спільної діяльності, у ній завжди йдеться про певну спільну дію, мотивовану самою системою. У той же час екзистенція доволі часто потрапляє в такі маргінальні ситуації (за Ж.П.Сартром, «ситуації екзистенціального вибору»), в яких не існує можливості «апріорного» застосування тих чи інших нормативних критеріїв [дет. див.: 3].

На наш погляд, генетичний та логічний аналіз свідчить про те, що соціальність виникає вже на нижчих щаблях ієрархії індивідуально значущих взаємодій, де родові характеристики ще не оформилися у видові відмінності. Це дозволяє суспільству не лише відтворювати систему соціальних відносин, стабілізувати її на інституціональному рівні, але й розвивати її далі. Ототожнення соціального й суспільного, властиве більшості соціогуманітарних досліджень, не дозволяло звернути увагу на цей важливий як у теоретичному, так і в практичному плані момент.

А.В.Брушлінський зазначає, що все психічне об'єктивно постає насамперед як процес – завжди безперервний, живий, гранично пластичний і гнучкий, ніколи априорно повністю не заданий, а тому такий, що формується та розвивається, породжує ті чи інші продукти (образи, поняття, почуття тощо) під час взаємодії людини зі світом [4, с.132]. Саме ці властивості психічного дозволяють соціальності виникати в процесі взаємодії суб'єкта зі світом *поза та безвідносно до наявних інституціональних структур*. Вони ж визначають і значущість мислення як психічного процесу для формування соціальності, оскільки «мислення, як безперервний процес відшукування та відкриття істотно нового, є первинним і найбільш лабільним щодо дій та операцій, котрі в якості вторинних і менш пластичних компонентів виникають і розвиваються лише під час процесу як його форми» [4, с.135]. У даному контексті можна в екзистенціальному плані вбачати (і стверджувати) первинність свідомості в діяльності, оскільки перша – на відміну від останньої – є безперервною. Свідомість є суб'єктою: вона закладає підґрунтя у вигляді рішень для наших майбутніх дій.

Недиз'юнктивний (синкетичний) підхід виходить із того, що «мислення як процес нерозривно пов'язане з мисленням як діяльністю суб'єкта – з особистісним аспектом (з мотивацією, здатностями, рефлексією тощо). Це і є завжди недиз'юнктивний зв'язок особистісного та процесуального аспектів мислення. ...Інакше кажучи, це не два різні й порядіснуючі плани – особистісний та діяльнісний, а один, оскільки діяльність здійснюється лише особистістю, взагалі суб'єктом» [4, с.137]. Однак визнання процесу-

альності зasad соціального все ж не дозволило А.В.Брушлінському оминути певну неясність. З одного боку, він стверджує, що «не є заздалегідь і цілковито чи апріорно повністю сформованими мотиви будь-якої діяльності суб'єкта. Вони також формуються у плині психічного як процесу» [4, с.135]. З іншого боку, «на будь-якій стадії психічного розвитку людина здійснює розумовий процес, виходячи зі вже усталених (відносно стабільних) мотивів і здатностей» [4, с.137]. Якщо умовно прийняти, що мотиви діяльності можуть бути як соціальними, що формуються під визначальним впливом усієї сукупності психічних процесів, так і інституціональними, обумовленими процесом мислення, що оперує наявними формами знання, цінностями, ідеологіями тощо, то формування мотивації особистості стане більш визначенням.

У соціально-філософському ключі виникнення нової соціальності можна уявити як зустріч з *Іншим*, як відповідь на змінені умови буття, які через відкритість соціальних систем не обмежуються рамками конкретних суспільств. Ці змінені умови або провокують нові форми та предмети задоволення наявних потреб суб'єкта, або породжують нові потреби, задоволення яких у процесі інституціональної комунікації неможливе. Задовольняючи ці потреби, суб'єкт вступає в соціальний контакт, який, поступово ускладнюючись і закріплюючись (якщо цей контакт сприяє задоволенню потреб) проявляється на поверхні соціального життя у вигляді легітимованих соціальних форм буття. Вони повинні співвідноситися з наявними легальними суспільними формами, вбудовуватися й узгоджуватися з ними через нормативну структуру, що і є сутністю процесу інституціоналізації.

Соціальне на субстанціональному рівні, де субстратом є індивіди, завжди постає результатом зустрічі зі світом та її інтерпретації, що протикає у смисловій комунікації. Ця комунікація процесуально розвивається та ускладнюється, породжуючи при цьому як інтегративні якості (вже соціальних) суб'єктів, так і опосередковані цими якостями форми самої комунікації. Варто зазначити, що в науковій літературі часто вживаються як синоніми поняття «комунікація», «взаємодія», «відношення» та «зв'язок», коли вони не є предметом спеціального розгляду. Однак усім їм, все ж, властиві своїй конотації, що свідчить про різноякісність характеристик соціального буття. Щодо застосування поняття «зв'язок» В.Є.Кемеров зазначає: «У розмірковуваннях про соціальні зв'язки зазвичай присутня певна презумпція їхньої ізотропності та гомогенності; мислим самі по собі, соціальні зв'язки постають в абстрактній однорідності, безвідносно буття конкретних суб'єктів, самореалізації людських індивідів. ...Проблема, однак, полягає в тім, що соціальні зв'язки початково є «несиметричними», виникають як засоби «каналізування» соціальної енергії; вони визначаються як спрямування руху людських сил і здатностей, вони ускладнюються, сплітаються й розходяться як форми кооперації та розподілу людських діяльностей у часі та просторі. Вони задають певну онтологію діяльності, перетворюють фізичний час і простір на час і простір соціальний» [5, с.6]. У даному випадку, вочевидь, дослідник зафіксував загальну проблему – сучасне бачення соціальної комунікації в однорідності й безвідносності щодо буття конкретних суб'єктів.

Бурхливий розвиток телекомунікаційних засобів у сучасних суспільствах посилює несиметричність соціальної комунікації, примушуючи змістити акценти навіть при розгляді найпростіших моделей соціальних явищ. Якщо для філософії альфа та омега соціальності – це насамперед матерія, що розвивається, наділена свідомістю (або духом – втім, як і навпаки), яка об'ективує себе в історичному процесі, то соціолог за точку відліку обирає взаємодію як мінімум двох індивідів, припускаючи при цьому, що вони *взаємо-діють*, тобто впливають у процесі цього контакту один на одного [6, с.16]. Цього цілком досить для того щоб бачити соціальність у фізичній реальності, де ці індивіди перебувають у єдиному просторі-часі. Але цього вочевидь недостатньо для реальності соціальної, в якій *опосередкований* контакт є не менш, а інколи й більш значущим, де межі минулого, теперішнього й майбутнього визначаються не плином часу, а

суб'єктивними й суб'єктними властивостями соціальних суб'єктів. Сама наявність опосередкованих форм у сучасному розумінні соціальної взаємодії свідчить про те, що існує однобічний вплив, завдяки якому, наприклад, відбувається розпредметнення матеріальної культури. Навіть активна відповідь на комунікативний вплив через наявність «ніпельних» соціальних контактів не дозволяє говорити про взаємодію.

Опосередковані соціальні контакти зазвичай бувають *ніпельними*, оскільки не передбачають взаємодії. Тому в сучасній соціальній реальності за точку відліку варто брати вже не взаємодію, а *вплив* (соціальний контакт), результатом якого є зміна поведінки або властивостей об'єкту взаємодії. Цей соціальний контакт у процесі свого розвитку ускладнюється, стає власне взаємодією, якій зрештою стає властивий взаємний, не обов'язково рівний, вплив суб'єктів один на одного. Особливої специфіки соціальні взаємодії надає її просторово-часова локалізація, без якої вона нездійснена. Подальше ускладнення соціальних контактів призводить до формування *зв'язків*, які завжди функціональні й зорієнтовані на задоволення певних потреб (вже взаємопов'язаних цими потребами) суб'єктів. Наступний етап – формування *відносин*, що враховують усю сукупність соціальних позицій суб'єктів. І лише на цьому рівні соціальної комунікації можна говорити про виникнення *суспільства* як соціальної цілісності. У ньому індивіди належать до багатьох соціальних спільнот і набувають у процесі своєї діяльності соціальних статусів та відповідних їм рольових систем. Це дозволяє, з одного боку, говорити про залученість індивідів до системи суспільних відносин, а з іншої, не применшувати в кожній предметній ситуації визначальної ролі інших соціальних контактів. Це наочно проявляється в рольових конфліктах, які, по суті, є проявом протиріччя між соціальним та суспільним у життедіяльності суб'єкта.

Суспільство як видове вираження соціальності, у свою чергу, постає специфічно структурованим соціумом. Воно характеризується наявністю системи особливих потреб, ресурсів та умов, що надає змоги аналітикам виокремити його головний критерій – самозабезпеченість [7, с.80-85]. Індивіди відносно суспільства постають протоелементами, інтеграція яких формує такі структурні елементи суспільства як: соціальні групи різного ступеню загальності, соціальні організації й соціальні інститути, які через рольові системи соціалізують індивідів, стаючи надіндивідуальними соціальними суб'єктами. Лише взаємообумовлене буття цих надіндивідуальних суб'єктів може забезпечити буття сучасної людини з її розмаїтими потребами, будь-які дисфункції цих суб'єктів відбуваються на реальному житті людини.

Самозабезпеченість як сутнісний критерій суспільства свідчить про те, що лише та сукупність людей може вважатися суспільством, що може *природно* відтворюватися протягом тривалого часу як *закрита* система. У межах суспільства соціальні суб'єкти повинні мати можливість задовольняти всі свої потреби, що забезпечує як функціонування, так і саморозвиток суспільства. Оскільки в соціальній реальності це неможливо, то цей критерій є швидше аналітичним. З урахуванням міжнародної економічної інтеграції, що набирає обертів, і формування глобального суспільства, яке задає нові параметри соціально-політичних взаємодій, термін «самозабезпеченість» викликає більше запитань, ніж дає відповідей. У даному випадку, видається ефективнішим критерій, опрацьований ще Аристотелем і використаний Т. Парсонсом, – «самодостатність». Цей критерій підкреслює автономність суб'єкта щодо навколошнього середовища, не розриваючи генетичних зв'язків з ним, доводячи, що взаємодія з навколошнім середовищем обумовлена суб'єктністю, «самістю» об'єкта, який тим самим конститує себе як суб'єкт. Оскільки суспільство є полісуб'єктним, а статус індивіда через специфіку включення його до соціальних структур і процесів як суб'єкта є амбівалентним, протягом соціальної еволюції формуються різноманітні інтерсуб'єктивні форми типізації досвіду – соціальні інститути, що дозволяють індивідам задовольняти свої потреби як синочевидності в межах комунікативних стандартів інституціональних систем. Таким

чином, накопичуючи соціальний досвід, стандартизуючи механізми його засвоєння та трансляції, соціальні інститути стосовно «тілесних» суб'єктів (індивідів і спільнот) самі постають як суб'єкти, що забезпечують структурну цілісність суспільства. Отже, суспільство можна визначити як *інституціонально структурований соціум, самодостатній у своїй цілісності*. Саме тому суспільство може бути закритим як відносно, так і абсолютно, чому найчастіше сприяють географічні чинники. Більше того – відносна закритість суспільства є обов'язковою умовою для збереження ним своєї цілісності.

Виокремлення інститутів як основних елементів суспільства, їхній розвиток як показник зрілості суспільства зустрічається доволі часто. Так, П.Бергер і Т.Лукман вважають, що суспільство складається з «інституціонально обґрунтованих підсвітів» [8, с.225]. В.М.Биченков, розглядаючи соціальні інститути як безособові форми соціальної суб'ектності [9], вважає, що «інституціональність – один з рівнів соціальності, що характеризує самий спосіб спільного буття людей, організованих у ціле, наявність у них колективних настанов та установ і виражає ступінь розвиненості суспільства, рівень його зрілості» [10, с.22-23].

Соціальне в розвинених формах близьке суспільному своїм інтегративними характеристиками, в яких акумулюється й через які передається весь досвід попередньої взаємодії. Сама трансляція цього досвіду передбачає наявність стабільних структур, які й представляють собою соціальні інституції, що утворюють у своєму взаємопроникненні кістяк суспільства. Їхнє стабільне узгоджене функціонування забезпечує цілісність суспільства, оскільки останнє робить акцент, насамперед, на функціональній діяльності. У той же час соціальна комунікація як динамічна характеристика соціуму, через умови цієї комунікації, що постійно змінюються, і через агентів і провідників, вимушена орієнтуватися на інноваційну діяльність.

Отже, соціальність – це, по-перше, динамічна характеристика соціуму, оскільки вона завжди конкретна та є породженням і відображенням реальних умов буття, що постійно змінюються, динамічної сукупності суб'єктів, яким завжди тісно в прокрустовому ложі «суспільного». По-друге, саме соціальне легітимує суспільні форми, у той час як легалізувати себе вони здатні самостійно. Врахування потреб, породжених повсякденною соціальністю, надає змоги розглядати процес інституціоналізації як базовий у суспільному розвиткові. Його організаційне оформлення зазвичай спрямовується легальними суспільними структурами й повинне орієнтуватися на дійсну, а не уявну мету соціуму – задоволення потреби, що виникають у процесі соціальної взаємодії індивідів. Неспроможність суспільства відповісти на потреби соціального розвитку неминуче викликає кризові явища в ньому: легальні суспільні структури втрачають своє легітимне підґрунтя.

Суспільство задля збереження своєї цілісності шукає ефективні форми соціального контролю, що стимулюють і спрямовують діяльність його членів, досягаючи з більшим чи меншим успіхом інтерналізації стимулів у мотиваційну сферу через ціннісне оформлення потреб індивідів. Воно йде від «треба» (для суспільства) до «належне». Якщо цей механізм не працює, то соціальний контроль є, по суті, контролем суто суспільним, як правило, *репресивним*. У той же час нова соціальність, що виникла як відповідь на змінені умови буття, породжує нові потреби суб'єкта, часто ще ціннісно не легалізовані суспільством, але вже легітимовані соціальним середовищем. Звідси функціональна діяльність суб'єкта раціонально стимулюється суспільством, у той час як інноваційна діяльність живиться більшою мірою особистісною мотивацією, за якою вже сформовані соціальні властивості (динамічна система потреб, активність і самостійність, настанови тощо). Це дозволяє соціальному суб'єкту бути активним і творчим при розв'язанні проблем, не боятися, коли це потрібно, вступати у протиріччя з нормативними інструкціями. Такий суб'єкт може застосовувати форми діяльності, що ще не сприймаються суспільством як належні, тому ставлення до них з боку суспільства може варіювати від настороженого до ворожого.

Ще один суттєвий момент полягає в тім, що соціальне за своєю природою є тим провідником, через який суспільство (поза офіційною волею) зв'язується із зовнішнім середовищем, воно постає межовою областю, через яку фільтруються всі *іносоціальні* впливи. Чим повніше суспільні форми буття соціуму враховують його потреби, тим безболісніше для нього відбувається неминучий процес соціокультурного обміну з зовнішнім середовищем, воно більш адаптивне до конкретних ситуацій іносоціального впливу. Оскільки сьогодні, за інформаційної доби, такий обмін є неминучим, оскільки відкритий тип комунікації стає важливою характеристикою сучасних суспільних структур.

У своїй сукупності вищезазначені характеристики в конкретній ситуації не просто визначають амбівалентний статус соціальних і суспільних феноменів, а надають соціальній реальності такої важливої властивості як альтернативність. Ця реальність завжди має можливість вибору між модусом «мати» й модусом «бути»; між модусом «присутності» й модусом «відсутності», між діянням і недіянням, коли виникає «потреба зупинитися, затримати рух, розірвати безперервну тривалість існування». Це потреба в «підвішуванні» смислів та їх оголеності в паузі центрування себе та свого *спів-існування* поруч з іншими» [11, с.151]. Альтернативність буття реальна настільки, наскільки людині під владне її власне буття, адже *Dasein* початково є буття-можливість. «Присутність не є щось наявне, що на додаток має ще якесь уміння, але воно є буттям-що-первинно-може. Присутність є завжди те, що вона вміє бути та як вона є своя можливість. ...Можливість як екзистенція є навпаки найвисхіднішою та останньою позитивною онтологічною визначеністю присутності» [12, с. 169].

Ж.Бодріяр, проголошуєчи кінець соціального, зазначає, що його, вочевидь, не буде вже в наших «суспільствах», оскільки «воно в змозі існувати лише дуже короткий час: у вузькому проміжку між добою символічних формаций та виникненням нашого «суспільства», де воно вже не живе, а лише згасає» [13, с.74-75]. Ми ж, навпаки, виходимо з того, що «суспільства» майбутнього повною мірою можна буде назвати соціальними: соціальне суспільство – це суспільство, де легітимна соціальність не вступає у протиріччя з його легальними структурами. Ці суспільства розв'язуватимуть проблему знаходження оптимального сполучення неминучого динамізму соціальних структур з необхідністю інституціоналізації соціальних процесів для забезпечення інтеграції нових соціальних утворень. Якщо стисло – необхідно буде знаходити оптимальне співвідношення між хаосом і порядком. Соціальність не повинна бути стихійною – якщо не жорстко керованою, то принаймні прогнозованою в певних межах. Суспільства ХХІ сторіччя, вірогідно, керуватимуть соціальними процесами не через їх цілепокладання, а через формування певних соціальних умов (середовища), в яких ці процеси триватимуть. Лише це, на наш погляд, дозволить не заганяти в прокрустове ложе соціальні контури майбутнього.

Оскільки нова соціальність у межах легальних суспільних форм народжується людиною, оскільки всебічне знання про неї обумовлюватиме подальший соціальний та суспільний розвиток. Можна зробити припущення, що виробнича сила соціально-гуманітарного знання полягатиме у виробництві, насамперед, соціальної стабільності в розумінні витіснення військових технологій як технологій, що продукуються соціальними технологіями. У такому тлумаченні ідеї представників «критичного раціоналізму» набувають характеристик утопічності загальних теорій та побудованих на них проектів стабілізації чи широкомасштабної перебудови суспільства; обумовленість соціальних вад ігноруванням у процесі цілеспрямованих змін індивідуальних схильностей, намірів, інтересів; віднайдення та ліквідація небажаних для нормального функціонування системи тенденцій; перетворення й регулювання соціальних процесів у межах можливого тощо [див.: 14, с.204-207] – можуть бути затребувані в соціальному суспільстві й виявитися досить конструктивними.

З Ж.Бодріяром можна погодитись у наступному: «Динаміка соціального не є ясною та визначеню. Чим характеризуються сучасні суспільства – його нарощанням чи

роздадом? Інакше кажучи, їм властиві соціалізація чи поступова десоціалізація? Відповідь залежить від того, як тлумачиться соціальність, але в будь-якому разі вона не може бути остаточною та однозначною» [13, с.72]. Однак прагнення до однозначності наукових понять, нехай і не остаточної на даному етапі пізнання, є необхідним моментом конструювання теорій, чому й покликана сприяти онтологічна експлікація понять.

Ю.Ф.Георгієв, розмірковуючи про поняття соціальної матерії під кутом зору нерозрізнення специфіки *соціального* й *сусільного*, позначає її як «*сусільне* (соціальне) буття матерії. ... Для соціальної філософії власне поняттям є категорія соціальної (як різновид) матерії, а вся решта субпонять, розкриваючи свою смислову самість, водночас розширяють смисловий зміст поняття в його невласних смислах» [15, с.36]. Автор вважає, що сутність усіх можливих позначенень одна – зберегти в центрі уявлення про соціальну матерію як певну *саморухливу субстанцію*. Тому це визначення можна розглядати як онтологічне визначення соціальності, але за умови, що воно є суто філософським і не враховує екзистенціальне забарвлення означеного феномена.

Висновки. Запропоноване нами онтологічне бачення вказує на процесуальність соціальної реальності, в якій уособлене спів-буття суб'єктів, що дає можливість визначити соціальну реальність і в «невласному», а точніше – вже власне соціально-філософському розумінні – на субстанціальному рівні, де її субстратом є індивід. Соціальність тут представлена як *спеціфічний, наділений смислом способ комунікації суб'єктів, який породжує по мірі свого розвитку та ускладнення як інтегративні властивості цих суб'єктів, так і опоредковані цими властивостями форми самої комунікації*.

РЕЗЮМЕ

У статті досліджується конституювання соціальності через взаємопроникнення соціального та інституціонального, що уособлює діалектику динаміки та статики соціуму. Соціальне на субстанціональному рівні тлумачиться як результат зустрічі зі світом та її інтерпретації, яка протікає у смисловій комунікації.

SUMMARY

The article explores constituting sociality through interpenetration of social and institutional, that embodies the dialectics of social static and dynamics. Social is interpreted on the substantive level as a result of meeting with the world and of interpreting this meeting that runs in meaningful communication.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социология / Г.В.Осипов (руков. авт. кол.), Ю.П.Коваленко, Н.И.Щипанов, Р.Г.Яновский. – М.: Мысль, 1990. – 446 с.
2. Социология. Основы общей теории / Под ред. Г.В.Осипова, Л.Н.Москвичева. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 461 с.
3. Зимовец Р.Б. Парадокс экзистенциальной коммуникации // От Я к Другому: проблемы социальной онтологии в постнеклассической философии. Сб. докл. – Мн.: Пропилеи, 1998. – С.42-52.
4. Брушлинский А.В. Деятельность субъекта и психическая деятельность // Деятельность: теории, методология, проблемы. – М.: Политиздат, 1990. – С.129-142.
5. Кемеров В.Е. Знание – социальная связь // Социемы. – 2001'7. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – Вып. 7. – С.5-8.
6. Сорокин П.А. Общедоступный учебник по социологии. Статьи разных лет. – М.: Наука, 1994. – 560 с.
7. Смелзер Н. Социология: Пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – 687 с.

8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Изд-во «Медиум», 1995. – 323 с.
9. Быченков В.М. Институты: Сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. – М.: Российская академия социальных наук, 1996. – 976 с.
10. Быченков В.М. Социальные институты в системе субъект-субъектных отношений: Автореф. дисс. ...д-ра филос. наук: 09.00.11. – М., 1999. – 40 с.
11. Стрих В.Б. Недеяние: амбивалентность смыслов и личностное звучание. – Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. техн. ун-та, 1997. – 157 с.
12. Хайдеггер М. Бытие и время. – Х.: Фолио, 2003. – 509 с.
13. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 106 с.
14. Капитонов Э.А. Социология XX века. – Р.-н/Д.: Изд-во «Феникс», 1996. – 512 с.
15. Георгиев Ю.Ф. Континуальность социальной жизни, закон ее пульсации и вакуум. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1993. – 200 с.

Надійшла до редакції 19.12.2207 р.

П Е Д А Г О Г І К А

УДК 159.922.763

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ БЕСПРИЗОРНЫХ ПОДРОСТКОВ, ВРЕМЕННО ПРЕБЫВАЮЩИХ В ПРИЮТЕ

Е.Н.Васюк

При обсуждении проблем беспризорности вопросы, связанные с изучением социальной перцепции подростков, являются одними из наиболее существенных [1]. Беспризорность обусловлена, в первую очередь, социальными факторами: низким экономическим уровнем жизни, падением нравственной культуры общества, нарушениями в функционировании социальных институтов [2]. Можно предположить, что сфера межличностных отношений (и в частности, социальная перцепция как её компонент) беспризорных подростков под воздействием негативных условий социальной среды подвергается изменениям.

Социальная перцепция в психологической науке определяется как восприятие, понимание и оценка людьми социальных объектов: самих себя, других людей, групп, социальных общностей. В психологии эту проблематику разрабатывали Е.В.Алексеева, В.А.Татенко, Д.И.Фельдштейн, С.А.Беличева, В.И.Куницына и др. [3]. Внимание субъекта перцепции в первую очередь сосредоточено на смысловых и оценочных интерпретациях субъекта восприятия, в том числе и каузальной атрибуции. Л.С.Выготский [4] считал, что группа, в которую входит индивид, воплощает в себе систему ценностей и оказывает заметное влияние на формирование когнитивного (образ Я) и аффективного (самооценка) представления о себе [4].

Полагаем, что исследование особенностей социальной перцепции беспризорных подростков поможет в разработке более эффективных диагностических и коррекционных методик и внесет вклад в борьбу с этим негативным явлением.

Цель исследования – выявить различия в социальной перцепции беспризорных подростков и их сверстников из благополучных семей

Объект исследования – межличностные отношения беспризорных подростков.

Предметом исследования являются особенности социальной перцепции беспризорных подростков, которые временно пребывают в приюте.

Базой проведения исследования являлся приют №1 г. Донецка и ЗОШ №2 г. Донецка.

Контингент испытуемых: экспериментальная группа – беспризорные подростки, которые пребывают в приюте, – 40 человек и контрольная группа – школьники (40 человек).

Методики исследования:

Для исследования особенностей восприятия партнера в межличностных отношениях использовались такие методики:

1. Тест отношений Ю.В.Александровой имеет целью изучить нравственно-психологическую структуру межличностных отношений [5].

Интерпретативная проективная методика, использующая феномен тематической проекции на невербальные и вербальные стимулы, основывается на концепции В.Н.Мясищева, который так определял структуру отношений:

- I. Потребность в другом человеке – конативные тенденции овладения другим человеком.
- II. Интерес к другому – активность в когнитивном и эмоциональном постижении внутреннего мира другого человека.
- III. Эмоциональное отношение – любовь, симпатия, привязанность, враждебность, антипатия, безразличие.
- IV. Оценочное отношение – сопоставление поступков партнера в межличностных отношениях со своими эталонными образцами Я – идеального.

Методика является отечественной модификацией теста Розенцвейга, поддаётся количественной обработке.

2. Методика ДМО Т.Лири: Цель – исследовать представление о себе, идеальное Я и отношения в малой группе, тип отношений, самооценку.

Представляет собой набор лаконичных характеристик, по которым испытуемый сперва оценивает себя, своё «актуальное Я» на момент обследования, а потом партнёров. Основывается на концепции стилей поведения и отношения, которые включают в себя поведенческие и личностные характеристики. Методика дает представление о типе отношения к партнёру в межличностных взаимодействиях, базовую установку на его восприятие и, как следствие – типичный стиль поведения в общении.

3. Опросник В.Шутца: Цель – изучить ожидания индивида относительно поведения партнёров в межличностных отношениях, в частности принятия другого, готовности к проявлению инициативы, желание контролировать партнёра, конформность, стремление к доверительным отношениям, ожидание доверия со стороны других.

Основывается на концепции Шутца, суть которой заключается в том, что восприятие партнёра в межличностных отношениях происходит в трех аспектах:

- включение (I);
- контроль (C);
- аффект (A).

Каждый аспект учитывает выраженное поведение индивида (e), то есть оценку интенсивности проявления своих поведенческих реакций и поведенческие реакции, проявления которых он требует от остальных (w), для сохранения психологического комфорта.

Опросник позволяет произвести измерение не только личностных характеристик, но и благодаря комбинации индивидуальных индексов оценить отношения между двумя и более индивидами.

С помощью методики отношений Александровой получены следующие результаты. (Данные в таблице – средние по группе и исходят из частоты встречаемости в выборке из 40 чел.).

Таблица 1. Сводная таблица результатов по тесту отношений Александровой

Категории анализа	беспрizорники	школьники
1. Интерес к личности партнёра	32 (80 %)	21 (52,5%)
2. Интерес к поведению партнёра	30 (75%)	18 (45%)
3. Интерес к интеллектуальной сфере	12 (30%)	16 (40%)
4. Степень позитивной оценки партнёра	8 (20%)	33 (82,5%)
5. Степень доверия партнёру	11 (27,5%)	24 (60%)

Исходя из представленных данных, можно предположить, что беспризорные больше, чем школьники, интересуются личностными качествами другого человека. При установлении межличностных отношений они придают огромное значение не отдельным поведенческим актам, а личности партнёра в целом, выделению тех черт личности,

которые впоследствии могут спровоцировать нежелательные поступки со стороны партнёра. Внешне это выражается в избирательности в межличностных контактах, осторожности и подозрительности в выборе партнёров для общения.

Интерес к интеллектуальной сфере: у обоих выборок ниже средних показателей, но всё же в контрольной группе он выше на 4 балла (10%).

В контрольной группе испытуемых позитивные оценки преобладают над негативными, а у беспризорных подростков только у 20% испытуемых партнёр по общению оценивается позитивно. У школьников позитивная установка к партнёру в межличностных отношениях наблюдается у большинства испытуемых, то есть беспризорники гораздо больше склонны к негативным оценкам окружающих, чем обычные дети.

У школьников негативные оценки партнёра по общению имеют конкретные причины: например, тех, кто не умеет держать слово, в случае же беспризорных подростков человек оценивается негативно вообще. Можно предположить, что беспризорные подростки менее дифференцированно анализируют личность партнёра. Степень доверия к партнёру в обеих выборках тоже существенно различается. В отношениях и при первом знакомстве беспризорным подросткам сложнее преодолеть барьер недоверия, потому что процент обманутых из-за излишней доверчивости у них составляет 73,3%, в то время как у обычных школьников 40%. Скорее всего, это связано с неблагоприятными социальными условиями. Как показывает статистика Службы по делам несовершеннолетних при Донецком городском совете, 86% беспризорных детей имеют неблагополучные семьи, где родители употребляют алкоголь, наркотики, регулярно подвергают детей насилию. Кроме того, такие результаты могут быть последствиями негативного отношения к детям со стороны сверстников, учителей, соседей и т.п. Дети этой категории обычно имеют негативный опыт общения с людьми. Эти данные подтверждает и методика Лири.

Таблица 2. Сводная таблица средних показателей по шкалам теста Лири
у контрольной и экспериментальной групп

Показатели шкалы	$X^{\text{ср}}$	X^{kr}	d	d^2	$R^{\text{ср}}$	R^{kr}
I. «Доминантность»	4,6	9,77	-5,17	26,7	12	11
II. Уверенность	7,77	7,73	0,04	0,0016	10	9
III. Требовательность	7,63	7,7	0,07	0,0049	7	11
IV. Независимость	7,9	6,53	1,37	1,88	9	10
V. Зависимость	4,83	5,97	-1,14	1,3	10	10
VI. Уступчивость	5,8	7,43	-1,63	2,66	12	9
VII. Общительность	6,2	10,8	4,6	21,16	6	5
VIII. Отзывчивость	3,77	11,64	-7,86	61,8	7	10

где X – среднее арифметическое, d – разность показателей, R – размах вариации.

Как уже говорилось выше, тест Т.Лири выявляет особенности межличностного взаимодействия в малой группе, стиль межличностных отношений, который является преобладающим у данного индивида и соответственно, определяет отношение к партнёру в межличностных отношениях.

Сравнив средние показатели по шкалам у обеих выборок, сделаем вывод, что шкалы II, III и IV являются в значительной степени преобладающими над остальными в выборке беспризорных подростков.

Среди них лидирующей является шкала IV («независимость»), которая имеет незначительное преимущество по степени выраженности над остальными. Можно сде-

лать вывод, что беспризорным подросткам характерен недоверчиво-скептический стиль поведения. Это обуславливает такие особенности личности, как реалистичность суждений, практичные поступки, хорошая ориентация в окружающем мире, подозрительность, **изначально недоверчивое отношение к партнёру**.

В межличностных отношениях и особенно в таком его аспекте, как установление контактов с окружающими люди, имеющие высокие показатели по шкале «независимость», крайне осторожны, избирательны в выборе не только друзей, но даже знакомых.

Можно говорить даже о недовольстве, недружелюбии по отношению к другим в целом. Наличие таких качеств помогает беспризорным подросткам успешно адаптироваться к неблагоприятным условиям социальной среды, но в то же время провоцирует дезадаптацию в нормальной обстановке. Они оказываются неспособными наладить отношения, так как не владеют необходимыми конструктивными средствами.

На втором месте по частоте встречаемости в выборке беспризорных подростков – независимо-доминирующий стиль поведения в межличностных отношениях. Он обуславливает такие черты личности, как независимость, обособленная позиция в группе. Люди этого типа склонны иметь всегда особое мнение, направленное против мнения большинства. Это своего рода негативизм, обусловленный необходимостью самому о себе заботиться, не надеясь на помощь взрослых, это позиция личности самостоятельной, имеющей уже негативный опыт, которая не просто осознанно не доверяет окружающим, но и отвергает их поддержку, не принимает их как личностей, противопоставляет себя остальным.

Третьим преобладающим стилем межличностного поведения является «прямолинейно-аггрессивный». Он обуславливает такие черты, как: непосредственность, прямолинейность, настойчивость, но из наших наблюдений, у беспризорных подростков чаще преобладают негативные качества из этого ряда: недружелюбие, несдержанность, вспыльчивость в отношениях с другими людьми, особенно со сверстниками.

Кроме шкал с высокими показателями, следует обратить внимание на шкалы с заниженными показателями.

В выборке беспризорных подростков такой является шкала VIII («отзывчивость»), то есть ответственно-великодушный стиль поведения, который характеризуется повышенной готовностью помогать окружающим, развитым чувством ответственности, альтруизмом, гиперсоциальностью установок. Низкие показатели по этой шкале вполне логичны, ведь в реальности беспризорные подростки демонстрируют как раз противоположные качества: необязательность, избегание ответственности, антисоциальные установки, жестокость и даже агрессию по отношению к партнёру по общению. Исходя из сравнения данных по этим показателям с контрольной группой, можно предположить, что существенную роль в выработке стиля поведения играют условия воспитания и развития личности подростка, отсутствие умений налаживания контактов в общении, адекватных способов реагирования в конфликтной ситуации. В ситуации даже незначительного ущемления интересов у беспризорных подростков происходит искажение видения проблемы в негативную сторону и склонность к шаблонным реакциям, чаще агрессивным. Они обладают скучным набором способов решения проблем в межличностных отношениях, что подтверждается категоричностью суждений о личности партнёра в методике отношений Александровой.

Кроме этого, в экспериментальной группе невысокие показатели и по шкале I («доминантность»), соответствующей властно-лидирующему стилю межличностных отношений. Это говорит о том, что беспризорные подростки низко оценивают свои возможности, неуверенны в себе и не стремятся к власти. Учитывая такие показатели шкалы II, можно сделать вывод, что беспризорные подростки хоть и не стремятся к доминированию, но и избегают зависимости от других, ограничения своей личной свободы, возможно, это одна

из причин нежелания близкого, доверительного общения, в ходе которого может возникнуть зависимость от партнёра как материальная, так и духовная.

Если рассматривать общую картину, то результаты контрольной группы полностью совпадают с картиной подросткового кризиса: есть черты негативизма, стремление к независимости, непринятие любого проявления опеки над собой со стороны взрослых, преувеличенная ценность тех качеств, которые обеспечивают личности приятие её в группе, повышенная потребность в общении.

На этом фоне мы видим, какие искажения претерпела сфера межличностных отношений беспризорных подростков под влиянием неблагоприятной социальной среды.

Значительно сниженными оказались потребности в общении и признании. Ценность группы в целом и отдельных её членов для этих детей невелика, она будет рассматриваться как средство выживания, а не удовлетворения духовных запросов.

Низкие показатели по шкале «зависимость» скорее обусловлены недоверием к окружающим, чем стремлением к личной свободе, ведь в реальности они склонны к подражанию. Вероятно, что они не терпят давления со стороны. Когда партнёр воспринимается как пытающийся подавить его свободу, тогда следует проявление негативизма, стремление делать наперекор, но в условиях с правом выбора и при наличии привлекательного образца они охотно подражают ему.

Таблица 3. Сводная таблица средних арифметических показателей по шкалам в экспериментальной и контрольной группах по методике Шутца

Показатели Шкалы	$M_{\text{ЭГ}}$	$M_{\text{КГ}}$	d	d^2	$R_{\text{ЭГ}}$	$R_{\text{КГ}}$
I_e принятие других	4,9	5,6	-0,7	0,49	5	7
I_w готов-ть к инициативе	3,37	3,83	-0,46	0,21	7	9
C_e контроль партнёра	3,7	2,7	1	1	8	8
C_w готов-ть подчиняться	4,9	2,43	2,47	6,1	8	8
A_e стремление к доверит. отношениям	2,93	3,6	-0,67	0,45	5	8
A_w ожидание доверит. отношений	4,17	3,13	1,04	1,08	6	4

Как видно из результатов исследования, беспризорные подростки менее склонны к принятию партнёров по общению, чем обычные школьники, хотя готовность проявить инициативу в межличностных отношениях в обеих выборках существенно не отличается.

Беспризорные подростки более стремятся к контролю поведения партнёра, но не в смысле лидерства, а в значении внимания к его поступкам и степени их влияния на последующие отношения с партнёром. Это значит, что ошибка партнёра будет скорее замечена и учтена беспризорным подростком, чем школьником из благополучной семьи, так как цена ошибки в партнёре в среде беспризорности касается не просто сохранения хороших отношений, репутации, престижа и т.п., но и выживания в неблагоприятных социальных условиях. Наряду с этим стремление к лидерству в отношениях у беспризорных подростков гораздо ниже, чем у обычных школьников, они проявляют большую конформность и склонность к подражанию, чем обычные подростки и гораздо охотнее подражают привлекательным образцам, что полностью совпадает с данными, полученными по методике ДМО Лири.

Последние два показателя определяют доверительность в межличностных отношениях. Из полученных данных следует, что беспризорные подростки гораздо меньше стремятся к установлению доверительных отношений с партнёрами по общению и

предпочитают не проявлять активности в этом вопросе, в то время как ожидание, потребность в таких отношениях у них значительно больше выражена, чем в среде благополучных детей, то есть они острее реагируют на позитивное отношение партнёра по общению, чем обычные дети. Такая гиперчувствительность, вероятно, вызвана дефицитом позитивного внимания и принятия их со стороны взрослых и в среде сверстников, особенно из благополучных семей. Можно сделать вывод, что сниженная потребность беспризорных детей в признании и их эмоциональная отстранённость от группы является защитной реакции на фрустрацию основных социальных потребностей, которые не могут быть удовлетворены партнёрами из актуального круга общения подростков.

ВЫВОДЫ:

1. Особенности социальной перцепции беспризорных подростков значительно отличаются от аналогичных показателей у их сверстников из благополучных семей.
2. Беспризорные подростки чаще склонны к негативным оценкам партнёра, чем школьники из благополучных семей. У беспризорных подростков преобладает недоверие, агрессия, негативизм, стремление избежать давления со стороны хотя потребность в доверительных отношениях у них завышена.
3. Одним из основных факторов, влияющих на особенности социальной перцепции беспризорных подростков является неблагоприятная социальная среда (семья, школа, группы сверстников).

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена проблемі вивчення особливостей соціальної перцепції бездоглядних підлітків, які тимчасово знаходяться в притулку. Проведено порівняльний аналіз соціальної перцепції бездоглядних підлітків – школярів з благополучних родин.

SUMMARY

The article describes a problem of research peculiarities of social perception of children without parents care and is analized social perception of children without parents care and children with parents.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грищенко А.А., Алмазов Б.Н. Психология отклоняющегося поведения и задачи педагогической реабилитации трудновоспитуемых учащихся. – Свердловск; «Инженер. – пед. ин-тут», 1987. – 80 с.
2. Основы профилактики безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних. Под ред. Мустафовой Ф.А. М: «Академпроект», 2003. – 208 с.
3. Развитие психики ребенка в общении со взрослыми и сверстниками. Под ред. Рузской А.С. – М: АНИ СССР, 1990. – 166 с.
4. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. – СПб: «Союз», 1998. – 224 с.
5. Александрова Ю.В. Методики диагностики отношений. – М: МПСТ, 2001. – 96 с.

Надійшла до редакції 21.03.2007 р.

П С И Х О Л О Г I Я

УДК 519.9:351.74

КОПИНГ-СТРАТЕГІИ И ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ У СОТРУДНИКОВ МВД

Н.В.Гордеев

В настоящее время перед сотрудниками правоохранительных органов все чаще ставятся сложные и ответственные задачи государственного уровня, решать которые приходится в экстремальных условиях. Эти условия характеризуются присутствием и агрессивным воздействием на психику широкого спектра неблагоприятных, дискомфортных и угрожающих факторов, порождающих повышенный уровень психологического стресса.

Вся деятельность органов и подразделений внутренних дел Украины представляет собой сложное переплетение человеческих взаимосвязей и отношений (оперуполномоченный уголовного розыска и разыскиваемый правонарушитель; следователь и подозреваемый; работник ГАИ и водитель и т.п.). Работнику правоохранительных органов приходится иметь дело с наиболее трудным в социальном плане контингентом, который обладает асоциальными установками, неуправляемостью, агрессивностью, скрытым характером преступной деятельности, противоборством и негативным отношением к представителям власти.

На данный момент существует ряд исследований особенностей профессионального стресса и проявления синдрома профессионального «выгорания» у работников МВД (Т.Д.Андрюшин, Н.И.Ануфриев, А.М.Бандурка, А.В.Тимченко и др.). Однако недостаточно работ, посвященных проблеме совладания со стрессом и изучению особенностей проявлений психических защит в сложных жизненных ситуациях [1; 2; 3].

Таким образом, сложность и опасность работы сотрудников правоохранительных органов, необходимость оказывать им квалифицированную психологическую помощь для выхода из различных стрессовых ситуаций, в том числе и снижение уровня профессионального «выгорания», – все это и обусловило актуальность рассматриваемой проблемы.

Объектом исследования является совладающее поведение личности.

В качестве **предмета** выступают копинг-стратегии, предупреждающие психическое «выгорание» и обеспечивающие совладающее поведение сотрудников МВД.

Целью работы является выявление особенностей совладающего поведения и психического «выгорания» различных категорий сотрудников правоохранительных органов.

Гипотеза исследования: конструктивные копинг-стратегии предупреждают психическое «выгорание» и обеспечивают совладающее поведение сотрудников МВД, причем выбор копинг-стратегий обусловлен рядом факторов: спецификой работы, возрастом, стажем профессиональной деятельности, индивидуально-психологическими особенностями.

Теоретической основой исследования явилась когнитивная модель стресса Р.Лазаруса. Стress рассматривается им как динамический процесс, а не статическое явление. Достаточно важным компонентом этой модели является адаптационные механизмы, направленные на преодоление сложных ситуаций. Совладание с жизненными трудностями определяется авторами понятия Р.Лазарусом и С.Фолкманом как «постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия индивида с целью управления специфическими внешними и (или) внутренними требованиями, которые оцениваются им как подвергающие его испытанию или превышающие его ресурсы» [4, с.182]. В рамках подхода, раз-

виваемого в работах авторов понятия «*coping behavior*» Р.Лазаруса и С.Фолкмана, совладающее поведение трактуется как динамический процесс, специфика которого определяется не только ситуацией и личностными особенностями индивида, но их взаимодействием. Акцент делается на познавательном отношении к проблемной ситуации, однако психологическое преодоление не сводится к чисто когнитивному процессу; отмечается необходимость учета и его эмоционального компонента [4].

Синдром психического выгорания, согласно модели К.Маслач и С.Джексон, рассматривается как многомерный конструкт, включающий в себя совокупность негативных психических переживаний и дезадаптивного поведения как следствие продолжительных и интенсивных стрессов общения.

Для реализации основной цели данной работы, то есть исследования взаимосвязи совладающего поведения и выгорания и, соответственно, проверки гипотезы относительно наличия этой взаимосвязи, была сформирована выборка обследуемых, включающая 46 человек. Выборка была разделена на две группы. Первая включала в себя сотрудников ППС (патрульно-постовая служба) – 22 чел., а вторая – оперуполномоченных ОУР (отдела уголовного розыска) – 24 чел. Средний стаж работы испытуемых составил 7 лет, средний возраст – 28 лет.

Тестирование проводилось в групповой форме. Перед началом работы группа получала информацию о целях проводимого исследования, содержании и форме работы с опросниками. Испытуемым раздавали бланки с вопросами тестов и бланки ответов. Инструкция давалась в письменном виде, а также объяснялась индивидуально для тех, у кого возникали вопросы. Далее работа с опросниками проводилась самостоятельно. После выполнения бланки с ответами передавались исследователю.

Время эксперимента подбиралось таким образом, чтобы испытуемые были в нормальном, привычном для них физическом и психологическом состоянии, никуда не спешили, не были чем-то озабочены. Тестирование проходило в два этапа: сначала одна половина группы испытуемых, затем – вторая. В целом 2,5-3 часа на каждую группу, с перерывами для отдыха.

Обстановка и место проведения эксперимента также не вызывали у испытуемых напряжения. Было сведено к минимуму возможное действие посторонних факторов, способных повлиять на достоверность результатов эксперимента. При обработке данных учитывалось влияние личности, установок и ожиданий экспериментатора на обработку данных и интерпретацию результатов. Сохранялась объективность и непредвзятость.

Рабочая гипотеза, цели и задачи исследования определили стратегию проведения исследования и выбор инструментария, который включает следующие методики:

1. Копинг-поведение в стрессовых ситуациях (С.Норман, Д.Ф.Эндлер, Д.А.Джеймс, М.И.Паркер; адаптированный вариант Т.А.Крюковой);
2. Типологии психологической защиты (Р.Плутчик в адаптации Л.И.Вассермана, О.Ф.Ерышева, Е.Б.Клубовой и др.);
3. Уровень эмоционального «выгорания» (В.В.Бойко);
4. Стратегии поведенческой активности в стрессовых условиях.

Методики апробированы и модифицированы на предлагаемом контингенте, валидны и надежны. Используются как в индивидуальном, так и в групповом исследовании. Обработка результатов производится вручную, в соответствии с имеющимся ключом.

По полученным результатам нашего исследования были сделаны **выводы**:

1. У большинства сотрудников МВД психическое «выгорание» находится на начальной стадии. Нет значимых различий в уровне «выгорания» у сотрудников уголовного розыска и патрульно-постовой службы, однако, у следователей фаза «Истощения» выражена несколько сильнее, чем у ППС, и среди них больше человек, у которых фаза «Резистенция» уже сформировалась, что может быть обусловлена спецификой их работы (табл. 1).

Таблиця 1. Частота выраженности показателей по фазам эмоционального «выгорания»

Стадия формирования	Напряжение			Резистенция			Истощение		
	ППС	Следов.	Общ. групп.	ППС	Следов.	Общ. групп.	ППС	Следов.	Общ. групп.
Не сформирована	82	88	85	45	50	48	86	71	78
Начальная стадия	14	12	13	45	33	39	14	29	22
Сформиров.	4	0	2	10	17	13	0	0	0

2. Доминирующей стратегией совладания у сотрудников МВД является стратегия, ориентированная на решение задачи. Немного реже сотрудники МВД используют копинг, ориентированный на избегание. Этот вид копинга считается неконструктивным способом совладания со стрессом в том смысле, что не устраняет проблемы, но все же он адаптивен, поскольку облегчает психологическое состояние и в неконтролируемой ситуации может быть вполне эффективным. Однако есть значимые различия в выборе копинг-стратегии, ориентированной на задачу у сотрудников ППС и следователей ОУР: у всех сотрудников ППС доминирующим является копинг, ориентированным на задачу, у следователей ориентированы на задачу 62%, на избегание – 17%, на задачу и избегание – 21%. Ни у одного сотрудника МВД копинг-стратегия, направленную на эмоции, не является доминирующей, хотя у 5% следователей все же доминирует копинг, направленный на эмоции, в такой же степени, как и избегание.

Профиль эго-защит у работников МВД имеет свою специфику и значимо отличается от результатов исследований других профессиональных групп (рис. 1). Сравнение этих профилей для групп следователей и ППС выявили больше сходства, чем различий. Хотя есть и значимые различия: ППС чаще используют отрицание, следователи – интеллектуализацию, что, по-видимому, связано со спецификой их работы. Степень выраженности всех защит, кроме вытеснения, у ППС сильнее, чем у следователей. Они чаще используют психологические защиты как специфические механизмы саморегуляции основных психофизиологических функций и снижения на данной основе психотравмирующего воздействии экстремальных факторов.

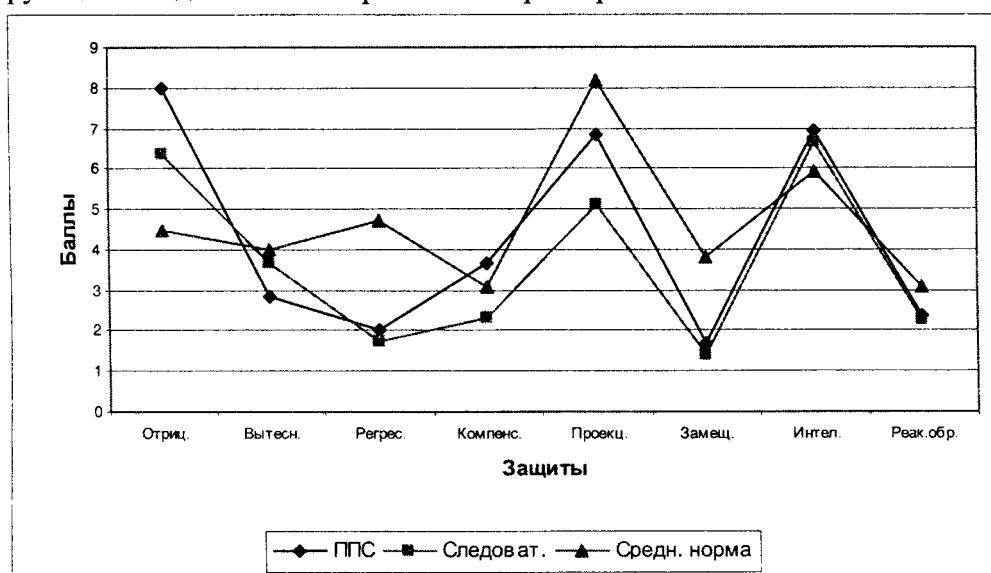

Рис. 1. Профіль его-захистів

Диагностика стратегий поведенческой активности в стрессовых ситуациях показала, что нет значимых различий типов личностной активности сотрудников МВД. Для большинства из них характерен промежуточный (переходный) тип. И следователи, и сотрудники ППС характеризуются активной и целенаправленной деятельностью, эмоциональной стабильностью, устойчивостью к стрессу, умением сбалансировать свою деловую активность, они не склонны к доминированию, но в определенных ситуациях уверенно берут на себя роль лидера. Примерно у шестой части испытуемых, причем у сотрудников ППС несколько больше, чем следователей, диагностируется определенная тенденция поведенческой активности, характеризующейся эмоциональной стабильностью и стрессоустойчивостью, хорошей приспособляемостью к различным видам деятельности. И лишь незначительная часть (менее 5%) характеризуются повышенной деловой активностью, энергичностью, эмоциональностью, быстрым принятием решений, неустойчивостью настроения и поведения в различных стрессовых ситуациях.

Корреляционный и факторный анализы, проведенные для выявления взаимосвязей копинг-стратегий, психологических защит, психического «выгорания» личности и типа поведенческой активности, позволил получить ряд довольно интересных корреляционных связей (табл. 2):

➤ Нет связей между копингами, ориентированными на задачи и на избегание, и степенью эмоционального выгорания в разных его фазах; копинг-стратегия, направленная на эмоции, коррелирует с фазами напряжения ($r = 0,31$ при $p \leq 0,05$), резистенции ($r = 0,44$ при $p \leq 0,01$) и истощения ($r = 0,41$ при $p \leq 0,01$). Таким образом, можно отметить, что больше выгорают те сотрудники, которые используют неконструктивные стратегии, направленные на эмоции.

➤ Сравнивая взаимосвязь копинг-стратегий с выбором психологических защит, можно отметить, что сотрудники МВД, выбирающие стратегии, ориентированные на решение задачи, чаще используют механизм защиты отрицание ($r = 0,4$ при $p \leq 0,01$), они стараются уйти, отрицать сложившуюся неудачно для них ситуацию. Сотрудники правоохранительных органов, чаще выбирающие стратегию совладания, ориентированную на эмоции, подвержены большему эмоциональному выгоранию, о чем свидетельствуют значимые на 1% уровне умеренные положительные связи с фазами выгорания. Для выхода из стрессовой ситуации они чаще пользуются защитами: регрессией, проекцией, компенсацией и вытеснением.

➤ Работники органов МВД, преимущественно использующие стратегию избегания, в качестве защиты применяют механизм компенсации, что, возможно, позволяет им свой уход из ситуации конфликта компенсировать с помощью присвоением себе свойств, достоинств, ценностей, поведенческих характеристик другой личности.

➤ Наличие средней значимой положительной связи между стажем и копингом, ориентированным на задачу, позволяет предположить, что с повышением опыта работы в органах МВД работники чаще выбирают более конструктивную стратегию выхода из стрессовой ситуации, что, в свою очередь, приводит их к меньшему профессиональному выгоранию (это подтверждается отсутствием корреляционных связей данной стратегии совладания с показателями эмоционального выгорания).

➤ Также выявлена обратная средняя связь между копинг-стратегией, направленной на задачи, с типом поведенческой активности. Сотрудники, которые чаще используют копинг, ориентированный на задачи, имеют тенденцию к поведенческой активности типа А1, то есть к повышенной деловой активности, быстрому принятию решений, стремлению к успеху и соревновательности.

Таблица 2. Корреляционные связи копинг-стратегий

Показатели	Задача	Эмоции	Избегание
Тип активности.	-0,32*	-0,08	-0,15
Напряжение	-0,10	-0,31*	0,02
Резистенция	0,03	0,44**	0,05
Истощение	-0,09	0,41**	0,08
Общее	-0,06	0,46**	0,06
Отрицание	0,40**	-0,08	0,21
Вытеснение	-0,27	0,40**	-0,01
Регрессия	-0,02	0,55**	0,04
Компенсация	0,12	0,44**	0,36*
Проекция	0,16	0,54**	0,15
Замещение	-0,09	0,28	-0,04
Интеллектуализация	0,18	0,05	0,14
Реактивные образования	-0,11	0,18	0,25

Примечание: * – значимость на статистическом уровне $p \leq 0,05$;

** – значимость на статистическом уровне $p \leq 0,01$.

Отметим, что, кроме указанной выше значимой корреляционной связи, не выявлено других корреляций типа поведенческой активности с психологическими защитами, фазами эмоционального «выгорания» и другими копинг-стратегиями.

Таким образом, наше предположение о том, что сотрудники МВД, использующие неконструктивные стратегии совладания в стрессовых ситуациях более подвержены эмоциональному выгоранию, чем те, кто использует конструктивные копинг-стратегии, а также, что выбор копинг-стратегий в трудных ситуациях и степень эмоционального выгорания связаны с использованием определенных механизмов психологических защит, подтвердилось.

Перспективы исследования мы видим в дальнейшем изучении механизмов совладающего поведения, а также личностных особенностей (характеристик Я-концепции в качестве ключевого фактора интерпретации опыта и регуляции поведения), влияющих на предпочтение стратегий совладающего поведения.

РЕЗЮМЕ

У статті розглядається особливості синдрому професійного «вигоряння» і використання різних стратегій копингу й психічних захистів у співробітників правоохоронних органів.

SUMMARY

The article is considered particularities of the syndrome professional "burning-out" and use different strategy joint ownership and psychic protection beside policeman.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрюшин Т.Д. Ложь как прием психологической защиты сотрудников МВД. III Съезд психологов. – СПб., 2003. – 350 с.
2. Вертягина Е.А. Условия профессиональной адаптации молодых следователей прокуратуры. III Съезд психологов. – СПб., 2003. – 350 с.

3. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Психическое «выгорание» и качество жизни. III Съезд психологов. – СПб., 2003. – 350 с.
4. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Под ред. Л.Леви. – Л.: Медицина, 1970. – С.178-208.

Надійшла до редакції 25.04.2007 р.

УДК 159.964

ГЛИБИННІ ДЕТЕРМІНАНТИ ФОРМУВАННЯ ІНВАРІАНТНИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПСИХІКИ СУБ'ЄКТА

Б.Б.Іваненко

Сучасний розвиток України як демократичної держави ставить перед практичними психологами вимогу надання кваліфікованої психологічної допомоги населенню в безпосередній психокорекційній практиці. Реалізація такого завдання передбачає професіоналізм психологів-практиків, що ґрунтуються на глибокому знанні закономірностей і функціональних особливостей психіки. Оволодіння практичними психологами інструментарієм професійної роботи передбачає уміння розрізняти рівні психологічного аналізу: глибинний аналіз та аналіз поведінки, що потребує розуміння взаємозв'язків свідомого і несвідомого. Пізнання інваріантності психіки слугує як дослідницьким, так і психокорекційним цілям.

Інваріантність психіки, як засвідчують дослідження психоаналітичного та сучасного психодинамічного підходів, пов'язана з глибинним її рівнем і визначається активністю несвідомого. З.Фрейд [1] вперше загострив питання про недоцільність ототожнення свідомої й несвідомої сфер: будь-який душевний процес детермінується несвідомою сферою, проявляючись у свідомості в завуальованому, символічному вигляді. Несвідомлювані процеси пов'язані з витісненням табуйованого змісту, а значить, мають латентну активність, яка невидимо для суб'єкта визначає його актуальну поведінку. З.Фрейд стверджував, що значна кількість психічних актів взагалі не мають змоги виявитися у свідомості, проте дестабілізують психіку. Об'єктивування витісненого змісту, його усвідомлення суб'єктом спричиняє нівелювання невротичних симптомів і гармонізує психіку [1]. Цим самим З.Фрейд підкреслив, що несвідоме перебуває у складних взаємозв'язках зі свідомим. Окрім того, глибинний пласт психіки, відповідно до досліджень З.Фрейда, має декілька рівнів, а психічне є сукупністю внутріспсихічних систем. Дослідження З.Фрейда доводять, що психіка є складним системним утворенням: введене ним поняття «система психічного» ставить акцент на цілісності психіки.

Категорія інваріантності психіки досліджувалася й іншими науковцями. Українська дослідниця Т.Титаренко зазначає «...Інваріантами життєвого світу є часопросторовість, каузальність, інтра-суб'єктивність тощо, взяті в процесі типовості, повторюваності що виражає їх сутнісну природу і даність» [2, с.21]. Інваріантність як таку пов'язують із функціонуванням системи, що перебуває у певній структурованості, упорядкованості. Структура являє собою статичність як сукупність стійких зв'язків об'єкта, що забезпечує збереження його основних якостей попри різні зовнішні і внутрішні зміни [3, с.629]. Л.фон Берталанфі наголошував: категорія «система» підкреслює організований характер певної множинності. Системність є інваріантною характеристикою, тоді як цілісність містить лише вказівку на зв'язок її складових (компонентів) [4]. У психології інваріантність виражає теорія установки (Д.Узнадзе, І.Губанов). Д.Узнадзе стверджує: «Однією з характерних рис душевного життя людини є механіза-

ції її процесів. В процесі свого розвитку вона проходить декілька ступенів, після багаторазових повторень спрощується, залишаючись у вигляді простого, завершеного переживання. Сам процес його утворення скорочується і залишається непомітним для нашої свідомості. Ця обставина унеможливлює спостереження поступового утворення, дозрівання психічних процесів» [5, с.34]. І.Губанов стверджує, що саме установка охоплює певні інваріанти минулих подій як передбачувальні перцептивні схеми. Установка має інерцію і діє навіть тоді, коли актуальні умови змінилися. Дослідник наголошує, що водночас можлива зміна, за якої змінюється щось *інваріантне* [6, с.36]. В.Чудновський зазначає: «З розвитком живих систем відбувається «дестабілізація» динамічних систем і відповідно до цього зростає гнучкість самих функціональних інваріантів» [7, с.24]. Відповідно до психодинамічного підходу, інваріантність у широкому розумінні ілюструє принцип ізоморфізму, який визначає наявність загальних закономірностей в організації будь-якої системи, наприклад, незмінну готовність до певної динаміки поведінки, що детермінується глибинно-психологічними усталеними механізмами [8]. Виходячи з аналізу наукових праць, можна констатувати: інваріантність – це характеристика психіки, пов'язана з функціонуванням несвідомої сфери, що виражає усталеність, статичність і водночас зберігає тенденцію до динамічного перетворення.

Несвідоме, за твердженням Т.С.Яценко, водночас статичне й динамічне: формуючись з дитинства, воно зберігає тенденцію до стабільності, інваріантності його вияву на рівні автоматизмів. Динаміка несвідомого пов'язана з його енергетичною складовою (Ід) та універсальною суперечливістю психіки, яку презентує розроблена дослідницею «Модель внутрішньої динаміки психіки». Статика характеристик несвідомого задається фіксаціями, які каталізуються первинними лібідними об'єктами (едірова залежність) і мають подальший вияв у об'єктних відношеннях (усталений емоційний фон життя особи). Динамічність має вираження у варіативності поведінки на основі суб'єктивної зінтегрованості психіки. Динаміка психіки виражається в єдності суперечливих тенденцій як усталеної характеристики. Статичні утворення психіки виявляються в інваріантних її характеристиках, що задаються функціональними особливостями несвідомої сфери: поза часом, статтю й простором [8].

Відповідно до досліджень Т.С.Яценко [8], пізнання несвідомого стає можливим саме завдяки інваріантності (сталості), ітеративності, тобто повторюваності та незмінності його проявів (характеристик). «Несвідоме проявляється у свідомій сфері лише фрагментарно завдяки ітеративним (повторюваним), інваріантним характеристикам, які засвідчують залежність від інфантильних, глибиннопсихологічних цінностей. Образність вияву змісту несвідомого завдяки символам може маскувати його інваріантну зумовленість палітрою багатозначності семантики символів. Проте за нескінченими варіантами можна виокремити стало, незмінне. І ця усталеність проявляється передусім у характері взаємозв'язків між окремими елементами спонтанного поведінкового чи об разно-графічного матеріалу суб'єкта» [8, с.142].

Таким чином, проблема інваріантності психіки пов'язана з необхідністю розуміння психологами-практиками функціональних особливостей несвідомого у його взаємозв'язках зі свідомим. Окрім «струмки» несвідомого змісту під впливом витіснення зливаються в одне русло (З.Фрейд), а один фактор несвідомого визначає спектр варіативних форм поведінка суб'єкта у соціумі (Т.С.Яценко). Потребує подальшого дослідження питання передумов такого злиття змісту несвідомого, при якому певна тенденція набуває домінантності у психіці, імперативно визначаючи свідому активність. Виходячи з психоаналітичних досліджень та психокорекційної практики, інваріантність (статичність) психіки можна розуміти як зasadну функціональну особливість (закономірність), що має вираження у статці й динаміці психічної організації в її цілісності та системній упорядкованості.

Інваріантність психіки на поведінковому рівні передусім має вияв у деструктивних

«програмах» життя, на існування яких звертали увагу дослідники А.Адлер, Е.Берн, М.Джеймс, Х.Хекхаузен, А.Шутценбергер, Б.Де-Анжеліс, Б.Хеллінгер, З.Фрейд, Т.Яценко та ін. Термін «запрограмованість» у психологічному значенні є досить поширеним у літературі. Він означає *усталеність, автоматизм поведінки* й самовідчуття суб'єкта, що зумовлює дотримання «життєвого плану» або «життєвого сценарію», які часто не усвідомлюються суб'єктом через детермінованість глибинними механізмами психіки. Запрограмованість виражає статичні (усталені) характеристики психіки, пов'язані з фіксованими автоматизмами в її формуванні, внаслідок чого відбувається «ходіння хибним колом» за параметрами самопокарання та актуалізації почуття меншовартості. «Життєві програми» реалізують інфантільні тенденції, «незавершені справи дитинства».

Виходячи з психокорекційної практики, можна стверджувати, що запограмованість психіки пов'язана з неусвідомленою потребою вивільнитися від тиску лібідної і мортідної енергії, капсульованої в едіпів період розвитку суб'єкта. Дослідницькі результати психокорекційної практики в межах новітньої психодинамічної теорії доводять, що едіпова залежність є базальною глибинною детермінантою формування інваріантності психіки, її стабілізованих суперечностей. Усталеність, інваріантність психіки формується під впливом фіксації на основі ранніх травматичних переживань ще з едіпової ситуації. Едіпова залежність є домінантним психічним законом, що обумовлений адаптацією до соціуму і впливає на конкретно-змістове наповнення психіки, зумовлює формування індивідуально-неповторного характеру людини – зокрема, через інтроєкти первинних лібідних об'єктів. Інтроєкти підкоряються певній ієрархії, пов'язаної з домінуванням психологічного фетиша для суб'єкта: так, може інтроєктуватися авторитарність матері як ознака психологічної сили, на свідомому ж рівні така риса людиною відчувається, заперечується.

Як доводять дослідження неофрейдистів (К.Хорні, Г.Салліван, А.Фрейд, М.Кляйн та ін.), емоційна значимість події чи об'єкта для дитини формується під впливом власного «Я» в контексті наявності або відсутності емоційної безпеки. У формуванні інваріантності психіки, як засвідчує психокорекційна практика, провідне місце посідає «Я» суб'єкта, яке за ієрархією глибинних детермінант є базальним порівняно з едіповою залежністю, сформованою під впливом соціуму. Тут можна говорити про значущі драматичні моменти, пов'язані з психологічним умертвінням «Я» дитини батьками і вихователями. При цьому семантика драматичного переживання, пов'язаного, приміром, з агресією батьків, не потрапляє в поле свідомості дитини, проте загроза покарання, «розправи» (і навіть смерті), що потенційно існує і йде від батьків, вихователів, сприймається дитиною на підсвідомому рівні. Тенденцію до психологічного омертвіння «Я» іншої людини (дитини) ілюструють висловлювання: «я тебе породив, я тебе і уб'ю», «діти – це квіти життя на наших могилах» та ін.

Ущемлення «Я» дитини в батьківській сім'ї обумовлене як об'єктивними чинниками (наявність едіпової залежності та супутнє її почуття меншовартості, авторитарність виховних впливів) так і суб'єктивними – психологічний egoїзм батьків. Психологічний egoїзм, детермінований особистісною проблемою батька або матері, зумовлює ситуацію, коли на дитину покладається роль «психотерапевта». При цьому її «Я» зазнає психологічного пресингу, ущемлення. Такі тенденції є прихованими від свідомості батьків і маскуються необхідністю здійснювати виховний вплив на дитину. Психокорекційна практика засвідчує, що ущемлення «Я» дитини відбувається внаслідок: блокування батьками дитячого «хочу» та вільного вибору; агресія, насилля, виміщення емоцій на дитину; покарання, що значно перевершують глибину проступку дитини; порівняння з іншими дітьми (сестрами, братами, батьками) та ін. Ущемлення «Я» дитини є наслідком психологічного її омертвіння батьками і вихователями, що нерідко зумовлено інфантілізмом самих вихователів. Так формується тенденція до психологічної смерті, що породжує пессімізм, печаль, базальне відчуття одинокості, відчуття себе поза життям: «живу як за склом», «якщо мене не стане, ніхто й не помітить» та ін.

Наслідком психологічного омертвлення «Я» дитини є перенесення певного емоційного фону (об'єктного відношення) на предметний аспект життєдіяльності суб'єкта. Наприклад, дитина вимагає у батьків придбати іграшку, а отримавши, ігнорує її або знищує. Іграшка виступає своєрідним фетишем – як доказ батьківської любові, уваги, а її знищення можна розцінювати як символічне омертвлення власного «хочу». Розповсюдженою є теза: «бажаєш покращити настрій – придбай нову річ». Буває так, що річ, якої бажає людина, перестає її цікавити, як тільки-но вона її отримає. Витоки такої тенденції – у блокуванні її дитячих потреб батьками.

Інваріантність психіки пов'язана з формуванням жорстких кліше як на рівні поведінки, так і на рівні глибинних механізмів. Відчуження дитини обома батьками спричиняє капсулювання суб'єкта в інфантільній позиції, відбувається посилення потреби батьківської любові і водночас стабілізується амбівалентне ставлення до батьків. Така суперечливість формує об'єктні відношення певного типу: неможливість вибору між двома рівнозначними потребами, коли лише одну із них людина може (хоче) здійснити. Такі тенденції формуються також під впливом психологічно важкого вибору між батьком і матір'ю в результаті їх розлучення або сімейних конфліктів. У такому випадку сама ситуація вибору стає травматичною, що актуалізується в міжособистісних взаєминах, де присутній емоційний аспект. Приміром, дівчина не може обрати одного з хлопців, які залишаються до неї, а обравши будь-кого з них, жалкує про іншого.

Без спеціального глибинного аналізу суб'єкт може не усвідомлювати зв'язку актуальних емоційних станів, котрі обтяжують внутрішнє самовідчуття деструктивною напругою, з фактом психологічного омертвлення його «Я» значущими людьми. Зокрема, відчуження батьками добрих намірів і лібідних почуттів дитини формує тенденцію до самовідчуження та емоційного вигорання. Відбувається спалювання лібідних почуттів до близьких людей, а внаслідок неусвідомленої ідентифікації – і до самого себе. Наведемо приклад: п'ятирічна дівчинка без дозволу взяла з дитячого садка зіпсовану іграшку, сподіваючись полагодити її та повернути. На прохання захисти ведмедя мама звинуватила доньку у злому умислі (привласненні іграшки) і змусила її негайно (уночі, в негоду) повернути іграшку в дитячий садок. Вже в дорослому віці в результаті глибинної психокорекції дівчина усвідомила, що під дією травматичної ситуації омертвлення її почуттів матір'ю відбулося спалювання лібідних почуттів до матері, їх блокування на рівні поведінки і почуттів. І як наслідок – страх перед добрым ставленням людей і недовіра до власних почуттів. Сформувалася логіка несвідомого: «немає сенсу виявляти добро, адже його не сприймуть і будуть тлумачити як зло». В той же час імперативне прагнення виражати та отримувати навзаєм добре ставлення зберігається, що стабілізує внутрішню суперечність, спричиняючи розтотожнення з собою. Спалювання почуттів – це глибинний механізм, що блокує емоційну сферу суб'єкта, стабілізує тенденцію до психологічної смерті і як наслідок – формується статичність психіки, вияв якої – у блокуванні особистісного розвитку.

Витіснений зміст, пов'язаний з ущемленням «Я» суб'єкта і психологічним омертвленням його близькими людьми, не потрапляє до свідомості суб'єкта і обумовлює тим самим актуалізацію почуття меншовартості й одинокості. Психоаналіз спрямовує зусилля на те, щоб увести витіснений зміст в поле свідомості. Це нелегко зробити у зв'язку з амнезією досвіду дитинства. Психокорекційна практика доводить, що витісненню підлягає не лише семантика переживання, а й його емоційна складова: певна подія на свідомому рівні може не сприйматися особою як емотивно-значуща. Значущість переживання може виражатися опосередковано, наприклад, у багатократних згадуваннях. Витісненню підлягають переживання, пов'язані з висловлюванням, судженням, уявленням близької людини (першого лібідного об'єкту) і розцінюються людиною як жарт, нісенітніця. Однак таке висловлювання (точніше, його семантика) із вуст батька або матері може стати доленосним для суб'єкта в плані формування вимушеного

повторення. Для реалізації заданої висловлюванням «програми» відтворюється складна механіка впродовж життя людини, вихідний момент якої – переживання ущемливого для «Я» моменту у відносинах з первинним лібідним об'єктом (наприклад, ставлення батьків один до одного більш ніжне, аніж до дитини). Розпізнавання емоційно значущого моменту і характеру його перенесень на актуальну ситуацію потребує від самого суб'єкта психологічних знань і можливостей широких узагальнень відносно віддалених семантично і у часі подій власного життя, встановлення взаємозв'язків між ними. Наприклад, почутій доночкою факт, що маті хотіла в родбунку замінити її на іншу дитину (хлопчика) на несвідомому рівні «програмує» психіку в напрямі руйнування значущих стосунків, що знаходить реалізацію впродовж життя особи. Невидимо для особи моделюється ситуація, коли професійні або особистісні відносини руйнуються саме у той момент, коли вони лише зароджуються і є перспектива їх розвитку. При цьому несвідоме людини, як комп'ютер, відбирає поза її свідомим рішенням такі поведінкові засоби (діаметрально протилежні свідомій меті налагодження конструктивних стосунків), які реалізують логіку: «не встигли привітатися, а вже час прощатися». Саме так могло б статися в ранньому дитинстві у відносинах зі значимою особою – матір'ю: адже дитина лише народилась, а маті хотіла з нею «попрощатися». При цьому для психіки не важливо, чи мали місце реальні дії відносно реалізації цього наміру чи це лише слова близької людини, що обумовлюють ризик бути покинутим, заміненим на когось іншого (гіпотетично – кращого). При цьому таке руйнування стосунків приносить людині глибокі внутрішні страждання, котрі раціоналізуються: «це – фатум», «винні погані люди», «у стосунках я завжди першим ставлю крапку», «незамінних людей немає», «мине час, і мене замінять кимсь іншим» і т.п. Водночас травмуюча подія відновлюється у символічній формі: має місце «народження» – короткий початковий період гармонійних стосунків, за яким одразу слідує «раптове роз'єднання» – руйнація стосунків, психологічне омертвлення партнера по спілкуванню, і далі – психологічна смерть (стан печалі, депресія).

У коло психокорекційної роботи з суб'єктом тривалий час можуть потрапляти другорядні детермінанти (хоча й глибинного характеру), пов'язані з витісненням, які менш закамуфльовані процесом символізації змісту несвідомого. Крім того, домінуюча глибинна детермінанта у випадку її виявлення на перший погляд може видатися суб'єкту незначною. Це зумовлено тим, що в період формування відповідної тенденції психіки відбулося стрімке витіснення: в результаті суб'єкт не відчув певної емоції, не усвідомив значущого її змісту, що пов'язано з утворенням та функціонуванням базових захистів. Саме базові захисти, за твердженням Т.С. Яценко, не підпорядкована впливу свідомості, бо формувалася позадосвідним шляхом [8].

Формування базальних самовідчуттів (зокрема, почуття провини) відбувається під впливом витіснень-автоматизмів, коли емоційна реакція автоматично придушується. Нерідко ускладнене народження або тяжка хвороба дитини, що завдала болю матері, доводиться до відома людини в дитячому або дорослом віці. Внаслідок цього автоматично виникає почуття провини, особа немов би «без вини винна». Почуття провини, але іншого типу – «винний, бо ненавидів людину, яку слід лише любити», виникає внаслідок амбівалентності у ставленні до батьків. Почуття провини може трансформуватися у базальне почуття печалі, смутку.

Психологічне омертвлення «Я» дитини відбувається також під впливом ситуації, коли батьки повідомляють власним дітям інформацію про їх небажаність в період вагітності і спроби позбавитися від вагітності. Психіка дитини не вдовольняється реальністю («я все-таки живу»). Більш значущою під впливом ущемлення «Я» виявляється психічна реальність («мене не бажали, хотіли умертвити»). За таких умов актуалізується психологічно важкий для «Я» аспект відторгнення батьками – як фізичного, так і психологічного. Важким для психіки є факт амбівалентного ставлення матері до дитини, що була небажаною (могла не народитися) і водночас бажаною (вже ж народилася). Тоді впродовж життя зберігається енергетична потужність інфантильно обумовленої

потреби – бути бажаним для інших людей (заміщаючих об'єктів). У поведінці це виражається у підвищенні чутливості до сприйняття власної персони іншими людьми. Відбувається блокування власного потенціалу внаслідок логіки: «навіщо щось робити, адже я не бажаний і моя активність та її результати теж будуть небажаними (нанесуть шкоду іншим)». На рівні самовідчуттів фіксується страх критики, страх втратити власне життя (іпохондрія, боязнь «смертельних хвороб», психосоматичні розлади).

Практика засвідчує, що тенденція до ущемлення «Я» дитини нерідко закладена у самому феномені виховного впливу, який спрямований на адаптацію дитини до соціуму, формування навичок конструктивного поводження, тобто на формування «прогресивної» статичності психіки. Такі впливи нерідко пов'язані з відчуженням батьками і вихователями емоційно-афективних виявів поведінки дитини (по типу: «припини істерику!», «продовжуватимеш плакати – віддам тебе чужому дядькові» та ін.). За таких умов у дитини формується відчуження, неприйняття певної частини власного «Я», що спричиняє формування певного об'єктного відношення – «кризовості» самовідчуттів. Мodelюється вимушене повторення: афективні реакції повторюються з іншими людьми, у віддалених від первинної ситуаціях, що спричиняє соціальну дезадаптацію. При цьому свідома декларація: «я прагну, щоб люди приймали мене таким, яким я є» вступає в суперечність з логікою несвідомого: «люди мають прийняти афективну частину моого «Я», яку я відчужую (відчужували батьки)». Тим самим реалізується глибинно-психологічна мета завершення «незавершеної справи дитинства», а на поведінковому рівні існує проблема неприйняття особи іншими людьми. За таких умов людина перебуває у зоні психологічного ризику: modelюється психологічна залежність, «прилипання» до інших людей, на яких покладається місія «психотерапії».

Висновок

Таким чином, категорія інваріантності психіки, як засвідчують наукові джерела, пов'язана з категоріями системності, структурованості, цілісності, незмінності при збереженні тенденції до динамічного перетворення. Інваріантні характеристики психіки суб'єкта, з позицій психокорекції, пов'язані з усталеністю, статичностю психіки, що формується під впливом глибинних механізмів. Інваріантність психіки визначається активністю несвідомого, витісненими змістами, пов'язаними не лише з табуйованими едіповими притяжіннями до близьких людей, а й з ущемленням «Я» суб'єкта в ранньому періоді його розвитку, що спричиняє формування об'єктних відношень як певного емоційного фону життя особи. Виявлення інваріантних характеристик психіки в їх індивідуальній неповторності можливе шляхом психоаналізу (глибинного аналізу), в результаті чого витіснений зміст, пов'язаний з ущемленням «Я», уводиться в поле свідомості суб'єкта, що має потужний психокорекційний ефект.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются инвариантные характеристики психики субъекта, анализируются глубинные детерминанты их формирования, определяются пути исследовательской и психокоррекционной работы в выявлении инвариантности психики на поведенческом уровне.

SUMMARY

This article represents invariant characteristics of subject's psychic and deep determinants of the psycho-corrective work for determining some invariants of psychic on the behavioral level.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Фрейд З. Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1990. – С. 425-440.

2. Титаренко Т. М. Життєвий світ особистості: у межах і за межами буденності. – К.: Либідь, 2003. – 376 с.
3. Філософський словник / За ред. В. І. Шинкарука. – 2-ге вид., переробл. і доп. – К.: Гол. ред. укр. рад. енцикл. – 1986. – 797 с.
4. Берталанфі Л. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. – М., 1969. – С.23-82.
5. Узнадзе Д.Н. Общая психологія. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413 с.
6. Губанов Н.И. Чувственное отражение: анализ проблем в свете современной науки – М.: Мысль, 1986. – 239 с.
7. Психологія ХХІ століття: Підручник / За ред. В. Н. Дружиніна. – М.: 2003. – С.25.
8. Яценко Т. С. Особливості внутрішньої динаміки психіки // Професійна освіта: педагогіка і психологія / Польсько-український журнал за ред. Т.Левовицького, І.Вільш, І.Зязюна, Н.Ничкало. – Ченстохова – Київ, 2003. – № 4. – С.137-152.

Надійшла до редакції 12.09.2007 р.

УДК 615.851

ПОНЯТИЙНЫЙ ТЕЗАУРУС ЭТИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛИЗМА

A.Ф.Бондаренко

Данная статья посвящена попытке сформулировать и представить некоторые идеи и результаты исследований, относящихся к пониманию задач и проблем, стоящих перед нашей, отечественной психотерапией.

Прежде всего, остановимся на некоторых положениях, которые являются основой исследования, изложенного ниже. Положение первое: человек – существо, наделенное не только психикой с присущей ей высшей формой, – сознанием. Человек способен выработать в себе особое качество и собственного сознания, и собственного бытия, именуемое термином «духовность».

Положение второе: духовность не есть психологическая категория, равно как и категория деятельности. Однако не психологизировав эту категорию, т.е. не найдя адекватную ей систему операциональных психологических понятий, мы не сможем самоопределиться в пространстве современной психологической науки как субъекты собственной социокультурной традиции.

Положение третье: духовность есть уровень сознания человека, проявляющееся в его свойствах постигать, переживать и утверждать некоторые формы жизни как абсолютные ценности бытия, которым атрибутируется достоинство высших смыслов.

Положение четвертое: содержание абсолютных ценностей определяется исторической культурой этноса и обладает пресуппозициональностью, т.е. свойством воспроизвести в своих носителях смыслы и способы действий, свойственные данной культуре.

Необходимо сделать небольшое уточнение. Духовность понимается нами вовсе не как религиозный феномен и не как религиозное понятие. Духовность трактуется здесь в понимании ее Д.И.Менделеевым, В.И.Вернадским и Л.Ларушем, т.е. как ноэтическое свойство (*noesis* — познание) жизни в ее высших формах, доступных нашему познанию. С этих позиций духовность может быть представлена как определенный уровень понимания мира и себя в мире, который основывается на преодолении сенсуалистско-эмпирического познания в направлении не столько создания теоретического или, тем более, идеологического знания (в виде интерпретативных шаблонов), сколько в на-

правлении открытия фундаментальных принципов бытия – Вселенной, социума, личности, и на этой основе выделение проектных смыслов бытия.

Остановимся на специфике положения вещей в современной консультативной психологии и психотерапии для того, чтобы осветить практическую значимость приводимого ниже исследования.

Сложность ситуации состоит в том, что в основе практически любого из современных подходов психологического консультирования и психотерапии явно или неявно заложена весьма определенная философская, методологическая и, глубже, религиозная традиция. Недаром К.Юнг назвал в свое время религию древнейшей формой психотерапии. Не составляет большого труда проследить подобные истоки наиболее известных психотерапевтических парадигм.

Классический психоанализ З.Фрейда в своих истоках легко ассоциируется с иудео-христианской, в частности, католической традицией, из которой вытекает основной ряд мифологем и идеологем этой школы психотерапии (от влияния структуры Святого семейства с условием наследования имущества после смерти главы семейства не его вдовой, как в православной семье, а первенцем мужского пола, из чего, собственно, и вырастает Эдипов комплекс, до идеи чистилища, аналогом чего является собственно психоаналитическая процедура). В методологическом же плане психоанализ восходит к популярной в начале XX века философии Э.Маха, сциентистского варианта субъективного идеализма Д.Юма и Дж.Беркли, согласно которой именно чувственное отражение формирует структуру человеческого опыта. В сочетании с картезианским дуализмом и акцентом не на открытие, а на *толкование* эта концепция легко превратилась в своеобразную идеологию определенных слоев общества в XX веке.

Адлерянский подход с его центральными понятиями комплекса неполноценности и механизмами компенсации и гиперкомпенсации непосредственно соотносился с идеей гомеостазиса, оформленной в конце XIX – начале XX века в целостную концепцию взаимодействия систем организма с внешним миром с целью поддержания стабильности внутренней среды.

К.Юнг в своей системе глубинной психологии разделил идею Абсолюта как верховой детерминанты на множество образований, которым дал обобщенное имя «архетип» и присвоил им различные наименования наподобие многочисленных божков дохристианской эры. При этом общей методологической основой этих ответвлений психодинамической терапии служило, как уже отмечалось, картезианство.

Поведенческое направление в психотерапии, начиная со своих основателей Дж.Уотсона, Э.Торндайка, В.М.Бехтерева и др., придерживаясь строгих канонов классической науки, представляло и представляет собой яркий образец эмпирического познания, в котором основным методом является метод эксперимента, а объяснительным принципом — принцип редукции. Именно логический позитивизм и эмпиризм, сущность которых столь ярко воплощена в современной англо-саксонской науке и философии, абстрагирующихся от кардинальных отличий между человеком и животным, приводит к *анимализации* понимания человека, что проявляется не только в трактовке личности как совокупности реакций на конфигурацию стимулов, но и к трактовке и проектированию мира как устройства, призванного обузданить животное в человеке или же в неких пределах попустительствовать животному началу (в сущности, философия Мальтуса-Гоббса).

Философский и методологический генезис так называемой гуманистической психотерапии также весьма прозрачен. Покажем это на примере «центрированной на клиенте» концепции К.Роджерса. Смысловой акцент, сделанный именно на определении «центрированная» (а не «сосредоточенная», «сконцентрированная», «сфокусированная» на клиенте), безусловно, не случаен. Как не случаен и сам термин. Его автором является один из основателей гештальт-психологии, представитель Вюрцбургской школы Макс

Вертгеймер, открывший так называемый пси-феномен, утвердивший в качестве основополагающего постулата гештальт-психологии первичность целостных структур-гештальтов, невыводимых из составляющих их компонентов. И, наконец, предложивший сам термин «центрирование» паряду с другими гештальтистскими наименованиями психологической специфики умственных операций (как то: «реорганизация», «группирование», «транспозиция» и т.п.). Сущность ментальной операции, именующейся у гештальтистов термином «центрирование», состоит в переструктурировании воспринимаемой ситуации таким образом, чтобы феномен Е.Рубина («фигура-фон») проявлялся наиболее отчетливо, обеспечивая в разных сочетаниях все более и более дифференцированный образ восприятия. Иными словами, именно мыслительная (в узком смысле – перцептивная) операция под названием «центрирование» и выступает в гештальт-психологии одним из основных психологических механизмов, приводящих воспринимающего к инсайту, т.е. к такому сдвигу в поле восприятия, который и обеспечивает наиболее адаптивную приспособительную реакцию.

Таким образом, уже название концепции К.Роджерса дает совершенно четкое и неоспоримое указание на ее методологическую принадлежность, а именно: гештальт-психология. По-видимому, 20-е-30-е годы, когда массовая эмиграция германской интелигенции в США привнесла новые веяния в поведенчески ориентированные психологические круги, и стали тем временным пространством, в котором в сложном взаимодействии с привнесенными идеями оформлялись последующие идеи и течения среди заокеанских психологов. Согласно гештальтистским представлениям, физическая реальность и психологическая феноменология подчиняются принципу изоморфизма, предложеному Вольфгангом Келером в поисках естественнонаучного обоснования теории гештальта. Если у бихевиористов исходной моделью анализа психики служила биология, то гештальтисты в поисках объяснительной теории обратились за поддержкой вначале к химии (правда, физической), а затем к королеве наук – теоретической физике. Напомним, что именно 20-е – 30-е годы прошлого века стали временем беспрецедентных успехов этой науки: создание квантовой физики, открытие структуры атомного ядра, открытие двойственной (корпускулярно-волновой) природы света, принятие новых постклассических научных постулатов (индeterminизма, релятивизма, принципа дополнительности) – это далеко не полный перечень потрясающих достижений человеческого интеллекта в области этой науки. Сочетание феноменологического варианта интроспективного метода с принципом изоморфизма как предельной объяснительной схемой психических явлений привело к наивным и несколько карикатурным квазидетерминистским объяснительным схемам, весьма остроумно в свое время высмеянным Робертом Оппенгеймером. Случилось это уже после кончины Альберта Энштейна, который был в дружеских отношениях с М.Вертгеймером и В.Келером. Но Карл Роджерс либо не посчитал нужным, либо не смог отказаться от задекларированного им еще с конца сороковых – начала пятидесятых годовнаивного постулата о «конгруэнтности», навеянного, конечно же, принципом изоморфизма, исповедуемым гештальт-психологией. Столь же несамостоятельны и другие основополагающие принципы и термины К.Роджерса, в частности: «центрирование», «инсайт», «феноменологическое поле», «безустановочное восприятие», не говоря уже о пресловутом, коренящемся в позитивистском эмпиризме О.Конта и pragmatizme Дж.Дьюи понятии «опыт». Именно гештальтисты предложили, в отличие от вундтовской и вюрцбургской интроспекции, свой вариант интроспективного метода, при котором, говоря словами М.Г.Ярошевского, «в поисках путей проникновения в реальность душевной жизни во всей ее полноте и непосредственности предлагалось занять позицию «наивного» наблюдателя, не отягощенным предвзятыми представлениями об ее строении» [2, 233].

Вот чем объясняется терминологический тезаурус К.Роджерса. По своей сути это весьма нарочитый, прозрачный в своем генезисе набор терминов, понятий и принципов.

пов, заимствованных из гештальт-психологии с ее псевдообъяснительным уклоном в современную физику, из гусерлианской философии (под влиянием которой находились гештальтисты) и распространенных в то время идеей экзистенциализма, среди которых доминировали понятия свободы, ответственности и заботы. Если учесть, что сам Карл Роджерс воспитывался в строгой пуританской семье, в которой его готовили к карьере священника, то напоминание о своеобразии известного защитного механизма «формирование реакции» легко объясняет последующую озабоченность Карла проблемами свободы, сопереживания и недирективности. Впрочем, последний термин, как и другие, в частности, весьма нарочитый термин «клиент», предложенный вместо привычного «пациент», заслуживают отдельного рассмотрения.

Столь обширные комментарии по поводу вышеупомянутых психотерапевтических и консультативных подходов были приведены с целью привлечения внимания к проблеме разработки психотерапевтической парадигмы, восходящей к отечественной философской традиции, к принципам фундаментальной науки и социокультурным нормам, относящимся именно к русской ментальности, в которой тесно взаимосвязаны традиции ранней древнерусской символики и позднейшей византийской духовности.

В связи с вышеизложенным возникает несколько принципиальных вопросов, а именно: каковы антропологические представления (модель, если угодно) о человеке, вытекающие из той ли иной психотерапевтической концепции? К какому собственно состоянию человека и социума стремятся (и приводят в перспективе) эти концепции? В каком отношении к этим концепциям можем и должны находиться мы, психологи, по рождению и образованию принадлежащие к определенному типу культуры, но зачастую не только не задумываясь об этом, а наоборот, перенимая и даже насаждая в собственной практике чуждые в своей культурологической, сомнительные в методологической и проблематичные в практической сути подходы. И, наконец, главнейший вопрос. Существует ли и какова, если существует, отечественная, собственно русская традиция в психотерапии – не российская, а именно русская, синтезировавшая и интегрировавшая в себе весь ареал восточнославянской византийской социокультурной матрицы общественного сознания.

Методика и процедура исследования

В поисках ответа на эти вопросы нами было предпринято психосемантическое исследование обширного массива текстов, отражающих православную богословскую традицию (5-томник сочинений святых отцов, известный под названием «Добротолюбие», в частности, труды Антония Великого, Макария Великого, Аввы Зосимы, Иоанна Лествичника, Григория Синаита, Григория Паламы, Каллиста и Игнатия Ксанфопулова, Нила Синайского и Аввы Исаи), а также труды выдающихся представителей русской классической философии (Г.С.Сковороды, П.Д.Юркевича, К.Н.Леонтьева, П.А.Кропоткина, Н.Я.Данилевского, П.А.Флоренского, Н.О.Лосского, Н.Ф.Федорова, В.В.Розанова, Ф.А.Степуна и др.) – объем выборки составил около миллиона слов (942236).

С целью выявления тех основных понятий, в которых отражается и воплощается принципиальное отличие человека в соответствии с духом русского его понимания, мы прибегли к сочетанию метода контент-анализа (русских религиозных и философских текстов) с одновременным вычленением неких базисных семантических категорий, что позволяет формализовать содержание и таким образом осуществить сравнение различных дискурсов (текстов)¹.

Вышеуказанные тексты были проанализированы по таким параметрам контент-анализа: число лексем в тексте, лексическое разнообразие (соотношение количества лексем и общего количества слов), средняя длина слова, средняя длина предложения,

¹ Контент-анализ текстов осуществлялся с помощью компьютерной экспертной психолингвистической системы ВААЛ, модуля контент-анализа для русского языка.

грамматическая сложность текста (соотношение числа знаков препинания внутри предложения и количества предложений), наиболее частотные слова, ключевые слова и словосочетания, эмоционально-лексические оценки текстов; группы лексических категорий «потребности», «мотивы», «ценности», «валентность», «акцентуации», «репрезентативные системы», «виды деятельности», «формы предъявления информации», «логика изложения событий», «центр внимания»; а также лексические категории, выделенные на основе семантического содержания исследуемых текстов (такие, как «душа», «бог», «жизнь», «любовь» и др.).

Собственно говоря, выделение глубинных семантических структур на основе их частотных связей в рамках текста и составляет метод тезауруса. Ведь «тезаурус, – как отмечает В.Ф.Петренко, – представляет собой сеть ключевых понятий, объединенных содержательными же (семантическими) связями» [1].

Результаты

Выделение базисных категорий в текстах византийских богословов, определивших аксиологическое содержание русской религиозной культуры, позволило конституировать преобладание следующих ценностных категорий: Бог, господь, душа, сердце, дух, ум, тело, жизнь, смиление, страсть, грех, святость, молитва, доброта, правда, любовь, познание, свет, духовность, человек, истина, радость.

В трудах представителей классической русской философии наряду с указанными категориями наиболее частотны: бытие, личность, народ, Русь, Россия, общество, идея, свобода, деятельность, государство, славянство, религия, христианство, мир, культура, наука.

Категории, общие для этих двух разновидностей текстов, следующие: разум, мораль, жизнь, любовь, душа и дух, синтезированные в базисных словосочетаниях «умная душа», «этическая (нравственная) ценность», которые в единстве и приводят человека к спасению, а человечество – к развитию. Обращает на себя внимание тот факт, что семантика философских текстов продолжает заданную семантику религиозных, просто распространяя ее на социум.

При этом базисные понятия «жизнь», «дух», «душа», «радость» выступают как этические ценности, сопрягающиеся с понятиями «любовь», «свет» и «Бог». Что касается категории «духовность», она, несомненно, является центральной этической ценностью. Ценностью, в которой человек испытывает истинную внутреннюю потребность и которая является сущностной чертой человека.

Поразительны при этом и эмоционально-лексические параллели в оценке текстов византийских богословов и русских философов. Так, на базисном лексическом уровне, т.е. на уровне аксиоматических понятий проанализированные тексты характеризуются следующими свойствами: доброжелательность, интеллектуальность, правдивость, самоконтроль, независимость, экстраверсия, утонченность и необычность.

Факторизация методом главных компонент массива проанализированных философских текстов показала, что совокупность факторов, охватывающих 67,5% дисперсии, отражает следующие детерминанты русского богословского дискурса: «логичность и последовательность» (главный фактор), «безнравственность и нравственность личностного бытия» (второй частный фактор), «власть любви как независимость от недоброжелательности» (третий частный фактор) и «познание как высшая ценность деятельности» (четвертый частный фактор).

Факторизация массива богословских текстов позволила выделить такие четыре главных фактора: «доброжелательная интеллектуальность и правдивость» (главный фактор), «власть молитвы как этической ценности» (второй главный фактор), «греховность человеческой души» (третий частный фактор), «святость как сложность для изложения» (четвертый частный фактор). Факторы охватывают 74,5% дисперсии.

Совокупная факторизация всего массива текстов, воплощающих в себе русскую ментальность, позволила выделить четыре независимых фактора, описывающих 66,5% всей дисперсии: «логическая последовательность» (главный фактор), «ценность познания как деятельности, власти и независимости» (второй частный фактор), «безусловная нравственная ценность любви» (третий частный фактор) и «долг как божественная сущность человека (четвертый частный фактор).

Обсуждение результатов

Уже предварительные итоги этого исследования, в самом начале которого мы находимся, позволяют сделать ориентировочные предположения, касающиеся специфики именно русских религиозных и философских подходов к трактовке человека и человеческого назначения в мире, во главу которых выносятся прежде всего не гносеологические (в отличие от западной традиции), а онтологические и аксиологические понятия. Говоря языком современной фундаментальной науки, русская философская традиция в трактовке человека отдает предпочтение не «гнонису», а «ноэзису», т.е., по В.И.Вернадскому, процессам, соответствующим не эмпирическим, а универсальным принципам бытия Вселенной. Иными словами, принципиальная идея сущности человека и человечества постулируется не на основе только констатирующего познания, а на основе выстраивания ноэтического постижения жизни, в которой познание ведет к созиданию новых форм бытия.

Безусловно, очень сложно передать многообразнейшие связи и тонкости богатства всей семантической структуры, в которой воплощена ментальность русского этноса. Однако очевидным является факт, что ключевые дескрипторы этой социокультурной галактики совершенно незнакомы нашим психологам. И вот они (мы) наивно пытаемся ввести принципы протестантского релятивизма в абсолютистскую ткань русского, этического по своей сути сознания. Пытаемся либо подменить безусловную по природе ценность любви (как атрибута жизни «умного тела», трансцендирующего себя в жизнь социума через воплощаемые в нем ценностные смыслы) редукционистским и глубоко неверным приписыванием определяющей роли сексуальности либо пресловутой роли личной (индивидуалистической в сущности) «свободы», не замечая или не понимая главного: тем самым мы лишаем наш собственный социум, наших людей, наших пациентов возможности истинного проживания собственного бытия, предлагая им путь заимствованной жизни, в которой остаются не названными ключевые детерминанты ее смыслового содержания.

Русская философская и, следовательно, научная традиция онтологична и нацелена на распознание сущности. Западная традиция гносеологична и останавливается на видимости. Отсюда упорное желание выглядеть (а не быть), нацеленность на представление (театрализованное и, желательно, транслируемое по ТВ), а не на реальную деятельность, отсюда – стремление уйти от диагноза, т.к. диагноз предполагает сущностное понимание происходящего. Отсюда же – фрагментарная трактовка человека и подхода к человеку как пациенту: телесно-ориентированная терапия, психоаналитически-ориентированная терапия, экзистенциально-ориентированная терапия и т.п.

В то время как свойственные именно русской школе подходы предполагают целостное отношение к человеку, при котором невозможно расчленить тело и психику, поскольку человек есть именно одушевленное тело («умное тело») или воплощенная в телесной структуре психика (о чем так хорошо писал М.Е.Бурно).

Выводы

Полученные данные, на наш взгляд, позволяют внести некоторые корректизы в теорию и практику консультативной работы практикующего психолога, работающего с представителями византийского православного ареала восточнославянской культуры.

Во-первых, русский человек вовсе не настолько иррационален, как это принято считать в искусственно поддерживаемых мифах. Следовательно, с нами когнитивная американская психотерапия не работает лишь в тех образцах, которые исходят из чуж-

дой нам (можно предполагать, индивидуально-коммерциализированной) логики. Иными словами, понятие выгоды не является для нас сущностным.

Во-вторых, архетипичной чертой русской ментальности является все же, скорее всего, созерцательность, а не практицизм, поскольку категории деятельности, власти и независимости объединены в едином конструкте ценностью познания.

В-третьих, для нас именно любовь, а не, скажем, свобода представляет абсолютную и высшую нравственную ценность. При этом сущностью человека в нашем понимании, божественной, т.е. высшей мыслимой сущностью, является долг. Не могу не отметить в этой связи, насколько явственно в этом моменте наблюдается совпадение в трактовке Дж.Алтором (автором теории реверсивности) психики, свободы как негативистского состояния, а долженствования – как состояния конструктивного и, в его американализированной терминологии, – конформистского. А в нашей, русской терминологии - коллективистского.

Именно эти, нередуцируемые социокультурные свойства русского человека являются подлинным содержанием и предметом отечественных традиций и перспектив во внедицинской психотерапии. А психотерапевтический подход, обязанный своим возникновением русским социокультурным традициями, и является не чем иным, как этическим персонализмом.

РЕЗЮМЕ

У статті аналізуються відмінності у різних традиціях психотерапії, психоаналізу, юнгіанства, гуманістичного напрямку та інших. Для виявлення основних понять російської психотерапевтичної традиції автор провів психосемантичне дослідження масиву текстів (обсягом близько мільйона слів) православних богословів і представників класичної російської філософії. За допомогою контент-аналізу були виділені основні поняття цих текстів, які поєднанні між собою семантичними зв'язками в єдиний понятійний тезаурус етичного персоналізму.

SUMMARY

In this article author analyzing different traditions of psychotherapy, psychoanalysis, jungians of humanistic direction etc. The authur provides psychosemantic investigatin of more then one million words of Russian classic phylosophy and orthodox theologists. The fundamental notions of these texts were connected in general notinal thezaurus of ethnic personalism.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – М: МГУ, 1997. – 397 с.
2. Ярошевский М.Г. История психологии. – М.: Академия, 1997. – 416 с.

Надійшла до редакції 17.09.2007 р.

УДК 159.923.2-051

СТРУКТУРНО-ФУНКЦІОНАЛЬНИЙ АНАЛІЗ МОТИВАЦІЙНО-СМІСЛОВОЇ РЕГУЛЯЦІЇ

Ж.П.Вірна

Проблема вивчення мотиваційно-смислових утворень не є новою для психології і на сучасному етапі її розвитку. Відсутність цілісного уявлення про регулюючі фун-

кції мотиваційно-смислових утворень є гальмівним фактором розвитку експериментальних досліджень у різноманітних галузях психології.

Розпочинаючи структурно-функціональний аналіз мотиваційно-смислової регуляції, зазначимо необхідність його проведення у межах суб'єктного підходу – вивчення людини у її суб'єктних якостях, можливостях, процесах та умовах саморозвитку у побудові своєї життєдіяльності.

Суб'єктне буття людини дуже складне і багатоаспектне, воно забезпечується системою людської психіки і реалізується в різноманітних формах. Попри те одним із найбільш загальних і суттєвих проявів суб'єктності людини є її довільна усвідомлена активність, за допомогою якої реалізується все різноманіття відносин особистості зі світом речей, людей, середовищних умов, соціальних явищ тощо. При цьому саморегуляція усвідомленої активності – найбільш загальна функція цілісної психіки людини, в процесах саморегуляції реалізується єдність психіки з боку її можливостей, функцій, процесів, здібностей тощо.

Характеризуючи розвиток особистості, можна помітити, що природа її початкових змін залежить, по-перше, від того, які фактори виконують стимулюючу роль у розвитку, на які сторони особистості ці фактори впливають – на здібності або рівень домагань, на інтелектуальну або емоційно-вольову сфери тощо. По-друге, характер початкових змін залежить від того, які особистісні утворення є відносно більш стійкими і які більш мінливі. Тому в психології інтенсивно вивчаються відмінності ситуативних спонукань та особистісної стійкості, мотиваційних утворень і утворень типу темпераменту, особливостей нервових процесів. Формально-динамічна сторона прояву названих властивостей обов'язково поєднується з вивченням особливостей саморегуляції, оскільки саме в її динамічних показниках проявляється конкретна характеристика активності особистості як відображення в свідомості значущості будь-яких потреб, мотиваційних установок, диспозицій.

Розгляд особистості як суб'єкта діяльності підкреслює роль активності людини, показує, що її діяльність підкоряється не тільки зовнішнім обставинам, а й є внутрішньодетермінованою через усвідомлену регуляцію. На користь висловленої тези можна навести серію досліджень, спрямованих на виявлення внутрішніх механізмів регуляції поведінки і діяльності [1; 2 та ін.]. Одним із важливих і необхідних аспектів дослідження регуляції є вивчення мотиваційно-смислової регуляції діяльності. Відразу ж зазначимо, що в психологічній літературі відсутня загальна концепція мотиваційно-смислової регуляції, що робить її аналітичне вивчення досить актуальним.

Аналіз проблеми особистості як складного внутрішнього регуляторного механізму, що діє як цілісність і тим самим забезпечує відносну стабільність індивідуальної поведінки, змушує нас окреслити сферу визначення реалізації особистості в аспекті детермінації її поведінки цілями майбутнього та саморегуляції, яка полягає в усвідомленні поведінки та зміненні її спрямованості.

Поняття "регуляція" в психології було введено П.Жане, яке він пов'язав із організацією особистості [3]. На його думку, існує сім рівнів регуляції, вищий з яких посідає систему внутрішніх вимог, що перетворюють людину в активного діяча. До того ж кожному рівневі регуляції відповідає певний рівень усвідомлювання, тому коли розглядається порушення поведінки, то воно є результатом зміщення вищих рівнів регуляції у вигляді сильних травмуючих переживань. П.Жане підкреслює значення смислових механізмів регуляції в подоланні травмуючих переживань – зняття фіксації на переживаннях відбувається в результаті зміни його значення для індивіда.

Свій подальший розвиток проблема регуляції отримала в психологічних школах психоаналізу, гуманістичної психології та гештальтпсихології. Зокрема, у психоаналізі З.Фрейда Его людини розглядалося як інстанція, що регулює поведінку, підпорядковуючись принципу реальності на відміну від принципу задоволення. Саме нею виконувалися такі функції, як регуляція потягів, їх опосередкування, усвідомлен-

ня бажань, усвідомлення детермінованості своєї поведінки. Ідея Я як активного начала в житті людини представлена також і в індивідуальній психології А.Адлера. Ним введено поняття творчого Я як центру особистості, що створює мету, засоби її досягнення, будує індивідуальний стиль поведінки. Основними рушійними силами розвитку особистості А.Адлер вважає почуття неповноцінності і прагнення до неперевершеності, які актуалізують процес компенсації і надкомпенсації. Згідно з Г.Олпортом, особистість характеризується основними цілями, які є смислом життя людини, рушійними силами її поведінки, при цьому стійкі цілі підвищують опірність особистості несприятливим впливам і є умовою подолання перешкод. Здатність особистості до саморегуляції Г.Олпорт вважає властивістю вищого рівня мотивації.

У теорії поля К.Левіна регуляція поведінки здійснюється згідно з принципом теперішнього, тобто минуле і майбутнє може впливати на поведінку тією мірою, якою воно представлено в реальній ситуації індивіда через модель очікування-цінності. Життєвий простір формується особистісними потребами людини у взаємодії з її психологічним оточенням, що супроводжується станом рівноваги. У випадку, якщо ця рівновага порушується, то виникає напруженість відносин. Регуляція поведінки полягає у виникненні змін, які б привели до встановлення балансу. Отже, основний смисл регуляції поведінки в концепції К.Левіна розкривається через чергування циклів виникнення напруженості та дій з його зняття.

Особливої уваги заслуговує гуманістична теорія К.Роджерса, де центральною ідеєю є уявлення про роль самосвідомості, самооцінки в регуляції поведінки й розвитку особистості. Порушення регуляції поведінки, на думку К.Роджерса, є наслідком неузгодженості між самооцінкою та реальним життєвим досвідом людини, що проявляється в слабкій адаптивності до оточуючого світу, в тривожності і напрузі. Відтворення здатності регулювати своєю поведінкою є наслідком зміни Я-концепції в процесі індирективної психотерапії.

Проблема регуляції та саморегуляції у вітчизняній психології вперше була поставлена Л.С.Виготським. Специфічно людський спосіб регуляції Л.С.Виготський пов'язував зі створенням та використанням знакових психологічних знарядь, які визначив як "оволодіння процесами власної поведінки". В його концепції формування вищих психічних функцій визначається як функція відносно індивідуальної поведінки: певний нейтральний стимул тільки тоді стає знаком, коли людина сама визначає його роль і функцію для себе, тобто надає йому функціонального значення й встановлює її ставлення до вихідних мотивів поведінки.

У подальшому проблема мотиваційно-смислової саморегуляції розглядалася в роботах О.О.Бодальова, Л.І.Божович, Б.В.Зейгарник, О.В.Шорохової, В.Є.Чудновського та інших, де прослідковуються аспекти виявлення внутрішніх механізмів регуляції та діяльності. Однак дослідження аспектів мотиваційно-смислової регуляції, за винятком робіт Л.С.Виготського, О.М.Леонтьєва, Д.О.Леонтьєва, О.В.Мазур, Б.О.Сосновського та інших, потребує подальшої конкретизації у зв'язку з об'єктивними умовами вдосконалення психологічної теорії та практики, які зосереджують свою увагу на підвищенні психологічної культури людини.

У сучасній психології поширеним є розуміння саморегуляції як багаторівневого утворення, зокрема як ієрархічної системи диспозиційної саморегуляції В.О.Ядова і установочної системи саморегуляції О.Г.Асмолова. Л.Г.Дикая розрізняє рівні розвитку саморегуляції за набутим людиною досвідом самоуправління і за рівнем усвідомлення нею свого стану і процесу діяльності. Незалежно від підрозділів сфер саморегуляції (поточна, оперативна, довготривала), які тісно між собою пов'язані, виділяється загальна структура саморегуляції, представлена О.О.Конопкіним. При цьому, якщо О.О.Конопкін звертає увагу на те, що справжній суб'єкт діяльності проявляється в своїй основній функції – функції свідомого цілеспрямованого регулювання здійснюваної діяльності, то Н.М.Пейсахов вважає по-

казником вищого рівня саморегуляції постановку цілей самим суб'єктом та передбачення ним окремих результатів своєї діяльності.

Функціональна структура психічної саморегуляції, відображенна у теоретичній моделі О.О. Конопкіна і Н.М. Пейсахова, детермінує процес, спрямований на реалізацію суб'єкт-об'єктних утворень, і полягає у забезпеченні відповідних ситуативним умовам установок діяльності суб'єкта, контролю за поточними результатами виконуваних дій тощо, в той час, як процес особистісного регулювання спрямований на забезпечення в індивіді певних особистісних якостей, які проявляються на досить тривалих відрізках життя та сприяють успіху в різноманітних видах суб'єктних і об'єктних змінень.

З цього приводу Л.І. Анциферова говорить, що на вищих рівнях розвитку особистість стає суб'єктом власної мотивації [4] – її мотиви ієрархізуються, інтегруються, підпорядковуються впливові особистості, яка ніби переростає саму себе і починає ставитися до себе як до суб'єкта своїх вчинків. К.О. Абульханова-Славська говорить про три рівні розвитку саморегуляції, що являє собою співвідношення зовнішнього (вимоги до виконання діяльності) та внутрішнього (властивостей особистості): 1-й рівень – особистість узгоджує свої можливості з нормами діяльності; 2-й рівень – особистість удосконалює якість діяльності шляхом оптимізації своїх можливостей; 3-й рівень – особистість як суб'єкт діяльності виробляє оптимальну стратегію і тактику, що дає можливість проявити творчий характер своєї активності [5]. Ці три рівні ґрунтуються на позиції особистості відносно оточуючого світу. Тому якщо розвиток особистості – це процес удосконалення її системи саморегуляції через змінення, удосконалення структурних компонентів і функціональних відношень, то в цілому саморегуляція передбачає просування людини від «Я» реального до «Я» майбутнього, бажаного.

Вираженням саморегуляції особистості в поведінці є стиль діяльності та досягнення індивідом намічених цілей із найменшими енергетичними фізичними та психічними витратами. Стиль життя – це поведінкова система, яка характеризується певною постійністю. Ставчи звичною, система самоуправління, що виражається у стилі діяльності, набуває певну свободу від сфери свідомого контролю і ніби «виключається» зі сфери свідомості. Для сфери саморегуляції характерні цілеспрямовані вольові акти, пов'язані зі сфорою свідомості, мотиваційною сферою особистості, сферою її ідеалів. Цей рівень саморегуляції стає можливим при розвинутості ієрархії мотивів особистості, вираженості мотивації найвищого рівня, пов'язаного зі станом загальної спрямованості інтересів та ціннісних орієнтацій, а також найбільш узагальнених соціальних установок. На цьому рівні вольове зусилля відіграє особливу роль як основний механізм саморегуляції. Розуміння змісту вольового акту, його співвідношення зі смисловими, ціннісними та просторово-часовими цілями особистості не можливе без розгляду питання зв'язку мотиву і смислу. В одній зі своїх класичних робіт О.М. Леонтьєв пише: «...усвідомлюються чи не усвідомлюються суб'єктом мотиви, чи сигналізують вони про себе в формі переживання інтересу, бажання або пристрасті, іхня функція з боку свідомості полягає в тому, що вони ніби «оцінюють» життєве значення для суб'єкта об'єктивних обставин і його дій в цих обставинах, надають їм особистісного смислу» [6, 7]. Таким чином, стає зрозумілим, чому ми використовуємо термін *мотиваційно-смислову саморегуляцію*, який є адекватним багатомірній активності людини, її різноманітним умовам життєдіяльності. Масштаб мотиваційно-смислової регуляції, що задається життєвим шляхом особистості, є найоптимальнішим для опису природи людської поведінки.

Основні уявлення про мотиваційно-смислову регуляцію можна розглядати як смисл, пам'ятаючи, що «питання про смисл є завжди питанням про мотив». Саме смисл бере участь в утворенні специфічно людських спонукань (мотивів) поведінки, що стають засобами її регуляції. Так, А.А. Файзулаєв, описуючи вищий рівень мотиваційної саморегуляції, говорить, що, усвідомивши спонукання, людина або сприймає його, або відмовляється

від нього, тобто не підпорядковується йому, а сприймає його як свій мотив. Зрозуміло, що такий мотив завжди наповнений певним смыслем для особистості. Цієї точки зору дотримувалися В.А.Іванников, В.І.Ковалев, В.М.М'ясищев, К.Обуховський та ін.

Аналіз основних теоретичних та експериментальних досліджень мотиваційно-смислової саморегуляції показує, що смысл, з одного боку, розглядається як складова структури особистості, а з другого, – як фактор регуляції діяльності.

Структурна характеристика смыслу розкривається у поняттях «особистісний смысл» О.М.Леонтьєва; «відношення» В.М.М'ясищева; «вищі утворення» структури особистості Б.Г.Ананьева; «фіксовані установки» Д.М.Узнадзе; «внутрішні позиції особистості» Л.І.Божович; «уявлення про іншу людину» О.О.Бодальова; «диспозиційний блок» В.О.Ядова; «стійкість особистості» В.Є.Чудновського.

Регуляторний зміст смыслу вивчається через трактування питання самовизначення людини як специфічного способу її існування у двох формах смыслу в концепції С.Л.Рубінштейна; смыслу, що надає спрямованість життедіяльності у вигляді афективно насичених значущих переживань у концепції Ф.В.Бассіна; принципу значущості, що дозволяє регулювати діяльність як з боку зовнішніх, так і з боку власних впливів особистості на себе, представленого у розробках І.Ф.Добриніна; ролі значущості у визначені ситуативної стратегії поведінки в концепції формування мотиваційних тенденцій В.Г.Асеєва; перспективи життедіяльності людини та розуміння її призначення, описаних у дослідженнях Т.О.Кузьміної; провідної ролі процесу смыслоутворення у подоланні особистістю критичних життєвих ситуацій у концепції В.Є.Василюка.

Зіставляючи організацію систем регуляції на особистісному та діяльнісному рівнях активності, можна зробити такі висновки. На особистісний рівень перенесена функціональна архітектоніка структури, що забезпечує відповідний рівень регулювання. Зміст компонентів особистісної моделі відповідає специфіці відношень індивіда з людьми, яка будується на діяльнісному розумінні особистісних проявів, оскільки саме в діяльності складаються основні суб'єкт-суб'єктні відношення.

У цьому контексті слід зауважити, що аналіз експериментального вивчення мотиваційно-смислової регуляції не займає позиції її самостійного дослідження. Огляд основних експериментальних напрямків дослідження смыслів показує, що смысли вивчалися у зв'язку з афективними процесами та мотивацією як утворюючими свідомості; була виявлена їх регулююча функція в поведінці і пізнавальних процесах [8]. Дослідження смыслу проводилося і як вивчення форми існування особистісного смыслу в свідомості у вигляді смыслових конструктів, особистісних значень, смылоутворюючих мотивів, окремих видів стійких мотивів, таких, як ризик-мотив тощо [9; 10].

Ідею смислової регуляції знаходимо й в інших роботах. К.Обуховський виділяє як основну потребу смыслу життя у людини. Він вважає, що функція концепції смыслу життя полягає в тому, щоб людина могла мобілізувати свої можливості максимальною мірою. У роботі А.Повела та Дж.Ройса описуються основні шляхи, якими люди прагнуть зробити своє життя осмисленим; вони виділяють три основні шляхи, мотивовані різноманітними ціннісними орієнтаціями - творчою, орієнтацією на актуалізацію власного Я, соціальною орієнтацією на іншого. Такі моменти можна зустріти і в концепції логотерапії В.Франкла, де ретельно викладені основні положення про значення смыслу в детермінації діяльності. Вчений вважає, що основною потребою людини є прагнення до пошуку смыслу життя, унікального та специфічного для кожної людини. До того ж задоволення потреби смыслу життя дуже важливе для підтримання психічного здоров'я, а при неможливості реалізації смыслу життя виникає стан екзистенціальної фрустрації.

Головною перевагою перерахованих досліджень є їхня орієнтація на вирішення реальних практичних життєвих проблем – подолання стресу, несприятливих ситуацій, травмуючих подій тощо.

Висновки

Проведений аналіз зазначеної проблеми підтверджив положення, що мотиваційно-смислова регуляція є однією з найбільш актуальних під час психологічного дослідження суб'єкта діяльності, а її структурно-функціональні характеристики – це необхідний засіб змістового втілення ідей самовизначення при вирішенні теоретичних та практичних завдань, пов'язаних із вивченням людини як суб'єкта професійної діяльності.

РЕЗЮМЕ

В статье анализируется организация систем психической регуляции на личностном и деятельностином уровнях активности. Рассматриваются особенности мотивационно-смысловой регуляции, её структурно-функциональные характеристики.

SUMMARY

This article represents the organizational system of psychological regulation on the personal and actional levels of activity. The author shows sense-motivational regulation and its structural-functional characteristics.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Бодалёв А.А. Восприятие человека человеком. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. – 123 с.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. – 336 с.
3. Зейгарник Б.В. Теории личности в зарубежной психологии. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 128 с.
4. Анцыферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системе// Психология формирования и развития личности. – М.: Наука, 1975. – 280 с.
5. Абульханова – Славская К.А. О субъекте психической деятельности. – М.: Наука. 1973. – 287 с.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
7. Лактионов А.М. Координаты индивидуального опыта. – Харьков: Бизнес Информ, 1998. – 492 с.
8. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М: Мысль, 1988. – 304 с.
9. Леонтьев Д.А. Структурная организация смысловой сферы личности. – Дис...канд.психол.наук. – М., 1998. – 249с.
10. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. – М.: ТОО „Горбунок”, 1992. – 224 с.

Надійшла до редакції 20.09.2007 р.

УДК 159.9 016.3

ПСИХОЛОГІЧНІ МЕХАНІЗМИ ІНТУЇТИВНО-ПОЧУТТЕВОГО ВІДОБРАЖЕННЯ

В.Д.Потапова

У суті науковому плані слід виходити з того, що психічне відображення є фундаментальним психологічним поняттям і одним із найважливіших завдань психологічної науки є дослідження особливостей та функцій різних рівнів відображення, їх переходів від простих форм до більш складних і ефективних. У даному дослідженні особливості інтуїтивно-почуттєвого відображення розглядаються передусім у загальнопсихологічному плані.

Слід зважити також на відсутність (наскільки нам відомо) праць, присвячених специфіці й ролі інтуїтивно-почуттєвого відображення у професійній діяльності психологів. Тим часом, розвиток у останніх цієї форми відображення, гадаємо, дозволить запобігти технологічному прагматизму який, всупереч гуманістичним принципам, спостерігається зараз у психологічній практиці. Без інтуїтивно-почуттєвого відображення не може розвинутися здатність сприймати і відтворювати лінгвістичну і позалінгвістичну інформацію і завдяки цьому досягати більш глибокого проникнення у психологічний матеріал. Нехтуючи розвитком інтуїції і почуттів, освіта позбавляє особистість суттєвих можливостей адаптації (природної, соціальної, професійної) до інноваційних умов; можливостей створення системи власних засобів організації освіти, самоосвіти і саморозвитку протягом усього життя. Крім того, інтуїтивно-почуттєве відображення лежить в основі будь-якої творчої діяльності, тому що забезпечує такі психічні стани людини, як інсайт і натхнення.

Розвиток інтуїтивно-почуттєвого відображення сприяє надбанню здатностей, необхідних для успішної роботи фахівця в системах «людина-людина», «людина-група».

Завдання дослідження полягало:

- в обґрунтуванні необхідності виокремлення із загального процесу психічного відображення специфічної його форми, а саме, інтуїтивно-почуттєвої;
- створенні теоретичної моделі функціональної системи психологічних механізмів, яка забезпечує інтуїтивно-почуттєве відображення (ФС ІПВ);
- експериментальній перевірці дієздатності названої функціональної системи визначені умов її становлення як персонального «інструменту» професійної діяльності психологів, як психічного новоутворення.

Об'єкт дослідження: процес психічного відображення.

Предмет дослідження: особливості інтуїтивно-почуттєвого відображення; функціональна система інтуїтивно-почуттєвого відображення (ФС ІПВ).

Методологічні позиції даного дослідження представлені принципами:

- дієздатності функціональної системи психологічних механізмів інтуїтивно-почуттєвого відображення;
- системності (цілісного розгляду психічних утворень);
- одночасного та узгодженого становлення таких сфер особистості: аксіологічної, когнітивної, емотивної, креативної;
- взаємодії інтерсуబ'єктного та моносуб'єктного підходів до розвитку особистості;
- адекватного сполучення раціонального та емоційного компонентів діяльності з метою побудови системи особистісних цінностей, як психічних новоутворень різного роду узагальненості;
- принципу процесуальності у становленні ФС ІПВ як психічного новоутворення

Надійність і вірогідність результатів дослідження забезпечується: методологічною і теоретичною обґрунтованістю вихідних положень; застосуванням методик, включно з авторськими, адекватних меті дослідження; лонгітюдним експериментом; комплексом методів математико-статистичної обробки експериментальних даних і якісної їх інтерпретації.

Наукова новизна дослідження полягає в тому, що *вперше*:

- на теоретико-методологічному і методичному рівнях досліджено особливості інтуїтивно-почуттєвого відображення, яке шляхом системного аналізу виокремлено із загального процесу психічного відображення;
- на теоретичному і експериментальному рівнях виявлено і охарактеризовано функціональну систему психологічних механізмів, що забезпечує інтуїтивно-почуттєве відображення; виділено її складові.

Узагальнене розуміння проблеми психічного відображення як фундаментального психологічного поняття містить у собі ідею розвитку, а також ідею існування різних форм і рівнів відображення. До вказаних форм, зокрема, належать: *відображення-реакція* (на подразники); *відображення-слід* (як основа пам'яті); *відображення-зміна* (пристосування до середовища); *відображення-вплив* (зміна навколошнього, зумовлена попередніми етапами відображення). Психічне відображення характеризується такими особливостями: *активність*, *суб'єктність*, *випередження*. Активність як функціональна динамічна компонента забезпечує інтеграцію індивідуальних здатностей; суб'єктність виявляє особистісні смисли поведінки і діяльності; випередження сприяє прогнозуванню шляхів удосконалення власної діяльності.

Психічне відображення нами розглядається як процес, спрямований на сприйняття, переробку і відтворення інформації з навколошнього середовища; процес пластичний, такий, що постійно розвивається, породжуючи певні результати і явища (психічні стани, образи, відчуття, поняття, емоції тощо). Безперервність розвитку психічного відображення здійснюється через взаємозв'язок усвідомленого та неусвідомленого і виявляється у єдності пізнавальних і афективних компонентів будь-якого психічного акту.

Аналіз вітчизняної і зарубіжної наукової літератури привів до висновку, що в процесі психічного відображення як загально психологічного феномену доцільно виокремити специфічну його форму, а саме, інтуїтивно-почуттєву.

У даному дослідженні **вперше** інтуїція і почуття розглядаються як паритетні складові інтуїтивно-почуттєвого відображення. Відомо, що, розв'язуючи проблему, людина часто отримує несподіваний результат, засоби знайдення якого не може пояснити за допомогою усвідомлених, логічних операцій, а може лише зафіксувати у себе наявність емоційного передчуття наближення до успіху. Зворотний зв'язок, який свідчить про досягнення бажаного результату, замикається через емоційні переживання, тобто спочатку виявляється фаза несвідомого почуттєвого, яке забезпечується правою півкулею, а на другій фазі, завдяки лівій півкулі, яка відповідає за логіку, здійснюється перехід у свідоме. При інтуїтивно-почуттєвому відображення здійснюється стрибок від несвідомо застосованих засобів і прийомів отримання результатів до свідомого їх використання у подальшому; виявляються характеристики різних способів сприймання, переробки і відтворення інформації.

Наявність структурованих логічних знань, умінь, навичок у суб'єкта не завжди забезпечує успіх при здійсненні певних дій, пристосуванні до нових умов. Логічне мислення не дає повної підтримки людині у складних або нестандартних ситуаціях, а інтуїція, емоції, заповнюючи проміжок у мисленнєвому процесі, поєднують компоненти роздумів (іноді дуже віддалених), викликають образ дії, спрямованої на розв'язання ситуації і у тому разі, коли, здається, всі альтернативи рішення уже вичерпані. Чисте пізнання, що здійснюється у суто логічній структурованій формі, позбавляє особистість її індивідуальності. Водночас, інтуїтивно-почуттєвий досвід (менш структурований, але більш різноманітний) надає можливості успішно розв'язати проблему нестереотипними засобами, через включення афективно-оцінних відношень. Людина в своєму житті виступає завжди і як автор рішень, котрі приймає, і як їх оцінювач, що спочатку відбувається на рівні інтуїтивно-почуттєвого відображення. З різноманітного потоку інформації виокремлюється те, що ми приймаємо чи не приймаємо інтуїтивно та емоційно. У подальшому інтуїтивно-почуттєве відображення може перетворюватися на інші форми психічного відображувального процесу, опосередкованого абстрактними концептуальними структурами, диспозиціями, стратегіями і створювати різноманітну мережу відображень.

Інтуїтивно обрана стратегія поведінки, діяльності через ті чи інші емоційні стани сприяє виникненню психологічного комфорту або дискомфорту, який, у свою чергу, свідчить про психологічну безпеку або небезпеку людини і викликає відповідні дії.

вчинки. Неузгодженість між тим, що необхідно мати і тим, що є в даний момент, створює локальне емоційне напруження, яке стимулює відображенувальну діяльність особистості. Коли розум не встигає зібрати й логічно переробити інформацію, інтуїція і почуття не тільки орієнтують людину у нових (або тих, що змінюються) обставинах, а і часто сприяють знаходженню несподіваних і оригінальних рішень у невизначених ситуаціях.

Усі стадії відображенувального генезу, за О.М.Леонтьєвим [1], супроводжуються почуттєвими ставленнями: від емоційного тону відчуттів до виникнення «предметних почуттів». Емоційні стани людини сприяють пошуку нової інформації завдяки підвищенню чутливості, що викликає реагування на поширеній діапазон подразників, забезпечує виникнення натхнення, інсайту, коли випадкові або маловірогідні асоціації, що у спокійному стані не використовувалися, спрацьовують системно, у свою чергу, породжуючи нову систему знань, дій і відносин.

У даному дослідженні розрізнюються первинна і вторинна інтуїція. Первинна інтуїція зумовлена загальною інформацією особистості із життєвого досвіду, який не завжди буває упорядкованим і усвідомленим. Вона має таку формулу: **E – I**, тобто, емоція – інтуїція. Емоція виконує функції “пеленгу”, “поштовху” до дій, інтуїція – підказує шляхи розв’язання ситуації. Вторинна інтуїція, базується на певному обсязі спеціальних знань (у тому числі професійних), які забезпечують свідоме і творче їх використання. Вона має дещо іншу формулу: **E – I – P**. Тут добавляється ще одна складова – “**почуття**”, як система відносин щодо обраного шляху розв’язання ситуації.

Інтуїтивно-почуттєве відображення спрямовано на здійснення первісного орієнтування в нових умовах і подальшої адаптації до них, завдяки цілісному охоплюванню умов ситуації. Основу інтуїтивно-почуттєвого відображення становить несподіване сполучення інформаційних потоків внутрішнього світу людини і зовнішнього середовища, що надає можливості створювати такі образи і уявлення, які не здобуваються іншими засобами. Таке відображення базується на певних орієнтирах пошуку, які безпосередньо і логічно не пов’язані між собою або недостатньо пов’язані для логічних висновків щодо природи явищ, встановлення причини і наслідку, достовірної оцінки інформації, що отримується. Для інтуїтивно почуттєвого відображення характерна **миттєвість** сприйняття ситуації і знаходження шляхів виходу з неї, іноді без достатнього логічного обґрунтування прийнятої рішення. Водночас, ця форма відображення здійснює «редагування» попереднього досвіду, аби позбавитися помилок і стереотипів, а також дій і вчинків, неадекватних ситуації. Вважаємо, що саме завдяки інтуїтивно-почуттєвій формі відображення здійснюється виявлення в об’єктивно даному можливого, але ще невідомого.

При інтуїтивно-почуттєвому відображення неусвідомлені дії можуть виявлятися на проміжних етапах досягнення мети, прямо не пов’язаних з нею. Неусвідомлені механізми психіки спрацьовують у випадках інтра і інтерперсональних конфліктів, наявності комплексів, отримання неповної або некоректної інформації. Введення додаткової інформації, корекція змісту, умов, правил чи вимог сприяє включенням свідомих механізмів відображення.

Позиція автора даного дослідження полягає в тому, що інтуїтивно-почуттєве відображення відбувається, зокрема і тоді, коли свідомо і несвідомо скомбіновані враження, образи сприймання, дії, реакції, впливи за допомогою уявлень людини переходят від звичайного (і звичного) до незвичайного (оригінального) роду асоціацій. Механізми інтуїтивно-почуттєвого відображення виконують функції симултанного об’єднання декількох інформативних ознак різних модальностей у комплексні орієнтири, які спрямовують людину на пошук засобів розв’язання проблеми нестандартними шляхами. Відображення, яке розглядається, динамічне і має велике число ступенів свободи у використанні вихідних даних.

Таким чином, головна ідея дослідження полягає у тому, що в системі загального психічного відображення існує **інтуїтивно-почуттєва його форма**, яка регулюється **свідомими і несвідомими** механізмами психіки (обумовленими взаємодією лівої та правої півкуль) і забезпечує **сигнальні, пізнавальні, спонукальні, регулятивні функції**.

На наш погляд, вище позначене забезпечується наступними психологічними механізмами – **емпатія, децентралізація, рефлексія, антиципaciя, фасилітацiя**, які утворюють нерозривне коло.

Аналіз наукових праць показав, що: терміни: «**емпатія**», «**децентралізація**», «**рефлексія**», «**антиципaciя**», «**фасилітацiя**» визначаються дослідниками по рiзномu.

Зосереджуючись на характеристиках, що претендують на віддзеркалення специфічних ознак емпатії, вкажемо такі: «**емоційна ідентифікацiя**»; «**мотивацiйна основа альт-рустичної поведiнки**»; «**спiвпереживання, чутливe ставлення до людей**»; «**пiдсвiдоме вiдображення суб'ектом психiчного стану об'екта емпатiї**»; «**соцiальний iнсайт**». **Емпатiя** трактується як: **психiчний стан; афективний процес; регулятор психiчної дiяльностi; властивiсть особистостi; функцiональний механiзм тощо**.

У даному дослiдженнi **емпатiя** розглядається як **психологiчний механiзм**, функцiєю якого є проникнення у внутрiшнiй свiт почуттiв iншого, спiвчуття, «вчуття», спiвпereживання.

Основнi характеристики **«ецентрацiї»** у науковiй лiтературi такi: «**когнiтивний аспект емпатiї**»; «**процес подолання егоцентризму**»; «**процес перетворення смислу образiв, понять i уявлень суб'ектa для прийняття точки зору iншого**»; «**здатнiсть до абстрагування вiд когнiтивних iнтерпретацiй iншого**»; «**здатнiсть до розгляду спiввiдношення «ядра» ситуацiї з iї елементами**»; «**механiзм утримування в свiдомостi суперечливих iдей i одночасного дiяння**».

З позицiй даного дослiдження **децентралiзацiя** визначається як **психологiчний механiзм**, що виконує функцiї «**вiдособлення**» (але не вiдчуження!) фахiвця вiд клiєнта або групи людей, забезпечуючи йому прийняття останнiх без власної упередженостi, «**проекцiї**», «**iдентифiкацiї**» тощо.

Термiн **рефлексiя** (лат. *reflexio* – вiдображення) у науковiх дослiдженнях характеризується як «**фiлогенетичний ступiнь переходу iнстинкту до думки**», «**пояснювальний принцип органiзацiї i розвитку психiчних процесiв**», «**детермiнанта творчого процесу**», «**способ самоздiйснення «Я»**», «**механiзм самосвiдомостi**», «**необхiдна складова соцiально-психologiчної компетенцiї**», «**смисловий центр усiєї людської реальностi**», «**механiзм органiзацiї розвитку творчого мислення i саморозвитку особистостi**», «**найважливiший механiзм самопiзнання i саморегуляцiї**», «**психологiчний механiзм**» тощо.

Рефлексiя у статтi розглядається як **психологiчний механiзм**, що вiдображує думки i переживання людини щодо власної особи, особистостi iнших, предмету, процесу i результата дiяльностi.

У науковiй лiтературi iснують два трактування поняття **антиципaciї**: **психофiзiологiчне**, де антиципaciя визначається як феномен вiпередjального вiдображення, пов'язаний з очiкуванням органiзмом певної ситуацiї згiдно образа результата, пiдготовцi органiзму до конкретного реагування та **психологiчне**, яке пояснюється здатнiстю людини до вiпередjального вiдображення i виявляється у передбаченнi, прогнозуваннi шляхiв розв'язання проблемi до того, як вона буде вирiшена.

Ми приєдnuємося до останнього (психologiчного) тлумачення i керуємося таким визначенням: **антиципaciя – психологiчний механiзм**, що лежить в основi передбачення, прогнозування психологами особливостей розвитку (деградацiї) iндивiда; майбутнiх подiй; результатiв i наслiдкiв впливiв на людей.

Феномен **фасилiтацiї**, вiрше экспериментально виявлений Н. Трiпiлетом, у подальшому розглядався як «**впливи, дiяння, спрямованi на переборення негативних** пере-

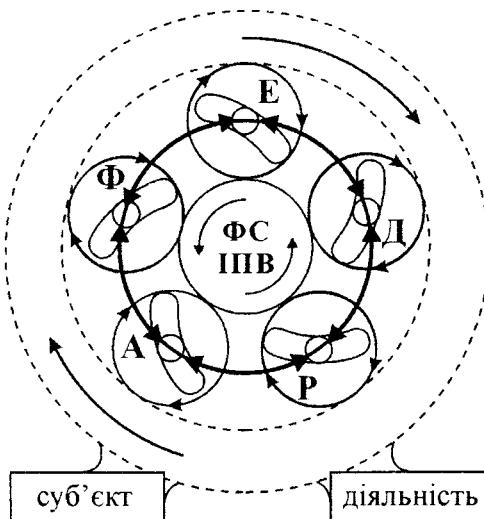
живань», «впливи, що сприяють орієнтації особистості на самостійний вибір», «процес взаємного проникнення двох психічних реальностей», «процес, що здійснює регуляцію (саморегуляцію) активності взаємодіючих між собою рівно впорядкованих систем певного психологічного змісту», «діалогічне діяння», «механізм сприяння» тощо.

Фасилітація, з нашої точки зору – це **психологічний механізм**, що забезпечує впливи на інших людей і самого себе (самофасилітація), які спрямовані мінімум на пе-реборення негативних переживань, що виникають при неможливості задоволення значущих для особистості потреб, і максимум – на виявлення резервів особистісного зростання, професійне становлення, розвиток здатності до творчої адаптації в інноваційних умовах.

У даному дослідженні «емпатія», «децентралізація», «рефлексія», «антиципація», «фасилітація» визначаються як **психологічні механізми**. Розгляд наукових позицій щодо змістовних характеристик зазначених понять привів до висновку, що дослідники часто наводять ознаки, які притаманні одночасно різним психологічним феноменам. Так, у визначенні емпатії мають місце ознаки децентралізації, рефлексії, у визначенні рефлексії знаходимо ознаки емпатії, децентралізації, антиципації і таке інше. Вважаємо, що наявність ознак одного механізму в іншому указує на «переплетення» цих механізмів, їх перебіг і взаємодію. Гадаємо, факт не випадковий – психологічні феномени, про які йде мова, надзвичайно тісно пов’язані між собою, а характер їх функціонування наводить на думку, що це компоненти одного явища, на наш погляд, функціональної системи інтуїтивно-почуттєвого відображення

У даному дослідженні функціональна система інтуїтивно-почуттєвого відображення визначається як взаємодіюча і взаємообумовлена сукупність психологічних механізмів, **пов’язаних єдиною функцією**. Сутність складових ФС ПВ може бути описана у такий спосіб: співчуваю через проникнення у внутрішній світ іншого (емпатія); відособлююсь для прийняття особистості іншого, його точки зору, індивідуально-психологічних особливостей (децентралізація); розмірковую щодо власної особистості; особистості іншого; особливостей взаємодії (рефлексія); прогнозую характер взаємодії, реакції партнерів, передбачаю наслідки впливів (антиципація); сприяю актуалізації резервів особистісного росту, підвищенню енергії життедіяльності інших, допомагаю (фасилітація). Вважаємо, що професійна діяльність фахівця-психолога, за умови гармонійної взаємодії цих механізмів матиме найбільш **довершений** характер. Використання лише окремих психологічних механізмів не дає можливості скоректувати взаємодії, побудувати цілісну програму професійної діяльності, забезпечити конгруентність емоційного досвіду і свідомості.

Функціональна система ПВ визначається необхідною передумовою професійного становлення психолога; персональним його «інструментом», який забезпечує успішність у різних видах психологічної діяльності, а також у інших соціономічних професіях. Таке розуміння обумовлено системним підходом, за яким, з одного боку, розвиток психічного утворення здійснюється у конкретній діяльності, а з іншого – забезпечує її ефективність. Концепт дослідження базується на принципах системного підходу Б.Ф.Ломова [2]; теорії функціональних систем П.К.Анохіна [3]; сутності «динамічної системи» С.Д.Максименка [4], що виявляє особливості розвитку психічних утворень, їх кількісні і якісні характеристики (Рис 1.1.).

Умовні позначення:

ФС ІПВ – функціональна система інтуїтивно-почуттєвого відображення
Е – емпатії
Д – децентррація
Р – рефлексія
А – антиципація
Ф – фасилітація

Рис. 1.1 Модель ФС ІПВ

Функціональна система ІПВ розглядається як сукупність взаємодіючих узгоджених процесуальних компонентів (механізмів) психіки, які, підсилюючи і збагачуючи одне одного, набувають більшої стійкості і визначеності, перетворюються у завершенну побудову (психічне новоутворення), що характеризується новими змістовними ознаками: **цілісністю** існування; **кумулятивністю** розвитку; **константністю** виявлення. Зазначене психічне новоутворення сприяє відображенням інтегративної моделі світу і як її частки моделі професійної діяльності.

Висновки

1. У загальному процесі психічного відображення існує специфічна його форма – інтуїтивно-почуттєве відображення.
2. Інтуїтивно-почуттєве відображення забезпечується функціональною системою взаємообумовлених і взаємопливових психологічних механізмів (емпатія, децентррація, рефлексія, антиципація, фасилітація), які створюють нерозривне коло.
3. Механізми ФС ІПВ виконують функції симультанного об'єднання декількох інформативних ознак різних модальностей у комплексні орієнтири, сприяючи цілісному охоплюванню ситуацій, спрямовують особистість на пошуки засобів їх розв'язання нестандартними шляхами, надають можливості вийти за межі усталених стереотипів поведінки і діяльності, підвищують рівень адаптації до інноваційних умов.
4. Дієздатність і ефективність, створеної автором дослідження авто моделі ФС ІПВ залежить від узгодженої активності всіх її складових;
5. Становлення ФС ІПВ відповідає принципу процесуальності психічного розвитку суб'єкта, тому що забезпечує розвиток змістового суб'єктивного в умовах об'єктивної діяльності шляхом переходу від операціональних компонентів психічного відображення до побудови психічного особистісно-професійного новоутворення.

Таким чином, у даному дослідженні був зафікований прояв двох протилежних і взаємопов'язаних тенденцій психічного розвитку, а саме, диференціацію і інтеграцію; зміну детермінант процесу психічного розвитку особистості.

РЕЗЮМЕ

В статье представлены особенности интуитивно-чувственного отражения как специфической формы всеобщего процесса отражения; предложена модель функциональ-

ной системы психологических механизмов, которая обеспечивает интуитивно-чувственное отражение.

SUMMARY

This article represents peculiarity sence-ituition reflection as a special form of general process of reflection-proposed functional system of psychological mechanism, which provides sence-ituition reflection.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Леонтьев А.А. Проблемы развития психики. // Леонтьев А.А. – М., 1972. – 371 с.
2. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. // Ломов Б.Ф. – М., 1984. – 350 с.
3. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы: Изб. Труды //Анохин П.К. – М., Наука, 1978.
4. Максименко С.Д. Методологічні проблеми загальної психології. / Максименко С.Д. //Практична психологія та соціальна робота. – 1999. – № 3.
5. Потапова В.Д. Функціональна система психологічних механізмів інтуїтивно-почуттєвого відображення. Монографія. – Д., “Юго-Восток”, 2005. – 334 с.

Надійшла до редакції 26.09.2007 р.

РЕЦЕНЗІЇ

РЕЦЕНЗІЯ

НА МОНОГРАФІЮ АРХАНГЕЛЬСЬКОЇ А. ‘ЧОЛОВІК’ У
СЛОВ’ЯНСЬКИХ МОВАХ. – РІВНЕ: РІС КСУ, 2007. – 448 с.

О.В. Тищенко

Сучасний етап розвитку мовознавчої науки, однією з важливих ознак якого лінгвісти вважають не лише співвіснування різних парадигм, а й їх взаємопроникнення, демонструє підвищений інтерес до тих об'єктів і методів, які знаходяться на перетині лінгвістичних і суміжних сфер. Саме тому усе частіше у полі зору мовознавців перебувають складні лінгвістичні феномени, які потребують застосування комплексних розробок, врахування концептуального і фактологічного доробку, належного різним міжпарадигмальним сферам у єдності онтологічного, епістемологічного і власне лінгвального кодів.

Рецензовану монографію Архангельської А.М. можна з повним правом віднести до такого типу мовознавчих робіт. У центрі монографічного дослідження перебувають маскулінні номінанти, їхня формально-семантична організація, основні структурно-семантичні і дериваційні моделі їхнього творення, з'ясування типів міжмовних відповідників в українській, російській та чеській мовно-концептуальній моделях світу.

Поставлені мета і власне об'єкт дослідження зумовили необхідність врахування концептуального доробку не тільки теорії номінації і гендерної лінгвістики, а й прагматичної лінгвістики, ономастики, культурології, етнолінгвістики, напрацювань у галузі порівняльно-історичного мовознавства.

Звернення до мовного образу чоловіка авторка цілком слушно мотивує «дискримінованим статусом» маскуліністських досліджень порівняно із феміністськими та спробою підтвердити чи спростувати деспотизм маскулінності щодо жіночого образу в маскулінно зорієтованій парадигмі.

Незважаючи на те, що вивчення проблем номінації з погляду мовлення та текстово-дискурсивних характеристик мають більш ніж півстолітню історію, - вони беруть початок ще з часів «батька» функціональної ономасіології В.Матезіуса, - і досі не згасає інтерес до виявлення способів номінації певних лексико-тематичних і фразео-семантичних груп на когнітивно-ономасіологічному й етнолінгвістичному підґрунті в різних мовно-концептуальних картинах світу (О.Л.Березович, М.Е.Рут, С.М.Толстая, І.О.Голубовська, О.О.Селіванова та ін.).

Поєднання ономасіологічного й зіставного підходу із прагмасемантичним (разом із антропоцентричною настановою аналізу систем номенів на позначення особи чоловічої статі у трьох слов'янських мовах), безперечно, є суттєвим кроком на шляху пошуку механізмів вербалізації образу чоловіка у єдиності генетичного і типологічного й моделювання у перспективі ономасіологічних парадигм маскулінізмів. Останні реалізуються за допомогою розробленої авторкою аплікативної та восьмикомпонентної мотиваційної моделей, що постають як багатовимірні структури – універсальні матриці, до складу яких входять промотиваційні сфери і субмоделі, що включають ономасіологічні парадигми ідентифікаційного, класифікаційного, кваліфікаційного, характеризаційного й оцінного типів.

Структура монографії чітка і добре продумана. У першому розділі «Маскулінність як гносеологічна, соціокультурна та мовна категорія» авторка зупиняється на он-

тологічних і епістемологічних засадах організації категорії маскулінності в контексті статевого символізму культури та теорії гендерних ролей (у єдності соціокультурного, соматичного, філогенетичного, психологічного кодів). Далі увагу зосереджено на релігійній, антропоморфній зумовленості маскулінних номенів, зокрема й символіці чоловічого та жіночого начал та пов'язаних з ними первісних прелогічних, космогонічних, міфологічних і релігійних уявлень й системи бінарних семантичних опозицій в архетиповій моделі світу (за В.В.Івановим, В.М.Топоровим, Т.В.Цив'ян). Останні авторка розглядає крізь призму семантичних опозицій *свої-чужі* – в культурі, традиційному народному фольклорі, тотемічному культі, демонології. Показовими з цього приводу є символіко-метафоричні антропоморфні образи рослин, демонів, елементи космологічного індоєвропейського пантеону, виражені в опозиції *верху* (божественного, сакрального) і *низу* (демонічного), тотемні персонажі, пов'язані із культом Роду тощо. При цьому авторка звертається до етнографічних і культурно-філософських праць чеських і російських дослідників Ф.Оберфальцера (Ллека), К.Неуманна, Л.Нідерле, Б.Рибакова, Н.Толстого, Е.Тейлора, М.Маковського, А.Лосєва та ін.

Усе це дозволяє виявити своєрідний набір епістемно-методологічних зasad номінантів на позначення чоловічої статті (чоловічих родо-особових номенів), набір еталонних і «прототипових» рис, які є суттєвими для розбудови у перспективі «мовно-культурного і ціннісного портрету» чоловіка у сукупності його аскриптивних, прескриптивних, стереотипно-еталонних рис. На цьому підґрунті послідовно розгортаються концептуальні засади монографії, зорієнтовані на виявлення ономасіологічної структури досліджуваних мовних одиниць, їх формально-граматичної, семантико-ідеографічної і лексико-семантичної організації.

Особливо цікавим виявився підрозділ «Маскуліноцентричність мови у системі родо-особових номінантів», в якому авторка вважає за можливе говорити про факти домінування маскулінного над фемінінним як прояв «гендерної асиметрії», а не про деспотизм маскулінності чи мовний сексизм. Обґрунтовано і вмотивовано у монографії широке розуміння маскулінізма як будь якого номена на позначення особи чоловічої статі.

Другий розділ «Процес вербалізації фрагменту позамовної дійсності 'чоловік'» є теоретичним обґрунтуванням моделі мотиваційного аналізу систем розгляданих номенів у триаді (номінат – номінатор – номінант, за В.Г.Гаком) з урахуванням взаємодії об'єктивного та суб'єктивного, мовного та позамовного в актах номінації. Тут суб'єкт-номінатор розглядається на перетині складників та чинників номінаційного акту як поліознакова (інтелектуальна, культурна, соціальна, біологічна) сутність та носій лінгвокреативного мислення залежно від функції адресата, зокрема й прагматичної інтенції найменувань.

Розмежування чинників, що мотивують, та чинників, що стимулюють вибір імені особи чоловічої статі, дає змогу простежити розгортання процесу номінації як переходу від поняттєво-пізнавального до поняттєво-верbalного рівня. Для цього Архангельська А.М. використовує поняття протомотиваційної сфери ідентифікації референта та протомотиваційної моделі як низки форм мотиваторів, які описуються в межах авторської восьмикомпонентної мотиваційної моделі номінації з урахуванням епістемних чинників та прототипових рис, ідентифікованих на культурно-семіотичному тлі.

Третій розділ «Мотиваційний аспект номінаційної макросистеми 'чоловік'», який є логічним продовженням попередніх, присвячений виявленню шляхів семантико-ідеографічної параметризації маскулінізмів (авторка залучає численні праці із фразеологічної ідеографії і почасти лінгвоконцептології, зокрема звертається до ідей „Русского семантического словаря” за ред.Н.Ю.Шведової).

Далі модель мотиваційного аналізу маскулінізмів апробується на матеріалі ономасіологічних парадигм маскулінізмів, де представлено якісний і кількісний склад маскулінізмів у розгляданих мовах (самодостатніми є і статистичні дані, узагальнені в таблицях і схемах), реконструйовано поняттєвий базис концепту 'чоловік' у трьох мовах,

виявлено семантико-когнітивні закономірності його концептуалізації з огляду на різно-типність та різнопривнесеність мовних засобів їх вираження. Чітко визначено принципи та параметри міжмовного зіставлення маскулінних домінантів на позначення денотатів 'чоловік розумний' та 'чоловік нерозумний (дурень)' в межах ономасіологічних парадигм кожної із порівнюваних мов зокрема. Такий хід дослідження зорієнтований на виявлення найбільш активних, ядерних (продуктивних) зон вербалізації цих ознак й фактів міжмовної асиметрії та лакунарності на денотативному і сигніфікативному рівні.

Висновки, зроблені автором, можна вважати цілком вмотивованими і лінгвістично коректними, підкріпленими солідним фактажем, нагромадженим в основному з різних лексикографічних джерел розгляданих мов.

Текст монографії спонукає до висловлення деяких побажань, які можуть сприйматися як перспектива подальших досліджень. Не завадило б проведення психолінгвістичного опитування, особливо щодо т.зв. кваліфікативних номінантів, що дало б змогу глибше проникнути в національну свідомість чеської, російської та української мовної особистості. Виправданим, на нашу думку, було б залучення при висвітленні ідеографічно-семантичної категоризації маскулінізмів елементів концептуального аналізу, позаяк в дослідженні часто-густо йдеться про лінгвокультурологічну методику.

Сподіваємося, що монографія Архангельської А.М. стане помітним явищем у вітчизняній славістиці. Вона є суттєвим внеском у зіставну лексичну семантику, ономасіологічну теорію й розробку проблем, пов'язаних із мовно-концептуальними картинами світу, лінгвокультурологією й ономастикою. Монографія може прислужитися також при висвітленні питань етнолінгвістики та гендерології.

Надійшла до редакції 15.12.2007 р.